БИБЛИОТЕКА ЛАВКРАФТА

Джозеф Шеридан
Ле Фаню

Желание покоя

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ
МЭТРА ГОТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Желание покоя
Джозеф Шеридан Ле Фаню

Аннотация
Джозеф Шеридан Ле Фаню. Желание покоя
Последний роман
Желание покоя
Читателю
Глава I. Приезд
Глава II. Наше любопытство возбуждено
Глава III. Вор в ночи
Глава I V. Мой отец
Глава V. Маленькая черная книжечка
Глава VI. Появление незнакомца
Глава VII. Тассо
Глава VIII. Гроза
Глава I X. Пробуждение
Глава X. Вид из окна
Глава XI. Катастрофа
Глава XII. Гость
Глава XIII. Встреча в саду
Глава XIV. Неожиданная встреча
Глава XV. Предупреждение
Глава XVI. Сомнения
Глава XVII. Лемюэль Баунт

Глава XVIII. Личность установлена
Глава XIX. Встреча
Глава XX. В лесу Пла Ильд
Глава XXI. Пациент Пла Ильд
Глава XXII. Изгой
Глава XXIII. Поездка
Глава XXIV. Письма
Глава XXV. Новости от доктора
Глава XXVI. Леди Лорример
Глава XXVII. Что это значит?
Глава XXVIII. Небольшая ссора
Глава XXIX. Мой букет
Глава XXX. Рыцарь черного замка
Глава XXXI. Ссылка в деревню
Глава XXXII. «Святой Георгий и дракон»
Глава XXXIII. Необходимость отъезда
Глава XXXIV. Ответ сэра Гарри
Глава XXXV. На балу у леди Мардайкс
Глава XXXVI. Новости о леди Лорример
Глава XXXVII. Последний взгляд
Глава XXXVIII. Буря
Глава XXXIX. Прощайте, мисс Уэр
Глава XL. Дождливый день
Глава XLI. Переезд
Глава XLII. Слабая надежда
Глава XLIII. Холодная сталь

Глава XLIV. Зловещий визит
Глава XLV. Секрет
Глава XLVI. После работы
Глава XLVII. Сэр Гарри говорит
Глава XLVIII. Старая любовь
Глава XLIX. Одна во всем мире
Глава L. Защитник
Глава LI. Предупреждение
Глава LII. Мой враг
Глава LIII. Еще один шанс
Глава LIV. Опасная почва
Глава LV. Прощание мистера Кармела
Глава LVI. «Любовь остановила времени полет...»
Глава LVII. Неловкое предложение
Глава LVIII. Опасность
Глава LIX. Неожиданный гость
Глава LX. Ключ сэра Гарри
Глава LXI. Открытие тайны
Глава LXII. Уход сэра Гарри
Глава LXIII. В «Трех монахинях»
Глава LXIV. Завещание
Глава LXV. Улыбка змея
Глава LXVI. Лаура Грей
Глава LXVII. Глава объяснений
Глава LXVIII. Последний из Рокстонов

Глава LXIX. Поиски завещания
Глава LXX. Разочарование
Глава LXXI. Женское сердце

Аннотация

Последний, самый смелый и масштабный роман великого мастера готической прозы, обогатившего жанр невиданным прежде психологизмом, глубокой проработкой характеров и трагизмом сюжетов. В центре произведения – живущая на побережье одинокая молодая женщина по имени Этель. Внезапное кораблекрушение приводит в ее дом незнакомца, а вместе с ним – страшные угрозы для мира главной героини. Но сильная и смелая Этель достойно встречает вызовы судьбы, хотя чувства порой и затмевают холодный разум.

Почему зачастую человек столь разительно отличается от благородного создания, каким мог бы стать или был когда-то? Может ли мужчина, который когда-то был идолом, полностью исчезнуть из этого таинственного ковчега – женского сердца? На эти и другие вопросы пытается найти ответ Ле Фаню, писатель, знавший об одиночестве, вероятно, лучше всех своих современников.

Джозеф Шеридан Ле Фаню
Желание покоя

© Абросимова Е. И., вступительная статья, перевод на русский язык, 2024
© Фельдман Е. Д., перевод на русский язык, 2024
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2025
© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2025

Перевод с английского языка и вступительная статья Екатерины Абросимовой

Поэтические фрагменты в переводе Евгения Фельдмана и Екатерины Абросимовой

Последний роман

Перед вами не просто книга Шеридана Ле Фаню, но его последний роман. В нем вы найдете все, за что любите творчество писателя: любовь и предательство, светское общество и одиночество, готическую красоту и ужасы окружающего мира, полную надежд жизнь и трагическую смерть. В этом романе тема смерти особенно интересует Ле Фаню, но это не вызывает удивления, если знаешь, что она всю жизнь была рядом с ним.

В 1841 году Ле Фаню впервые сталкивается со смертью — умерла его горячо любимая сестра Кэтрин. С этого дня он начинает проявлять признаки болезненности и меланхолии в сочетании с религиозной тревогой.

В 1843 году Шеридан Ле Фаню женился. Его супруга, Сюзанна Беннетт, страдала неврозами. Она потеряла многих близких родственников, включая брата и отца, и это каждый раз ухудшало ее психическое состояние. Говорили, что она видела их призраков. Ее реакция на всякую смерть была почти истерической. В то время Ле Фаню писал: «Если она прощалась с кем-то, кто

был ей дорог, ее всегда охватывало мучительное разочарование от того, что она никогда больше их не увидит. Если кто-то, кого она любила, болел, хотя и не опасно, она отчаивалась в его выздоровлении». Умерла она рано и очень трагично — от очередного нервного срыва при невыясненных обстоятельствах. Из дневников Ле Фаню понятно, что он винил себя в ее кончине, страдал депрессией, занимался болезненным самоанализом и тревожился за оставшихся без матери четверых детей, двух мальчиков и двух девочек. В письме своей матери он говорил, что Сюзанна была светом его жизни, и теперь этот свет погас.

Существует предположение, что повторение в его более поздних произведениях образов девушек, оставшихся без матери, эмоционально несформированных и травмированных молодых женщин-рассказчиков, переживающих форму «живой смерти», отражает чувство вины за его отношения с женой и беспокойство по поводу ответственности за воспитание дочерей.

К слову, в данном романе Ле Фаню исследует двойственность отношений между родителями и детьми. Фигуры отца и матери здесь одновременно нежно заботливы и бесчувственно жестоки.

Уже через несколько лет Шеридана Ле Фаню по-

стигло новое несчастье — умерла его мать. После этого он отдалился от людей и почти не выходил из дома, где по ночам писал свои произведения. Боль от смерти родных, страдания, чувство вины и одиночество находят отражение во многих его работах.

Считается, что автор всегда пишет разные вариации одной книги. Таким был и Шеридан Ле Фаню. Даже имена многих героев повторяются из одного произведения в другое.

В своих романах он пытается понять любовь, иногда не просто любовь, но глубокие чувства к тому, кто их не достоин. Он пишет об одной любви на всю жизнь, любви мучительной, сложной, любви с препятствиями, любви потерянной. Как было и у него.

Кроме того, в этом романе автор задается интересным вопросом: становлюсь ли я плохим человеком, если люблю плохого человека? Как в глазах Бога выглядит любовь к плохому человеку? Является ли это грехом?

Ле Фаню нравится говорить об одиночестве, но не тяготящем, а успокоительном и излечивающем, потому что в нем живут те, кого уже нет. Они ушли навсегда, и никто другой не может их заменить. Как было и у него.

Главные герои его романов зачастую живут в уединении, обособленно от других людей, иногда в старых домах, где сама атмосфера напоминает им о потерянных навсегда близких. Их дома расположены за городом, на природе, и во многих произведениях Ле Фаню описывает пейзажи, вдохновленные детством, — деревню, парк и церковь. Высший свет, круговорот событий и лиц претят его персонажам. Они жаждут покоя в мире вокруг и в своей душе. К несчастью, они редко его находят. Как и сам автор.

Однако их уединение все же является неполным, потому что они говорят с Богом. Тема религии одновременно важна и сложна для Шеридана Ле Фаню, так как его отец был капелланом, супруга и брат — очень религиозными людьми, но сам Ле Фаню не посещал церковь по причинам, о которых мы можем только догадываться, и испытывал религиозные сомнения. На него могло повлиять как детство с отцом-священнослужителем, так и обида на Бога за ментальное нездоровье жены и семейные проблемы. Из данного романа понятно, что он испытывает стойкое недоверие к католицизму: здесь главным интриганом выступает орден иезуитов. Считается, что на его работы повлияло и учение Эммануила

Сведенборга (1688–1772). В своей работе «О небесах, о мире духов и об аде» шведский философ выдвинул теорию посмертного существования: он полагал, что внешний облик ангела не отличается от человеческого, что все, что есть на небесах, соответствует тому, что есть у людей на земле, при этом человек сохраняет все свои привычки, склонности и любимые занятия, на основании которых отправляется в ту или иную область потусторонней реальности. И ад создают сами люди собственными дурными мыслями, делами и манерами. Теория довольно занятная, и неудивительно, что Шеридан Ле Фаню ею заинтересовался, однако он так и не установил контактов со Сведенборгианской церковью.

Ле Фаню знает о потере все — он потерял многих, но не знает, как это пережить. Складывается ощущение, что он придумывает новых персонажей, чтобы, как сейчас говорят, проработать собственные травмы, раскрыть в художественной литературе то, что таится глубоко в его душе, понять, как существовать дальше. К сожалению, это не получается ни у его героев, ни у него самого.

Они и он живут воспоминаниями. Кажется, что все хорошее, светлое и счастливое сосредоточе-

но в прошлом, настоящее — темно, а будущего просто нет. Лишь воспоминания заполняют их долгие одинокие дни, они замкнулись в них, как закрылись в собственном доме.

Жизнь Шеридана Ле Фаню невероятно похожа на жизнь его героев. Точнее, героинь. Поклонники его романов могут заметить, что главные герои в них — женщины. Конечно, не могу утверждать с уверенностью, но мне кажется, что дело не только в беспокойстве о собственных дочерях, о чем я писала выше, но и в сложном внутреннем мире персонажей.

Мы привыкли, что в жизни и книгах глубокие чувства и сильные эмоции характерны для женщин, особенно молодых девушек, в то время как мужчинам или юношам не свойственна подобная тонкая душевная организация. Чувствительный молодой человек в качестве главного героя романа вызвал бы у читателей вопросы и недоумение, возможно, даже насмешки. В реальной жизни невероятно страдающего, убитого горем Ле Фаню не понимали даже близкие друзья: из-за затворничества они называли его «Невидимым принцем».

Ле Фаню интересовался внутренней жизнью своих персонажей — это отличает его работы

от произведений более ранних готических писателей. Он предвосхитил возникновение не только психологии, но и неврологии. Его персонажи часто страдают от «лихорадки мозга» и других неврологических болезней. Его персонажам-мужчинам особенно свойственны сильные угрызения совести, и они нередко заканчивают жизнь самоубийством.

Хотя для готической литературы, представителем которой был Шеридан Ле Фаню, характерны философия романтизма, эстетизированный ужас, таинственные приключения, семейные проклятья, появление привидений и прочие элементы сверхъестественного, загадочные болезни, проблемы неупокоенности души и исполнения странных предначертаний, Ле Фаню пишет своему издателю, что его прежде всего интересует «равновесие между естественным и сверхъестественным, объяснение сверхъестественных явлений на основании естественных теорий», и «люди, которым предоставлен выбор в том, какое решение им хочется принять».

Днем Ле Фаню преследовали горестные мысли и воспоминания, которые во сне превращались в кошмары: ему часто снилось, что на него обрушивается дом. И в конце концов дом рухнул:

в возрасте пятидесяти девяти лет Шеридан Ле Фаню умер, не оправившись после бронхита. Любая смерть — трагедия, но в этом случае, думаю, для самого Ле Фаню она стала долгожданным избавлением — наконец он обрел покой.

Шеридан Ле Фаню оставил большое наследие: семнадцать романов, несколько повестей, десятки рассказов, стихов, статей и эссе, по некоторым его произведениям сняты художественные фильмы. Его романы и рассказы вдохновляли таких известных писателей, как Брэм Стокер, М. Р. Джеймс и Хулио Кортасар.

Несмотря на чувствительную натуру, Ле Фаню не был лишен предпринимательских навыков. Еще до женитьбы он купил три дублинских периодических издания и объединил их в одно. После смерти жены, став редактором журнала Дублинского университета, он вскоре выкупил и его.

О его детях, кроме младшего сына, мало что известно. Джордж Бринсли (в дальнейшем он использовал только среднее имя, Бринсли) был иллюстратором. В основном его работа была сосредоточена на книгах отца. Он не просто иллюстрировал некоторые из его самых известных романов и рассказов, но и составлял посмертные сборники произведений Ле Фаню. Кроме того,

Бринсли предложил названия для переизданий, позаботился об авторских правах и нашел среди бумаг своего отца некоторые из старых неопубликованных рассказов.

Писателя до сих пор помнят на родине: в его родном районе Дублина, Баллифермоте, есть парк, названный в честь писателя, — Парк Ле Фаню. Дорога Ле Фаню, расположенная в этом районе, также отдает дань уважения автору.

Несколько слов о данном романе. В оригинале он называется «Willing to die», то есть «Желание умереть». Совместно с ведущим редактором издания мы приняли решение перевести название как «Желание покоя». Герои романа все же ищут не смерти, но покоя и умиротворения, поэтому такая замена кажется нам логичной и обоснованной.

По мнению некоторых критиков, этот роман — самая амбициозная работа Шеридана Ле Фаню, и в то же время — самая меланхоличная. Здесь есть кораблекрушение, потерянные и найденные богатства, злодеи, любовь и смерть. Этель, одну из самых сильных героинь Ле Фаню, ждет много поворотов судьбы, несчастья и потрясения, но она все преодолеет. Несмотря на кратковременное отчаяние, она решительна, у нее имеется

план действий, про таких говорят: «Она не пропадет». Мы наблюдаем за Этель много лет, видим ее рост и развитие. Ее сложно воспринимать как персонажа книги, для нас она становится реальным человеком благодаря повествованию от первого лица и дневниковым записям. Она трезво оценивает свои возможности, ничего не преувеличивает и не преуменьшает, излагает только факты, но в то же время понимает, что порой может быть субъективна, так как чувства и эмоции иногда затмевают разум.

Помимо всех «готических» составляющих в романе присутствуют и остроумные высказывания, и даже юмор, почти не свойственный ни подобной литературе, ни этому автору.

Во вступительной статье к последнему роману знакового писателя хотелось поговорить именно о жизни, чувствах и эмоциях — о том, что так волновало Шеридана Ле Фаню.

Приятного прочтения.

Екатерина Абросимова, переводчик романа «Желание покоя»

Желание покоя

Читателю

Для начала я должна сообщить вам, отчего все же решилась поведать эту историю. Не имея ранее дела с длинными повествованиями, я установила несколько правил. Некоторые из них, несомненно, удачны, другие, полагаю, нарушают законы композиции, но я воспользовалась ими, потому что они позволили мне, неопытной рассказчице, изложить эту историю яснее, чем другие, возможно, лучшие правила.

Людей, с которыми мне пришлось иметь дело, я буду изображать предельно справедливо. Я встречала людей плохих, людей равнодушных и таких, кто по прошествии времени кажется мне ангелами в незыблемом свете небес.

Мой рассказ будет составлен в порядке событий, я не буду повторяться или предугадывать.

То, что я узнала от других, перескажу от третьего лица, частью по обмолвкам живых свидетелей, частью по догадкам. Но изложу я это с той уверенностью и тщательностью, будто видела сама, тем самым подражая всем великим историкам, современным и древним. Те же сцены, в которых я сама была участницей, те, что видели мои глаза

и слышали мои уши, я перескажу соответствующим образом. Если я смогу быть понятной и честной, надеюсь, мое неумение и сбивчивость мне простятся.

Меня зовут Этель Уэр.

Я нисколь не интересная персона. Судите сами. В следующем году, 1 мая 1873 года, мне исполнится сорок два. И я не замужем.

Говорят, я не похожа на старую деву, коей являюсь. Говорят, мне не дашь больше тридцати пяти, и, сидя перед зеркалом, я вижу, что в моих чертах нет раздражения или сварливости. Но какое мне до этого дело? Конечно, я никогда не выйду замуж, и, если честно, я не хочу никому угождать. Если бы меня хоть немного интересовало то, как я выгляжу, наверное, я бы выглядела хуже, чем сейчас.

Я хочу быть честной. Закончив это предложение, я посмотрела в зеркало. И увидела поблекший образ когда-то симпатичного или, как говорится, привлекательного лица: широкий и правильный лоб, до сих пор темно-каштановые волосы, большие серые глаза — черты не трагические и не классические, но просто приятные.

Думаю, в моем лице всегда была энергия! А давным-давно в нем временами можно было

увидеть усмешку, или же печальное, или нежное, или даже мечтательное выражение, когда я прикалывала цветы к волосам или говорила со своим отражением в зеркале. Все это сошло на нет. Сейчас я вижу только решительность.

Если я ничего не путаю, в Египте применяется процесс искусственного выведения цыплят: прежде чем треснет скорлупа, правильным образом нагрев ее, вы можете по собственному усмотрению сделать птицу всецело клювом, или когтями, или головой, или ножкой — как сами того пожелаете. Без сомнения, это птенец, хотя и чудовищный, и я была похожа на такого птенца. Обстоятельства юности всецело сделали меня олицетворением спокойствия.

В случае моей матери нагрев применился по-другому, произведя чудо совсем иного рода.

Я любила мать со всей теплотой, но, как я сейчас понимаю, с некоторой пренебрегающей привязанностью, которая не была злобной или наглой, но, напротив, очень нежной. Она любила меня, я в этом уверена, насколько вообще была способна любить ребенка, причем любила сильнее, чем мою сестру, и я бы пожертвовала жизнью ради нее. Однако, несмотря на всю мою любовь, я относилась к ней свысока, хотя не по-

нимала этого, пока не обдумала всю свою жизнь в меланхоличной честности одиночества.

Я не романтична. Если и была когда-то, то время излечило меня от этого. Я могу искренне смеяться, но мне кажется, что вздыхаю я чаще других.

Я ничуть не застенчива, но мне нравится одиночество, отчасти потому, что я отношусь к людям с ненапрасным подозрением.

Я всегда говорю откровенно. И я наслаждаюсь (возможно, вы подумаете, что вульгарно) столь нарочито грубым словесным автопортретом. Я не щажу ни себя, ни других. Но я и не цинична. В ироничном эгоизме циников чувствуется неуверенность и нерешительность. Во мне же есть нечто более глубокое, так что я не наслаждаюсь этой жалкой позицией. Я видела благородство и самопожертвование. Неправда, что в человеческой природе нет великодушия или красоты, более или менее убогой и несуразной.

Со стороны отца я внучка виконта, со стороны матери — баронета. В юности я мельком увидела высший свет и насмотрелась темного мира под ним.

Я собираюсь рассказать вам странную историю. Когда я опускаю руку, охваченная кратковременным воспоминанием, которые всегда искушают

неумелого писателя, я медленно провожу по щеке пером — ибо я не вырезаю предложения на бумаге стальным кончиком, а по старинке вывожу слова серым пером птицы — и смотрю в высокое окно на пейзаж, который полюбился мне с самого детства. Благородные уэльские горы справа, а слева пурпурные окраины полей, величественно спускающиеся к волнам. Я вижу море, волшебную, заколдованную стихию, мою первую и последнюю любовь! Как часто я улыбалась волнам, резвящимся под летними небесами. А зимними лунными вечерами, когда северные ветра гонят ужасные валы на скалы, я наблюдала, сидя у окна, за пеной, облака которой выстреливали в воздух. Спустя долгие часы я понимала, что все еще смотрю, забывая дышать, на островерхую черную скалу, размышляя о том, *что* мне однажды подарили буря и пена. Вздрогнув от ужаса, я пробуждалась от чар с ощущением, что все это время со мной говорил призрак.

Из того же окна в свете утра или меланхолии заката я вижу тенистый старый погост, где будет и моя узкая постель. Там мать-земля наконец прижмет меня к груди, и я найду утешение и покой. Там надо мной воспарят, вылетев в старые церковные окна, тихие и сладостные псалмы и

молитвы, которые я когда-то слышала. Там, от рассвета до заката, тени башни и дерева будут медленно скользить по траве надо мной. Там, под свежий и печальный звук волн, я буду лежать у непрерывно движущегося моря, которое я так любила.

Я не сожалею, несмотря на пустые воспоминания и страшное знание, что моя жизнь сложилась так, а не иначе.

Член «верхних десяти»[1], я не должна была ничего знать. Я задорого купила это знание. Но правда бесценна. Расстанетесь ли вы с ней, собрат скорбящий, чтобы вернуться к былой простоте и иллюзиям? Хорошенько подумайте, будьте честны, и вы ответите «нет». Стерли бы вы хоть черточку в книге памяти, каждая страница которой, словно «Кровавая книга Корнелиуса Агриппы», способна вызвать призрака? Мы ни за что не расстанемся с тем, что когда-то было частью разума, памяти или нас самих. Печальное прошлое — наше навеки.

Благодарение Богу, мое детство прошло в безмя-

---

[1] Сноски: 1

«Верхние десять» или «верхние десять тысяч» — фраза (1844), относящаяся к самым богатым жителям Нью-Йорка. Автор — американский поэт и писатель Натаниэль Паркер Уиллис. В Англии фраза стала крылатой.– *Здесь и далее — примеч. переводчика.*

тежной глуши, где не так слышим шум движения мира, в месте, где почти не чувствуется влияния столицы, где спят добрые люди и где о непоправимых улучшениях, которые в других местах совершают непоправимую работу по уничтожению, даже не мечтают. Я смотрю на пейзаж, который не меняется, словно само небо. Лето приходит и уходит, осень гонит листья, зима приносит снега, и все здесь остается таким же, каким его узрели мои круглые детские глаза в глупом восхищении и восторге, когда мир впервые открылся для них.

Деревья, башня, стрелка солнечных часов и сами могильные плиты — мои ранние друзья. Я протягиваю руки к горам, словно могу прижать их к сердцу. В просвет между старых деревьев виден широкий эстуарий, тянущийся на север, к серому горизонту открытого моря.

Луна восходит, солнце отступает
И косо тусклый свет распространяет,

И млеет воздух при вечерних звездах,
И мир уходит на счастливый роздых,

И чары заполняют лес и волны,
Прилив-отлив и скалы ими полны.

И бриз морской в широком и безбурном
Пространстве просыпается лазурном.

И дышит он, и, словно бы в наитье,
Здесь рябь скользит; над ней – златые нити.

И волны, даже те, что еле видны,
Стихи плетут – затейливо, завидно.

И те стихи не ищут путь окольный:
Их глас повсюду слышен колокольный!

И даже галька, что на дне на самом,
Внимает им, столь близким и желанным!

Средь волн и ветра я живу, как дома!
Пещер и гальки песня мне знакома.

Люблю я бег валов неудержимых,
Что вдаль бегут; на берегах любимых

Встречает их клокочущая пена,
Встречает их кончина неизменно.

На руку опершись щекой холодной,
Люблю следить за драмою природной.

Знакомо всем: с открытыми глазами
Дитя, завороженное словами,

Внимает им, и в смутном удивленье
Не может их постичь хитросплетенья,

Внимает, но понять не в состоянье
Истории о славе и страданье.

И так же в одиноком упоенье
Понять я дикой музыки значенья

Всё не могу. Я слушаю – и только,
Не понимая смысла их нисколько.

Они – не для меня. Что ж, будь что будет:
Фантазии прибудут и убудут,

И пусть в существованье быстротечном
Фантазии сольются с морем вечным![2]

Но я заканчиваю вступление и начинаю свою историю.

---

[2] Сноски: 2
Перевод Евгения Фельдмана.

Глава I
Приезд

Одно из моих первых воспоминаний таково: мы с сестрой, еще детьми, спускаемся вниз, чтобы выпить чаю со старой доброй Ребеккой Торкилл, нашей экономкой, в комнате, которую мы называем кедровой гостиной. Комната эта длинная и довольно унылая, с двумя высокими окнами, выходящими в темный двор. На стенах висят выцветшие портреты, и бледные лица проглядывают, если можно так выразиться, сквозь черный туман холста. Один из них, в сравнительно лучшем состоянии, изображающий величественного мужчину в пышном наряде времен Якова I[3], расположен над каминной полкой. Ребенком я любила эту комнату, любила эти едва различимые картины. Пусть комната была темной, если не сказать мрачной, но это была восхитительная темнота и восхитительный мрак, полные историй о замках, великанах и гоблинах, которые нам рассказывала Ребекка Торкилл.

---

[3] Сноски: 3

Яков I (1566–1625) — король Шотландии и первый король Англии из династии Стюартов с 1603 года.

Вечер, небо на западе грозовое и красное. Мы сидим в Мэлори, нашем поместье, за столом, пьем чай, едим пирог и слушаем историю, которую нам часто рассказывала Ребекка, называлась она «Рыцарь и Черный замок».

Рыцарь в черном, живущий в черном замке посреди дремучего леса, будучи великаном, огром и немного волшебником, брал пару огромных черных седельных мешков, чтобы засовывать в них добычу, и темной ночью отправлялся в дома, где детские были полны. Его высокий черный конь, когда рыцарь спешивался, ждал у парадной двери, которая, какими бы крепкими ни были засовы, не могла противостоять волшебным словам, которые он произносил замогильным голосом:

Дверь дубовая,
Щеколда тяжелая,
Слушай и не бойся!
Раз-два-три – откройся![4]

На этот призыв дверь медленно открывалась без скрипа и треска, черный рыцарь поднимался в детскую и за ноги вытаскивал детей из кро-

---

[4] Сноски: 4
Перевод Екатерины Абросимовой и Евгения Фельдмана.

ватей, прежде чем кто-то спохватится, что он рядом.

И вот однажды, во время этой истории, которую мы с детской любовью к повторениям слушали в пятидесятый раз, я, чей стул стоял напротив окна, увидела, как высокий мужчина на большом коне — оба казались черными на фоне красного неба — скачет к нашему дому по тропинке.

Я подумала, что это старый викарий, который время от времени навещал матушку нашего садовника — та была больна и слаба, — и, выбросив увиденное из головы, снова погрузилась в хищнические блуждания рыцаря Черного замка.

Только когда я увидела, что лицо Ребекки, на которое я почти неотрывно смотрела с жадным интересом, вдруг неприятно изменилось, я осознала, что это был вовсе не викарий. Она осеклась на середине предложения и уставилась на дверь. Я тоже посмотрела туда и была не просто поражена. Готовая поверить во что угодно посреди страшного рассказа, я на секунду подумала, что и вправду узрела черного рыцаря, чей конь и седельные сумки ждут у парадной двери, чтобы принять нас с сестрой.

Мужчина показался мне великаном. Он будто заполнил собой весь дверной проем. Все на нем

было темное: темный сюртук и темные шаровары, сапоги с раструбами и шляпа с низкой тульей. Его волосы были длинными и черными, а лицо вытянутое, но красивое, хотя и смертельно бледное от, как мне казалось, сильного гнева. Он неотрывно смотрел на нас. Дети редко ошибаются в чтении по лицам. В глазах детей взрослые окружены аурой тайны, и, конечно, дети побаиваются силы, исходящей от них. Мрачное или грозное выражение на лице человека высокого статуса внушает нечто сродни панике, и если этот человек явно охвачен гневом, то его присутствие, клянусь, напугает ребенка до истерики. Я была на грани. Тревожное лицо с черными сведенными бровями и до синевы выбритым подбородком было для меня еще страшнее от того, что оно не было молодым.

Мужчина за два широких шага оказался у стола и сказал звучным, глубоким голосом, от которого у меня завибрировало сердце:

— Мистера Уэра нет, но он скоро будет. Передайте ему это. — Огромной ручищей он грохнул на стол конверт. — Вот мой ответ. И скажите ему, что его письмо, — он решительно полез в карман и вынул листок, — я разорвал так и вот так… — Он яростно подкрепил слова действиями.

Высказавшись, он припечатал клочки письма о стол своей лапищей, от чего ложечки в наших чашках подпрыгнули и звякнули, развернулся и зашагал обратно к двери.

— И передайте ему, — добавил он более спокойным тоном, снова повернув к нам свое ужасное лицо, — что божий суд рассудит по справедливости.

Дверь захлопнулась, и мы с сестрой разразились громкими рыданиями — ревели и плакали добрых полчаса от простого испуга, и от Ребекки потребовались вся ее энергия и ловкость, чтобы успокоить нас.

Это воспоминание, со всей яркостью и преувеличением ужасного впечатления, полученного в детстве, навсегда останется в моей памяти. В наших с Хелен играх мы звали его в честь героя рассказа, который слушали, когда он пришел: Рыцарь Черного замка.

Этот случай произвел на нас действительно сильное впечатление, и я поведала его более детально, чем он того заслуживает, потому что, сказать по правде, он связан с моей историей, и впоследствии я, так уж случилось, очень часто видела ужасного мужчину, после чьего визита

мы с сестрой много дней пили «чашу трепета»[5] и в чьем присутствии мое сердце трепетало.

Моя история начнется много лет спустя.

Пусть читатель представит меня и мою сестру Хелен. Я темноволосая, мне чуть больше шестнадцати; у нее льняные или скорее золотистые волосы и большие голубые глаза, ей всего пятнадцать. Мы стоим в холле Мэлори, освещенном двумя свечами: одна в старомодном стеклянном колпаке, свисающем на трех цепях с потолка, вторая поспешно принесена из комнаты экономки и горит на столе в туманных клубах воздуха февральской ночи, которые врываются в распахнутую дверь.

Старая Ребекка Торкилл стоит на крыльце, широкой рукой защищая глаза, будто ее слепит луна.

— Никого, дорогая. Нет, мисс Хелен, наверное, это ворота. Я никого не вижу и не слышу. Идемте, вам не стоило выходить, с вашим-то кашлем.

Она вошла внутрь и закрыла дверь, и мы боль-

---

[5] Сноски: 5

«Чаша трепета» — понятие из толкования Книги Притч Соломоновых, выполненного Мэтью Генри (1662–1714) в рамках работы «Толкование книг Ветхого и Нового завета». Предложение, в котором оно встречается, звучит так: «Чаша прелюбодеяния очень скоро сменится чашей трепета, а пламя похоти, если только оно не погасится покаянием и умерщвлением, будет сжигать до самой нижней части ада».

ше не видели темные стволы и ветви вязов в окружении тумана. Мы прошли в комнату экономки, ставшую нашим временным пристанищем.

Это была вторая ложная тревога за вечер, когда сестре казалось, что скрипят старые железные ворота. Мы с нетерпением ждали дальше.

Наше старое поместье находилось, в лучшем случае, в запущенном состоянии бездействующего военного корабля. Старая Ребекка, две деревенские служанки и Томас Джонс, который исполнял обязанности слуги, садовника, птичника и фермера, — вот и вся обслуга, которой мы могли похвастаться. По крайней мере три четверти комнат были заперты, ставни в них закрыты, и бóльшая часть их год от года не видела света и лежала в пыли.

Правда в том, что наши отец и мать редко посещали Мэлори. У них был дом в Лондоне, они вели очень веселую жизнь и были «добрыми людьми» нарасхват. Их деревенская жизнь проходила не в Мэлори, но в визитах в один загородный дом за другим. Мы с Хелен, их единственные дети, редко видели родителей. Иногда нас вызывали в город на месяц или два для уроков танцев, музыки или чего-то еще, но и там мы видели их не намного

чаще, чем дома. Нахождение в обществе, судя по ним, казалось мне невероятно изматывающим, трудным занятием. Я всегда думала, что в городе мы лишние и нежеланные, поэтому испытывала огромное облегчение, когда нас отпускали к деревенским платьям и любимому уединению Мэлори.

То был важный вечер. Мы ждали приезда новой гувернантки или, скорее, компаньонки.

Лаура Грей — мы знали только ее имя, ибо в записке, наспех написанной отцом, мы не смогли разобрать, мисс она или миссис, — должна была приехать сегодня вечером около девяти. В его последний однодневный визит я спросила его, замужем ли она, на что он ответил, смеясь:

— Мудрая маленькая женщина! Это очень дельный вопрос, хотя я никогда об этом не задумывался, все время обращаясь к ней «мисс Грей». Но она определенно в том возрасте, когда может быть замужем.

— Она злая, папочка? — спросила я.

— Не злая… может быть, немного суровая. Как-то раз она запорола двух учениц до смерти и спрятала их тела в подвале для угля или что-то в этом роде, но вообще у нее очень спокойный характер. — Его забавляло мое любопытство.

Хотя мы знали, что все это говорилось в шутку, опасения не покидали нас. Эта женщина стара и зловредна? Гувернантка имеет огромную власть. Коварная женщина, которая любит власть и не любит нас, могла сделать нас очень несчастными.

Наконец наша небольшая компания, сидевшая в комнате экономки, услышала звуки, от которых мы все вздрогнули. Это был цокот конских копыт и стук колес, и прежде чем мы успели дойти до парадной двери, зазвенел колокольчик.

Ребекка распахнула дверь, и в тени дома мы увидели одноконный экипаж, колесо которого касалось лестницы; багаж на крыше был тускло освещен свечами из холла.

В окно кареты мы видели чепчик, но не лицо. Тонкая рука повернула ручку, и леди, чья фигура, пусть и закутанная в твидовый плащ, казалась очень стройной, спустилась на землю. Она взбежала по лестнице и, поощряемая Ребеккой Торкилл, улыбаясь, вошла в дом. У нее было очень красивое молодое и честное лицо, хотя довольно бледное.

— Моя фамилия Грей, я новая гувернантка, — сказала она приятным голосом, который также был очень притягательным. — А это юные ле-

ди? — продолжила она, взглянув на Ребекку и снова на нас. — Вы Этель, а вы Хелен Уэр? — Немного застенчиво она подала нам руку.

Мне она уже нравилась.

— Можно я провожу вас в вашу комнату, пока Ребекка у себя делает вам чай? — спросила я. — Мы подумали, что сегодня так будет удобнее.

— Я так рада: я чувствую себя как дома. Это как раз то, что мне нужно, — сказала она и щебетала всю дорогу до ее комнаты, которая была очень уютной, хотя и старомодной. Когда мы вошли, свет от камина мерцал на стенах и потолке.

Я хорошо помню тот вечер, и у меня есть причина помнить мисс Лауру Грей. Некоторые люди сказали бы, что в ее лице нет ни одной строгой черты, кроме глаз — действительно очень красивых, но у нее были прекрасные маленькие зубки и кожа, на диво гладкая и чистая. Но самое главное, в ее бледном, одухотворенном, невыразимо притягательном лице были утонченность и энергия. Для меня она была поистине красавицей.

Сейчас я живо и ясно вижу картину, какой она была тогда, в свете камина. Мисс Грей улыбнулась мне очень добро — казалось, она меня поцелует, — и, вдруг задумавшись, она протянула тонкие руки к огню, глубоко вздохнув.

Я незаметно оставила ее с сундуками и коробками, которые Томас Джонс уже поднял наверх, и сбежала вниз.

Картину того вечера я помню со сверхъестественной четкостью, ибо жизнь моя отныне изменится: вместе с прекрасной мисс Грей в нее войдет другая бледная фигура в черном, и беда надолго стала моей спутницей.

Однако тем вечером наше чаепитие в комнате миссис Торкилл было очень веселым. Я не помню, о чем мы беседовали, но нам очень понравилась наша молодая наставница, и, кажется, мы понравились ей.

Коротко расскажу вам о своих впечатлениях от этой леди. Я никогда не встречала кого-либо, кто бы имел на меня такое влияние, и сначала это озадачивало меня. Когда мы не занимались французской или немецкой музыкой — нашими уроками, — мисс Грей была одной из нас, всегда готовой делать то, что занимает нас, всегда милая, нежная и по-своему даже веселая. Когда она была одна или задумывалась, она становилась печальной. Казалось, такова привычка ее разума, но по натуре она была веселой и сочувствующей, готовой, как и мы, прогуляться по берегу, чтобы набрать ракушек, или съездить на осликах к

Пенрутинскому монастырю, или пойти под парусом или на веслах по эстуарию, или проехаться в маленькой карете, запряженной пони. Иногда во время прогулок мы переходили стену по ступеням и оказывались на милом маленьком кладбище, что слева от Мэлори, у моря, и если день был солнечным, мы читали старые надписи и полчаса бродили между надгробий.

Возвращаясь домой к чаю, мы сидели у огня, и она рассказывала истории, коих знала великое множество: истории из Германии, Франции, Ирландии и Исландии; иногда мы отправлялись все вместе в комнату экономки или с позволения Ребекки Торкилл с огромным удовольствием жарили оладьи на сковороде.

Секрет привлекательности Лауры Грей заключался в ее мягком характере, совестливости и ангельской твердости в обязанностях. Я никогда не видела ее взволнованной или нетерпеливой, и в свободное время, как я уже сказала, она была одной из нас. Единственная угроза, которой она пользовалась, заключалась в том, что она говорила, что не останется в Мэлори, если мы не будем делать то, что она считает правильным. Юным присуще инстинктивное восприятие мотива, и не было на земле более честного духа, чем Лаура

Грей. Я любила ее. Я не боялась ее. Она была нашей нежной компаньонкой и подругой по играм, и все же, в некотором смысле, никто не внушал мне такого ужаса.

Через несколько дней после того, как приехала Лаура Грей, мы сидели в нашей комнате, просторной и хорошо обставленной, и, как многие комнаты с этой стороны дома, обшитой панелями до самого потолка. Был час раннего заката, и красные лучи солнца пробивались между стволов огромных вязов. Помню, мы беседовали о воробушке Хелен, Дики, чудесной птичке, чей аппетит и настроение всегда были предметом обсуждения, когда дверь открылась и Ребекка сказала:

— Юные леди, к вам мистер Кармел.

И мисс Грей впервые увидела человека, который время от времени и при странных обстоятельствах будет появляться в моей истории.

Дверь находилась далеко от окна, и сквозь него на противоположную стену падал сумрачный свет, делая тень, в которой стоял наш гость, глубже. Он был похож на бледный старый портрет, и его черное одеяние почти сливалось с фоном, но даже так было понятно, что оно имеет церковный вид, не характерный для англиканской церкви.

Благодаря стройной фигуре он казался выше, чем был на самом деле, его чистый лоб по контрасту с темными волосами был очень бледным, а в целом его черты, тонкие и нежные, хорошо сочетались с идеями воздержанности и покаяния. Но вместе с тем в его внешности было что-то властное, как и в тоне его голоса.

— Как поживаете, мисс Этель? Как поживаете, мисс Хелен? Я собираюсь писать еженедельное письмо вашей матушке и… о! Мисс Грей, я полагаю? — Он осекся и довольно низко поклонился молодой гувернантке, отчего стала видна небольшая тонзура на его макушке.

Мисс Грей ответила на его поклон, но я видела, что она озадачена и удивлена.

— Надеюсь, я могу сообщить вашей матушке, что вы обе в добром здравии? — сказал он, обращаясь ко мне и беря меня за руку. — И, полагаю, в хорошем настроении, верно, мисс Грей? — сказал он, вспомнив, что нужно уделить ей внимание. — Могу я так сказать?

Он повернулся к ней, держа меня за руку.

— Да, они здоровы и, надеюсь, счастливы, — сказала наша гувернантка, все еще глядя на него с любопытством.

У мистера Кармела была незаурядная внеш-

ность: большие честные глаза, маленький и печальный рот, а его ярко-красные губы люди почему-то ассоциировали с ранним угасанием. По его бледному лицу, полному страдания и решимости, совершенно не читался его возраст, и вы вполне могли дать ему от двадцати шести до тридцати шести, принимая во внимание издержки, связанные с мысленной и телесной дисциплиной.

Он немного поговорил с нами. Было что-то притягательное в этом мужчине, холодном, суровом и печальном. Я понимала, что он мил, и, хотя была еще юна, чувствовала, что он человек необычных знаний и способностей.

Вскоре гость ушел. Стояли сумерки, и мы видели, как он, сутулясь, тихим шагом и с опущенными глазами идет мимо нашего окна.

Глава II
Наше любопытство возбуждено

Когда странная фигура исчезла, Лаура Грей с любопытством посмотрела на нас.

Мы немногое могли ей рассказать. Мы так привыкли к самому факту существования мистера Кармела, что нам никогда не приходило в голову, что его внешность для кого-то может быть удивительной.

Он приехал около шести месяцев назад и поселился в маленьком старом доме, где когда-то жил приказчик. Пристроенный к основному дому, домик этот образовывал своего рода крыло, где была своя входная дверь.

Мистер Кармел, несомненно, был священнослужителем, но к какой ветви католической церкви принадлежал, мне было неизвестно. Возможно, он был иезуитом. Я никогда не интересовалась подобными вопросами, но кто-то — я забыла кто — сказал мне, что он член Общества Иисуса.

Моя бедная матушка, хотя и исповедовала англиканство, находилась в дружеских отношениях с видными персонами католической церкви.

Мистер Кармел был очень болен (до сих пор его здоровье оставалось хрупким), и ему был прописан отдых в деревне рядом с морем. Пустующий дом, который я описала, матушка вымолила для мистера Кармела у нашего отца, которому вовсе не нравилась идея сдавать его, как я поняла по частично шуточным и частично серьезным обсуждениям, которые он вел за завтраком, когда мы с сестрой в последний раз были в городе.

Я помню, как мой отец сказал напоследок:

— Ты знаешь, моя дорогая Мейбл, что я всегда готов сделать то, что ты пожелаешь. Я сам стану католиком или кем угодно, если тебе это доставит удовольствие, только сначала убедись, что ты правда этого хочешь. Мне все равно, если его повесят — скорее всего, он это заслуживает, — но я сдам ему дом, если это доставит тебе радость. Однако ты должна понимать, что людям в Кардайлионе это не понравится, о тебе будут болтать, и, боюсь, он сделает монахинь из Этель и Хелен. Ну, он немногое от этого выиграет. И я не понимаю, почему эти набожные люди — иезуиты и им подобные, которые не знают, куда потратить деньги, — не снимут для него дом, если он этого хочет. Зачем ему квартировать у бедных протестантов, таких как мы с тобой?

Результатом разговора стало то, что два месяца спустя к нам прибыл мистер Кармел. Он был должным образом принят моим отцом, который сказал мне во время одного из своих визитов, немного позже, что квартирант дал обещание не говорить с нами о религии и что если он все же сделает это, я должна немедленно написать в Лондон.

Когда я рассказала эту историю Лауре Грей, она ненадолго задумалась.

— Он приходит лишь раз в неделю? — спросила она.

— Да, — ответила я.

— И всегда на столь короткое время?

Мы обе согласились, что обычно мистер Кармел остается немного дольше.

— И он никогда не говорил с вами о религии?

— Никогда. Он говорит о ракушках, или цветах, или о том, что, по его мнению, нам интересно, и всегда рассказывает что-то необычное или занятное. Я слышала, как папочка говорил, что мистер Кармел занят работой, результаты которой обещают быть грандиозными. Наверное, поэтому он постоянно обменивается коробками книг со своими корреспондентами.

Думаю, мисс Грей не удовлетворили мои отве-

ты, и через несколько дней из Лондона пришли две небольшие книжечки о великой полемике между Лютером и Папой, и, опираясь на них, она изо всех сил учила нас противостоять потенциальным интригам иезуита.

Однако казалось, что мистер Кармел вовсе не желает разрушать маленькое гнездо ереси рядом с собой. Так случилось, что во время его следующего визита одна из этих книжечек лежала на столе. Он взял ее в руки, прочитал название и мягко улыбнулся. Мисс Грей покраснела. Она не хотела раскрывать свои подозрения.

— Всего лишь два разных устава, мисс Грей, — сказал он, — но один Король.

Мистер Кармел спокойно положил книгу обратно на стол и заговорил о чем-то совершенно стороннем.

Со временем мисс Грей стала менее подозрительной насчет нашего квартиранта, начала наслаждаться его визитами и даже с удовольствием ожидала их.

Можете ли вы представить жизнь более тихую или примитивную, чем наша, или более счастливую?

Нашей семье принадлежит старомодная скамья в симпатичной церкви Кардайлиона. На этой

просторной скамье мы втроем сидели каждое воскресенье, и в один из таких дней, через несколько недель после приезда мисс Грей, из своего угла я увидела, как мне показалось, незнакомца, сидящего на скамье семьи Верни, которая уже несколько месяцев была пуста. Это определенно был мужчина, но колонна, стоявшая почти что между нами, позволяла мне рассмотреть лишь его локоть и уголок открытой книги, по которой, полагаю, он читал.

Меня не слишком волновала его персона. Я знала, что Верни, наши дальние кузены, в отъезде за границей и, если кто-то сел на их скамью, ничего такого в этом нет.

Долгая невнятная проповедь закончилась, и я не вспомнила взглянуть на скамью, пока паства не начала чинно выходить, а когда мы сами шли по проходу, скамья уже была пуста.

— Кто-то сидел на скамье Верни, — сказала я нашей гувернантке, как только мы вышли из тени паперти.

— А какая скамья принадлежит Верни? — спросила она.

Я объяснила, где та расположена.

— Верно, там кто-то был. У меня болит голова, дорогая. Пойдемте домой по Мельничной

дороге?

Мы согласились.

Это была красивая, но местами довольно крутая дорога — очень узкая, с высоким лесом справа и просматривающейся долиной слева, которая также граничила густым лесом; далеко внизу среди камней плескался и звенел ручей. Когда мы поднимались вверх, я увидела, как нам навстречу идет пожилой джентльмен. Походка его была бодра, одет он был в шоколадного цвета пальто по фигуре, на нем была шляпа с широкими краями, поднятыми с боков. Лицо у него было очень загорелым, нос — тонким, с тонкими нервными ноздрями и довольно выпуклыми глазами. Голову он держал гордо. Незнакомец произвел на меня впечатление истинного джентльмена, хотя и вздорного, а выражение его лица я сочла заносчивым и высокомерным.

Он был уже рядом с нами, когда я шагнула к гувернантке, чтобы уступить ему дорогу. Я немного удивилась, увидев, что она сильно покраснела и почти мгновенно смертельно побледнела.

Мы остановились, и пожилой джентльмен подошел к нам уже через несколько секунд. Его выпуклые глаза неотрывно смотрели на Лауру Грей. С тем же высокомерным видом он припод-

нял шляпу и сказал холодным, довольно высоким голосом:

— Мисс Грей, я полагаю? Мисс Лаура Грей? Вы не возражаете, надеюсь, если я скажу вам несколько слов?

Молодая леди слегка поклонилась и тихо ответила:

— Конечно, нет.

Она снова разрумянилась и почти готова была упасть в обморок. Манера пожилого джентльмена и суровый взгляд выпуклых глаз смутили даже меня, хотя я не говорила с ним.

— Может быть, нам с Хелен лучше пойти к скамье и подождать вас там? — спросила я мягко.

— Да, дорогая, думаю, так будет лучше, — ответила гувернантка спокойно.

Мы с сестрой медленно пошли вперед. Скамейка стояла примерно в сотне шагов вверх по дороге. Оттуда я прекрасно видела происходящее, но, конечно, не слышала их.

В руке у пожилого джентльмена была трость, которой он водил по гравию. Глядя на него, вы бы сказали, что он не задумываясь выбьет врагу глаз.

Сначала мужчина произнес короткую речь, высоко держа голову, с видом решительным и

суровым. Наша гувернантка отвечала быстро и спокойно. Затем произошел обмен репликами, пожилой джентльмен выразительно кивал, а его жесты становились все более резкими. Опустив глаза, она что-то отвечала.

Наверное, она сказала что-то, что возмутило его, ибо мужчина саркастично улыбнулся и поднял шляпу, затем снова стал серьезным и произнес что-то с грозным видом, будто диктуя свои условия.

Мисс Грей резко подняла взгляд и, вздернув голову, быстро отвечала ему в течение минуты. Затем она развернулась и, не дожидаясь ответа, медленно направилась к нам.

Незнакомец смотрел ей вслед с саркастичной улыбкой, которая быстро сменилась злобой. Он что-то пробормотал, резко развернулся и зашагал в сторону Кардайлиона.

Мы с Хелен нервно встали, чтобы встретить мисс Грей. Она все еще была румяной и быстро дышала, как дышат люди в волнении.

— Плохие новости? Что-то неприятное? — спросила я, нетерпеливо глядя ей в лицо.

— Нет, ничего подобного, дорогая.

Я взяла ее за руку и почувствовала, что рука немного дрожит, и сама она стала бледнее обыч-

ного. Мы молча пошли домой.

Остаток пути мисс Грей казалась глубоко задумчивой. Конечно, мы не беспокоили ее — неприятное волнение всегда располагает к молчанию. Насколько я помню, мы не произнесли ни слова до ступеней Мэлори. Лаура Грей вошла в холл, все так же молча, и когда она спустилась к нам, проведя час или два в своей комнате, было очевидно, что она плакала.

Глава III
Вор в ночи

Я плохо помню то, что было дальше, и не могу рассказать ни о временных интервалах, ни даже о порядке, в котором происходили события. Мне мешает вовсе не туман времени: то, что я помню, я помню с ужасающей четкостью, но каких-то кусочков общей картины недостает. Прошлое будто отражается в осколках разбитого зеркала. Я вижу фрагменты сцен, вижу лица ангелов и лица, от которых у меня замирает сердце.

Я мало рассказала вам о Хелен, моей сестре, самом близком для меня человеке. О некоторых вещах люди, даже по прошествии половины жизни, постоянно думают, но не могут говорить. Поведать о них незнакомцам немыслимо — чувство осквернения захлопывает дверь, и мы воскрешаем покойных наедине. Вслух я бы не смогла поведать вам то, что собираюсь написать. Но я делаю вид, что пишу для себя, поэтому справлюсь.

Вам может показаться, что я слишком зациклена на, как говорит Гамлет, «обыденном». Но вы,

надеюсь, не знаете, что это такое — всю раннюю жизнь быть отрезанной от всех, кроме единственного любимого спутника, а после уже не найти никого другого.

Хелен подхватила кашель, и Лаура Грей написала об этом матушке, которая была в Уорикшире. Ей посоветовали доктора в Кардайлионе. Тот пришел. Это был хороший доктор. Стояла тревожная тишина, пока он задумчиво прислушивался через стетоскоп к «тихому кроткому голосу» судьбы, неслышному для нас, но высказывавшемуся по страшным вопросам жизни или смерти.

— Лучшие легкие в Англии, — сказал наконец доктор Мервин с поздравительной улыбкой.

Он предупредил ее, что она не должна выходить на холод, и вскоре прислал два пузырька из своего кабинета. Мы снова были счастливы.

Но указаниям докторов, как и предупреждениям судьбы, редко внимают, особенно молодые люди. Маленький воробушек моей сестры захворал. Или мы так подумали. Мы с ней вставали ночью каждый час, чтобы проверить его. На следующий вечер у Нелли — так я называла свою сестру — появилась небольшая боль в груди. Она становилась все сильнее и к полуночи была столь невыносима, что встревоженная Лаура Грей по-

слала в Кардайлион за доктором. Через час Томас Джонс вернулся без него: доктора куда-то вызвали, но, как только он приедет, он направится к нам в Мэлори.

Три часа ночи, а его все нет: для милой Нелли это было настоящей пыткой. Снова послали за доктором Мервином, и снова гонец вернулся с тем же удручающим ответом. Гувернантка и Ребекка Торкилл испробовали весь свой ограниченный список средств. Тщетно. Мой страх возрастал. Я чувствовала опасность. Доктор был моей последней мирской надеждой. Я видела, как смерть приближается с каждой секундой, а доктор мог быть в десятках милях от нас. Представьте, каково это было — беспомощно стоять рядом с любимой сестрой. Смогу ли я когда-нибудь забыть ее маленькое личико, залитое румянцем и хватающее ртом воздух, руки, горло и каждую мышцу, дрожащую в тяжелейшей борьбе?

Наконец я услышала стук и звонок в дверь и подбежала к окну. Первая морозная серость зимнего рассвета болезненно висела над ландшафтом. На ступенях и сером гравии двора никого не было. Но… я слышу приближающиеся голоса и шаги по лестнице! Ох! Слава богу, доктор здесь!

Я выбежала в коридор как была, в халате, с рас-

пущенными по плечам волосами и в тапочках на босу ногу. Подсвечник с догорающей свечой стоял на широкой верхушке громоздкой старой баляcины, и я увидела, как мистер Кармел в черном дорожном плаще, со шляпой в руке и в сапогах для верховой езды тихо и серьезно говорит с нашей гувернанткой.

Слабый серый свет из низкого окна не доставал до того места, где они стояли, и нежные черты священнослужителя, как и красивое встревоженное лицо мисс Грей, освещались, будто на портретах Шалкена[6], только свечой.

Все это болезненное и тревожное время память моей сетчатки сохранила лучше всего — каждая картинка впечаталась прямо в мозг. Доктор приехал? Да, мистер Кармел проехал целых четырнадцать миль, до самого Ллуинана, и он привез доктора, который в ином случае добрался бы до нас еще не скоро. Сейчас он внизу — готовится — и поднимется в комнату мисс через несколько минут.

Я смотрела на это милое, печальное, но вместе с тем и энергичное лицо так, будто он спас меня.

---

[6] Сноски: 6

Готфрид Шалкен (1643–1706) — голландский жанровый и портретный художник, известен своим мастерством в воспроизведении эффекта свечей.

Я не могла поблагодарить его. Развернулась, прошла в нашу комнату и сказала Нелли приободриться, потому что пришел доктор.

— Ох, господи, надеюсь, он поможет тебе, моя дорогая, моя родная, моя любимая!

Через минуту доктор был в комнате. Я не отрывала взгляд от его лица, когда он говорил с бедной юной пациенткой: он выглядел совсем не так, как в прошлый свой визит. Я пишу эти строки и вижу его перед собой: лысая голова сияет в отблесках свечи, недовольное мрачное лицо, умные голубые глаза, искоса смотрящие на нее, пока пальцы считают пульс.

Следующая картинка: теперь я стою в маленькой комнате напротив. Только я, доктор и мисс Грей в холодном утреннем свете, и он говорит:

— Ну, все исходит из пренебрежения указаниями. Очень сильный жар и грудная клетка в критическом состоянии.

После секундного молчания мисс Грей задает ужасный вопрос:

— Она в опасности?

И доктор ответил коротко:

— Хотел бы я сказать, что нет.

У меня зазвенело в ушах, словно выстрелили из пистолета. Некоторое время все молчали.

Наверное, доктор долго оставался у нас, потому что он присутствует почти в каждой сцене, которую я помню из того спутанного кошмарного дня.

Это продолжалось всего один день и часть ночи, но мне казалось, что ночи сменяли друг друга, солнце вставало и садилось, и проходили дни, неисчислимые и неразличимые.

Боль уменьшилась, но началось нечто худшее: ужасный неутихающий кашель — долгая мучительная борьба с медленным наполнением легких жидкостью. Доктор сдался. Они хотели, чтобы я вышла из комнаты, но я не могла.

Пришел час, и ее не стало. Страшный крик как ужасное прощание; но ничто не может отпугнуть неотвратимую смерть. Стало тихо.

Как корабль, зашедший в грот, больше не чувствует ярости ветра, натяжения каната и обрушивающихся волн, успокоились и покинутые останки. Ох, маленькая Нелли! Я не могла в это поверить.

Она лежала в ночной рубашке под белым одеялом. Может, это только страшное видение и мое сердце разбивалось напрасно? Ох, бедная маленькая Нелли, как могла ты превратиться в нечто столь возвышенное и ужасное?

Я застыла у кровати, глядя в белое неподвижное лицо. Такого выражения я раньше никогда не видела. То была непорочная красота ангела.

Кажется, со мной заговорила Ребекка Торкилл. Я помню ее доброе скорбящее старое лицо рядом, но я не слышала, что она говорит. Я была в ступоре, в трансе. Я не проронила ни слезинки, я не сказала ни слова. Я будто сошла с ума. В свете этого прекрасного преображения мое сердце разрывалось дичайшим протестом против закона смерти, который убил мою невинную сестру на моих глазах, против судьбы, для которой род людской — лишь насмешка, против ужасной Силы, что сотворила нас! Какой дух знает, пока не придет час искушения, высоту или глубину своей нечестивости?

Ох, нежная, терпеливая маленькая Нелли! Единственное хорошее, что я нахожу за собой в те дни, — это моя нежная любовь к тебе и моя глубокая внутренняя уверенность в моей неизмеримой неполноценности. Нежная кроткая Нелли, ты наделяла меня умом, мудростью и другими неисчислимыми совершенствами… Как спокойно я чувствовала себя рядом с тобой, хотя была слишком горда, чтобы сказать это! В твоем присутствии раскрывалась моя яростная земная

природа, и куда бы я ни посмотрела, моя тень лежала на земле рядом с чистым светом, который ты излучала.

Не знаю, как долго я молчала. Полагаю, другим было чем заняться, и меня оставили в покое. Но Лаура Грей взяла меня за руку и поцеловала, и я почувствовала ее слезы на своей щеке.

— Этель, дорогая, идем со мной, — сказала она плача. — Ты еще сможешь вернуться к ней. Пойдем со мной, хорошо? Этель, наша Нелли теперь счастливее, чем когда-либо на земле, она больше не ощутит ни боли, ни печали.

Я начала безумно рыдать. Я в самом деле уверена, что почти обезумела. Я заговорила с ней многословно, неистово, непрерывно плача навзрыд. Сейчас я не помню ни слова из того, что сказала, но по боли и даже ужасу на бледном лице Лауры Грей, которые отпечатались в моей памяти, нетрудно о том догадаться. Потребовались долгие и страшные усилия, чтобы изгнать обуявший меня злой дух. Я помню, какой была в те дни. С тех пор мое земное паломничество шло крутыми и уединенными тропами, среди огромных опасностей, в темноте и страхе. Я съела хлеб горести и выпила воды печали, я устала и стерла ноги, но теперь мне кажется, что я смутно пони-

маю, для чего все это было, и покаянно благодарю Бога за все ужасы и милости, что Он явил мне. Словно сквозь туман я начинаю понимать, кем был тот единственный друг, который никогда не покидал меня во время долгих блужданий, и жду того часа, когда закрою усталые глаза и лягу у ног моего Спасителя.

Глава I V
Мой отец

Лаура Грей немедленно отправила письмо матушке. Как и отец, она находилась в Ройдоне. Пасхальные каникулы освободили приятелей отца, выдающихся личностей, которые были рады на несколько дней позабыть о гуле Палаты общин и запахе реки, и мой отец, хотя и не был членом парламента, поехал с ними.

Маленькая Нелли была его любимицей, как я — матушкиной, что тут добавить…

В то время почтовое сообщение было налажено плохо, и письма делали значительный крюк. Между отправлением и получением письма прошло целых три дня.

Я должна сказать несколько слов о папочке. Он был самым милым и беззаботным человеком на земле. Есть люди, которых никакое богатство не может удержать от долгов. Мне кажется, что человек такого типа не имеет определенных желаний и горизонт его нужд расширяется по мере того, как растет его богатство. И нужды всегда превышают доход.

Не думаю, что чувства моего отца к матушке были очень глубоки. Он был добрым мужем, но, боюсь, не самым лучшим. Сама я любила его больше, чем матушку: детей всегда очаровывают веселость и потакания. Я была не в том возрасте, чтобы судить о возвышенных вещах, но, кажется, о религиозном аспекте жизни у него были самые слабые представления. Он много времени проводил в обществе и редко бывал дома. Но для меня не было человека более простого, менее подозрительного или более доверчивого.

Ответом на письмо мисс Грей был приезд моего отца. В состоянии высочайшего волнения он взбежал наверх, не сняв шляпу, но у двери Нелли застыл. Я не знала, что он приехал, пока через несколько минут не услышала, как он ходит по комнате, рыдая. Он был эгоистичен и в то же время нежен. Никто не осмелился войти и потревожить его. К тому времени сестра моя лежала в гробу. Ангельская красота, которая принадлежит смерти, — сиюминутное явление. Я не решилась взглянуть на нее снова, дабы не омрачать увиденного раньше великолепия. Теперь она лежала в саване — горький символ распада.

Когда папа вышел, он говорил бессвязно и горько. Его любимицу убило, сказал он, невнимание.

Он укорял нас всех, включая Ребекку Торкилл, за жестокую небрежность. Он винил доктора Мервина: разве тот имел право, зная, что он — единственный врач в этих краях, уезжать за целых четырнадцать миль и так долго отсутствовать? Он осудил даже само лечение: надо было пустить ей кровь. Все знают, что в данном случае это лучшее предприятие.

Никто не мог быть более заботлив, чем Лаура Грей, но он обвинил и ее, хотя наша гувернантка не могла помешать Нелли, даже не подозревая о такой возможности, выскользнуть из кровати, чтобы проведать захворавшего воробушка.

Однако все эти несправедливости были лишь выражением его горя.

В комнате бедной маленькой Нелли мой дорогой чувствительный отец дрожал от скорби. Когда он спустился, я долго плакала вместе с ним. Думаю, горе сделало нас ближе — он был ко мне нежнее, чем когда бы то ни было.

Наконец мрачное ожидание и напряжение закончились. Я больше не видела странных лиц в коридорах, не слышала странных голосов на лестницах, шагов в комнатах и приглушенных звуков, от которых мне становилось плохо, — они исчезли. Похороны подошли к концу, и моя милая

Нелли ушла навсегда. Снова распустятся цветы, снова наступят длинные летние вечера с песнями птиц, снова шелестящие листья укроют тенью потаенные уголки, где мы сидели вдвоем в лесу, но нежная маленькая Нелли больше не вернется, и теперь я буду гулять и читать книги одна.

Все эти ужасные дни Лаура Грей была мне сестрой как в любви, так и в горе. Ох, Лаура, смогу ли я когда-нибудь забыть твое нежное и терпеливое сочувствие? Как часто я вспоминаю твое милое лицо, когда кладу голову на одинокую подушку, и мои благословения следуют за тобой через широкое море к твоему далекому дому!

В тот день папа взял лошадь и уехал через охотничьи угодья к Пенрутинскому монастырю. Его не было до вечера.

Когда он вернулся, то послал за мной. Я нашла его в комнате, которая по-старомодному называлась Дубовой гостиной. Дровяной камин — леса позади дома сполна обеспечивали наши нужды — освещал комнату бледным мерцанием. Отец казался больным и усталым. Он облокотился на каминную полку и сказал:

— Этель, дорогая, я хочу знать твое мнение. Мы собираемся за границу на какое-то время: это единственный выход для твоей матушки.

Это место убьет ее. Я уеду завтра днем, и ты можешь решить, что тебе нравится больше: поехать с нами и путешествовать несколько месяцев или подождать здесь, с мисс Грей, нашего возвращения. Поступай так, как тебе хочется, и не торопись, дорогая. Обдумай это на досуге.

Потом отец, сев в кресло, заговорил о других вещах. Взяв с полки графин хереса, он выпил немалое число порций. Когда он откинулся на спинку кресла, я подумала, что он задремал, но не была уверена, и, благоговея перед ним — естественное следствие того, что я мало его видела, — не осмелилась ни разбудить, ни выйти из комнаты без его разрешения.

В этой комнате две двери. Я нерешительно стояла у той, что рядом с окном, когда открылась другая дверь, через которую вошел Уинн Уильямс, адвокат из Кардайлиона. У него были длинные усы и добродушное чувственное лицо. Отец, вздрогнув, проснулся, но, увидев мистера Уильямса, улыбнулся и протянул ему руку.

— Как дела, Уильямс? Как хорошо, что вы пришли. Садитесь. Завтра я уезжаю, поэтому послал вам записку. Попробуйте этот херес — он лучше, чем я думал. Теперь я должен сказать, что этот старый негодяй Рокстон собирается лишить меня

права выкупа по закладной, а одному из моих арендаторов было отправлено предписание о выселении: это очень серьезно, и он явно что-то затевает. Что вы думаете по этому поводу?

— Я всегда считал, что он доставит нам хлопот, но Мандрик благоволил нам. Хотите, чтобы я уделил этому внимание?

— Определенно. Еще он беспокоит меня по тому фонду.

— Знаю, — мрачно произнес мистер Уинн Уильямс.

— Этот человек лишил меня — я только вчера подсчитал — примерно пяти или шести тысяч фунтов, которые я потратил только на судебные издержки, и это помимо прямого вреда, который он мне причинил. Он дважды лишил меня места в Палате общин, сначала поддержав петицию против меня, которая была бы отклонена, если б не его деньги, и к поддержке которой он не имел никакого мотива, кроме личных злобных чувств, и во второй раз, когда затеял соревноваться со мной в Шиллингсворте, где, как вы знаете, ставки были десять к одному. Господи боже, я должен был победить! Нет вреда, которого он мне не причинил. Могу доказать: он клялся, что лишит меня всего, что у меня есть. Я много лет не видел

его — вы знаете, — но подлец продолжает меня преследовать. Мне сказали, и я этому верю, что он клялся старому Дымоку, что не успокоится, пока не засадит меня в тюрьму. Я мог бы засудить его за это. Должно же быть какое-то средство, какая-то защита? Если бы я сделал то, что хотел сделать десять лет назад, его бы уже не было. Еще не поздно выяснить, смогут ли пистолеты решить это дело. Мне не нужны советы, ибо в таких вопросах человек, который принимает их, всегда поступает неправильно. Надеюсь, Уильямс, вы тоже думаете, что пора уже разрубить этот гордиев узел?

— Я так не думаю, сэр. Он старик и не боится мнения людей. Он доведет вас до королевского суда, и если он настроен враждебно, я не давал бы ему ни шанса — я не доверял бы ему.

— Сложно понять, что предпримет такой злодей. Я надеюсь и молюсь, что ход…

Отец говорил с яростной дрожью в голосе, но тут он заметил меня. Он забыл, что я тоже нахожусь в комнате, и теперь мгновенно сказал:

— Можешь идти, дорогая. Нам с мистером Уильямсом нужно обсудить дела… довольно утомительные к тому же. Спокойной ночи, Этель.

Я оставила их, чему была несказанно рада.

Вскоре отец позвонил в колокольчик и потребовал еще вина: полагаю, совет засиделся допоздна. А я направилась к Лауре Грей, передала ей наш разговор и сказала, что решила остаться с ней в Мэлори. Она поцеловала меня и после коротких раздумий спросила:

— Но не подумают ли ваши родители, что это жестоко с вашей стороны остаться здесь?

— Нет, — сказала я, — думаю, я помешаю, если поеду, и с ними я буду чувствовать себя немного… странно. Мои родители очень добры и, я знаю, сильно меня любят, как и я их, но я так мало их видела, а вы такой хороший друг. И я не хочу отсюда уезжать — это место милее мне всех на свете, и с вами я чувствую себя дома больше, чем с кем-либо другим в мире.

Так уладилось это дело, и на следующий день мы с папой нежно расстались. Невзирая на его волнение, я больше никогда не слышала о пистолетах и мистере Рокстоне. Но прежде чем я снова увидела отца, произошло много всего.

Я осталась в Мэлори с Лаурой Грей; тень мистера Кармела мелькала мимо окна каждый вечер, но он больше не заходил проведать нас, как раньше. Вместо этого он останавливался у двери и разговаривал, иногда по пять минут, с

Ребеккой Торкилл. Меня это немного задевало. На прогулках или вечером по возвращении, если я случайно видела его высокую и худую, но изящную фигуру на той же тропинке, я заставляла Лауру поворачивать и избегать его. В таком уединенном месте, как Мэлори, перемена в наших отношениях была заметна, и в этом пренебрежении сквозила боль. Однако я не позволяла ему воображать, что я больше, чем он, хочу возобновить наше довольно близкое знакомство.

Прошли недели, настал зеленый май, и как-то вечером мы с Лаурой Грей сидели в нашей комнате и вели несвязный разговор.

— Вы не думаете, что папа очень привлекателен? — спросила я.

— Да, он привлекателен, — ответила она, — у него доброе и мудрое лицо. И у него красивые глаза. Конечно, многие люди могут посчитать его не таким уж привлекательным, но симпатичным и располагающим — да.

— Должно быть, таким трудно угодить, — вздохнула я, и Лаура добродушно улыбнулась. — Ребекка Торкилл говорит, матушка влюбилась в него с первого взгляда, а матушке угодить совсем нелегко. Был джентльмен, который был безумно в нее влюблен, очень древнего рода, по словам Ребек-

ки, и симпатичный, но она больше не смотрела на него после того, как познакомилась с папой.

— Кажется, я слышала об этом. Сейчас он баронет, но намного старше мистера Уэра.

— Да, так и есть, но Ребекка говорит, он выглядел всего лет на десять старше папы, а папа тогда был очень молод. Хорошо, что он не понравился матушке, потому что я слышала, как однажды Ребекка сказала, что он очень плохой человек… А вы когда-нибудь слышали о тетушке мамы, Лорример? — спросила я, помолчав.

— Нет, не припоминаю.

— Ребекка говорит, она очень богата. У нее дом в Лондоне, но она нечасто там бывает. Она не такая уж старая, ей нет и шестидесяти. Ребекка гадает, кому она оставит деньги, но это не имеет значения, потому что я считаю, что мы имеем достаточно. Папа говорит, что десять лет назад миссис Лорример жила только обществом и была везде, но теперь она все бросила и странствует по континенту в одиночестве.

Наш разговор прервался, и какое-то время мы молчали.

— Лаура, — сказала я после небольшой паузы, — почему вы никогда ничего не рассказываете о себе, в то время как я рассказываю вам все, о чем

я думаю или помню? Почему вы такая скрытная? Почему бы вам не рассказать мне свою историю?

— Мою историю? Зачем? Она самая обыкновенная. Некоторых учат на гувернанток, некоторые приходят к этому позже или случайным образом. Мы, любители, делаем все, что в наших силах. Был мудрый еврейский обычай всем учиться на ремесленников. Святой Павел умел шить палатки. Если судьба опрокидывает лодку, хорошо иметь то, за что можно ухватиться: что угодно лучше, чем утонуть. Сестра-хозяйка, компаньонка, гувернантка — когда что-то идет не так, мало что может спасти бедную женщину от работного дома.

— Вы снова ничего не рассказали о себе, — покачала головой я.

— Я гувернантка, дорогая. Какая разница, кем я была? С вами я счастливее, чем когда-либо могла подумать. Если бы у меня была история, которую приятно послушать, никому на земле я бы не рассказала ее с бóльшим удовольствием, но моя история… нет нужды размышлять над несчастьем, — продолжила она. — Сожаления и мечтания — это пустая трата времени. Я понимаю, Этель, вы не хотите причинить мне боль, но сейчас я не могу говорить об этом. Возможно,

позже.

— Лаура, вы не будете говорить об этом, только если сами того не пожелаете. Мне жаль, что я потревожила вас. — Я поцеловала ее. — Но скажите лишь одно, поскольку мне действительно любопытно. Помните того странного пожилого джентльмена в пальто шоколадного цвета, с которым мы встретились на Мельничной дороге? Он еще заговорил с вами. Это было в воскресенье, когда мы возвращались из церкви. Я хочу, чтобы вы сказали мне: это был Рокстон?

— Нет, дорогая, вовсе нет, и не думаю, что они знакомы. Но не пора ли нам выпить чаю? Вы сделаете его, пока я отнесу наши книги?

Я приняла ее предложение, подготовила чай и осталась одна.

Окно было открыто, стоял теплый вечер, солнце садилось. Наступил тот самый меланхоличный час, когда одиночество приятно, а горе смягчается. Поддавшись очарованию этого часа, я думала о нашем соседе-затворнике. Я видела, как он проходил мимо, когда мы с Лаурой Грей разговаривали. Мне было известно, что он исправно отправляет письма моей матушке, ибо она всегда упоминала, когда писала мне из своих нескончаемых скитаний, что слышала от мистера Кармела: твое

здоровье в порядке, ты каждый день гуляешь с гувернанткой, и так далее. Мне было интересно, почему он прекратил свои короткие визиты, как было при Нелли. Не могла ли я неосознанно как-то обидеть его?

Эти мысли возникали чаще, чем их одобрило бы презрение, с которым я относилась к этой теме. Но люди, которые живут в городах, не подозревают, сколь огромное место в мыслях может занимать приятный сосед, когда живешь в уединении, подобном Мэлори.

Я размышляла, сидя в огромном кресле, положив голову на руку и постукивая ногой по ковру, и тут услышала ясный голос мистера Кармела у окна. Подняла глаза — и наши взгляды встретились.

Глава V
Маленькая черная книжечка

Наши взгляды встретились, и я опустила глаза. Меня обнаружили, когда я размышляла о его непостоянной персоне! Полагаю, я даже зарделась. Я определенно была смущена.

Он повторил свое приветствие:

— Как поживаете, мисс Уэр?

— Ох, хорошо, спасибо, мистер Кармел, — ответила я, снова поднимая на него взгляд. — И… в четверг было письмо от матушки. У них тоже все хорошо, сейчас они в Генуе. Они подумывают поехать во Флоренцию недели через три.

— Да, я знаю. И вы не хотите к ним присоединиться?

— Ох, нет. Я бы не хотела уезжать отсюда. В последнее время они об этом не говорят.

— Мисс Этель, я давно не имел удовольствия видеть вас достаточно близко, чтобы спросить о ваших делах. Я не смел просить вас об аудиенции и думал — предполагал, — что вы бы не хотели, чтобы вашим прогулкам мешали.

Я поняла, что он вычислил мою стратегию:

— Ах, мистер Кармел, вы всегда были так добры к нам.

— Да что вы, мисс Этель, — ответил он чуть более страстно. — Мой род занятий обязывает меня быть добрым… А как дела у мисс Грей? — сменил он тему.

— У нее все хорошо, спасибо.

Мы оба замолчали, думая о своем.

Лучи заходящего солнца ровными линиями пробивались сквозь стволы старых вязов; один из лучей коснулся головы молодого человека, стоящего у окна, и в густых каштановых волосах, словно нимб святого, мягко засиял золотой свет. В эту минуту в комнату вошла Лаура Грей и остановилась в явном удивлении, увидев мистера Кармела. У нее было такое лицо, что я улыбнулась, несмотря на попытки казаться серьезной. Приблизившись, гувернантка спросила нашего квартиранта, как он поживает. Вернувшись к действительности, он поговорил с нами несколько минут. Наверное, он увидел чайную посуду на столике и подумал, что помешает нам. Он уже собрался попрощаться, когда я сказала:

— Мистер Кармел, вы должны выпить с нами чаю!

— Чай! От него невозможно отказаться. Вы поз-

волите мне пить у окна? Так я буду меньше вам мешать, а если я утомлю вас, вы сможете просто захлопнуть окно.

Засмеявшись, Лаура подала ему чашку, которую он поставил на подоконник, а сам сел на скамейку под окном. Мы с мисс Грей тоже устроились у окна, и у нас образовалась маленькая общительная компания.

До этого я уже почти отказалась от мысли возобновить наше знакомство с мистером Кармелом, и вот мы беседуем втроем более дружелюбно, чем когда-либо! Уж не сон ли это?

Нет-нет, я вовсе не говорю, что мистер Кармел болтал с беззаботностью французского аббата. Напротив, в его внешности и манерах было нечто своеобразное — нечто, что предполагало жизнь и страдания аскета. Было в нем также что-то трудноопределимое… властность? Когда он выражал свое мнение или давал совет, он делал это с суровой, но нежной строгостью, вот почему я подумала об этом.

Я немного робела в его присутствии, но не могу сказать почему, и все же я была рада больше, чем могла признаться, тому, что мы снова добрые друзья.

Мистер Кармел медленно выпил свою чашку и

легко согласился на вторую.

— Я вижу, мисс Этель, что вы с любопытством смотрите на мою книгу…

Так и есть. Книга в черном шагреневом переплете с серебряными застежками лежала на подоконнике рядом с чашкой.

Он взял ее тонкими пальцами и улыбнулся, глядя на меня:

— Вы хотите знать, что это, но вы слишком хорошо воспитаны, чтобы спросить об этом. Я бы и сам сгорал от любопытства, если б увидел ее в первый раз. Я часто беру книги в библиотеке просто за особенный переплет. Некоторые выглядят очень интересно. Как вы сами думаете, что это за книга?

— У вас же есть книги, которые называются бревиариями[7]? Думаю, это один из них, — сказала я.

— Хорошая догадка, но нет, это не бревиарий. А что вы скажете, мисс Грей?

— Ну, я скажу, что это книга церковных служб.

— Тоже неплохая догадка. Но это не она. Думаю, пора сказать вам, что это то, что вы бы называли сборником сказок.

---

[7] Сноски: 7
Бревиарий — молитвенник на латинском языке.

— Правда? — воскликнула я, и мы с мисс Грей одновременно почувствовали желание одолжить ее.

— Этой книге двести семьдесят лет, и написана она на старом французском. Для вас это просто сказки, — улыбаясь корешку книги, сказал мистер Кармел. — Но вы не должны смеяться над ними, ибо я безоговорочно в них верю. Да это и не сказки, легенды, точнее говоря. В них гораздо меньше выдумок.

— Легенды? — произнесла я с жаром. — Я так хочу услышать одну из них. Умоляю, пожалуйста, расскажите!

— Что ж, если вы так просите, я переведу одну на английский. Истории тут совсем короткие. Вот, например, легенда об Иоанне Пармском. Думаю, я прочитаю ее за две минуты.

— Ох, пожалуйста, начинайте! — воскликнула я.

Еще было достаточно светло для чтения, и он стал с листа переводить легенду:

— «Иоанн Пармский, глава Ордена младших братьев, одним зимним вечером путешествовал с несколькими братьями. Они заблудились в густом лесу и несколько часов блуждали, не в силах найти правильный путь. Донельзя утомленные,

они преклонили колена, и, воззвав к защите Божьей Матери и их покровителя, Святого Франциска, начали читать полунощницу Деве Марии. Вскоре они услышали далекий колокол, и, проследовав за его звуками, вышли к аббатству, в ворота которого постучали. Ворота немедленно распахнулись, и внутри они узрели монахов, как будто бы ожидающих их прихода. Едва увидев их, монахи провели путников к огню, омыли им ноги и усадили за стол, где уже был ужин. Во время трапезы они прислуживали им, а потом отвели к кроватям. Утомившись от трудного путешествия, собратья Иоанна крепко уснули, но сам он, услышав вскоре колокол заутреней, покинул келью и последовал за монахами аббатства к часовне, чтобы присоединиться к ним во время Божественного служения. В часовне один из монахов начал со строфы тридцать шестого псалма: „Ibi ceciderunt qui operantur iniquitatem“, на что хоры ответили: „Expulsi sunt nec potuerunt stare“[8]. Пораженный отчаянным тоном голосов и странным ходом заутреней, Иоанн начал что-то подозревать и, обратившись к монахам, приказал им во имя Господа сказать ему, кто они такие.

[8] Сноски: 8

«Там пали делающие беззаконие…», «…низринуты и не могут встать» (*лат.*). Пс. 36:13.

После его призыва тот, который казался среди них старшим, ответил, что они ангелы тьмы, а на молитву Пресвятой Богородицы и Святого Франциска были посланы, чтобы служить Иоанну и его братии в их нуждах. Когда он договорил, все исчезло, и в следующий миг Иоанн сотоварищи оказались в гроте, где они оставались, поглощенные молитвами и пением, славящим Бога, пока наступивший день не позволил им продолжить путешествие».

— Как живописно! — сказала я, когда он закрыл книгу.

Мистер Кармел улыбнулся:

— Так и есть. Драйден[9] превратил бы такую легенду в благородный стих, художники могли бы найти в ней истоки великих картин, но для верующего это нечто большее. Для меня все эти легенды — благочестивое чтение, рассказывающее о том, как доброта, бдительность и мудрость Божья творят чудеса для детей Его и как подобные божественные проявления не прекращаются с развитием истории человечества. Но для вас они, как я уже сказал, это всего лишь сказки, и вы можете свободно посмотреть их. Полагаю, мисс

---

[9] Сноски: 9

Джон Драйден (1631–1700) — английский поэт, драматург, критик, баснописец.

Грей, книгу можно читать без опаски, я никого не обращаю в свою веру. — Он мягко улыбнулся, посмотрев на гувернантку.

— Ох да, Лаура, — воскликнула я, — я была бы не прочь!

— Вы очень любезны, мистер Кармел, — кивнула мисс Грей. — Я уверена, что эти истории увлекательны, но нет ли в этой книжечке чего-то еще?

— Ничего, что могло бы вас насторожить, ничего, кроме нескольких литаний и того, что мы зовем назиданиями. Там нет ничего спорного. Я не проповедник, мисс Грей, — рассмеялся молодой человек, — моя работа иного рода. Я собираю источники, делаю выписки и конспекты, в общем, готовлю труд, хотя и не под своим именем, к печати.

— Ах, Лаура, не будьте такой придирчивой. — Я взяла томик и перелистала страницы.

— Ну хорошо, — уступила она, улыбаясь.

Сумерки сгущались. Наш собеседник встал, положил руку на оконную раму, и мы побеседовали с ним еще несколько минут. Затем, коротко попрощавшись, мистер Кармел покинул нас.

Когда он ушел, естественно, мы обсудили его.

— Мне интересно, кто же он? — сказала я. —

Служитель церкви? Иезуит? Или, возможно, член какого-то другого ордена? Я бы очень хотела это выяснить.

— Это знание никак вам не поможет, — вздернула брови Лаура.

— Вы так говорите потому, что я ничего не знаю об этих орденах? Но я легко могу это выяснить. Думаю, он бы рассказал нам, если б мы попросили.

— А я не думаю, что он рассказал бы нам что-то, что не намеревался рассказывать. Вспомните, он не раскрыл о себе ничего, чего бы мы не знали до этого. Мы знаем, что он католик и священнослужитель. И ваша матушка говорила вам, что он пишет книгу, так что это тоже не откровение. Он крайне сдержан, осторожен и решителен, и, несмотря на внешнюю нежность, он кажется мне несгибаемым и властным.

— Мне нравится эта неосознанная властность, — кивнула я. — Но я не заметила признаков хитрости и скрытности. Кажется, чем дольше он разговаривал с нами, тем общительнее становился, — ответила я.

— Темнеет, — сказала мисс Грей, посмотрев в окно. — Полагаю, он из тех людей, кто становится тем увереннее, чем лучше сокрыты их лица. Так снижается опасность конфликта между внешним

видом и языком — опасность, которая некоторых смущает.

— Вы сегодня так подозрительны… Кажется, он вам не нравится.

— Я его не знаю, но думаю, что хотя он беседовал с нами, ни вы, ни я ни на миг не заглянули в его разум. Его мир может быть идеально божественным и умиротворенным или, напротив, честолюбивым, темным и злым, но для нас этот мир невидим.

Уже горели свечи, и мисс Грей закрывала окно, когда блеск серебряной застежки привлек ее взгляд. Она вздрогнула.

— Что там такое? — спросила я.

— Книга… я совсем о ней забыла. Я почти жалею, что мы позволили ему оставить ее.

— Мы сами попросили, не думаю, что он подсунул ее. Но как бы то ни было, я очень рада, что она у нас. Мисс Грей, можно подумать, вы увидели скорпиона. Я этой книги не боюсь: я знаю, что она не причинит вреда, потому что это просто истории.

— Ох, я тоже не думаю, что они могут причинить вред, но я почти жалею, что мы вошли с мистером Кармелом в подобного рода отношения.

— Какие отношения, Лаура?

— Одалживания книг и их обсуждения.

— Но нам не нужно ничего обсуждать. Я и не буду. Кроме того, вы так глубоко погружены в полемику между католиками и протестантами, что, я думаю, мистер Кармел находится в бóльшей опасности перейти в другую веру, чем вы. Дайте мне книгу, и я найду что-то почитать.

Глава VI
Появление незнакомца

На следующий день мы с мисс Грей гуляли по пустынной дороге, ведущей к Пенрутинскому монастырю. Справа от нее — море, слева — поросшая травой насыпь с густыми кустами ежевики. За старыми деревьями у поворота, примерно в ста шагах от нас, вдруг появились мистер Кармел и мужчина в черном, стройный, но не такой высокий, как наш постоялец. Они шли быстрым шагом, и незнакомец что-то непрерывно рассказывал. Однако это не помешало ему заметить нас, так как я увидела, как он легонько коснулся руки мистера Кармела локтем, глядя в нашу сторону. Было очевидно, что мистер Кармел ответил на его вопрос, тоже взглянув на нас. Незнакомец возобновил разговор. Они подошли к нам и остановились. Мистер Кармел приподнял шляпу и попросил разрешения представить своего друга. Мы поклонились, то же сделал и незнакомец, но мистер Кармел произнес его имя очень неразборчиво.

Этот его друг совсем не располагал к себе. Сред-

него роста, белый как мел и коротко стриженный, узкоплечий, с синими подбородком и висками. Казалось, ему около пятидесяти. Движения его были резкими и быстрыми, он сильно сутулился, и его лицо было постоянно наклонено, будто он смотрел в землю. Когда он кланялся, приподняв шляпу с высокого лба, сначала мне, а потом мисс Грей, глаза его, окруженные обычными для близоруких людей морщинками, прощупали нас буравящим взглядом из-под черных бровей. Как мне показалось, взгляд был свиреп, и я заметила, что он редко задерживал его на чем-то больше секунды. Какое умное, злое и пугающее лицо, отметила я.

— Прогулка, нет ничего лучше умеренной прогулки. Уверен, вы здесь катаетесь на лодке и, конечно, в карете. Что вам нравится больше, мисс Уэр? — Незнакомец говорил с легким иностранным акцентом, и, хотя он улыбался, речь его была резкой и быстрой.

Я забыла, что ответила на его вопрос, довольно странный. Он развернулся и немного прошелся с нами.

— Очаровательное место. Божественная погода. Но, должно быть, вам здесь одиноко. Наверное, вы обе мечтаете хотя бы о неделе в Лондоне!

— Лично мне здесь нравится больше, — ответила я. — Я не люблю Лондон летом, и даже зимой я предпочитаю Мэлори.

— Осмелюсь предположить, вы живете здесь с людьми, которых любите, и поэтому любите это место, — сказал он.

Мы немного прошли молча. Его слова воскресили воспоминания о дорогой Нелли. Когда-то это была наша любимая дорога для прогулок: она вела к ежевичным дебрям, богатым ягодами поздней осенью, а в мае вал покрывался первоцветами и примулами. Мои глаза наполнились слезами, но усилием воли я остановила их. Мне не хотелось плакать в присутствии незнакомца. Как редко люди плачут на похоронах любимых! Они переносят этот публичный обряд, словно казнь, бледные и собранные, и возвращаются домой, чтобы разорвать себе сердце в одиночестве. Мое сердце по-прежнему было разорванным.

— Вы здесь уже несколько месяцев, мисс Грей. Осмелюсь предположить, что вы находите мисс Уэр очень способной ученицей. Я считаю, что что-то смыслю в физиогномике, и могу поздравить вас с очень милой и послушной ученицей, так?

Лаура Грей немного свысока посмотрела на этого навязчивого джентльмена, который, задав

вопрос, резко взглянул на нее, а потом быстро на меня, будто хотел проверить нашу реакцию.

— Думаю… я надеюсь, что мы счастливы вместе, — сказала она. — Но я могу ответить только за себя.

— Так я и думал, — кивнул незнакомец, делая понюшку табаку. — Должен упомянуть, что я очень хороший знакомый, можно сказать, даже друг миссис Уэр, поэтому чувствую себя вправе интересоваться.

Мистер Кармел шел молча, опустив взгляд в землю.

У меня кипела кровь от негодования, что этот бесцеремонный, а пожалуй, и наглый человек обращается со мной как с ребенком.

Он повернулся ко мне:

— По вашей внешности, юная леди, могу предположить, что вы уважаете власть. Думаю, вашей гувернантке очень повезло: глупый ученик — невыгодная сделка, а вы не глупы. Упрямый ученик совершенно невыносим, но это к вам тоже не относится: вы образец прелести и послушания, я угадал?

У меня зарделись щеки, и я бросила на него такой взгляд, который можно было бы назвать испепеляющим.

— Мне не нужно быть послушной, сэр. Мисс Грей и не думает упражняться надо мной в воспитании. В следующем году мне исполнится восемнадцать. Со мной больше не обращаются как с ребенком, сэр. Лаура, — обратилась я к гувернантке, — мне кажется, мы зашли достаточно далеко. Возможно, нам лучше вернуться домой? Мы можем прогуляться в другое время — любое время будет приятнее, чем нынче.

Не дожидаясь ее ответа, я развернулась, держа высоко голову и тяжело дыша. Я чувствовала, как все сильнее горят мои щеки.

Неприятный незнакомец, ничуть не обескураженный моим недовольством, проницательно улыбнулся и пошел рядом со мной. С другой стороны от меня шла Лаура, которая сказала мне впоследствии, что она наслаждалась моим смелым отпором дерзкому собеседнику. Она смотрела прямо перед собой, как и я. Боковым зрением я видела, что нахальный старик будто бы не осознает или, по крайней мере, не обращает внимания на нанесенную ему обиду. За ним шел мистер Кармел, все так же опустив глаза в землю.

Должно быть, ему стыдно, подумала я, что он представил нам такого неучтивого человека.

Я не успела додумать эту мысль до конца, когда незнакомец снова обратился ко мне:

— Так вы сказали, что дебютируете, мисс Уэр, когда вам исполнится восемнадцать?

Я не ответила. Что за странный вопрос?

— Сейчас вам семнадцать, и остался год, — продолжил он и повернулся к мистеру Кармелу. — Эдвин, идите домой и велите слуге впрячь мою лошадь.

Мистер Кармел исчез на тропинке, ведущей к конюшням. Снова повернувшись ко мне, незнакомец сказал:

— Что, если ваши отец и мать отдали вас под мою единоличную опеку с указанием увезти вас из Мэлори и сегодня же взять все заботы о вас на себя? Вы будете готовы немедленно уехать вместе с леди, назначенной присматривать за вами, и с одобрения ваших родителей?

— Нет, сэр, я не поеду. Я останусь с мисс Грей. И я не покину Мэлори, — ответила я, резко остановившись и повернувшись к нему.

Я почувствовала, что сильно побледнела, но говорила очень решительно.

— Нет? А если, юная леди, я покажу вам письмо вашего отца?

— Определенно нет. Только грубая сила выдво-

рит меня из Мэлори, пока я лично не увижу отца. Он никогда не поступит так жестоко! — воскликнула я в отчаянии.

Мужчина изучал мое лицо темными огненными глазами.

— Вы смелая юная леди, и своенравная! — сказал он. — Так вы не подчинитесь воле родителей?

— Я сделаю так, как сказала, — ответила я, внутренне дрожа. Вид незнакомца с каждой минутой казался мне все более зловещим.

Он обратился к мисс Грей:

— Вы заставите ее сделать так, как ей приказано?

— Я не могу. Кроме того, в таком серьезном деле, я думаю, она права, что не предпримет никаких действий, не увидевшись с отцом или, по крайней мере, не получив известия от него напрямую.

— Ну, я должен идти, — сказал незнакомец. — И должен признаться, что все это просто мистификация: у меня нет полномочий или желания прерывать ваше пребывание в Мэлори. Скорее всего, мы больше никогда не увидимся, вы же простите старику его шутку, юные леди?

Грубо и эксцентрично высказавшись, он при-

поднял шляпу и с живостью молодого человека взбежал на насыпь у дороги. А потом, будто совершенно забыв о нас, спустился на другую сторону и исчез из виду.

Мы с Лаурой Грей смотрели ему вслед. Потом посмотрели друг на друга.

— Я почти подумала, что он сошел с ума! — сказала мисс Грей.

— Что заставило мистера Кармела представить нам такого человека? — воскликнула я. — Вы расслышали его имя? — добавила я после того, как мы снова посмотрели в направлении, в котором он исчез, и, по счастью, не увидели его.

— Дроквилль, кажется, — ответила она.

— Ох, Лаура, мне так страшно! Как вы думаете, папа действительно может сделать нечто подобное? Он слишком добр. Уверена, это ложь.

— Это шутка, он же сам так сказал. Конечно, очень странная, бессмысленная и не смешная даже ему самому.

— Так вы не думаете, что это правда? — настаивала я, потому что моя паника вернулась.

— Ну, я не могу думать, что это правда, потому что, если бы это было так, зачем ему говорить, что это шутка? Скоро мы все узнаем. Возможно, мистер Кармел просветит нас.

— Мне показалось, что он боится этого человека…

— Мне тоже, — кивнула мисс Грей. — Возможно, они чем-то связаны?

— Сегодня же напишу папе и расскажу об этом. Вы должны мне помочь, я буду молить папу не думать ни о чем столь ужасном и жестоком.

Лаура Грей резко остановилась и взяла меня за запястье, размышляя:

— Может быть, нам лучше развернуться и пройти немного дальше, чтобы дать ему время уехать.

— Но если он намеревается увезти меня, он будет ждать моего возвращения столько, сколько нужно.

— Все может быть, но чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что все это ерунда.

— В любом случае я возвращаюсь, — ответила я. — Давайте зайдем в дом и запрем двери, и если этот гнусный месье Дроквилль, или как его там, попытается попасть внутрь силой, Томас Джонс остановит его. Мы пошлем Энн Оуэн в Кардайлион за Уильямсом, полисменом. Ненавижу тревожное ожидание! Если предвидится что-то неприятное, лучше решить это как можно скорее.

Лаура Грей улыбнулась и весело заговорила о наших опасениях, будто это и правда ерунда, но я не думаю, что внутренне она была так же спокойна, как внешне.

Мое сердце бешено стучало, когда мы пошли к нашему старому дому, где, как вы уже слышали, собирались выдержать осаду.

Глава VII
Тассо[10]

Полагаю, я вела себя глупо, но если бы вы видели странное и неприятное лицо месье Дроквилля, если бы слышали его трескучий гнусавый голос, полный презрения, вы бы меня поняли. Признаюсь, я дрожала от страха, когда мы углубились в темную аллею, ведущую к дому.

Я немного замешкалась на подъездной дороге, не длинной, но обеспечивающей хороший обзор парадной двери. Я слышала страшные истории о глупых девушках, таинственно похищенных и увезенных в монастырь, о которых больше никто не слышал. У меня были сомнения, стоит ли мне, если я увижу незнакомую карету у двери дома, развернуться и бежать в лес. Но перед домом, как обычно, было пусто и тихо. На гравии лежали острые тени фронтонов, а редкие пучки травы не были примяты колесами. Поэтому, вместо того чтобы убежать, я поспешила в дом вместе с

---

[10] Сноски: 10

Торквато Тассо (1544–1595) — итальянский поэт, писатель, драматург и философ. Наиболее значительное произведение — «Освобожденный Иерусалим», рыцарская поэма, посвященная событиям Первого крестового похода.

Лаурой Грей, чтобы захватить позиции, прежде чем мы окажемся под угрозой.

Вбежав внутрь, мы заперли входную дверь, задвинули щеколду и накинули цепочку. Зараженные друг от друга паникой, поднялись по широкой лестнице в нашу комнату, повернули ключ в замке и стояли, прислушиваясь, пока не восстановили дыхание. Потом я беспокойно позвонила в колокольчик, и к нам поднялась Энн Оуэн, или, как говорят деревенские, Энн Уан.

— Где миссис Торкилл? — спросила я через дверь.

— В буфетной, мисс.

— Запри и закрой на щеколду заднюю дверь и никого не впускай.

Мы провели час в состоянии готовности и в конце концов осмелились спуститься вниз, где увидели Ребекку. От нее мы узнали, что странный джентльмен, который был с мистером Кармелом, уехал более часа назад. Мы с Лаурой, посмотрев друг на друга, не могли не засмеяться.

Ребекка слышала часть разговора, который она связала со мной только годы спустя. А в то время она понятия не имела, о ком идет речь. Что до меня, я даже сейчас не вполне уверена, что была предметом того разговора. Ниже я приведу его

настолько точно, насколько помню.

Так вот, Ребекка Торкилл, находясь в буфетной, услышала голоса у окна и тихонько выглянула наружу.

Чтобы вам все было понятно, я должна описать задний двор поместья. За домом приказчика, в котором жил мистер Кармел, стояло несколько больших деревьев, а за ними, густо обвитый плющом, находился торец кладовой. Конный двор, стены которого также были увиты плющом, образовывал вторую границу этого маленького уединенного дворика. Однако тому, кто не знал о существовании окна, спрятанного в зарослях плюща, скрыться в нем было невозможно. Стоя у этого окна, Ребекка Торкилл прекрасно видела мистера Кармела, к которому всегда относилась с подозрением, и его гостя, того самого джентльмена в черном, который, кажется, никому не нравился.

— Как я сказал вам, сэр, — проговорил мистер Кармел, — через моего друга Эмброуза я договорился о молитвах за эту душу. Они будут возноситься дважды в неделю в церкви в Париже.

— Да, да, да, все это очень хорошо, конечно, — ответил суровый голос, — но кое-что мы должны

сделать сами: знаете, святые нас не побреют.

— Сэр, боюсь, что я не вполне понял ваше письмо, — пробормотал мистер Кармел.

— Все вы поняли. Знаете, однажды она может стать ценным приобретением. Пора взяться за дело, понятно? Возьмитесь за дело. Человек, который это сказал, может это сделать. Поэтому тотчас приступайте.

Мистер Кармел кивнул.

— Вы спите, — категорично произнес гость. — Вы сказали, там есть энтузиазм и воображение. Я принимаю это как должное. Я нахожу там дух, смелость, сильную волю, упорство, непрактичность, ни капли трусости и немного дикости! Почему вы не увидели всего этого сами? Чтобы обнаружить характер, вы должны провести испытание. Вы могли узнать все это в одном разговоре.

Мистер Кармел снова кивнул.

— Пишите мне каждую неделю, но не отправляйте письма в Кардайлионе. Я буду писать вам через Хикмана, по старинке.

Больше она ничего не слышала, так как они отошли. Гость оглянулся на окна Мэлори. Это был один из его яростных быстрых взглядов, но он не заметил ничего подозрительного и продолжал

говорить еще несколько минут. Потом он быстро вошел в дом приказчика, а еще через несколько минут уехал из Мэлори.

Вскоре после этого приключения, ибо любое происшествие, что обсуждалось более десяти минут, было для нас приключением, я получила письмо от матушки, которое содержало следующий абзац:

«На днях я написала мистеру Кармелу и попросила его об услуге. Если он почитает с тобой на итальянском, а мисс Грей, я уверена, присоединится к вам, я буду очень рада. Он провел много времени в Риме и силен в итальянском; хотя люди считают этот язык простым, его произношение даже сложнее французского. Я забыла, упоминала ли мисс Грей итальянский среди языков, которым она может учить. Но как бы то ни было, если мистер Кармел возьмет на себя такой труд, это будет прелестно».

Мистер Кармел, однако, не приходил. Если инструкция «тотчас приступать» была дана на мой счет, то он не сдержал обещание, ибо я увидела его лишь через две недели. Большую часть этого времени он отсутствовал, и мы не знали где он находился.

В конце концов однажды вечером он вновь

появился в окне. Пил с нами чай и сидел на скамейке у окна — «его скамейке», как он говорил. С нами он провел, охотно беседуя, часа два, не меньше.

Конечно же, мы не упустили возможности попытаться узнать что-то о джентльмене, которому он нас представил.

Да, его звали Дроквилль.

— Мы подумали, — сказала Лаура, — что он может быть священнослужителем.

— Священник он или нет, уверен, вам все равно, лишь бы он был хорошим человеком. И он таков, и к тому же очень умен, — ответил мистер Кармел. — Он великий лингвист, был почти во всех странах мира. Не думаю, что мисс Этель много путешествовала, в отличие от вас.

Он ловко увел нас от месье Дроквилля к Антверпену и бог знает чему еще.

И все же его визит был неспроста. Он действительно предложил свои услуги, чтобы почитать с нами по-итальянски. Предварительно он направил беседу на родственные темы и только потом хитро перешел к сути. Мы с мисс Грей, зная, чего ожидать, боялись посмотреть друг на друга — мы бы непременно рассмеялись, пока он окольными путями вел нас к искомому.

По обоюдному решению мы отвели понедельник, среду и пятницу каждой недели для совместных вечерних чтений. Теперь мистер Кармел уже не сидел на своей скамейке снаружи. Он сидел за чайным столиком, как один из нас, и иногда оставался дольше обычного. Я… я считала его очаровательным. Он определенно был умен, а для меня казался чудом учености. Он был приятным, разговорчивым и совершенно особенным!

Не могу сказать, был ли он холодным или бесстрастным. Его глаза казались мне тем более восторженными и необычными, чем чаще я видела его. Я даже внушила себе, что холодная и меланхоличная безмятежность, которая удерживала нас на расстоянии, была искусственной и что под ней можно разглядеть игру и огонь совершенно иной натуры. Правда, я постоянно меняла суждение на сей счет, и эти вопросы погружали меня в долгие часы размышлений.

Какими скучными стали дни без него и как приятно было ожидание наших коротких встреч!

Наши чтения продолжались примерно две недели, но однажды вечером, ожидая скорого прихода учителя, как я называла мистера Кармела, мы получили записку, адресованную мисс Грей. Она начиналась: «Дорогая мисс Эт», но

последние две буквы были зачеркнуты, и теперь там значилось «мисс Грей». Я сочла это свидетельством того, что его первая мысль была обо мне.

Далее в записке говорилось:

«Я сожалею, но долг зовет меня на время покинуть Мэлори и приостановить наши итальянские чтения. У меня есть лишь минута написать, чтобы вы не ждали меня вечером, и сказать, что в данный момент я не могу назвать день моего возвращения.

В огромной спешке и с многочисленными извинениями,

поистине ваш

Э. Кармел».

— Так он снова уехал! — сказала я раздосадованно. — И что нам сегодня делать?

— Что захотите — все равно… Мне жаль, что он уехал.

— Как же он неусидчив! Почему он не может спокойно жить здесь? У него не может быть настоящих дел вдали отсюда. Возможно, имеет место долг, но это больше похоже на праздность. Наверное, ему наскучило так часто приходить к нам читать Тассо и слушать мою чепуху. Мне кажется, или записка в самом деле очень холодна?

— Вовсе нет. Разве что немного. Но не холоднее,

чем он сам, — сказала Лаура Грей. — Он вернется, когда закончит дела: я уверена, что у него есть дела, иначе зачем ему лгать об этом?

Я обиделась из-за его отъезда и еще больше из-за записки. Его бледное лицо и большие глаза я считала самыми красивыми в мире.

Я взяла один из справочников Лауры о полемике — они были отложены, когда улеглась первая паника и стало ясно, что мистер Кармел не собирается поколебать нашу веру. Листая страницы, я сказала:

— Если бы я была неопытным молодым священником, Лаура, я бы страшно боялась подобных чаепитий. Кажется, я знаю, чего он боится: боится ваших глаз, боится влюбиться в вас.

— Определенно не в меня, — ответила она. — Может быть, вы хотите сказать: он боится, что скажут люди? Думаю, мы с вами сможем все опровергнуть. Но мы болтаем глупости. Те, кто посвятил себя Богу, говорят с нами, мы видим их, но между нами стоит непроходимая стена. Представьте прозрачное стекло, сквозь которое вы можете видеть так же ясно, как сквозь воздух, но толстое, как лед, на котором проходит голландская ярмарка. Таков их обет.

— Интересно, девушка когда-нибудь влюбля-

лась в священника? Это была бы трагедия! — сказала я.

— Смехотворная, — улыбнулась Лаура. — Помните старую деву, которая влюбилась в Аполлона Бельведерского? Это может случиться только с сумасшедшей.

Думаю, для Лауры Грей это был скучный вечер. Для меня уж точно.

Глава VIII
Гроза

Примерно неделю мы ничего не слышали о мистере Кармеле. Существовала возможность, что он уже никогда не вернется. Я была расстроена. В тот день, о котором я расскажу, Лаура Грей не выходила из дома из-за простуды. Поэтому я одна отправилась к Пенрутинскому монастырю и, как часто делают люди в подавленном состоянии, была расположена потакать своей меланхолии, а сказать больше — лелеять ее.

Грозовые тучи давно уже двигались с юго-востока, от высоких зубцов далеких гор по ту сторону эстуария, и сейчас мрачный купол повис над вершинами холмов, сбегающих к морю. Был вечер, я должна была вернуться домой к чаю, но я не торопилась. Гроза, которую можно лицезреть вблизи Мэлори, поистине величайшее зрелище. Облюбовав для себя вершины гор, пугающие природные баталии редко посещают наш относительно ровный берег, и мы видим молнии лишь издалека. Но теперь они приблизились. Яркие на фоне темнеющего неба и фиолетовых гор, они

раскалывали небо. Перекатываясь от утеса к утесу, в каменистых ущельях рокотал гром; затихал, потом снова взрывался и снова затихал, оставляя по себе рев и дрожь клокочущего котла.

Представьте эти звуки — так, должно быть, грохотали пушки в битве ангелов у Мильтона[11]. Представьте лучи заходящего солнца, сквозь просвет в черной пелене облаков озаряющие надгробия на нашем кладбище, где на каменной скамье я сидела у могилы моей дорогой сестры. Представьте странное волнение в воздухе — это не ветер вовсе, — иногда затихающее, иногда усиливающееся. Представьте стонущие шквалы, что зловеще колыхали ветви старых деревьев, окружающих погост.

Впервые со дня смерти Нелли я посетила это место без слез. Мысли о смерти перестали быть душераздирающими, они сменились на тяжелые и пугающие: «Сердце мое трепещет во мне, и смертные ужасы напали на меня»[12]. Стиснув руки и не отрывая взгляда от грозового горизонта,

---

[11] Сноски: 11

Подразумевается поэма Джона Мильтона (1608–1674) «Потерянный рай», посвященная истории грехопадения Адама и Евы и другим библейским событиям.

[12] Сноски: 12

Пс. 54:5.

я сидела у могилы любимой сестры и думала о ней. Она в гробу, в нескольких футах под землей. Могила — тюрьма Божья, как говорит Ребекка Торкилл, а затем Страшный суд!

Охватившее меня чувство отчаяния было, осмелюсь признаться, всего лишь неосознанным следствием созерцания мстительного буйства природы.

Вдруг я услышала шаги и обернулась. Мистер Кармел… Я была удивлена и смущена. Мне показалось, что он бледнее обычного и выглядит больным. Не помню, как мы поздоровались. Кажется, я сказала что-то о грозе.

— Но вы же понимаете этот феномен, его причину,– ответил он.– Помните, мы говорили об электричестве? Так вот оно, перед вами! Мы знаем, что все это лишь восстановление равновесия. Представьте, как будет, если Бог восстановит моральный баланс и установит активы вечности! Бывают настроения, бывают времена и ситуации, когда мы справедливо созерцаем нашего великого Творца. «Бойтесь того, кто по убиении может ввергнуть в геенну»[13]. Да-да, бойтесь. Страдания мимолетны. Слезы могут литься всю ночь, одна-

[13] Сноски: 13
Лк. 12:5.

ко утром вернется радость. Наша земная жизнь полна сострадания, но в аду сострадания не будет, откроется вечность и будет длиться без конца.

Тут он прервался и взглянул через эстуарий, прислушиваясь, как казалось, к раскатам грома.

Вскоре он продолжил:

— Смерть неизбежна, не определен лишь час и способ: медленная или внезапная, в милости или во грехе. Поэтому мы должны быть готовы всегда. Лучше на двадцать лет раньше, чем на секунду позже: ибо погибнуть — значит исчезнуть навеки. Твоя смерть зависит от твоей жизни: какой была жизнь, такой будет и смерть. Как мы осмелимся жить в состоянии, в котором не осмелимся умереть?

Я не могла оторвать взгляда от молодого священнослужителя, который, предложение за предложением, бил в самую суть того, что громыхало над нами, по крайней мере я это так понимала. Он стоял с непокрытой головой, его большие глаза иногда поднимались к небу, иногда останавливались на мне, и изменчивые порывы ветра судорожно трепали его волосы. Луч солнца, коснувшись его тонкой руки, переместился на высокую траву. Нас окружали могилы, и казалось, в воздухе плывет голос самого Бога.

Мистер Кармел придвинулся и продолжил говорить. В том, что я слышала, не было ничего противоречивого — он не сказал ни слова, под которым я не могла бы подписаться. Он цитировал Библию, но рассказывал об ужасах Откровения с наглядностью, к которой я не привыкла, и тон его был устрашающим.

Мне трудно вспомнить и передать дословно его речь. С обыденностью и простотой он представлял иной взгляд на христианство. Помимо голой силы фактов и краткости, с которыми он излагал свои мысли, не знаю, было ли какое-то особое красноречие в его напоре, но, как говорится в Священном Писании, у меня «зазвенело в обоих ушах»[14].

Он не пытался прямо побороть протестантские нормы: это могло бы встревожить меня, а он был слишком тактичен. Все, что он говорил, было просто беседой об учении, близком ему.

— В той книге легенд, что вас заинтересовала, — сказал он, — вы найдете молитву святого Алоизия Гонзаги, а также анонимную молитву, очень печальную и красивую. Я отметил обе красными чернилами на краю страниц, так что

---

[14] Сноски: 14

«И сказал Господь Самуилу: вот, Я сделаю дело в Израиле, о котором кто услышит, у того зазвенит в обоих ушах» (1Цар. 3:11).

вы легко их найдете. Они покажут вам дух, с которым верующие приближаются к Деве Марии. Думаю, они заинтересуют вас. Они направят ваше сочувствие на тех, кто страдал так же, как вы, но нашел мир и надежду в этих молитвах.

Он очень трогательно заговорил о моей сестре, и тут я не могла сдержать слез. Это были самые странные полчаса в моей жизни. Теперь моя скорбь по сестре была окрашена ужасом. Не слишком ли легко мы, лютеране, обращаемся к этой могущественной эмоции — страху?

Какое-то время высокий худой мужчина в черном, чьи глаза сияли почти болезненным воодушевлением, казался духом в сгущающихся сумерках. Гром по-прежнему гремел и перекатывался в горах, блеск молний стал холоднее во мраке, и ветер печально колыхал кладбищенскую траву и верхушки деревьев. По пути домой моя голова полнилась ужасных мыслей, а сердце взволнованно билось; у меня было чувство, что я говорила с посланником из другого мира.

Глава I X
Пробуждение

Мы сильно вредим священникам-миссионерам, когда изображаем их хладнокровными интриганами, пользующимися нашей доверчивостью. Нам кажется, что они стремятся опутать нас софистикой и заманить в психические и моральные катакомбы, из которых нет выхода. Но мы недооцениваем их опасность, когда отрицаем, что они могут быть искренними. Мистер Кармел стремился спасти мою душу — уверена, он был движим благородным и чистым мотивом. Допустим, он действовал с осторожностью и даже с хитростью, но верил при этом, что делает это по воле Небес и ради моего вечного блага. Теперь, с возрастом, я понимаю его лучше — его силу и слабость, его аскетизм, его решительность, его нежность. Этот молодой священник — давно почивший — стоит передо мной в белых одеждах чистоты. Я вижу его сейчас, как видела в последний раз: тонкие красивые черты, свет терпения на лице, бледная улыбка страдания и победы. Что же, тревоги и печали позади — теперь ему спо-

койно. Мои благодарности никогда не достигнут его, мои напрасные молитвы следуют за верным потерянным другом, и слезы рвут мое тоскующее сердце.

Казалось, Лаура Грей перестала подозревать мистера Кармела. Мы стали видеться с ним чаще. Наши чтения продолжились, и иногда он присоединялся к нам во время прогулок. Каждое утро я видела его из своего окна с лопатой и совочком в крошечном садике, который примыкал к дому приказчика. Он работал ровно час — начинал около семи и заканчивал около восьми. Потом он надолго исчезал и появлялся почти вечером. Мы читали по-итальянски *Gerusalemme Liberata*[15] или шли на прогулку, и на любую тему он говорил с нами в своей обыкновенной манере: мягко, но холодно. Мы трое стали большими друзьями. Мне нравилось наблюдать — о чем ни он, ни Лаура Грей не подозревали — за его простой работой в саду в тени стены, где под нависающими массами плюща в живописном беспорядке склонялись старые вишни и розовые кусты.

Мы все чаще и свободнее говорили с ним о религии, когда представлялась такая возможность.

---

[15] Сноски: 15

«Освобожденный Иерусалим» (*ит.*) — рыцарская поэма Торквато Тассо.

Но эти разговоры были похожи на секреты влюбленных и, по молчаливому согласию, никогда не происходили в присутствии Лауры Грей. Не то чтобы я хотела обмануть ее, но я отлично знала, что она подумает и что скажет — о моем неблагоразумии, конечно же. Мне было бы неловко возражать, ее уговоры не помогли бы, и в конце концов мы бы, возможно, поссорились. И все же я часто хотела все ей рассказать, ибо любая скрытность по отношению к Лауре причиняла мне боль.

Прошло лето, наступила осень, и вдруг мистер Кармел снова исчез, оставив такую же туманную записку.

На этот раз я была уязвлена еще сильнее. Одиночество, которое я когда-то так любила, без него стало утомительным. Я не могла признаться Лауре и едва осознавала сама, насколько мне его не хватает.

Примерно через неделю после его исчезновения мы собирались пить чай в комнате экономки. Время еще не подошло, и я сидела у окна, которое выходило в садик, где так часто работал мистер Кармел. Розы уже осыпали свою славу на землю, и спусковой крючок осени иссушил листья фруктовых деревьев. На сад легла тень нашего

древнего дома, ибо к этому часу солнце уже склонилось на запад, и я знала, что следующее утро придет и пройдет, потом и еще одно, и еще, а он не вернется, возможно, никогда.

Маленький садик никогда не был столь печален и тих! Опавшие листья лежали нетронутыми, и сорняки проглядывали среди цветов.

— Это и есть часть твоей религии? — горько пробормотала я, глядя в открытое окно. — Оставлять жаждущих слушателей наполовину обученными? Дела? Какие еще могут быть дела у хорошего священника? Я думала, забота о человеческой душе превыше всего. Без тебя никто не может ответить на мои вопросы. Я забыта.

Осмелюсь сказать, в этом была некоторая неестественность. Но мое уныние было самым что ни на есть настоящим.

Пряча горькое настроение, я спустилась по черной лестнице в комнату экономки. Ребекка Торкилл и Лаура Грей о чем-то оживленно беседовали, чай был только что заварен, и все казалось таким уютным, что в другое время я бы и не думала грустить.

— Этель, вы только подумайте! — воскликнула Лаура, увидев меня. — Ребекка только что рассказала мне, что тайна мистера Кармела до-

вольно проста. Мистер Причад, бакалейщик в Кардайлионе, навещал своего кузена на ферме близ Плазнвида и видел там нашего квартиранта в карете с миссис Тредвинид. Ребекка говорит, миссис Тредвинид еще очень красивая женщина и одна из самых богатых вдов Уэльса. Мистер Кармел живет там с тех самых пор, как уехал от нас, и его последний визит, когда мы думали, что он отправился в монастырь, был в тот же дом к той же леди! Но это еще не все. Миссис Торкилл, расскажите конец истории мисс Этель, прошу вас.

— Ну, мисс, это не точно, но в Плазнвиде болтают, что она влюблена в него и что он станет протестантом, и тогда они поженятся. Все в Плазнвиде говорят одно и то же, а что все говорят — то правда.

Я вежливо посмеялась, спросила, готов ли кекс, и посмотрела в окно. Ветви старых фруктовых деревьев в саду приказчика были так близко, что стучали бы в стекло, если б дул ветер. Барабаня мелодию по столу, я пыталась казаться беззаботной, как должно девушке, но ощущала холод и слабость, и сердце мое разрывалось. Не знаю, как я не упала в обморок.

Лаура, не думая об эффекте, который произвели на меня ее слова, продолжала беседовать с

Ребеккой, и никто из них не заметил, насколько я потрясена известием.

Той ночью я долго плакала в постели, после того как моя гувернантка уснула. Я и не подумала усомниться в правдивости этой истории. Мы склонны верить в то, чего мы страстно желаем или же страстно боимся. Неистовство собственных эмоций поразило меня. Наконец-то у меня открылись глаза на грозящую мне опасность.

Рыдая, я шептала:

— Он уехал, он уехал, я потеряла его, он больше никогда не вернется! О! Почему ты притворялся, что я тебе интересна? Почему я слушала тебя? Почему ты мне понравился?

Подобные причитания и упреки, которые вы можете представить, рассеяли мой сон и поразили рассудок. Но у меня было время оправиться: к счастью, эта дикая фантазия не успела перерасти в более опасное и невозможное чувство. Я казалась себе лунатиком, проснувшимся на краю обрыва. Если бы я привязалась к мистеру Кармелу, мое сердце было бы разбито и мой секрет исчез бы вместе со мной.

Прошло несколько недель, и произошло событие, которое направило мои мысли в новое русло и вывело незабываемого актера на сцену

моей жизни.

Глава X
Вид из окна

Бушевал октябрь; свирепый и печальный месяц! Август и сентябрь тронули листья золотом и багрянцем, нежно ослабив саму их связь с ветвями деревьев. Октябрь приходит, когда все уже готово к концу: он с яростью исполняет смертный приговор, вынесенный с первой желтизной листвы в теплом свете уходящего июля.

Октябрь кажется еще меланхоличнее из-за редких тихих золотых дней, купающих нас в солнечных лучах, мягких и чистых, как летом, когда тонкие ветви отбрасывают тени на коричневые кучки облетевшей листвы.

В тот вечер, о котором я говорю, в небесах стоял угрожающий закат, и лодочники Кардайлиона предрекали приближающуюся грозу. Их предсказания сбылись.

Ветер начал вздыхать и стонать в деревьях и каминных трубах нашего дома вскоре после заката, и через час принес шторм с северо-запада. Оттуда из открытого моря ветер попадает прямо в эстуарий. Волны, набирая силу, величественно

обрушивались на скалы рядом с Мэлори.

Как обычно, вечером мы устроились пить чай. Напор ветра на окна все время усиливался, и вот гроза достигла своей высшей точки.

— Вы не боитесь, что окна могут не выдержать? — спросила Лаура после очередного порыва. — Ветер просто невероятный! Может быть, нам лучше уйти в заднюю часть дома?

— Никакой опасности нет, — ответила я. — У этих окон необычайно крепкие рамы и маленькие стекла. Они выдержали столько гроз, что мы можем положиться на них.

— Вот снова! — воскликнула она. — Это ужасно!

— Тем не менее мы в безопасности. Стены Мэлори сложены из камня, с хлипкими кирпичными домами не сравнить, а каминные трубы не уступят сторожевым башням. Давайте поднимемся в Коричневую комнату и подойдем к окну, — предложила я. — Там есть просвет в деревьях, через который хорошо видно море. Это того стоит, дорогая Лаура: вы еще не видели настоящего шторма.

Я убедила ее подняться со мной по лестнице. Оставив свечу у двери, мы подошли к окну комнаты и стали свидетелями потрясающего зрелища.

Над морем и землей, над горами и лесами си-

яла ослепительная луна. Растрепанные клочья облаков кружились быстрее, чем летящие птицы. Насколько мог различить глаз, море было испещрено белыми полосами пены. Ближе к гнущимся от непрерывного ветра деревьям у нашего маленького кладбища — уж его-то ничто не могло побеспокоить — над всем этим хаосом возвышалась черная скала, которую в хорошую погоду соединял с материком узкий перешеек. Я знала, что за скалой простирается ужасный риф, на котором много лет назад потерпел крушение «Подлинный». Сквозь пену в воздухе, которая, взлетая, оседала вниз, словно снег, мы могли видеть волны. У самой скалы они были особенно большими, а пена казалась пушечным дымом. Но воды эстуария были относительно спокойны.

Не в силах оторвать глаз от бурного моря, мы провели целых полчаса у окна, как вдруг… неужели это судно, лишившееся мачт? Нет, пароход… большой, с низкими трубами. Казалось, он был примерно в полутора милях от берега. Иногда он исчезал из виду, затем снова появлялся на гребне волны. Мы затаили дыхание. Может быть, судно пытается укрыться у волнолома Кардайлиона или просто идет с попутным ветром?

Однако курс его казался мне неуверенным, и

перед ним был зловещий риф, забравший немало прекрасных кораблей и храбрых жизней. Мне было известно, что опытный капитан мог бы проскочить к волнолому — там был довольно широкий проход. Но есть ли на борту кто-то, кто знает сложную навигацию у наших берегов? Возможно ли вообще управление при таком шторме? И самое главное: в исправности ли корабль? В любом случае я понимала, насколько велика опасность.

Читатель, если вы никогда не были свидетелем подобного зрелища, вы не можете представить истерическое возбуждение от напряженного ожидания. Вы начинаете переживать за тех, кто в этот ужасный момент находится на борту, ваше сердце с ними, их страхи — ваши страхи. Корабль, ведомый наудачу капитаном, всего лишь человеком, вступает в неравную битву с яростью моря и ветра, да еще и вблизи смертельных скал, тут самое храброе сердце сжимается, а время проходит в неосознанной агонии молитв.

Мы не слышали, как к нам присоединилась Ребекка Торкилл.

— Ох, Ребекка! — воскликнула я. — Там в море корабль… как вы думаете, им удастся спастись?

— На верхней площадке черной лестницы, на

полке, должен быть телескоп, — сказала она, посмотрев в окно. — Да поможет им Бог, бедные души! «Подлинный» так же шел по ветру в ту ночь, когда потерпел крушение. И мне кажется, сегодня шторм еще сильнее.

Миссис Торкилл вышла и вскоре вернулась с длинным морским телескопом в изношенном парусиновом футляре. Я смотрела первой. Поблуждав по бушующему морю и поймав на секунду качающуюся вершину дерева, линза наконец-то захватила судно. Это был большой пароход, который ужасно кидало и бросало. Даже моему неопытному глазу он казался неуправляемым. Мне стало нехорошо, и я передала телескоп Лауре.

Несколько лодочников из Кардайлиона бежали по дороге, которая проходила перед Мэлори. Двое или трое уже добежали до возвышения у кладбища и наблюдали за судном с продуваемого склона. Я знала всех местных лодочников — мы часто их нанимали — и решительно сказала:

— Я не могу здесь оставаться — я должна услышать, что они говорят. Лаура, идемте со мной.

Лаура ничуть не возражала.

— Вздор, мисс Этель! — всплеснула руками экономка. — Мисс Грей, на таком ветру не удержится

никакая шляпка, никакой капор! Вы не можете выйти из дома в такую погоду!

Однако возражения были напрасны. Я надела на голову платок, крепко завязав его под подбородком, Лаура сделала так же, и мы ушли, невзирая на протесты и мольбы Ребекки. Нам пришлось выйти через заднюю дверь: в такой ветер было бы невозможно открыть парадную.

В ярком свете луны мы шли под хлипкой защитой деревьев, которые с ревом водопада качались над нашими головами. Против ветра подняться на холм было трудно. Мы то и дело останавливались и отступали, но в конце концов добрались до маленькой площадки, с которой ясно были видны скалы и море. Справа от меня, придерживая шляпу широкой крепкой рукой, стоял лодочник Уильямс. Лаура была слева. Наши платья хлопали и рвались на ветру с таким звуком, словно трещали тысячи кнутов, и в ушах у меня был такой шум, что, несмотря на плотно повязанный платок, я едва могла слышать хоть что-то.

Глава XI
Катастрофа

Теперь пароход казался еще больше. Было понятно, что у него нет шансов уклониться от скал. Лодочники перекрикивались друг с другом, но я не понимала, что они говорят, и не слышала больше двух слов за раз.

Пароход поднялся очень высоко, а потом будто нырнул в море и потерялся из виду. Меньше чем через минуту он вновь взгромоздился на гребень волны и снова пропал.

— Колесо правого борта! — закричал широкоплечий моряк в бушлате, приложив ребро ладони к уголку рта.

Среди мужчин был Томас Джонс, шляпу с него сорвало ветром; увидев меня, он немного отступил.

— Томас, — закричала я, — разве в Кардайлионе нет спасательной лодки?

— Ни одной, мисс, — прокричал он в ответ, — а если б и была, она бы не продвинулась против ветра.

— Ни на дюйм, — крикнул Уильямс.

— У них есть шансы? — крикнула я.

— Якорь с кормы! Там плохой захват! Он его тащит! — Голос Уильямса, хотя он стоял не дальше чем в двух футах от меня, казался далеким и приглушенным.

Пароход встал на дыбы, словно лошадь, и устремился вниз, высоко над его черной массой выстрелил гигантский фонтан пены. Затем он накренился в сторону и вниз, и на его месте через секунду осталось лишь бушующее море.

— О господи, они утонули? — воскликнула я.

— Еще держатся, — крикнул мужчина в бушлате.

Судно снова появилось, взлетев в лунном свете, и почти то же самое повторилось еще раз и еще. Моряки, которые видели это, крича, обменивались мнениями, и из того немногого, что мне удалось услышать и разобрать, я поняла, что спасение возможно, если их не будет волочить якорь. Но море было очень, очень бурным, а скалы уже прямо под носом. Какой уж тут якорь…

В состоянии напряженного ожидания прошло, должно быть, с четверть часа. Вдруг судно вынырнуло ближе к нам, чем обычно. Мужчины шагнули вперед. Было ясно: что-то случилось. Судно снова поднялось, еще раз нырнуло и… ис-

чезло. Я ждала, затаив дыхание. Ждала и ждала. Но за скалами были только перекатывающиеся волны и клубящаяся пена. Корабль больше не показался, на том месте, где он мог бы быть, в призрачном лунном свете играли волны. Я заломила руки и закричала. Я не могла отвести взгляд от моря и не прекращала читать одну и ту же короткую молитву. Проходили минуты, корабля не было. Я прижала руки ко лбу, и слезы заструились по моим щекам.

Но что это? На вершине скалы вдруг появилась фигура мужчины. Сначала она была отчетливо видна на фоне серебристого неба, но вот он нагнулся, будто чтобы спуститься по ближнему склону, и мы потеряли его из виду. Лодочники закричали и жестами стали показывать, что идут на помощь. Трое или четверо из них с Томасом Джонсом во главе побежали вниз по склону к причалу, где была надежно укрыта рыбацкая лодка. Вскоре она двигалась вдоль берега, четверо мужчин мощно гребли против ветра. Хотя они шли в укрытии рифа, все же это было бурное море, далеко не безопасное для них. Гребцов словно градом обдавало брызгами, и лодка тяжело взбиралась на пляшущие волны.

Больше на скале, вокруг которой высоко взмы-

вали в воздух облака пены, никто не появился. Мужчины, которые наблюдали с берега, потеряли всякую надежду и начали спускаться с холма, чтобы дождаться возвращения лодки. И в конце концов она вернулась с одним спасенным.

Мы с Лаурой Грей отправились домой, и часто ветер вынуждал нас переходить на бег. Уже собираясь войти через заднюю дверь, я увидела у домика приказчика миссис Торкилл с одной из служанок, явно встревоженных.

— Ох, мисс Этель, дорогая, вы это видели? Помоги нам Господь! Целый корабль утонул! Мы тут чуть с ума не сошли.

Я коротко ответила. Мне было плохо, я все еще дрожала и была готова снова разрыдаться.

— Приходил Томас Джонс, мисс, попросил оставить спасенного на ночь у нас в домике приказчика, и так как мистера Кармела нет, я подумала, что ваши родители не отказали бы в этой просьбе. Верно же? Поэтому я сказала: да, неси его сюда. Я была права, мисс? Сейчас мы с Энн Уан готовим для него постель.

— Конечно, — ответила я.

Мой интерес снова пробудился, и почти в то же самое время в выстланном плитами дворике появился Томас Джонс в сопровождении несколь-

ких кардайлионских лодочников. С ними был человек, избежавший смерти на корабле. Можете представить, с каким интересом я смотрела на него. Он был молод и строен, в коротком матросском бушлате, совершенно промокшем, фуражка пропала. Черты лица у него были правильными и, как мне показалось, волевыми. Несмотря на загар, он был бледен как смерть. Его длинные черные волосы слиплись от морской воды, и из-под них сочилась кровь, кровь была и на руке, которую он прижимал к груди. На пальце сверкало широкое золотое кольцо. У меня была лишь секунда, чтобы рассмотреть все это. Слегка раскачиваясь, с очень мрачным непримиримым видом он прошел мимо меня как лунатик. Почему-то мне захотелось подбежать и взять его за руку!

Я вошла в большой дом и нашла Лауру Грей. Она была взволнована так же, как я.

— Вы могли представить, — почти кричала она, — что-то столь ужасное? Лучше бы я не видела этого. Я никогда не забуду эту картину.

— Я тоже так думаю. Но мы не могли поступить по-другому: мы бы не выдержали напряжения. Вот почему люди, которые меньше других способны терпеть, иногда видят самые страшные вещи.

Когда мы гадали, откуда этот пароход, как его

название и сколько людей было на борту, в комнату вошла Ребекка Торкилл.

— Я отослала лодочников домой, мисс, угостив каждого пинтой крепкого эля. Надеюсь, когда этот парень немного придет в себя, он поблагодарит их и Томаса Джонса за спасение. И он, конечно, должен от всего сердца поблагодарить Всемогущего.

— Когда я его видела, мне не показалось, что он настроен молиться, — сказала я.

— Ни слова благодарности ни Богу, ни кому-то другому, — вздохнула она. — Сел, мрачный и грозный, на край кровати и молчит. Лишь вытянул ногу, чтобы Томас Джонс снял с него ботинок. Я подогрела пинту портвейна и спросила его, послать ли за доктором, так он пожал плечами, словно ему ничего не нужно. А когда Томас снимал с него второй ботинок, я слышала, как вместо молитвы или благодарности он бормочет что-то себе под нос с недовольным видом. И да простит меня Бог, если я не права, но мне показалось, что я слышала, как он кого-то проклинал. Разве так делает человек, милостью Божьей избежавший смерти? Есть такие люди, мисс, которых жизнь не учит, добро не смягчает, а правосудие не пугает, пока не становится слишком поздно.

Вскоре мы отправились спать. Я долго лежала в темноте, вспоминая ужасную картину. Перед глазами стоял бледный, истекающий кровью посланец с корабля смерти. Мое представление о том, как должен выглядеть спасенный, было совсем другим! А этот человек выглядел так, словно ему вдруг открылся страшный секрет, словно он был полон негодования и ужаса.

В моих глазах он был поразительной фигурой, а то, что он пережил, сделало из него героя.

Глава XII
Гость

Первое, что я услышала о незнакомце утром, было то, что он отправил посыльного к владельцу гостиницы «Верни Армс» с запиской о двух больших коробках, которые он оставил у него, когда яхта «Пенный колокол» прибыла в Кардайлион примерно две недели назад. Записка была подписана инициалами Р. М.

Яхта стояла у Кардайлиона не больше двух часов, и никто в городке ничего о ней толком не знал. Несколько человек в синих рубашках и в клеенчатых фуражках гуляли по набережной и пили пиво в «Георге и подвязке», но знакомства ни с кем не заводили. Было известно только то, что яхта принадлежит сэру Дайвсу Уортону, баронету, и что джентльмен, который оставил коробки, — это не сам баронет. Оставляя коробки, он приложил записку, что их заберет некий Эдвард Хэтэуэй — инициалы не совпадали, но записка была написана тем же почерком, что и поступившая из Мэлори. Мистер Хьюз, владелец «Верни Армс», приехал к нам взглянуть на от-

правителя, чтобы снять все вопросы. Узнав в нем того самого джентльмена, который оставил ему коробки, он тотчас прислал их ему.

Вскоре после этого на аллее, ведущей к большому дому, появился доктор Мервин, наш старый друг.

Было тихое ясное утро. Гроза сделала свою страшную работу и улеглась, море и небо снова стали безмятежными. Но день таковым не был. Уже около пятидесяти утонувших принесли и рядами уложили на землю у кладбища лицами вверх. Я была рада, что склон, на котором они лежат, скрыт от нас. Но я все равно слышала из разговоров, что там были самые разные люди. Ливерпульский денди, седовласый делец, хитрый коммивояжер, маленькие дети, суровые моряки, женщины в промокших шелках или сарже… теперь все они равны.

Волны, танцующие при солнечном свете, казались мне смертельно опасными, а на черные скалы я смотрела с содроганием.

Доктор, увидев нас у открытого окна, приветственно поднял шляпу, и осеннее солнце коснулось его лысой головы. Он подошел к подоконнику и, опершись на скамейку, где иногда сиживал мистер Кармел, рассказал нам все, что

ему удалось выяснить о затонувшем судне. Пароход под названием «Замок Конуэй» направлялся из Ливерпуля в Бристоль. Одно из его гребных колес повредилось в начале шторма, поэтому он завалился под ветром и утонул.

— А сейчас, — сказал доктор, — я собираюсь взглянуть на самого везучего человека в королевстве, единственного, кто спасся с того злосчастного корабля. Полагаю, он был либо лучшим, либо худшим человеком на борту — либо слишком хорошим, чтобы утонуть, либо слишком плохим! Этот джентльмен час назад сам послал за мной. Наверное, утром он почувствовал себя дурно, и из того, что сказал Томас Джонс, я могу сделать вывод, что он сломал какую-то кость. Конечно, ничего серьезного, но, должно быть, он сильно ударился о скалы. Когда я осмотрю его — и если вы еще будете здесь, — я расскажу, что о нем думаю.

После такого обещания, будьте уверены, мы не сходили с места, и он сдержал свое слово.

Нас одолевало любопытство. Моим первым вопросом было:

— Кто он?

— Я так и знал, что вы спросите об этом в первую очередь, — сказал доктор немного раздраженно.

— Почему? — спросила я.

— Потому что именно на этот вопрос у меня нет ответа. Но я расскажу обо всем, что увидел, — продолжил доктор, занимая то же место у окна.

Мы жадно ловили каждое его слово. Я не перескажу всю эту историю, прерываемую нашими вопросами, — передам только суть и частично детали.

Когда доктор вошел, незнакомец сидел у камина в халате и тапочках, которые он взял из открытой коробки на полу. Портьеры были задернуты, и в комнате было почти темно, если не считать пламени камина. Тем не менее доктор разглядел, что незнакомец — человек молодой — был красив, но он казался больным из-за бледных щек и губ.

— Я — доктор Мервин, — представился наш эскулап, с любопытством глядя на спасшегося.

— О, спасибо, доктор Мервин! Надеюсь, вам не пришлось долго добираться. Я здесь в отчаянном положении. Если бы не стечение обстоятельств, у меня не было бы одежды, и несколько дней у меня не будет денег: совершеннейший Робинзон Крузо.

— Ах, это неважно. Пока что мой долг осмотреть вас, — ответил доктор.

— Вы очень добры, благодарю. Это место, как

мне сказали, называется Мэлори. Кто этот мистер Уэр, которому оно принадлежит?

— Достопочтеннейший мистер Уэр — брат лорда Х. Сейчас он путешествует по континенту с супругой, признанной красавицей, а его дочь, единственное дитя, живет здесь с гувернанткой.

— О, мне казалось, я слышал о двух дочерях?

Доктор опроверг это, и несколько секунд незнакомец рассеянно глядел в пол.

— Вы были на волосок от гибели, сэр, и едва избежали смерти! Должно быть, вы страшно потрясены. Я не знаю, как вы не разбились о те смертоносные скалы, — снова заговорил доктор.

— Да, кажется, я порядком ушибся…

— Это-то я и хотел прояснить.

— Я весь в синяках и порезах, — продолжил незнакомец. — Ссадина на виске, ссадина на запястье, полдюжины царапин здесь и там, но волноваться не о чем: порезы на мне заживают сами собой. Кусочек липкого пластыря — это все, что нужно, мне его дала миссис Как-то-Там, здешняя экономка. Кажется, я наглотался соленой воды. Но это ничего, учитывая, что все остальные утонули. Это была дьявольская случайность. Вы сказали, что я самый везучий человек… ха-ха-ха! Я так не думаю. — Он горько рассмеялся.

— Некоторые готовы умереть, другие не согласны. Вам лучше знать, сэр, за что быть благодарным, — сказал доктор Мервин. — Немногие рады смерти, когда она приходит.

— Я весь сплошная боль, и боль эта не телесная. Я никоим образом не в порядке, потому что потерял весь багаж, документы и деньги, хотя еще вчера процветал. Еще две-три подобные причины для благодарности непременно прикончат меня.

— Однако вы не утонули, сэр, — строго сказал доктор, который был известен в Кардайлионе как человек вдумчивый и настойчивый.

— Все остальные были как крысы в ловушке, — вздохнул незнакомец. — Я был единственным на палубе. Я бы утонул, если бы находился с другими пассажирами.

— Вряд ли ваших попутчиков стоит сравнивать с крысами, — сказал доктор Мервин, нахмурившись.

— Наверное, но я в жизни не видел подобного сборища снобов. Бедняга Хаворт настаивал, что путешествие на корабле намного приятнее путешествия по железной дороге, хотя я так не думал. Конечно, он утонул. Кроме нас двоих, там не было ни одного джентльмена, уверяю вас. Мне жалко и Спаркса — он тоже утонул. Я потерял лучшего

камердинера, который у меня когда-либо был. Но прошу прощения, я трачу ваше время. Вы думаете, я болен?

Незнакомец вяло протянул руку, чтобы доктор прощупал пульс. Тот с трудом заставил себя промолчать и провел осмотр.

— Полагаю, сэр, у вас шок.

— Господи! Неудивительно, — согласился незнакомец, усмехнувшись.

— Вы сильно расстроены, и ваши травмы намного серьезнее, чем вы думаете. Сейчас я приготовлю вам мазь, а потом пришлю микстуру, что не даст развиться жару. Так как вы наглотались воды, пока вам можно есть что-то легкое, и вы не должны пить ничего крепче кларета. Рекомендую сделать заказ в «Верни Армс». Если вы скажете, на какое имя…

— О, там меня знают, спасибо. Утром я получил от них эти коробки, и они пришлют все, что мне нужно.

Доктор, конечно же, хотел узнать его имя. Весь Кардайлион в волнении хотел узнать его. Он предпринял новую попытку, деликатно спросив, кому можно отправить счет за его услуги — «О нет, это не к спеху!», — но, в конце концов, это часть его практики — знать имена пациентов.

— Ах! Запишите меня просто как Р. М., — сказал молодой человек.

— Но не будет ли более… более привычно добавить что-то еще? — настаивал доктор.

— Ну, хорошо, запишите еще… скажем, Р. Р. М. — три буквы вместо двух.

Наклонив голову, доктор вежливо рассмеялся, и незнакомец, видя, что тот собирается возобновить атаку, сказал немного раздраженно:

— Понимаете, доктор, я не собираюсь раскрывать мое имя кому-либо здесь. Если его узнает кто-то один, его узнает весь город, и я не хочу, чтобы здесь появились незваные гости в те два или три дня, пока я буду вынужден оставаться здесь. Вы можете считать меня сбежавшим заключенным или кем пожелаете, но мне конец, если я назову себя!

После этой небольшой заминки продолжился разговор о здоровье, и доктор посоветовал молодому человеку не утомляться и не выходить на улицу, по крайней мере до завтра.

Затем Мервил начал смешивать ингредиенты для мази. Незнакомец, затянув шелковый халат, с трудом дошел до окна и оперся о раму рукой, глядя во двор. Он мрачно улыбался плющу на стене напротив, как будто увидел союзника, глядящего

на него из тени.

— Он не знал, что я наблюдаю за ним, — сказал доктор, — а улыбка человека, когда он думает, что его никто не видит, о многом говорит, и эта улыбка мне не понравилась. Думаю, этого достаточно, чтобы отнестись к нему с подозрением.

Вот что рассказал нам доктор. Ему ничуть не понравился пациент, но он подумал, что, судя по изящным чертам и тому превосходству, которое и раздражало, и восхищало одновременно, спасшийся мог быть «важной персоной». В разговоре с нами он назвал его «бесчеловечным щенком», однако заметил, что существуют правила, от которых не может уклониться ни один христианин, среди которых, конечно, числилась помощь больному.

Глава XIII
Встреча в саду

Я была немного застенчива, как все деревенские затворницы, и потому почувствовала облегчение, услышав, что спасенному наказали не выходить на улицу по крайней мере в тот день. Лауре Грей нужно было написать письмо, и, надев шляпку, я отправилась в сад. Фруктовые деревья в нашем саду давно одичали, между дряхлых груш, вишен и яблонь сорняки были едва ли не по пояс, тропинки заросли травой, и был только один клочок земли, который обрабатывали, чтобы ежедневно приносить корзинку овощей повару. Но я обожала этот сад, где можно было уединиться.

Сильный ветер оборвал почти все яблоки, и хозяйственный Томас Джонс — кто же еще? — собрал и унес падалицу на хранение. Но одно яблоко осталось висеть, и я как раз пыталась дотянуться до него длинной палкой, когда вдруг увидела, что ко мне приближается молодой человек, в котором я узнала героя кораблекрушения. Он шел медленно, прихрамывая и опираясь на палку. Он

улыбался, и я готова была провалиться сквозь землю со стыда — еще бы, застать меня за столь неблагородным и корыстным занятием. Возможно, будь я более хладнокровной, я бы ушла. Но я стояла с палкой в руке, притворяясь, что не вижу его, хотя это было, конечно же, глупо.

Я уже не помню, как он представился: я была смущена и взволнована. На нем не было шляпы, и он сказал, что послал за ней в Кардайлион, но еще не получил, — вроде бы так и завязался разговор. Извинившись, он назвал меня «хозяйкой», поблагодарил за гостеприимство и сказал, что хотя не знает моего отца, часто видел его в Лондоне. Потом он заговорил о кораблекрушении, очень интересно описал свои приключения, и я отметила, что говорит он с большим чувством и совсем не в том тоне, который описал доктор Мервин.

Он спросил, видела ли я что-то из дома в ту роковую ночь, и тогда настала моя очередь говорить. Вскоре я преодолела робость: он был так хорошо воспитан, что было невозможно, даже для такой дикарки, как я, не почувствовать легкость в его обществе.

Я болтала, все больше оживляясь, и он улыбался, глядя на меня, как я думала, с большой симпатией. Я сочла его очень красивым. Его лицо

было бледным, но кожа темной, как у цыгана. Улыбка была белоснежной. Я подумала, что он совершенно не похож на того призрака, который прошел мимо меня ночью. Теперь я видела лицо страсти и отваги. Широкий низкий лоб, темные горящие глаза и решительный рот с выступающим подбородком указывали на непреклонность и твердость. Возможно, ему недоставало благородного аскетизма мистера Кармела, но я не сочла это большим недостатком.

Прежде чем мы расстались, я позволила ему сбить яблоко, с которого завязалось наше знакомство. Уверена, он непременно проводил бы меня до дома, но я воспользовалась его хромотой и убежала, пробормотав что-то, — сочла, что мы и так слишком долго говорим.

Выйдя из садовой калитки, я незаметно обернулась и увидела, что он внимательно смотрит мне вслед, прислонившись к стволу старой груши. Моему тщеславию льстило, что я произвела приятное впечатление на столь интересного незнакомца.

На следующий день я снова гуляла одна, и он снова встретил меня на тропинке, когда я возвращалась домой.

— Сегодня утром мне нанес визит ваш свя-

щенник из Кардайлиона, — сказал молодой человек. — Он показался мне очень добрым джентльменом. День так хорош, что он предложил мне лодочную прогулку по эстуарию, и если вы не откажетесь составить нам компанию — знаете ли, я опытный моряк и умею управлять лодкой, — уверен, прогулка вам понравится.

Он посмотрел на меня, с предвкушением улыбаясь.

Мы с Лаурой Грей были едины в том, что ничто не заставит нас сесть в лодку, пока риск неожиданно наткнуться на один из ужасных обломков кораблекрушения не минимизируется. Поэтому я как можно вежливее отказалась, сославшись на то, что после шторма мы боимся выходить на воду.

Он казался раздраженным и мрачным.

— О! Я понимаю… Мисс Грей? Я не знал… конечно, я должен был подумать о ней. Может быть, ваша наперсница передумает и вы поменяете решение? Сегодня такой прекрасный день.

Я снова поблагодарила его, но сказала, что прогулка на лодке даже не обсуждается. Он улыбнулся и слегка поклонился, но казался огорченным. Уж не подумал ли он, что я отказала ему только по той причине, что мы, по сути, незнако-

мы? — такая мысль пришла мне в голову. Чтобы чуть смягчить отказ, я сказала:

— Мне очень жаль, что *мы*, — я выделила это «мы», — не можем поехать. Нам бы понравилось, я совершенно уверена, но это просто невозможно.

Он вызвался проводить меня и у входа в дом спросил, не против ли я продолжить прогулку. Однако я попрощалась и закрыла за собой дверь в полной уверенности, что завоевала его симпатии.

Позже мы с Лаурой Грей отправились в Кардайлион и по пути встретили доктора Мервина. Тот остановился сказать нам, что только что видел пациента из Мэлори, Р. Р. М., в лодке Уильямса, они с викарием плыли по эстуарию.

— Неужели после всего случившегося он уже соскучился по воде? — воскликнул доктор. — Это самое непоседливое создание, с каким я сталкивался за всю профессиональную карьеру! Если бы он поберегся вчера и сегодня, завтра был бы почти здоров, но если он продолжит в том же духе, не удивлюсь, что у него начнется жар.

Глава XIV
Неожиданная встреча

На следующее утро, примерно в девять часов, незнакомец, к моему удивлению, снова появился на аллее, когда я возвращалась домой. Перед завтраком я бегала к воротам, чтобы встретить почтальона и узнать, пришли ли письма.

Р. Р. М. — я буду так его называть — пошел к дому рядом со мной. Никогда еще я не встречала мужчину настойчивее. Он сказал, что снова взял лодку Уильямса и пригласил на прогулку не только викария, но и его жену: я ведь решусь поехать в их обществе? «Мы поплывем против течения, и вам нечего бояться — вы не увидите следов кораблекрушения», — так он уговаривал меня.

Я очень хотела поехать и сказала, что прежде должна спросить мисс Грей. Когда мы расстались у дверей, я дала ему условное обещание, и он пообещал, что жена викария зайдет за мной в три часа.

Он был очень доволен, когда расстался со мной. Полагаю, когда он остался один, его темное лицо осветилось той самой улыбкой, о которой гово-

рил доктор Мервин. Я еще не видела ту улыбку. Господи, помоги! У меня есть причина помнить об этом.

Я уже забыла, по какой причине, но Лаура не могла поехать, однако она не возражала против моей прогулки, тем более что там будет миссис Джермин.

Мы с Лаурой сидели вдвоем, когда в комнату вошел не кто иной, как мистер Кармел… Я встала и протянула ему руку. Чувствовала я себя очень странно и обрадовалась тому, что в комнате темно: не так видно мое смущение.

Спустя некоторое время я заметила, что мистер Кармел сильно взволнован. Время от времени он тяжело вздыхал, погруженный в свои мысли. Нам с Лаурой он сказал:

— Я приехал, чтобы повидаться с вами, перед тем как снова исчезнуть больше чем на месяц, и… и нашел у себя джентльмена.

Мы рассказали ему о кораблекрушении и поспешили заверить, что чудом спасшегося молодого человека приютили лишь на несколько дней.

Он слушал нас молча, почти не дыша, сосредоточенно устремив глаза в пол. Потом поднял взгляд на меня:

— Он уже познакомился с вами?

— Со мной — да, — ответила я, — но мисс Грей еще не видела его.

Казалось, его что-то гложет.

— Какой сейчас адрес у вашего отца? — вдруг спросил он.

Я назвала, и мистер Кармел сделал запись в блокноте. После этого он встал, собираясь уходить.

— Я хочу попросить вас об услуге. Вы ведь слышали о запечатанных письмах, которые нельзя открывать до определенного момента? Пообещайте мне открыть это письмо только через пять минут после моего ухода.

Я подумала, что он шутит, но лицо у него было серьезным.

Лаура Грей с любопытством посмотрела на него и, кивнув, взяла сложенную бумагу.

Его экипаж стоял внизу, и уже через минуту он ехал по аллее.

Что привело к таким странным предосторожностям и какое отношение они имеют к спасенному после кораблекрушения? Сейчас расскажу.

Примерно в одиннадцать — то есть за десять минут до визита мистера Кармела к нам — Р. Р. М. лежал на диване с двумя старыми потрепанными романами, невесть как оказавшимися в доме свя-

щенника. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату вошел мистер Кармел в дорожном костюме. И замер на пороге. Они в смущении смотрели друг на друга.

— Ха! Марстон, — наконец воскликнул мистер Кармел, нахмурившись.

— Эдвин! Господи! — ответил молодой человек с тревожной улыбкой, которая через секунду померкла.

— Как ты здесь оказался? — сурово спросил священник.

— А какого черта ты здесь делаешь? Кто тебя прислал? Что все это значит?

Мистер Кармел не сходил с места, взгляд его темнел.

— Ты последний человек на земле, которого я бы стал искать, — сказал он.

— Скоро мы все выясним, — усмехнулся тот, кто был назван Марстоном. — Признаюсь, моя первая мысль была, что некий старик, и я не имею в виду дьявола, прислал тебя в поисках меня.

Мистер Кармел сурово взглянул на него:

— С тех пор как я видел тебя в последний раз, должно быть, я стал очень скучным человеком и не понимаю твоих шуток, как, впрочем, никогда не понимал. Но ты, конечно же, не мог не

знать, что этот дом сдал мне, по крайней мере на несколько месяцев, мистер Уэр, его владелец. Это, полагаю, твои вещи? — кивнул он на коробки. — Для тебя тут нет места.

— Я не хотел здесь появляться. Я — тот знаменитый счастливчик, о котором ты мог читать в газетах, — тот, кто спасся с «Замка Конуэй». Ни один христианин не откажет в убежище спасенному после кораблекрушения, а ты вроде бы христианин.

Эдвин Кармел несколько секунд молча смотрел на него.

— Прости, но я в замешательстве, — сказал он. — Не знаю, насколько серьезно ты говоришь, но в городе в любом случае есть хорошая гостиница, ты можешь пойти туда.

— Спасибо, но у меня ни гроша, — злобно рассмеялся Марстон.

— Одно мое слово, и тебе откроют кредит.

— Но ко мне ходит доктор, и что ты теперь скажешь?

— Что там ты будешь ближе к доктору, только и всего.

— Может быть. Но доктор любит прогулки, как мне показалось, и я не хочу быть ближе к нему.

— Но пока что это мой дом, и ты должен уй-

ти, — холодно отрезал Эдвин Кармел.

— Теперь и мой дом, пусть на время, ибо мисс Уэр любезно разрешила мне остаться здесь.

Губы священника задрожали, его бледное лицо стало еще бледнее.

— Марстон, — сказал он, — я не понимаю, почему из всех людей ты хочешь причинить боль именно мне.

— С чего ты взял, что я хочу причинить тебе боль, Эдвин? Это ты хочешь выгнать меня из дома, в который меня пустили! Я же сказал, я не хотел появляться здесь, а теперь не хочу уезжать — и не уеду!

Кармел посмотрел на него так, будто пытался прочесть самые потаенные мысли.

— Твой переезд в гостиницу пройдет без каких-либо проблем, — наконец сказал он.

— Сам там устраивайся, если считаешь гостиницу таким приятным местом. Мне нравится здесь, и я остаюсь.

— Почему ты упрямишься?

— Спроси об этом себя, Эдвин, и, возможно, получишь ответ, — прищурился Марстон.

— Я не понимаю, о чем ты…

— Ну, не притворяйся. Думаю, у нас одинаковые мотивы.

— Правда, Марстон, я не понимаю.

— Тут все просто, — рассмеялся его собеседник. — Я нахожу мисс Уэр очень интересной молодой леди, и мне нравится быть рядом с ней. А тебе разве нет?

Мистер Кармел покраснел, но быстро взял себя в руки.

— Меня не было больше месяца, — зло сказал он, — и сегодня я снова надолго уезжаю.

— Слабость сознания! Подобная сентиментальная слабость иногда передается по наследству, — с ухмылкой произнес Марстон, и Кармел вздрогнул.

Стояла такая тишина, что было слышно, как тикают маленькие французские часики на каминной полке, которые Ребекка заводила каждую неделю.

— Твой злой язык, — наконец сказал Эдвин Кармел с усилием, — не заставит меня отказаться от своего долга.

— Долга! Конечно, это всегда долг: ревность незнакома человеку в духовном сане. Но есть отличие. Ты не можешь сказать, о чем я думаю, ты всегда предполагаешь худшее в людях. Долг! И в чем заключается твой долг?

— Предупредить мисс Уэр и ее гувернантку, —

тут же ответил Кармел.

— Предупредить о чем?

— Что в дом проник злодей.

Марстон вскочил, сжав кулаки. Но Кармела не ударил. Он задумался и сказал:

— Послушай, я не поступлю с тобой так, как поступил бы с любым другим мужчиной. Ты хочешь, чтобы я ударил тебя, иезуит, и влип тем самым в неприятности. Но я не выставлю себя дураком. Я скажу, что сделаю с тобой: если ты посмеешь опозорить меня перед кем-то словом или намеком, я обращусь в полицию и расскажу всю историю, за которую ты держишься, и, когда ее услышит мир, мы посмотрим, кому она навредит больше — тебе или мне. Ну, мистер Кармел, ты предупрежден. А ты знаешь, я всегда держу слово.

Побледнев, священник развернулся и вышел из комнаты.

Интересно, о чем думал этот человек, который так внезапно появился в нашем доме? Я часто размышляла над этой сценой и верю: он правда считал, что мистер Кармел не осмелится осуществить свою угрозу.

Глава XV
Предупреждение

Мы не слышали, как приехал мистер Кармел, он просто вошел в нашу комнату, и мне даже хотелось ущипнуть себя — не видение ли это? Он пробыл совсем недолго, и о его визите не осталось ни следа, кроме письма, которое Лаура держала в руках. «Мисс Уэр и мисс Грей. Мэлори» — значилось на нем.

Когда мы развернули его по прошествии пяти минут, мы прочли следующее:

«Юные леди!

Я многое знаю о джентльмене, которому вы позволили остаться в доме, примыкающем к вашему. Хочу заверить вас, что нет знакомства более предосудительного и опасного, особенно для молодых леди, живущих так уединенно, как вы. Не думаю, что осторожность окажется чрезмерной, если вы решите отвергать все его возможные ухаживания.

Ваш верный друг Э. Кармел».

От шока я потеряла дар речи. У меня не было оснований не доверять мистеру Кармелу, и я бы-

ла очень напугана. Расплывчатость его послания вселяла еще большую тревогу. Лаура думала так же. Какие мы были глупые! Но как выгнать из дома этого человека? С кем посоветоваться? Что делать?

Сначала мы вообразили, что приютили грабителя или убийцу. Однако по некотором размышлении нашли, что письмо мистера Кармела не содержит столь ужасный вывод. В том, что мы будем действовать в соответствии с его советом, не было сомнений, и я винила себя за то, что позволила себе начать знакомство.

В огромном волнении я отправила записку миссис Джермин, предупредив, что не поеду кататься на лодке. Предупреждать незнакомца я и не собиралась: он встретится с миссис Джермин на причале и узнает о моем решении.

Пробило два часа. Пришла старая Ребекка и сказала, что джентльмен, остановившийся у нас, спросил, уехал ли мистер Кармел, а узнав, что уехал, разразился смехом, едва Ребекка вышла из комнаты. Она слышала, как он говорил сам с собой и смеялся как сумасшедший.

— Никогда и представить не могла, что услышу такое от человека, который всего лишь пару дней назад избежал смерти!

Ее рассказ усилил нашу нервозность. Возможно, этот человек — душевнобольной, возможно, сопровождавший его санитар утонул. Чего мы только ни напридумывали, и наша тревога возрастала как на дрожжах.

Примерно час спустя, когда я проходила через холл, мне показалось, что кто-то стоит снаружи у окна, выходящего на лестницу. Окно было затянуто сеткой, и если смотреть снаружи, она мешала разглядеть что-либо. Зато мне внутри все было прекрасно видно. Мне и в голову не приходило, что наш подозрительный гость осмелится так близко подойти, но вот он, собственной персоной, притаился у большого вяза. Но смотрел он не на дом, а на кого-то, кто двигался по аллее. Я не могла отвести от него глаз. Он хмурился, сжав губы: его поведение выдавало настороженность. И тут он мрачно улыбнулся.

Это была та самая улыбка, о которой рассказывал доктор Мервин… Я испугалась. Ничто не мешает этому человеку повернуть дверную ручку и войти в холл. В два шага подлетев к двери, я закрыла ее на задвижку. Потом вернулась к окну, но мужчина исчез.

За кем он следил? И почему ушел?

Вдруг мне пришло в голову, что он может быть

одним из тех, кто на заметке у властей, и мистер Кармел мог послать за ним констеблей.

Затаив дыхание, я ждала у окна, чтобы посмотреть, что будет дальше. Через минуту с той стороны, откуда я ждала появления группы крепких констеблей, появилась моя хрупкая подруга Лаура Грей: она шла по дороге, чтобы встретить мистера и миссис Джермин.

Вдохновленная подкреплением, я тут же открыла дверь и смело выглянула наружу.

— Вы его видели? — воскликнула я.

— Кого? — испуганно спросила Лаура.

— Быстрее в дом, — скомандовала я и, когда она вошла, снова крепко заперла дверь. После чего продолжила: — Этого человека… Он только что был у вяза.

— Нет, я его не видела… Я подсчитывала ущерб — бурей повредило тринадцать деревьев.

— Будем держать дверь запертой, чтобы он не вошел, — сказала я. — Нам придется выдержать осаду. Мне жаль, что мистер Кармел не рассказал нам больше, но я не думаю, что он бы оставил нас одних, если б считал его разбойником. А если этот человек и правда разбойник, то… то очень благородный.

— По-моему, мистер Кармел просто хотел

предупредить нас, чтобы мы не поддерживали знакомства. В его письме говорится только об этом.

— Жаль, что мистер Кармел не остался, — вздохнула я.

Полагаю, что миссис Джермин вовремя получила мою записку и прогулка на лодке прошла хорошо и без меня. Подозрительный незнакомец больше не появлялся у дома, и ничего странного не случилось.

Прошел еще один вечер, наступило утро. «Нашему гостю так и не пришло ни одного письма, — поспешила сообщить нам Ребекка Торкилл, что, по ее мнению, было знаком того, что он останется в Мэлори еще на день. — Пока не придут деньги, он не сможет уехать».

Доктор Мервин рассказал нам, с его обычной точностью относительно дел других людей, когда заглянул к нам, проведав пациента, что тот на утро после появления отправил письмо, адресованное Лемюэлю Блаунту, эсквайру, Брантон-стрит, 5, Риджентс-парк. При обращении к лондонскому справочнику в читальном зале библиотеки доктор установил, что «Лемюэль Блаунт» действительно существует, но никаких подсказок, которые могли бы привести к какому-

либо выводу, он не нашел.

Наша паника понемногу улеглась — ненавязчивое поведение незнакомца значительно способствовало этому. Я не могла смириться с длительным сидением взаперти, поэтому мы с Лаурой собрались с духом и осмелились поехать в маленьком экипаже в Кардайлион, собираясь кое-что купить.

Глава XVI
Сомнения

Все утро я напрасно искала пожелтевший лист почтовой бумаги. На нем были строфы очень красивого стиха. По крайней мере, так я думала когда-то. Мне было любопытно, какими я найду эти строфы сейчас, после стольких лет. Возможно, стих был позаимствован у кого-то — теперь-то я знаю больше, чем в юности, — но даже сейчас я могу сказать, что тот, кто писал записку, обладал остротой ума, которая способствует появлению красивых стихов.

Но снова расскажу все в подробностях. В тот день на подоконнике комнаты, где мы пили чай, я нашла записку, адресованную «Мисс Этель». Лауры Грей рядом не было. А если б была, у нас мог возникнуть спор относительно этой записки — стоит ли ее читать. Я не сомневалась, что она от нашего гостя, поэтому мгновенно открыла и прочла ее.

Во время наших немногочисленных встреч я несколько раз замечала плохо скрываемую нежность во взглядах незнакомца. Молоденькой

девушке всегда приятна такая лесть. И в конце концов, что может знать мистер Кармел об этом молодом человеке? Если они и правда знакомы, какой мотив был критиковать его? Кем бы ни был незнакомец, он говорил и выглядел как джентльмен. Ему не повезло, и в настоящий момент, романтично думала я, он целиком зависит от нашей доброты.

Так или иначе, но получить стихи было очень приятно для моего самомнения, а лесть самих строк была очаровательна.

Я хорошо спрятала записку. Я любила Лауру Грей, но в глубине души боялась ее — знала, что она будет категоричной, — и поэтому не сказала ей ни слова. При первом появлении сердечных дел мы становимся осторожными и скрытными, и большинство девушек превращается из котят в кошек.

Было уже ясно, что он не собирается переезжать от нас в гостиницу. А незадолго до чая пришла Ребекка Торкилл и рассказала новость:

— Этот бедный молодой человек, он очень плох. Лежит, приложив ко лбу платок, смоченный в одеколоне, и послал в город за лекарством. Конечно, его поведение могло бы быть лучше, но все же мне стало его жалко. Он говорит: «Миссис

Торкилл, ради всего святого, ступайте как можно тише и закройте ставни от солнца». Я закрыла, а он и говорит: «Мне плохо, я могу не дожить до утра. Мой постоянный доктор говорит, что эти головные боли очень опасны, потому что исходят из позвоночника». — «Может быть, вызвать доктора Мервина, сэр?» — спросила я. «Нет, — ответил он, — я об этом знаю больше, чем ваш доктор Мервин, и если заказанное лекарство не поставит меня на ноги, то я пропал». И правда, он стонал, будто душа отделяется от тела… Хорошенькое дело, если он умрет здесь! Мы ведь даже не знаем, откуда он и как его имя. Чудны дела твои, Господи… Спасти от утопления, чтобы умереть здесь от головной боли. В доме ни одного мужчины, Томас Джонс по делам уехал… Как вы думаете, что лучше нам сделать, мисс Грей? — обратилась она к гувернантке.

— Думаю, если ему станет хуже, вы должны послать за доктором, не спрашивая его разрешения, — ответила она. — Если это опасно, то без консультации не обойтись. Как неудачно получилось…

— Ну, так я и думала, — закивала экономка. — Теперь все будут болтать, что мы дали ему умереть, не оказав помощи. Надо поддерживать

воду в котле горячей, на случай если он захочет принять ванну. Он сказал, что однажды уже разбивал голову у виска и что по несчастью именно в этот висок получил удар во время кораблекрушения. Ох, да поможет нам Бог!

Миссис Торкилл поспешила покинуть комнату, оставив нас в весьма неловком положении, однако Лаура была рада тому, что этим вечером незнакомец не выйдет из дома, пусть и по ужасной причине.

Отгорал холодный осенний закат, птицы пели прощальные песни из густого плюща над стеной, и мы с Лаурой, каждая со своим секретом, с преувеличенным отчаянием и тревогой обсуждали за чаем шансы на исход болезни незнакомца.

Но наш разговор прервали. За окном, которое вследствие теплого вечера мы оставили открытым, прозвучал ясный мужской голос, который обратился к нам «мисс Этель и мисс Грей».

Неужели вернулся мистер Кармел? Господи, нет! На месте мистера Кармела стоял незнакомец. Руки его лежали на том же месте подоконника, что и руки мистера Кармела, а колено — на той же каменной скамейке. Раньше я не замечала, насколько сурово лицо незнакомца: контраст между чертами, которые я ожидала увидеть, и

тем, что я видела, раскрыл его характер, чему способствовал тусклый красный луч, который коснулся его, придав его образу меланхолии.

Его появление было так неожиданно, словно он был призраком. Он возник прямо в разгар дискуссии о том, что нам делать, если незнакомец умрет в доме приказчика. Я не могу сказать, что почувствовала Лаура Грей, помню только, что сама несколько секунд глядела в его смеющееся лицо, едва понимая, реален он или нет.

— Надеюсь, вы простите меня. Надеюсь, я не слишком навязчив, но я только-только оправился от ужаснейшей головной боли и нахожусь в таком состоянии и настроении, что не подумал, насколько я дерзок, нанося вам этот визит.

Мы с мисс Грей были слишком смущены, чтобы сказать хоть слово. Но он спокойно продолжил:

— С тех пор как вы дали мне убежище после кораблекрушения, у меня был гость — очень неожиданный. Конечно, я не о докторе. Ко мне нагрянул мой старый знакомый, Кармел. Я знал его в Оксфорде и совсем не ожидал увидеть снова.

— О! Вы знаете мистера Кармела? — спросила я; мое любопытство преодолело нежелание говорить.

— Знаю? Полагаю, что да, — рассмеялся он. —

Вы его тоже знаете?

— Да, — ответила я, — но не очень хорошо: наше знакомство немного формально из-за того, что он священник.

— Но вы ведь правда его знаете? Я думал, он просто хвастался, когда так сказал, — казалось, наш собеседник чрезвычайно удивлен.

— Да, мы его знаем. Но почему это показалось вам столь маловероятным?

— О, я этого не говорил. — (Но все равно казалось, что он предельно взбудоражен.) — Я и не предполагал, что когда-нибудь встречу его снова, потому что он должен мне немного денег и, похоже, скрывается. Кроме того, он затаил обиду на меня. Есть люди, которые без причины вас ненавидят, то есть боятся, что одно и то же. К несчастью, я кое-что слышал о нем — случайно, клянусь честью, ибо я определенно никогда не имел удовольствия знать его близко. Не думайте, что мы сошлись характерами. Я и не представлял, что мой оксфордский знакомый — тот самый мистер Кармел, который, как мне сказали, снял дом у мистера Уэра. Уверяю вас, я бы не заговорил с мистером Кармелом, встреть я его в другом месте, но я не мог не сказать ему, как удивлен, узнав, что он обосновался здесь. Он умолял, чтобы я

не поднимал шума, и сказал, что уедет, даже не сняв шляпы. Если он действительно уехал, я не стану никого беспокоить из-за него. Естественно, мистер Уэр посчитает меня наглецом, если я вмешаюсь в это дело.

Далее он перешел к менее неудобным темам и говорил очень приятно. Я видела, что при каждом удобном случае Лаура Грей смотрит на него: она сидела значительно глубже в тени, чем мы с ним, и ей удобно было делать это.

— Мне жаль, мисс Уэр, — сказал он, — что скоро я снова буду при деньгах. Мои друзья, должно быть, уже отправили мне крылья — те крылья, что приходят по почте и уносят нас куда угодно. Мне ужасно жаль, ибо я влюбился в это место. Я его никогда не забуду. — Последние слова он сказал так тихо, чтобы услышала их только я. Как я говорила, я сидела намного ближе к окну, чем Лаура.

В этом незнакомце для меня, деревенской девушки, совершенно неопытной в распознавании оттенков голоса, манер и взглядов, которые городские молодые леди понимают сразу и сразу раскусывают своих ухажеров, было очарование, перед которым таяли все мои подозрения и тревоги. Голос был низким и приятным, он был

оживлен, добродушен и ироничен, и его лицо, хотя и своеобразное, скорее мрачное, чем веселое, по-прежнему казалось мне красивым.

Несколько минут он говорил со мной в таком тоне. Случайно взглянув на Лауру Грей, я была поражена гневным выражением ее обычно спокойного и нежного лица. Я подумала, что она раздражена тем, что он направил свое внимание только на меня, и, признаться, была рада своему триумфу.

— Этель, дорогая, — сказала она, — вам не кажется, что воздух довольно свеж?

— О, надеюсь, что не кажется, — почти прошептал он мне.

— Свеж? — сказала я. — Напротив, мне он кажется душным.

— Если вы находите воздух холодным, мисс Грей, полагаю, вы поступите мудро, если подальше отсядете от окна, — сказал мистер Марстон рассудительно. (Теперь я буду называть его этим именем.)

— Я боюсь вовсе не за себя, — ответила она, подчеркнув это «не за себя». — Мне неспокойно за мисс Уэр. Этель, я правда думаю, что вам лучше отодвинуться от окна.

— Но уверяю вас, мне вполне комфортно, — воз-

разила я и увидела, что мистер Марстон взглянул на Лауру со злобной усмешкой. Я не поняла ее значения.

— Вижу, у вас есть пианино, — сказал он очень тихо, так, чтобы слышала только я. — Мисс Грей, конечно, играет?

— Да, и очень хорошо.

— Ну, тогда вы не против попросить ее что-нибудь сыграть?

Мне и в голову не пришло, что он просто хочет занять ее чем-то, чтобы Лаура слышала только свою музыку, пока он говорит со мной.

— Лаура, вы сыграете ту вещь Бетховена, которую репетировали вчера? — попросила я.

— Не сегодня, дорогая: не думаю, что я смогу, — ответила она, и, как мне показалось, голос ее прозвучал странно.

— Возможно, если бы мисс Грей знала, — сказал мистер Марстон, улыбаясь, — что она чрезвычайно обяжет пережившего кораблекрушение, который готов оказать ей любую услугу в ответ, то она бы уступила.

— Чем больше вы ожидаете, что я сыграю, тем меньше я расположена это делать, — отвергла она его просьбу, которая была высказана, как мне опять же показалось, в ироничном тоне. Возмож-

но, фраза предполагала иное значение, и ответ также был дан именно на это скрытое значение.

— Но почему нет? Умоляю, сыграйте.

— Разве я не помешаю вашей беседе? — пожала она плечами.

— Я не принимаю такую отговорку, — улыбнулся он. — Я обещаю — а вы, мисс Уэр? — говорить только при самой крайней необходимости. Так мы уладили этот вопрос? Прошу, начинайте.

— Нет, сегодня я не играю, — сказала она.

— Кто бы мог подумать, что мисс Грей так решительна и так не любит гармонию! Ну, полагаю, мы бессильны: мы не можем уговорить ее, мы можем только сожалеть.

Я с любопытством посмотрела на Лауру, которая встала, придвинула стул к окну и снова села.

Мистер Марстон молчал. Я никогда не видела человека злее, хотя он улыбался. Его белые зубы и яркие белки глаз еще больше подчеркивались темной кожей. Все это неприятно озадачило меня. Если мистер Марстон и хотел сорваться на мисс Грей, то он сдержался. Понятно почему — случился бы скандал, который напугал бы меня, а он не мог этого допустить.

Он продолжал болтать с нами в самой что ни на есть добродушной манере, время от времени

нашептывая что-то только мне. Как разительно отличался этот веселый, безрассудный и — скрытно — почти нежный разговор от холодных разговоров воздержанного мистера Кармела, в которого этот темнолицый светский человек так быстро подорвал мою веру!

Все это время Лаура Грей была неспокойна, зла и напугана, хотя и принимала участие в беседе. Я думала, что она завидует, но я так ее любила, что это не сердило меня.

Солнце зашло. Сумерки нашли нашего гостя у окна: поставив колено на скамейку, а локти на подоконник, он рассуждал — как я думала, совершенно прелестно — о важном и неважном и намекал о множестве приятностей.

Наконец моя гувернантка, воспрянув духом или поддавшись панике, что часто ведет в одном направлении, сказала тихо, но категорично:

— Этель, я ухожу.

Конечно, я могла только подчиниться. Признаюсь, я разозлилась. Но показывать свое недовольство перед мистером Марстоном было бы недостойно, и я уступила с небрежной веселостью. Молодой человек неохотно попрощался с нами, Лаура захлопнула окно и закрыла его на щеколду с каким-то неуместным подозрением.

Однако, невзирая на столь невежливое прощание, ушел он в хорошем настроении.

— Зачем нам уходить так рано? — сказала я обиженно.

— Так как он ушел, мы можем остаться, — ответила Лаура, быстро закрыла ставни и задернула шторы. Потом положила руку мне на плечо и с огромной любовью и тревогой заглянула мне в лицо. — Вы раздосадованы, дорогая, потому что я избавилась от этого человека, — сказала она с утвердительной интонацией.

— Нет, — поморщилась я. — Я раздосадована, потому что вы сделали это очень грубо.

— Я бы с самого начала не позволила ему остаться у окна ни на минуту, если бы была вполне уверена, что он тот, о ком я думаю. Если он… ох, почему он не в тысяче миль отсюда?

— Не думаю, что вы были бы так же строги к нему, если б он чуть более ровно распределял свое внимание, — выпалила я с прямотой досады.

Губы Лауры тронула улыбка. Ее взгляд был уязвлен и разочарован, но бесконечно добр.

— Нет, Этель, я не завидую вашей удаче. Его внимания мне хотелось бы меньше всего.

— Но кто он такой? — спросила я.

— Не могу сказать.

— Но вы же можете назвать имя человека, за которого его приняли? — настаивала я.

— Я не уверена. Если он тот, кого он мне напоминает, то он бы, наверное, встал так, чтобы я не могла его как следует рассмотреть. Есть два или три человека, замешанных в большом несчастье, имена которых я не хочу называть. Один раз я подумала, что узнала его, но потом засомневалась. Человека, о котором я говорю, я видела лишь дважды в жизни, но я прекрасно знаю, на что он способен: его имя Марстон, но я не до конца уверена, что это он.

— Вы выдумываете, — сказала я, — откуда вы знаете, возможно, мнение мистера Кармела очень несправедливо.

— Я не полагаюсь на мнение мистера Кармела относительно мистера Марстона, если это он. Я многое знаю о нем. Вы не должны спрашивать меня откуда. Говорят, и я этому верю, что он плохой, эгоистичный и лживый человек. Я прихожу в ужас, когда думаю, что вы с ним познакомились. Если он останется здесь, то мы должны переехать в город. Мне неспокойно. Но он не посмеет причинить нам проблем.

— Как он поссорился с мистером Кармелом? — спросила я, вне себя от любопытства.

— Я не слышала и даже не знала, что они знакомы, но, думаю, вы можете быть совершенно уверены, что все, что он сказал насчет мистера Кармела, неправда. Он знает, что мистер Кармел предупредил нас не заводить с ним знакомство, и потому сказал то, что сказал, просто чтобы опозорить его. Думаю, он еще воспользуется возможностью, чтобы навредить ему. У нас нет времени ждать ответа от мистера Уэра, и если этот человек останется здесь дольше чем на день или два, мы, как я уже сказала, переедем в дом вашего отца в городе и будем там, пока наш случайный гость не уедет.

И снова моя вера в незнакомца — в мистера Марстона — пошатнулась, я с раскаянием вспомнила свои дурные мысли о мистере Кармеле. Мрачность и бледность лица Лауры преследовали меня.

Глава XVII
Лемюэль Баунт

На следующее утро, примерно в половине одиннадцатого, когда мы с Лаурой сидели в столовой, наемный экипаж с двумя лошадьми, которых явно гнали, судя по их виду, проехал мимо нашего окна. Кучер, остановив экипаж, задал вопрос Томасу Джонсу, который разравнивал гравий во дворе, а затем направил лошадей за угол к дому приказчика. Через минуту вслед за экипажем появился человек, которого мы приняли за вышедшего раньше пассажира.

Мы хорошо рассмотрели нового гостя.

Это был мужчина за шестьдесят, медлительный и очень серьезный. У него было большое квадратное землистое лицо; щеки и подбородок гладко выбриты. Одет он был в нелепый черный костюм, из кармана торчал цветной платок, и с цепочки часов под черным жилетом свисало множество печатей. На голове — широкополая шляпа. В руке — руки у него были в перчатках — он держал бумажный зонтик. Мужчина шел так медленно, что мы с легкостью рассмотрели

все эти детали.

Он остановился перед нашей парадной дверью, будто сомневаясь, стоит ли ему войти, однако Томас Джонс направил его в нужную сторону, и он исчез за углом.

Мы не знали, что думать об этом человеке, который — теперь это стало очевидно — искал мистера Марстона.

Я не была там в эти минуты, но все равно опишу события.

Томас Джонс обогнал гостя, чтобы открыть дверь в дом приказчика, и тот поблагодарил нашего слугу, очень добро улыбнувшись. На всякий случай он постучал, и голос мистера Марстона пригласил его войти.

— О, мистер Блаунт! — сказал молодой человек, вставая. Он засомневался, но затем очень уважительно протянул руку и так посмотрел в умное и серьезное лицо старика, будто не был уверен, что тот благосклонно воспримет этот жест. — Надеюсь, сэр, я не потерял вашу дружбу. Надеюсь, я сохранил хоть часть того расположения, которое вы когда-то мне оказывали. Надеюсь, вы по крайней мере позволите сказать, что я рад вас видеть, и это сущая правда.

Старик склонил голову, пока мистер Марстон

говорил, но в этом не было жеста уважения — скорее он так привык слушать; руки он не пожал. Когда молодой человек закончил, его визитер снова поднял голову. Мистер Марстон слабо улыбнулся и, все еще держа руку протянутой, сильно побледнел. Гость не улыбнулся в ответ, его наружность была очень серьезной, можно даже сказать — печальной.

— Сэр, я еще никогда не отвергал руку человека, протянутую мне искренне, особенно того, к кому я когда-то ощущал теплый интерес, хотя обстоятельства могли бы изменить мнение, когда-то составленное о нем.

Сказав это, мистер Блаунт с серьезным видом взял руку молодого человека и задумчиво пожал ее.

— Я не спрашиваю, что мой дядя думает обо мне, — произнес молодой человек почти вопросительно.

— И не нужно, — ответил гость.

— В любом случае я очень вам обязан за вашу дружбу, мистер Блаунт. Я знаю, что есть лишь один способ завоевать вашу симпатию: честно рассказать, насколько глубоко и искренне мое раскаяние.

Он замолчал, неотрывно глядя на старика,

который в своей манере просто склонил голову, ничего не отвечая.

— Я никоим образом не могу оправдать то, что сделал, но в письме я осмелился высказать несколько слов в свое оправдание, — продолжил молодой человек. — Я не ожидаю смягчить справедливое негодование моего дяди, но больше всего я желаю, мистер Блаунт, восстановить пусть и не самое хорошее, но все же благоприятное мнение обо мне с вашей стороны. Ведь вы — мой лучший, мой единственный друг.

— Время покажет, сэр, — мягко ответил гость, — если вы хотите начать новую жизнь, то у вас будет возможность доказать это.

— Смягчился ли мой дядя хоть немного, когда узнал, что «Замок Конуэй» утонул? — спросил молодой человек после короткого молчания.

— Я был с ним за завтраком, когда он прочитал об этом в утренней газете, — сказал мистер Блаунт. — Не припомню, чтобы он выразил сожаление.

— Я так и думал: я должен был предположить, что он скорее обрадуется этому.

— Нет, не думаю, что он был рад. Скорее ему было безразлично, — ответил мистер Блаунт. (А я могу предположить, что известие о смерти

молодого человека вызвало у его дяди мрачные замечания.)

— Мой дядя видел письмо, которое я написал вам, мистер Блаунт?

— Нет.

— Но почему?

— Надеюсь, вы не подумаете, что я использую эту фразу, чтобы как-то ранить вас, когда скажу об этом?

— Конечно, нет.

— В вашем письме упоминалось, что вы потеряли на корабле ценные бумаги и деньги. И если выяснится, что… одним словом, если вы сделали ложное заявление…

— Соврал, хотите сказать, — перебил его молодой человек. Его лицо побледнело, а глаза засверкали.

— С моей стороны было бы невежливо так сказать, но именно это я и имел в виду, — ответил мистер Блаунт с очень добрым видом. — Всю жизнь я преследовал одну цель — примирить вежливость с правдой. Я счастлив думать, что преуспел в этом, и я верю, что за всю свою долгую жизнь ни разу не нарушил закона вежливости.

Если бы вы так скоро вновь ввели его в заблуждение, вы бы потопили себя окончательно

и навечно. Поэтому я посчитал разумным приехать сюда и поговорить с вами, прежде чем подвергнуть вас опасности, представив письмо вашему дяде.

Молодой человек вдруг покраснел. Он мог бы поморщиться от оскорбления, но щеки его прямотаки стали пунцовыми, и трактовать это можно было по-разному. Нахмурившись, он сказал:

— Я могу только повторить, сэр, что у меня нет ни шиллинга, ни чека: все ценные бумаги и деньги остались в каюте. Конечно, я не могу это доказать: я могу только повторить, что все, чем я владел, ушло на дно.

Мистер Блаунт поднял голову. Его честные карие глаза строго и вопросительно смотрели на молодого человека.

— Я не говорю, что у вас может быть какая-то уверенность в том, что вы восстановите уважение вашего дяди, но малейшее отклонение от истины в делах подобного рода будет просто самоубийственным. Теперь, сэр, ответьте честно: никакая часть ваших денег или ценных бумаг не отправилась по железной дороге в Бристоль или Лондон?

— Клянусь честью, мистер Блаунт, ни один фартинг. У меня было всего десять фунтов золотом,

все остальное в аккредитивах и чеках. И, как бы плох я ни был, я бы выставил себя дураком, провернув трюк, который почти мгновенно раскроется. Мой дядя мог прекратить выплаты по бумагам: наверное, он так и сделал.

— Вижу, вы кое-что понимаете в бизнесе, сэр.

— Я бы понимал намного больше, мистер Блаунт, и был бы намного лучшим человеком, если бы когда-то послушал вас. Надеюсь, в будущем я стану более внимательным к вашим словам.

Старик внимательно выслушал эту льстивую речь, но ничего не ответил.

— Ваше письмо нашло меня в Честере, — сказал он после паузы. — Я получил его вчера. Ваш дядя был в Лондоне, когда я в последний раз его видел. Я написал ему и сообщил, что вы выжили. Возможно, мое письмо дойдет до него лишь через несколько дней. Таким образом, ваше общение с ним начнется, если можно так выразиться, без наглости. Также вы должны осознавать, что он вам не доверяет, и, конечно, с вашего позволения, он и не должен вам доверять. У меня есть записка с номером чека, вы можете написать несколько строк о том, что потеряли его, и попросить остановить выплаты, а я передам письмо господам Дигнуму и Баджету.

— Здесь есть перо и чернила: я немедленно это сделаю. Я подумал, что вы тоже отреклись от меня, и собирался написать вам еще раз, прежде чем отправиться на большую дорогу, — сказал мистер Марстон с мрачной шутливостью.

Ему пришлось отринуть гордость, чтобы написать эту записку. Но горькая пилюля была проглочена: он протянул ее, с признаками подавленного гнева, мистеру Блаунту.

— Прекрасно, — сказал тот.

— Эта записка позволит вам аннулировать чек, не встречаясь с моим дядей, и это избавляет вас от глупости полагаться на мое слово чести в столь пустяковом деле, — произнес молодой человек с горькой и безжалостной иронией. — Вот в чем вся соль ситуации. Я совершил одну ошибку — преступление, если хотите…

— Верно, сэр, — мистер Блаунт кивнул с меланхоличной вежливостью.

— Из-за сиюминутного искушения, — продолжил мистер Марстон, — но без желания навредить хоть одному живому существу хоть на один фартинг. Я отвергнут: кто угодно может свободно плюнуть мне в лицо. Я осознаю свое положение в этом бесконечно фарисейском мире.

Мистер Блаунт строго на него посмотрел, но

промолчал. Что же до Марстона, в этот момент он не хотел ссориться со стариком. Он не мог себе этого позволить.

— Конечно, я не имею в виду вас, — сказал он, — вы всегда были моим большим другом. Я говорю о мире: вы знаете, и очень хорошо, что если эта неприятная история распространится и если поведение моего дяди по отношению ко мне заставит людей болтать и задавать вопросы, то я могу снять перед вами шляпу, выпить за ваше здоровье стакан синильной кислоты и определиться, не понравится ли мне поездка в иной мир.

— Конечно, вы говорите это в шутку, сэр, — сказал мистер Блаунт с некоторым отвращением, — но я могу упомянуть, что неприятная история известна только вашему дяде и мне, и больше никому на земле. Вы носите фамилию Марстон — простите, что напоминаю вам, сэр, — и на этот счет он чувствителен и деспотичен. Он считает, сэр, что вы можете запятнать ее, поэтому вы поменяете ее, как было условлено ранее. Было бы крайне неуместно беспокоить вашего дядю какими-либо недосмотрами по этому поводу. Ваше предполагаемое самоубийство было бы — Господь да простит мне эту фразу — трусливым

и неблагочестивым. В действительности, если я могу так сказать согласно правилам вежливости, — добавил он задумчиво, — не то чтобы ваш внезапный уход станет потерей для кого-то, за исключением, возможно, нескольких евреев-ростовщиков и людей подобного сорта.

— Конечно… конечно. Вам не нужно подчеркивать это. Надеюсь, я хорошо прочувствовал свое унижение. А если нет, то это не его вина.

— От себя добавлю, что, полагаю, ваш дядя будет в ярости, если узнает, что вы воспользовались гостеприимством дома мистера Уэра. Я думаю, сэр, что светские люди, особенно джентльмены, сочтут это, если слова не покажутся вам грубыми, подлым поступком.

— Подлым, сэр? Что вы имеете в виду? — спросил мистер Марстон, снова краснея.

— Я имею в виду, сэр, низким или злобным. Чувства вашего дяди будут сильно возбуждены тем, что вы воспользовались гостеприимством мистера Уэра.

— Гостеприимством! Вы хотите сказать — убежищем. Крыша, стены — немногим больше, чем у зверя в загоне! Я не должен им ни корки хлеба, ни чашки чаю. Я все выписал из гостиницы в Кардайлионе, кроме того, мистер Уэр в тысяче

миль отсюда!

— Я говорю об этом лишь как о вопросе целесообразности, сэр. Он будет ужасно зол на вас, если узнает, что вы, пусть и незначительно, чем-то обязаны мистеру Уэру.

— Но ему не обязательно об этом знать: зачем вам об этом упоминать?

— Я не могу что-то утаивать от человека, который безгранично мне доверяет, — ответил мистер Блаунт мягко. — Почему вы не переедете в гостиницу?

— У меня нет денег.

— Но вы же получаете там все, что вам нужно, в кредит?

— Ну да, вы правы, но я не мог переехать: я был болен, как никогда в жизни, после той ужасной ночи на скалах. Вы не представляете, как это было, и доктор говорит, что я должен соблюдать покой. Сейчас я не могу уехать, но как только у меня появятся средства, я покину этот дом.

— С большим удовольствием я одолжу вам столько, сколько требуется, сэр, — предложил старик.

— Спасибо, это немного, и мне сложно отказаться: я так глупо себя чувствую, когда не могу дать шиллинг посыльному или слугам. Я даже

не могу расплатиться с доктором, который приходит ко мне.

Укрепившись в своем мнении после этой жалобы, мистер Блаунт вытащил из портмоне банкноту в десять фунтов и передал мистеру Марстону.

— Полагаю, вы тотчас переедете в гостиницу, — сказал он.

— Как только я буду к этому готов,– ответил молодой человек.– Черт возьми, как вы этого не понимаете? Я… я… Молю, не обращайте на меня внимания. Ваши взгляды порицают меня. Я сам себе поражаюсь, когда использую такие выражения. Я прекрасно знаю, что недавно чудом избежал смерти. Я чувствую, что не должен был умереть, и, уверяю вас, я благодарен. Вы увидите, что вся моя будущая жизнь будет лучше. Я не тот бесстыдный негодяй, коим когда-то был. Один час, который предшествовал моему появлению на той скале,– это урок на всю жизнь. Когда я был ребенком, вы часто говорили мне о предметах, которые должны интересовать нас всех. Ваши слова вернулись ко мне. Вы испытываете радость, делая добро другим. Я думал, вы отпустили

хлеб по водам[16], чтобы больше никогда его не увидеть, но наконец вы нашли его. Я очень вам благодарен.

Будем надеяться, что молодой человек прочувствовал хотя бы половину того, что говорил. Однако его слова и впрямь произвели благоприятное впечатление на мистера Блаунта, лицо которого на секунду засияло наслаждением. Хорошие люди падки на лесть ничуть не меньше, чем отъявленные негодяи.

— Если что-то в связи с вами может доставить удовольствие вашему дяде, сэр, — сказал мистер Блаунт со всей его обычной учтивостью и прямотой, — то это знание, что недавние события произвели на вас должное впечатление, полностью изменив вас внутри. Не то чтобы я думаю, что его это сильно заботит, но я рад нарисовать ему благоприятную картину. Я планирую отправиться прямиком в Лондон, и если ваш дядя там, вы получите от меня весть через день или два — в любом случае очень скоро. Но я бы предпочел, чтобы вы находились в гостинице.

— Ну, я перееду, конечно, если они могут меня принять. Немедленно. Пишите мне на почту…

---

[16] Сноски: 16

«Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его» (Еккл. 11:1).

— На имя Ричарда Виньярда, я полагаю?

— Точно так, сэр.

Мистер Блаунт встал, готовясь уйти.

— Я так надолго задержал вас, мистер Блаунт, что-нибудь выпьете?

Гость отклонил предложение:

— Я должен покинуть вас, сэр: кризис везде. То, что случилось с вами, невероятно: опасность и избавление. Но тот час прошел. Пусть воспоминание об этом будет с вами всегда — днем и ночью! Не думайте, что это останется в вашем разуме без последствий — случившееся должно сделать вас намного лучше или намного хуже. Всего хорошего, сэр.

Они расстались. Казалось, мистер Марстон потерял все настроение и половину энергии во время этого разговора. Он неподвижно сидел в кресле, в которое упал, и апатично смотрел в пол. Наконец он сказал:

— Какой неприятный старикашка… Жаль, что он так добросовестно предан правде.

Глава XVIII
Личность установлена

День стоял мрачный. Я оставила Лауру Грей одну в комнате, где мы просматривали наши счета. Осмелюсь предположить, что ее мысли время от времени возвращались к размышлениям относительно личности молодого человека. Она все еще сомневалась: он или не он? Но ее сомнения вскоре рассеялись. Дверь открылась, и в комнату вошел тот самый молодой человек. Лаура не встала и не заговорила: она сидела с пером в руке и смотрела на него так, будто вот-вот потеряет сознание. Теперь она ясно видела шрам в форме звезды на его лбу, ближе к виску, — след старой травмы.

Мистер Марстон внимательно смотрел на нее и улыбался.

— Все это время, мисс Грей, я старался держаться подальше от ваших глаз лишь ввиду так и не сбывшегося предположения, что вы не увидите меня, пока я здесь. Вчера вечером я пришел с мыслью открыться, но решил отложить это до тех пор, когда мы будем наедине, как сейчас. Я видел,

что вы почти узнали меня, но не были уверены, и счел за лучшее оставить вас в сомнениях. — Он положил руки на стол и сказал с очень серьезным выражением лица: — Мисс Грей, умоляю вас поверить мне. Клянусь честью и душой, я не скажу ни слова против вашего желания. Я не буду давить на вас и не буду просить вас выслушать меня по той теме, против которой вы возражаете. Вы утверждаете, что я причинил вам зло. Я не пожалею сил, чтобы исправить это. Я сделаю все, что вы пожелаете. Клянусь, я сделаю все, что свято для джентльмена, но при одном очень простом условии.

Молодой человек замолчал и наклонился вперед, неотрывно глядя на нее. Лаура не хотела (или не могла) говорить. Она ответила на его взгляд взглядом еще более диким и темным, но губы ее были бледны.

— Я знаю, что помешал вам, я признаю, что причинил вам боль преднамеренно — я хотел причинить вам боль, предпринимая усилия по отдалению того человека. Простите меня, самая мстительная женщина может простить мужчине сумасбродства его ревности. Я здесь, чтобы отказаться от всего и чтобы вернуть все. Я признаю, что причинил вам боль, и я все исправлю.

Впервые заговорив, она чуть слышно произнесла:

— Это непоправимо. Это нельзя исправить… непоправимо.

— Когда я за что-то берусь, я не отступаю. Я сделаю это любой ценой: да, любой. Ценой собственной гордости и окончательной потери репутации. Я пойду к этим персонам и скажу им, что их обманули… что я их обманул. Признаюсь им, что все то дело лишь клубок лжи.

— Вы никогда этого не сделаете.

— Богом клянусь, сделаю! Думаете, меня беспокоит их мнение? Повторяю, я это сделаю. Я все напишу и подпишу в вашем присутствии, вы запрете письмо в стол и распорядитесь им, как пожелаете. Но при одном условии.

Лаура покачала головой, недоверчивая улыбка слабо осветила ее лицо.

— Вы мне не верите, но я заставлю вас поверить. Скажите, что вас убедит: какое доказательство? Я предоставлю его вам. Вы верите в Промысел Божий? Думаете, я спасся после кораблекрушения просто так?

Лаура Грей смотрела в стол, а его горящие глаза неотрывно наблюдали за ней, ибо ему показалось, что он прочитал на бледном лице признаки

согласия. Мистер Марстон решил, что ему нужен лишь легкий импульс, чтобы убедить ее.

— Я все это сделаю. Но при одном условии.

Некоторое время оба молчали, и молодой человек все так же внимательно смотрел на нее.

— Будем разумны, — продолжил он. — Я должен был — теперь я это вижу — давно понять, что мне не следовало говорить с вами так, как я говорил. Я был не в себе. Вот и вся история, и теперь я отказываюсь от всего этого. Я в отчаянии, все кончено. Я предоставлю вам лучшее доказательство. Я собираюсь посвятить себя другой, и вы мне поможете. Молю, ни слова, пока вы не выслушаете меня: таково мое условие. Если вы примете его — хорошо. Если нет — клянусь, вы можете об этом пожалеть.

— Вы больше ничего не сможете сделать мне, — выдохнула она. — Господи, помоги!

— Увидите, что могу, — продолжил он, тихо рассмеявшись. — Говорите сколь угодно долго, когда придет ваша очередь. А сейчас просто выслушайте меня. Я хочу, чтобы вы знали все детали, потому что вы будете мне помогать. Я хороший друг и плохой враг. Теперь один момент. Я познакомился с юной леди, на которой хочу жениться. Клянусь честью, других намерений у

меня нет. Она бедна: ее отец по уши в долгах, у нее никогда не будет больше двух тысяч фунтов. Вы должны признать, что это никак не может быть корыстью с моей стороны. Но! Живущий здесь иезуит ненавидит меня и распространяет обо мне ложь. Я надеюсь, вы прекратите столь предвзятое отношение ко мне со стороны этого клеветника. Вы можете повлиять на молодую леди в мою пользу и помочь укрепить наше знакомство. Я ожидаю от вас этого. Вот мои условия. И я говорил о мисс Этель Уэр.

Столь неожиданное открытие, а возможно, и укол раненого тщеславия сделали ее ответ более решительным. Она встала и холодно произнесла:

— У меня нет ни прав, ни влияния в этом деле, а если бы и были, ничто на земле не заставило бы меня использовать их в вашу пользу. Если вам угодно, вы можете написать мистеру Уэру с просьбой передать ваши адреса его дочери. Но без его разрешения вы не будете сюда приходить или присоединяться к ней во время прогулок, а если вы попытаетесь это сделать, я увезу мисс Уэр и передам ее заботам того, кто сможет защитить ее лучше, чем я.

Молодой человек побледнел.

— Я думал, вы знаете меня лучше, мисс Грей, — сказал он, зло усмехнувшись. — Вы отказываетесь от шанса на примирение.

Он замолчал, будто давая ей время подумать над своими словами.

— Отлично. Я рад, что разоблачил вас. Вам не кажется, что ваше положение здесь довольно странное — гувернантка в загородном доме мистера Уэра? Мы все отлично знаем, что за человек мистер Уэр — джентльмен, чей хороший вкус и веселое настроение позволяют ему сделать дом уютным. Как я понимаю, недавно он провел здесь неделю, но его супруга не беспокоила вашего уединения, а сейчас, когда он в путешествии, его сменил молодой монах. Я знал и знаю, что за человек этот Кармел. Могло ли повезти молодой леди больше? Можно задаться вопросом: почему мистер Уэр в этих обстоятельствах ничуть не встревожен тем, что гувернантка его дочери — протестантка? Я бы не поверил, что вы с легкостью нашли столь желанный дом, но судьба распорядилась так, что я случайно оказался в вашем убежище, собственными ушами услышал хорошие отзывы от соседей и собственными глазами увидел, как вам уютно и как вы счастливы.

Он улыбнулся, иронично поклонился и напра-

вился к двери.

— Ничто не мешало нам быть друзьями, ничто.

Лаура не ответила, и он добавил:

— Нет ни одной причины, почему бы мы не могли быть друзьями. Вы могли оказать мне ничтожную любезность. Я мог жизнью послужить вам.

Снова пауза.

— Я могу объяснить вашу глупость лишь самой бесчувственной злобой. Я все сделаю сам. Вы меня знаете. Что бы ни случилось, благодарите за это свое собственное безрассудное упрямство.

— У меня еще есть друзья, — воскликнула она с болью. — Ваша трусость, ваши угрозы и оскорбления, ваши преследования создания совершенно беззащитного и безутешного, которой никто не поможет… — Ее голос дрогнул. — Разыщите своих друзей, если они у вас есть, расскажите им все что хотите, и, если оно того стоит, я опровергну вашу историю. Я поспорю с вашими друзьями. Я поставлю мое слово против вашего.

Мистер Марстон больше не ухмылялся, и в его тоне не было ни капли иронии, он говорил с горячностью неприкрытой ярости:

— Я ничем не побрезгую. Я многое пережил и

стал еще более безрассуден, а следовательно, более опасен. Если бы вы знали чуточку больше, вы бы не посмели ссориться со мной. — Он грохнул рукой по столу.

Лаура сжалась:

— Мне страшно… я напугана, но ничто на земле не заставит меня сделать то, о чем вы просите.

— Довольно, на этом все, — сказал он и замолчал. Потом медленно и подчеркнуто произнес: — И помните, последствия, которые я обещал вам, намного ближе, чем вы думаете.

Сказав это, он вышел из комнаты так же внезапно, как появился.

Лаура Грей дрожала. Ее мысли путались. Она была смертельно напугана.

Море, которое поглотило все остальное, оставило в живых только этого злого человека. Сколько хороших, добрых и полезных жизней было потеряно в роковой момент кораблекрушения, думала она, а эта жизнь, лишенная всего хорошего, распутная и жестокая, одна — одна! — удостоилась милосерди я.

Глава XIX
Встреча

Я ни о чем не догадывалась и только много лет спустя узнала об этом разговоре. Когда я вернулась, Лаура ничего не сказала мне. Уверена, она поступила правильно. Некоторые вещи она не смогла бы объяснить, в том числе безумный план мистера Марстона жениться на мне, не имеющей ни гроша за душой.

Я, конечно же, заметила признаки подавленного настроения, и ее рассеянность возбудила мое любопытство. Однако она легко отмахнулась от меня. Я знала, что иногда моя милая гувернантка хандрит, но она никогда не делилась со мной своими проблемами.

Мы больше ничего не слышали о нашем госте до следующего дня, когда Ребекка Торкилл сказала за пятичасовым чаем, что его снова мучают головные боли. Кажется, она рассчитывала на наше сочувствие, но мы никак не прореагировали. А вскоре после заката мы увидели, как мистер Марстон не спеша прошел мимо окна нашей комнаты и довольно долго гулял под деревьями.

Тем вечером мы были необычно молчаливы. Из-за врожденного упрямства, чем больше моя гувернантка предупреждала меня об опасности этого человека, тем больше я интересовалась им. Думаю, ее мысли целиком были заняты мистером Марстоном, а мои уж точно.

— Сегодня мы не будем открывать окно, — наконец сказала Лаура.

— А я только подумала, как было бы хорошо вдохнуть свежего воздуха. Почему бы нам не открыть его? — в пику ей откликнулась я.

— Потому что тогда он снова подойдет, а вашей матушке не понравилось бы, что вы водите знакомство с таким человеком.

Я рассердилась, но не стала настаивать. Сидела в мрачном молчании и задумчиво глядела в окно.

Ранние сумерки сменились мраком, когда мистер Марстон вновь появился. Он направился к нашему окну, но, заметив, что оно закрыто, остановился. Осмелюсь предположить, что он рассердился больше, чем я. Однако что ему было делать? Он посмотрел через плечо куда-то и снова бросил взгляд на окно, а потом пошел за угол к дому приказчика.

В его комнате горели свечи — он нашел там Ре-

бекку Торкилл с небольшим кувшином и чайной чашкой на подносе.

— Сэр, только подумать, вы опять делаете что-то невообразимое, — воскликнула она. — Вы, кто недавно был при смерти от головной боли! Как вы себя чувствуете, сэр?

— Премного благодарен. Сейчас все хорошо. Головная боль уходит так же, как и приходит: неожиданно. Что это? — Он указал на поднос.

— Пряный напиток, сэр, с сахаром, белым вином и мускатным орехом. Я подумала, что вам захочется.

— Господи, грог! — улыбнулся постоялец. — Я угадал?

— Да, и не худший.

— Не сомневаюсь! — Мистер Марстон решил быть дружелюбным со старушкой. — Как мне вас отблагодарить?

— Это лучшее средство в мире, чтобы заснуть после головной боли. Пейте, пока горячий.

— Тут любых благодарностей недостаточно, вы моя спасительница.

— Пейте, пейте, а я вскоре проведаю вас, — с этими словами добрая женщина вышла.

— Я не должен ее обижать, — пробормотал себе под нос мистер Марстон, налил немного

грога в чашку, попробовал и тихо рассмеялся. — Попиваю грог! Что-то новенькое для Ричарда Марстона! Каждый день перемены. Что же, изобразим, что нам понравилось, — сказал он и вылил напиток из окна.

Несколько слов, невзначай брошенных утром доктором Мервином, пробудили в нем острую тревогу. Он накинул широкое пальто, надел кашне и шляпу, взял трость и уже хотел выйти, чтобы отправиться в Кардайлион, но тут вернулась Ребекка Торкилл с нарезанным лимоном на тарелке.

— Некоторым нравится выжать в грог лимон, — сказала она. — И я подумала, что будет хорошо принести его вам.

— Было очень вкусно, правда, — заверил он, когда миссис Торкилл заглянула в кувшин.

— Ну, — выдохнула она с неподдельным восхищением, — будь я проклята, если вы оставили хоть каплю! Ха-ха! Ладно, принесу еще, пока вы не легли. Но не пейте одним глотком, сэр. Так можно и заболеть.

— Нам, мужчинам, так нравится хороший алкоголь, что мы… мы… мы… о чем это я? А, да, нам, мужчинам, так нравится хороший алкоголь, что мы не умеем вовремя остановиться. Пло-

хое оправдание, но что делать. Я собираюсь на небольшую прогулку: это всегда помогает после головной боли. Доброго вечера, миссис Торкилл.

Прежде чем она успела ответить, он ушел.

Была ясная тихая ночь, взошла луна. Прогулка из Мэлори в городок обещала стать приятной. Мистер Марстон выбрал узкую дорогу, параллельную той, что вьется по берегу эстуария. Эхо его шагов под деревьями, залитыми луной, было единственным признаком жизни, за исключением далекого лая сторожевого пса. Печальный ветер свистел над морем, напоминая стоны утопших.

У кладбища он остановился, отчасти чтобы раскурить сигару, отчасти чтобы взглянуть на старую церковь, вид которой в лунном свете был жутковатым. Церковь отбрасывала черную тень на траву и надгробия, и казалось, будто гигантская рука показывает на него пальцем. Марстон цинично улыбнулся, когда эта мысль пришла ему в голову.

— Еще одна могила здесь? Не удивлюсь, если так и будет. Еще одна могила, и с моей-то удачей ничего удивительного, если в ней буду лежать я… я! Но это не факт… да. Что за глупое прорицание. Но эта тень и правда похожа на перст, указующий

на меня!

Он курил, прислонившись к столбу железных ворот, и по своему обыкновению проговаривал мысли вслух:

— Тут поневоле поверишь во всякую ерунду. Что за странное место! Кто знал, что я встречу здесь Лауру? Или этого плаксивого дурака Кармела? И кто бы мог подумать, что именно Дженнингс появится в этом захолустье? Господи! Я словно святой Павел: едва избежал кораблекрушения, как в руку вцепилась змея. Мой бывший приятель Спрэг превратил бы все это в элегию. Интересно, могу ли я еще сочинять элегии?

Докурив, он медленно пошел дальше и вскоре оказался на Касл-стрит, центральной улице маленького колоритного городка.

Парадная дверь «Верни Армс» была открыта, и свет лампы мягко освещал тротуар. Мистер Марстон ненавидел ожидание. Он скорее бы пошел на невыгодную сделку, чем вынести пытку долгих переговоров. Он скорее бы шагнул навстречу катастрофе, чем ожидать ее медленного приближения. Нетерпимость неопределенности часто делала его непредсказуемым. Он пришел в Кардайлион просто на разведку, но в голове у него уже сложился план. В тени домов на проти-

воположной стороне улицы он медленно ходил взад-вперед, искоса поглядывая на дверь гостиницы, пока не докурил новую сигару.

Как только он выбросил окурок, по ступеням «Верни Армс» спустился другой курильщик. Некто высокий и стройный стоял на пустынной улице, неторопливо затягивался и смотрел по сторонам. Как только из-за набежавшего облачка вышла луна, мистер Марстон узнал его. Постоялец гостиницы был очень красив: редко встретишь такие умные и воодушевленные лица. Он и не подозревал о недобром взгляде, направленном на него с другой стороны улицы.

Мистер Марстон решил, что пора действовать. Он перешел улицу и остановился рядом с курильщиком.

— Как я слышал, — произнес он тихо, — вы хотите поговорить со мной. Вы сказали об этом «У Блэка».

Курильщик опустил сигару. Он явно был удивлен. Пристально посмотрев на Марстона, он наконец мрачно произнес:

— Да, я так и сказал. И да, я хочу с вами поговорить.

— Хорошо. Но не здесь: нам лучше найти другое место, где мы могли бы поговорить, не привлекая

внимания.

— Идите за мной, — сказал молодой человек, направляясь вверх по улице.

Мистер Марстон шел за ним чуть в стороне. Случайному прохожему они могли показаться приятелями.

Вскоре молодой человек повернул в короткий и узкий переулок, где помещалось лишь несколько домов, а потом они оказались на выгоне, который горожане называли Кардайлионский луг. Место было романтичным. Море в дальнем конце набегало на гальку неторопливыми волнами, ветер меланхолично вздыхал над старым замком на холме, редкие огоньки горели в окнах за их спиной, свет луны серебрил траву, а на той стороне эстуария проглядывали неясные очертания благородных уэльских гор. Трудно представить более умиротворенную картину.

Они остановились, будто сговорившись.

— Я готов вас выслушать, — сказал Марстон.

— Ну, я только хотел сказать — и я рад представившейся возможности, — что я установил полную лживость ваших историй, и добавлю, что вы трус и негодяй.

— Спасибо, этого достаточно, мистер Дженнингс. — Марстон побелел от ярости, но говорил

холодно и спокойно. — Вы, вероятно, решили, что я должен ответить на оскорбление, ударив вас вот этим по лицу, — он взмахнул тростью в воздухе, — но я подготовил для вас нечто более эффективное и не стану рисковать, вмешивая в это дело полицию. В этой дыре у меня нет ни пистолетов, ни друга-секунданта. Мы должны обойтись без формальностей. Завтра рано утром я зайду в «Верни Армс». Несколько слов, и мы все уладим.

Он приподнял шляпу, подразумевая, что разговор закончен, но мистер Дженнингс сказал:

— Вы найдете записку в баре.

— Тогда адресуйте ее Ричарду Виньярду.

— Вашему другу?

— Нет, мне.

— О! Вымышленное имя? — ухмыльнулся мистер Дженнингс.

— Ну, вы можете использовать и настоящее. Мой портной ищет меня усерднее, чем вы, но если вы озвучите мое имя в Кардайлионе, меня могут арестовать, что избавит вас от дальнейших проблем в этом волнительном деле.

— Что ж, пусть будет Ричард Виньярд, — сказал мистер Дженнингс, слегка покраснев.

Молодые люди повернулись спиной друг к

другу. Дженнингс пошел вдоль берега. Слушая набегающие волны, он лихорадочно размышлял, как обычно делают люди, которых внезапно настигло нечто тревожное. А Марстон пошел в другую сторону. Не заходя в город, он последовал в Мэлори по узкой дороге под стенами замка.

Если у человека есть храбрость и разум, но совесть отсутствует, он чрезвычайно опасен. Испорченный ребенок, у которого на первом месте собственное «я», в чьем сердце нет ни унции мягкости, но он обладает умом и энергией, легко вырождается в дьявола. Это трудно скрыть, но все же Марстон был популярен. Он легко тратил деньги — они принадлежали не ему, — и когда он был в настроении, казался совершенно очаровательным.

Когда в тот вечер он смотрел в лицо Дженнингса, синяки и ожоги старой зависти напомнили о себе. Боль ненависти легко причинить, но что может быть более жестоким и болезненным, чем тщеславие? Теперь у него был шанс отомстить. Ставка высока, и его жизнь могла целиком зависеть от выстрела. Но его жестокой смелости было все равно. К тому же Марстону было сложно представить, что он в опасности. Сейчас он размышлял, как повернуть эту ситуа-

цию в свою пользу.

Глава XX
В лесу Пла Ильд

На следующее утро мы узнали, что мистер Марстон рано утром уехал в Кардайлион. Он вернулся около десяти, собрал свои вещи и отправил владельцу «Верни Армс». Так мы поняли, что он съезжает от нас.

Груз, лежащий на плечах Лауры Грей, стал заметно легче. Я слышала, как она тихо прошептала: «Слава богу!», когда Ребекка Торкилл подтвердила, что наш гость переезжает в город и больше не вернется, — мол, он предупредил ее и Томаса Джонса. Меня это немного обрадовало — могу я в этом признаться? — но и немного разочаровало. Я не составила четкого мнения относительно мистера Марстона, которому мистер Кармел и мисс Грей, близкие мне люди, дали тревожную характеристику.

Примерно час спустя я писала матушке, сидя у окна. Подняв взгляд, я вдруг увидела Лауру Грей и мистера Марстона, идущих рядом по аллее к парадной двери. Казалось, они ведут оживленную беседу: мистер Марстон что-то многословно гово-

рил, сбивая верхушки травинок тростью, а Лаура Грей, приложив платочек к глазам, произнесла всего несколько слов, но, как мне показалось, страстно.

Когда они подошли к ступенькам, Лаура отделилась от него, взбежала наверх и захлопнула дверь. Мистер Марстон, глядя ей вслед, улыбался. Я подумала, что он непременно последует за ней, но нет. Он увидел меня в окне, приподнял шляпу, все еще улыбаясь, развернулся и медленно пошел к воротам.

Я выбежала в холл, где нашла свою подругу. Она была очень взволнована.

— Этель, дорогая, — сказала она, вытирая слезы, — ни за что на свете не говорите с этим человеком. Умоляю, обещайте мне это. Вам это ничего не будет стоить, потому что он сказал, что уезжает прямо сейчас, чтобы никогда больше не вернуться.

Казалось, что так и было, ибо он щедро расплатился со слугами и передал с миссис Торкилл прощальную записку для меня.

К добру или худу был его отъезд, не знаю, но он оставил после себя ложку дегтя. То, что он сказал мисс Грей перед отъездом, оказалось отравленной парфянской стрелой. С каждым часом моя

подруга — я с полной уверенностью могу ее так называть — становится все несчастнее. Она лежала на кровати, горько плакала и дрожала. Меня поражала жестокость мужчины, который намеренно привел ее в это состояние. Что дало ему право мучить ее? Я злилась, но в то же время сгорала от любопытства. Но на мои вопросы Лаура отвечала невнятно:

— Дорогая, вы ничего не поймете, не выслушав сначала очень длинную историю. Надеюсь, придет время, когда я смогу рассказать ее вам. Но этот секрет не только мой, он касается и других людей, поэтому пока я должна хранить его.

Мистер Марстон появился и исчез, ослепив меня, как вспышка молнии. Жизнь в поместье теперь казалась мне слишком скучной. Я проводила время, сидя у окна или тоскливо гуляя вокруг дома. Должна признаться, что я не испытывала страха к человеку, который, несомненно, должны были внушить мне предупреждения мистера Кармела и мисс Грей. Напротив, я беспрестанно вспоминала его, и все вокруг: старые деревья, подоконник, сад, эстуарий и острые края темной скалы, вокруг которой плясало море, напоминало мне моего героя.

В тот день я пыталась убедить Лауру пойти

со мной на прогулку, но тщетно. Поэтому я пошла одна в сторону Пенрутинского монастыря. Солнце уже клонилось к западному горизонту, когда я приблизилась к живописной ферме Пла Ильд. К югу от нее простирается участок леса, произраставшего на торфяной почве. Лес этот умирающий, и когда находишься в меланхоличном настроении, он кажется очень красивым. Я бы рекомендовала его художникам в поисках натуры, если тем нравятся огромные деревья с полыми мшистыми стволами или стволами, обвитыми плющом. Засохшие голые ветки тянутся к небу, сквозь кочковатую землю проступают корни, похожие на змей, тут и там кусты ежевики без ягод и везде кроличьи норы.

Когда я вошла в лес, он был подсвечен мягким вечерним светом. Услышав мелодичную трель черного дрозда, я остановилась и слушала ее в восторге, который, полагаю, каждый испытывал бы при подобных обстоятельствах. Меня всецело захватила незатейливая лесная мелодия, но тут я вздрогнула от выстрела. Птица улетела. Несколько раз я слышала, как мальчишки стреляют в птиц, но они всегда сопровождали свое баловство криками и громкими разговорами. А сейчас после выстрела стояла гробовая тишина. У меня

не было причин опасаться столь естественного для леса звука, но все же возникло зловещее предчувствие, и я повернула обратно к ферме. Когда я пробиралась сквозь заросли ежевики, совсем рядом со мной в ветвях подлеска я вдруг увидела бледного и злого мистера Марстона. Было очевидно, что он не заметил меня. При нем не было оружия, и он на ходу надевал перчатку. Внезапное появление этого человека, который, по моим представлениям, должен находиться в противоположной стороне отсюда — в Кардайлионе, еще больше усилило мою тревогу.

Я подождала, пока он скроется, и пошла по тропинке, по которой он шел. Ничего странного не заметив, я прошла чуть дальше, оглядываясь по сторонам. И вскоре на маленькой поляне среди поросших мхом деревьев увидела нечто ужасное. На земле, смертельно бледный, лежал мужчина: его сюртук был расстегнут, а рубашка пропиталась кровью, которая струилась из-под руки, зажимающей рану. Его шляпа валялась на земле. Я заметила два пистолета: один лежал на траве рядом с ним, второй — недалеко от ног.

Я была напугана, и от вида крови мне стало плохо. Раненый увидел меня. Его губы зашевелились, и из горла вырвался хрип: он что-то сказал, но я

не расслышала. Преодолевая себя, я подошла ближе, наклонилась над ним и наконец разобрала:

— Молю, пришлите помощь.

Я тут же вспомнила о ферме Пла Ильд и, отлично зная дорогу, побежала прямо туда. Фермер Причад и его сыновья бросились за мной в лес, а жена Причада осталась дома, чтобы приготовить постель для незнакомца.

Казалось, раненый ослаб еще больше. Но он подозвал нас к себе кивком головы и с огромным трудом сказал:

— Это моя вина — только моя, — запомните, если я умру. Я сам добился этой встречи.

Я сказала Причаду без промедления послать сына в Кардайлион за доктором Мервином, и когда фермер с другим сыном понесли раненого в сторону Пла Ильд, взволнованно отправилась домой, надеясь оказаться в Мэлори до темноты.

Глава XXI
Пациент Пла Ильд

Домой я вернулась с последним лучом заходящего солнца. Сумерки серым плащом накрыли кладбище, море и землю. В окне на первом этаже мерцал свет, и я обрадовалась, ибо это говорило о том, что Лаура Грей сидит в чайной комнате, а мне не терпелось рассказать ей свою историю.

Как я и ожидала, она была там, и по ее удивленно вспыхнувшему взгляду я поняла, насколько ее поразило мое волнение. Даже не скинув пальто, я стала рассказывать о происшествии.

Едва упомянула о внезапном появлении мистера Марстона, Лаура вскочила и прижала руки к груди:

— Кто-то убит? Ради всего святого, скажите же скорее!

Я описала все, что видела.

— Он убил его, этот негодяй! Его угрозы всегда исполняются, а обещания — никогда. Ах, Этель, он был совсем рядом, а я не знала об этом.

— Кто, Лаура? Этот мужчина? Не бойтесь, дорогая, он не убит — никто не убит. Осмелюсь

предположить, что ранение неопасно, и доктор Мервин уже с ним.

— Нет-нет, я уверена, что он тяжело ранен… он его убил. Он так давно ненавидит его, что не остановился бы, пока не убьет.

Лаура все сильнее нервничала, и я делала все, чтобы успокоить ее.

— Как его зовут? — наконец спросила я.

Казалось, этот вопрос успокоил ее. Она посмотрела на меня, затем опустила взгляд и снова подняла. До этого раз или два она упоминала брата, которого сильно любила и который был одной из величайших ее тревог. Раненый мужчина — это он? Или ее возлюбленный?

Последнее едва ли было правдой, ибо она долго уклонялась от моих вопросов, а потом сказала:

— У меня нет возлюбленного или воздыхателя, за исключением того, кого я презираю и ненавижу больше всех на свете.

Вполне возможно, что ее брат был в долгах или в трудном положении, поэтому она отказывалась открыть правду о нем. Я надеялась, что она много чего расскажет, и была разочарована: от меня снова отмахнулись. Но я знала, что мисс Грей говорит правду, ибо она была самой честностью, когда она сказала, что обязательно откроет мне

свою историю и что скоро придет время, когда она сможет это сделать. Но сейчас — бедняжка! — она была в состоянии, очень близком к отчаянию. Она беспрерывно задавала вопросы, и я снова и снова описывала внешность раненого мужчины. Казалось, она догадалась, кто это, что не останавливало ее от новых более подробных вопросов.

Тот вечер прошел ужасно для нас обеих.

На следующее утро доктор Мервин по пути к пациенту заглянул к нам, намереваясь выяснить у меня все обстоятельства его обнаружения. Осмотрительная Ребекка Торкилл призвала меня не рассказывать о неожиданном появлении мистера Марстона в столь подозрительной близости от места происшествия, поэтому я просто описала зрелище, которое представлял собой раненый мужчина, когда я наткнулась на него в лесу, и поведала о его перемещении на ферму Пла Ильд.

— Говорят, это несчастный случай, — сказал доктор, понимающе кивнув и улыбнувшись. — Несчастный случай, как же! Если это так, то почему он отказывается говорить, кто еще причастен к несчастному случаю, кроме него? По-моему, бесполезно делать из этого секрет, так как — если, конечно, не случится ничего неожиданного — он поправится чуть больше чем через неделю.

Ранение очень странное. Пуля ударила его в ключицу и сломала ее, отскочив вверх. Если бы она проникла вбок и вниз, он бы умер на месте.

— Вы знаете его имя? — спросила я.

— Нет, он очень скрытен. Так часто бывает в его ситуации — не хочет попасть в газеты, или связан тем, что мы называем благородством, или, возможно, преследуется законом. Но это не принесет ему проблем — через несколько дней он встанет на ноги.

С этими обнадеживающими новостями доктор покинул нас.

Мисс Грей стало лучше. Одно было точно: победивший участник дуэли — а это, как я поняла, была дуэль, ибо я видела два пистолета, — не осмелится появиться в нашей стороне в ближайшее время.

— Вы пойдете со мной справиться о его здоровье? — спросила я Лауру, как только доктор ушел.

— Нет, я не могу, но это было бы мило с вашей стороны. Только если это не напряжет вас…

— Ничуть. Надо попросить Ребекку приготовить бульон или то, что посоветует доктор. Могу я рассказать о вас миссис Причад? Ведь я с ней буду разговаривать. То есть вы хотите, чтобы пациент

— будем звать его так — знал, что вы здесь?

— О нет, не нужно. Он последний человек на земле, который…

— Вы уверены?

— Совершенно. Молю, дорогая Этель, не упоминайте мое имя.

— Ну, мистер Марстон знает, что вы здесь, — настаивала я.

— Это плохо, но в данной ситуации будет просто невыносимым. Я знаю, Этель, что могу на вас положиться.

— Ну, я ничего не скажу: не буду упоминать вашего имени, если вы так решили.

Прошло два или три дня. Сначала я была добрым самаритянином в женском обличье, который помог попавшему в беду, теперь я стала участливой сестрой, добрым ангелом — как вам удобнее меня называть. Мне очень хотелось помочь выздоровлению, о котором так уверенно заявлял доктор.

Я не ощущала романтического интереса, который, наверное, должна была ощущать к предмету своего милосердия. Напротив, меня преследовало ужасное воспоминание о том, каким я его увидела. Именно поэтому я не стремилась подойти к его постели — достаточно общения с фермершей.

У меня нет недостатка в храбрости, физической или моральной, но я была бы плохой фельдшерицей и еще худшим солдатом: при виде крови мне тут же становится плохо, и я испытываю неописуемое отвращение.

Иногда я думаю, что мы, женщины, порочные создания, ибо питаем интерес ко всему дерзкому, если оно окружено ореолом тайны и романтики. Могу ли я признаться? Образ мистера Марстона, несмотря на эпитеты Лауры и пугающую ситуацию, в которой я видела его в последний раз, часто посещал меня и очаровывал сильнее, чем я могла признаться самой себе. Если в мужчине чувствуется энергия, если он умен и красив, безрассудная порочность не помешает глупому роману. Я и сама была импульсивна, поэтому пресная или робкая добродетель не заинтересовала бы меня.

У моей матери было большое трюмо, которое перенесли в мою комнату, и я стояла перед ним в шляпе и жакетке, чтобы в последний раз взглянуть на себя перед выходом в Пла Ильд. Что я видела перед собой? У меня есть смелость описать свое впечатление, потому что теперь уже рядом нет никого, кто мог бы посмеяться надо мной. Девушка неполных восемнадцати лет, рост выше

среднего, стройная, с большими темно-серыми глазами и длинными ресницами, не румяная, ни в коем случае не кровь с молоком, но с чистой и гладкой мраморной кожей, губы карминно-алые, зубы очень белые, густые темно-каштановые волосы; когда она говорит или улыбается, появляются ямочки на щеке и подбородке. Лицо было оживленным и энергичным, и я смотрела на себя с большим удовольствием.

В этот день я оставалась перед зеркалом чуть дольше обычного, а полчаса спустя уже была перед тяжелой дверью Пла Ильд. Это один из самых красивых фермерских домиков в округе. Вблизи него растут липы и боярышник, соломенная крыша со временем выцвела, но все равно выглядела живописной. От миссис Причад я узнала, что «джентльмен наверху» сегодня отлично себя чувствует и уже сидит; доктор считает, что завтра-послезавтра он сможет прогуляться.

Выяснив все, что могло заинтересовать Ребекку Торкилл, я покинула добрую фермершу и, так как погода располагала, пошла в старый лес, где мужчина получил ранение. Прогулявшись в уединении, я намеревалась вернуться в Мэлори.

Глава XXII
Изгой

Ступая среди деревьев, я вдруг увидела мистера Марстона. Признаюсь, от испуга я застыла на месте, но у него был столь жалкий вид, когда он стоял там, сняв шляпу, что я тут же успокоилась. Было очевидно, что без моего разрешения он не осмелится даже заговорить со мной. Все предупреждения и просьбы Лауры звучали для меня в тот момент как далекий и бессмысленный звон. Он не извинялся, но все же выглядел как раскаивающийся человек. Я была смущена, но ничуть не боялась его.

В итоге я заговорила первой, но не помню, что именно сказала.

— Я пришел сюда, мисс Уэр, как я полагаю, сильно рискуя, и все же я бы поступил точно так же, будь опасность в тысячу раз больше. Я пытался убедить себя, что пришел только с тем, чтобы узнать, как чувствует себя этот глупец, который навязал мне ссору. Но, сказать по правде, я здесь с иной целью: я пришел сюда с почти безнадежной надеждой увидеть вас и, если мне повезет и вы

позволите мне это, сказать слово в свою защиту. Мне не повезло иметь несколько безжалостных врагов, и судьба коварно собрала их здесь. Мисс Грей состоит с вами в очень доверительных отношениях, мисс Этель: ее предрассудки на мой счет жестоки, суровы и во всех отношениях чудовищны.

Он шел рядом со мной, когда говорил это.

— Мистер Марстон, — сказала я, — я не хочу слышать ни слова против мисс Грей. Я ее очень высоко ценю: она мой самый близкий друг, она — сама правда.

— Не могу оспорить ни одно ваше слово, мисс Уэр. Все, что она говорит, она считает правдой, но она жестоко предубеждена и, сама того не зная, относится ко мне чрезвычайно несправедливо. Когда она будет вольна поведать всю историю обо мне — пока вы не слышали ее, — я возьму на себя обязательство убедить вас в ее несправедливости. Я ни перед кем не унижусь, чтобы защитить себя и просить оправдания там, где не виноват, кроме вас, мисс Уэр.

Я почувствовала, что краснею. Думаю, этот признак эмоций распалил его сильнее.

— Я не знал, — сказал он, показывая рукой в сторону Пла Ильд, — жив или мертв этот глупец,

и это последнее место на земле, куда я должен был прийти, следуя обычному благоразумию, пока с ним не ясно, но я готов храбро встретить любую опасность ради шанса вновь увидеть вас — без этого я просто не смогу жить.

Он смотрел на меня сияющими глазами, и я подумала, что он чудесно красив. Мне казалось, что в его речах и взглядах — и, насколько я знала, в поступках — есть напор и безрассудство древнего изгоя. В моей фантазии вся эта сцена в тени умирающего леса отлично соответствовала необузданному характеру, которым я его наделила. Было что-то подобострастное в преданности этого энергичного и страстного мужчины.

— Ничего не говорите, — продолжил он, — умоляю вас. Было бы просто безумием спрашивать об этом сейчас: вы ничего не знаете обо мне, кроме, возможно, самой безумной клеветы, которую выковывала ненависть. С того момента, как я увидел вас в старом саду Мэлори, я полюбил вас! Любовь с первого взгляда! Это не безрассудная страсть. Это воспоминание о счастливом сне. Я забыл его в часы бодрствования, но с болью и восторгом узнал в вас тот дух, который очаровал меня. Я полюбил вас задолго до того, как понял это. Я ничего не могу сделать с этим, Этель, я

обожаю вас!

Полагаю, я должна была возмутиться. И была почти зла на себя за то, что совсем не злюсь. Однако я была немного встревожена: я чувствовала то, что чувствует ребенок, который должен зайти в темную комнату, но отпрянул на пороге.

— Прошу, мистер Марстон, больше не говорите со мной. Я вас не знаю, вы не имеете права разговаривать со мной во время моих прогулок. Прошу, оставьте меня.

— Слушаюсь, мисс Уэр: я сделаю все, что прикажете. Последняя просьба: не судите меня, не выслушав, и прошу, не говорите моим врагам о влюбленности, которая привела меня сюда с храбростью отчаяния… нет, не отчаяния, это неподходящее слово. Я никогда вас не забуду. Ах, если бы я только мог! Я никогда вас не забуду: кто меня расколдует? Я никогда не забуду и не перестану преследовать вас, Этель, Богом клянусь!

Он нежно заглянул мне в лицо, быстро поднял мою руку и прижал к губам, прежде чем я успела оправиться от волнения. А потом ушел. Я не смотрела ему вслед. Я инстинктивно избегала этого, но слышала звук его шагов, быстро удаляющихся в направлении фермерского дома, который я только что покинула.

Только пройдя больше половины пути до Мэлори, я начала ясно размышлять о том, что произошло. Это то, о чем я мечтала? Мне было страшно подумать об этом. Совершеннейший незнакомец вдруг говорит, что влюблен в меня! Что же мне делать? Что скажут папа или мама, если моя глупость дойдет до их ушей? Я даже не знала, где искать мистера Марстона, где он обитает. Кто-то сравнил Илиаду с байкой, которая останавливается, но не заканчивается, и точно такой была эта неловкая эпопея в лесу. Кто знает, когда сочинителю захочется продолжить работу? Кто знает, чем завершится моя история?

Однако должна признаться, хотя мне и было стыдно, этот изгой интересовал меня. Как многие своенравные молодые леди, я не понимала саму себя.

Я села на каменные ступеньки у стены кладбища и крепко задумалась. От раздумий меня оторвал звук приближающихся со стороны Мэлори шагов. Я подняла взгляд и с удивлением увидела мистера Кармела. Вскочив, я пошла ему навстречу. Мы пожали друг другу руки, и он улыбнулся — я знаю — от радости встречи со мной.

— Вы не ожидали так скоро вновь увидеть меня, мисс Уэр? Я должен столько вам рассказать.

Не знаю, обрадует вас это или огорчит, но если вы с мисс Грей предложите мне, как раньше, стул за вашим чайным столиком, вечером я загляну к вам на полчаса. Сначала мне надо зайти к старику Пэрри и передать ему записку, которую я получил вчера от вашей матушки.

Он снова улыбнулся и продолжил путь, оставив меня гадать о содержании его новостей.

Глава XXIII
Поездка

Представьте нас за чайным столиком час спустя. Мистер Кармел пришел, как и обещал, говорил, как обычно, приятно, но если и хотел сообщить нам какие-то новости, то еще не перешел к ним.

— Ваш домик ожидает вашего возвращения. Тот молодой человек, мистер Марстон, больше не живет там, — сказала я. — Прошу, расскажите нам все, что знаете о нем.

Мистер Кармел опустил голову, его задумчивый взгляд был направлен в стол.

— Нет, — ответил он, оторвав взгляд от стола. — Бог все знает, и этого достаточно. История не будет никому примером.

Он казался таким уязвленным и даже взволнованным, что я и не думала дальше беспокоить его.

— Я так привязался к этому месту, — сказал мистер Кармел, подходя к окну, — что едва могу заставить себя попрощаться и навечно расстаться с ним, и все же через несколько дней это должно

произойти. Мы — солдаты, я имею в виду священнослужителей, и должны подчиняться приказам, и я не могу надеяться, что мой путь когда-нибудь вновь приведет меня сюда. Но у меня есть новости для вас, мисс Этель: вчера я получил письмо от вашей матушки и записку от мистера Уэра. Вы переезжаете в Лондон и выходите в свет в грядущем сезоне, дорогая. Через несколько дней ваши родители приедут туда на неделю, и, мисс Грей, — повернулся он к гувернантке, — миссис Уэр надеется, что вы не оставите свою подопечную в связи с предстоящими переменами.

Мистер Кармел замолчал, но Лаура не ответила.

— Ох, дорогая Лаура, вы не оставите меня? — в волнении воскликнула я.

— Конечно, нет, дорогая Этель. А когда все-таки придет время нам расстаться, это будет больнее мне, чем вам, — печально сказала она. — Я не солдат и не миссионер, но мои перемещения тоже не всегда зависят от меня.

Не стесняясь присутствия мистера Кармела, мы нежно поцеловались.

— Вот записка, приложенная для вас, мисс Грей, — пробормотал он, доставая записку из кармана.

Мы встали и тоже подошли к окну. Были сумерки, и стол, на котором горели свечи, находился на значительном расстоянии. Лаура взяла записку и вернулась к столу, чтобы прочитать ее.

Пока она увлеченно читала, мистер Кармел тихо заговорил со мной:

— Мисс Этель наконец покидает старый дом и скромных друзей, чтобы выйти в огромный мир. Не думаю, что она забудет тех, кто ей предан, и уверен, что они не забудут ее. Мы провели много приятных вечеров, и во время наших разговоров в счастливом уединении, надеюсь, перед вашими глазами предстала истина. Берегитесь, мисс Этель! Если шутить с милосердием Небес, нигде не найдется дурмана для ужасов совести. В блеске и удовольствиях, в пустых победах тщеславия слова святого Петра поразят ваши уши как гром. Тем, кто однажды был просвещен и испробовал божественный дар, поверив в силы грядущего мира, но однажды сошел с пути, невозможно вернуть все с помощью раскаяния. Чем больше привилегия, тем сильнее ответственность. Чем больше знание, тем сильнее опасность. Вы видели истину вдали, так возрадуйтесь и трепещите.

Он отошел к мисс Грей.

Я много недель думала о наших многочислен-

ных разговорах. Зарождающиеся убеждения померкли в отсутствие философа или мудреца — я не знала, кого именно видела в его лице. Когда он говорил со мной на подобные темы, его голос становился холодным и чужим, казалось, к его нежности примешивалось равнодушие или же он становился похож на человека, лицезревшего ужас. Это пугало меня. Никто не впечатлял меня так, как он. Секрет был не в его словах, но в его исключительной честности. О геенне огненной мистер Кармел говорил как очевидец и, казалось, невыразимо боялся сам себя. У него был пасторский дар внушать тревогу.

Когда наш гость ушел, я рассказала Лауре Грей о своем приключении в лесу Пла Ильд. Не думаю, что я описала все так же честно, как вам, но эта история очень опечалила мисс Грей.

Она прервала последовавшее молчание, сказав:

— Этель, я рада, что мы уезжаем. Думаю, вам будет лучше в Лондоне, а мне там будет за вас спокойнее. Вы не знаете, и я честно надеюсь, что никогда не узнаете, сколько проблем может принести знакомство с таким внешне открытым, но внутренне подлым человеком. Он не осмелится навязывать вам свое знакомство в городе. Здесь,

конечно, все иначе.

Тем вечером мы допоздна засиделись за беседой в моей комнате. Я не знаю, что чувствовала относительно надвигающихся перемен. Приближающаяся поездка в Лондон казалась мне таким же грандиозным событием, как для Золушки поездка на бал в карете-тыкве. В этом было что-то ослепительное. Но мое волнение и моя радость были сродни тем, что испытывает счастливая невеста, которая все же плачет, потому что прощается с прежней жизнью, которая кажется все милее с приближением необратимого. Пусть она и уверена, что впереди ее ждет рай, она прощается с тем, что было ей дорого. Я ощущала противоречие: я любила Мэлори больше, чем смогла бы полюбить любое другое место. Но юность — время действий, так установил Господь. Мы поступаем, как блудный сын из известной притчи: эгоистичный и уверенный, он пускается на поиски неизвестно чего, но привязанности обновляются и обращаются к дому; сердце рвется в одиноком крике тоски, неслышном живому уху, и он возвращается.

На следующее утро приготовления приняли определенную форму. Поднялась суматоха. Я должна была уехать уже назавтра, а мистер Кар-

мел должен был позаботиться обо мне во время поездки и в целости и сохранности передать меня в руки миссис Бьючемп, нашей лондонской экономки. Лаура Грей, уладив все дела в Мэлори, должна была приехать меньше чем через неделю, примерно в то же время, когда и мои родители.

И вот подошло время. Десять миль мы ехали до станции, затем нам предстояла долгая поездка по железной дороге. Лондон был не нов для меня, но с моими нынешними ожиданиями я совсем по-другому воспринимала его. У меня было хорошее настроение, и мистер Кармел оказался приятным спутником, хотя мне показалось, что он немного не в духе.

Я очень устала, когда наконец попрощалась с мистером Кармелом у двери нашего дома на ***-стрит. На улице уже горели фонари. Миссис Бьючемп в черном шелковом платье встретила меня с большим уважением и повела наверх, шурша подолом, чтобы показать мою комнату. Ее выверенная вежливость контрастировала с шумливым радушием Ребекки Торкилл. Ваши родители, сказала она, будут через несколько дней, но не назвала точную дату. Через час я почувствовала себя более одинокой, чем ожидала. Я написала длинное письмо Лауре, с которой рас-

сталась лишь нынешним утром (каким долгим показался этот срок!). Признавшись, что мечтаю вернуться в Мэлори, я попросила ее приехать как можно скорее.

Глава XXIV
Письма

Надо ли говорить о том, что я мечтала получить письмо от Лауры, такое же длинное, как и мое. Здесь было невыносимо скучно, и вскоре я пришла в настроение, которое можно описать как «тоска от нечего делать». Сидя в просторной комнате дома, чье убранство отличалось холодной элегантностью новизны, я представляла конверт с дружелюбной почтовой маркой Кардайлиона. Казалось, письмо принесет с собой чистый воздух и частицу домашнего уюта Мэлори. Мне не хватало добрых лиц и любимого пейзажа, который я так быстро оставила.

Два дня писем не было. На третий, спустившись к завтраку, я увидела хорошо знакомый почерк на конверте, лежавшем на столе. В глаза мне бросилась марка Ливерпуля, и как я ни крутила конверт, марки Кардайлиона не увидела.

С дурными предчувствиями я открыла письмо. И вот что в нем говорилось:

«Моя дорогая Этель!

Внезапная и серьезная перемена в моих

несчастных обстоятельствах разделяет нас с вами. Сейчас я не могу отправиться в Лондон, и может статься, что мы еще долго не увидимся. Если это вообще когда-нибудь произойдет. Я пишу, чтобы попрощаться и со всей серьезностью повторить предупреждение не позволять человеку, который после кораблекрушения на несколько дней обрел убежище в доме приказчика, продолжать знакомство или переписку с вами. Молю, дорогая Этель, доверьтесь мне в этом. Заклинаю последовать моему совету. Возможно, я еще напишу. А пока, уверена, вы будете рады узнать, что ваша бедная гувернантка счастлива — счастливее, чем когда-либо мечтала или надеялась быть. Моя любовь и мысли всегда с вами.

Вечно любящая вас

Лаура Грей.

Да благословит вас бог, дорогая! Прощайте».

Не думаю, что могу преувеличить эффект этого письма. Не буду утомлять вас самым тягостным из всех настроений — человеческим горем.

Тем же вечером приехали родители. Если бы я жила меньше в Мэлори и больше с матушкой, я бы, возможно, не ценила ее так высоко. Меня поразили ее красота и элегантность, и мне показалось, что она выше, чем я ее помню. Она

выглядела так хорошо и молодо!

Отца я видела лишь миг. Он немедленно ушел в свою комнату, чтобы переодеться и уехать в клуб. После его отъезда мама пригласила меня в свою комнату пить чай. Она сказала, что я выросла и что она довольна моим видом. Потом рассказала о своих планах на меня. Ко мне будут ходить учителя, и я не выйду в свет до апреля.

После паузы она заставила меня поведать все обстоятельства смерти Нелли и долго плакала. Потом позвала свою горничную Лексли, и они совещались по поводу моих платьев. Мой гардероб из Мэлори — а я привезла в город только то, что считала безукоризненным выбором, — даже не обсуждался, его будто не существовало. Это дало мне почувствовать, в каком варварстве я жила.

Письмо мисс Грей тяжким грузом лежало на моей душе, но я пока что не сказала о нем матушке. Однако мне не потребовалось собираться с духом. Среди писем, которые ей вскоре принесли, было письмо от Лауры. Прочитав его, она разозлилась в своей ворчливой манере. Мама была уверена в гувернантке и предвидела множество проблем для себя из-за ее дезертирства.

— Как же мне не везет! — простонала она. — Все, что может идти не так, идет не так! С другими

такого никогда не бывает! Она могла бы водить тебя к месье Понте, на прогулки и в магазин, и… она безнравственный человек. Она не имела права уезжать. Это ужасно! Твой отец позволяет таким людям обращаться со мной, как им вздумается, и когда я дома, моя жизнь — это бесконечное страдание! Что же мне теперь делать? Не думаю, что кто-то другой находится во власти своих слуг, как я. Не знаю, моя дорогая, как я сумею сделать для тебя все, что нужно, без чьей-либо помощи… я была уверена, что могу на нее положиться. Совершенный незнакомец нам не подойдет, и в данный момент мне кажется, что тебе лучше вернуться в Мэлори. Я не создана для этого. Сейчас я могу только пойти в постель и рыдать до утра.

Мое сердце переполнилось, и я почувствовала облегчение, когда из глаз полились слезы.

— Мне странно, что ты плачешь по такому никчемному человеку, — раздраженно отреагировала мама. — Если бы она хоть чуточку заботилась о тебе, она бы не бросила тебя. Эта молодая леди оказалась посредственной вертихвосткой!

В Мэлори меня не отправили. Матушка преодолела все трудности и наняла скучную и невозмутимую леди по имени Анна Мария Паун-

ден, чьи манеры были тихими и безупречными, а возраст приближался к пятидесяти. Как вы можете предположить, она не стала для меня компаньонкой, однако отлично отвечала целям, намеченным моей родительницей. Она была настоящей леди и, казалось, была создана для того, чтобы хранить ключи, приводить в порядок шкафы, упаковывать вещи и заботиться о людях, когда они больны. Кроме того, она свободно говорила по-французски, к тому же с хорошим прононсом, и мама настояла, чтобы мы с ней всегда говорили на этом языке. Но чем серьезнее были перемены, тем больше я думала о своей дорогой подруге Лауре Грей.

В довольно бессвязном письме Ребекка Торкилл поведала мне подробности отъезда Лауры из Мэлори. Мисс Грей ушла на прогулку, наполовину упаковав вещи, так как должна была уехать на следующий день.

Домой она не пришла, но наутро миссис Торкилл получила письмо, в котором говорилось, что мисс Грей не может вернуться и что она в тот же день напишет маме и мне в Лондон. На письме, которое получила миссис Торкилл, как и на моем, была марка из Ливерпуля, и она выразила свое мнение следующим образом (с ошибками): «Не

думаю, мисс, что у нее не было мыслей збежать. Может, она поехала в Олихед, а потом в Ливепул. Мистер Уильямс, наш городской сикретарь, и викарий, и доктор Мервин, все уверины, что не могло быть по-другому».

Мама не часто спускалась к завтраку во время своего короткого пребывания в городе, однако в один из таких редких дней случилось нечто такое, что я должна описать.

Она была в красивом утреннем неглиже, как мы тогда называли столь легкомысленные платья, и казалась такой же изящной, как китайские чайные чашки перед ней. Папа выглядел почти так же молодо, как она. Должно быть, маме в то время было сорок, но она не выглядела старше тридцати двух. А папе можно было дать тридцать пять, но, думаю, он был на десять лет старше. Тот образ жизни, который, казалось бы, должен изнурять, напротив, влиял на них как эликсир жизни. Я вовсе не отрицаю старое заезженное правило о том, что нужно рано ложиться и рано вставать, — оно будто бы является секретом вечной молодости. Но если зимой надо ложиться, скажем, в четыре часа дня, а вставать в четыре утра, не лучше ли лечь в четыре утра и встать в час дня? Вот именно так и поступали мои родите-

ли. Не думаю, что кто-то из них страдал от забот, отравляющих радость и забирающих силы. Матушка перекладывала все неизвестное на отца, а тот с равной беспечностью перекладывал свои дела на мистера Нормана — помощника, секретаря, аудитора, дипломата, финансиста и того, кто олицетворяет понятие «во всем полезный».

Я никогда не знала точно, какой суммой в год располагает отец. У матушки были свои деньги. Но они оба совершенно не умели решать свои дела и, скорее всего, не пытались это делать. У отца возникали трудности, но они редко длились дольше дня или, самое большее, недели или двух. В критический момент по старым счетам проступали некоторые, как он считал, небольшие суммы — от двух до пяти тысяч фунтов — и выручали его. Эти суммы должны считаться не доходом, но капиталом, как я когда-то слышала от умных людей, но у папы не было таланта, чтобы разбогатеть или хотя бы сохранить богатство, если б даже добрая фея одарила его состоянием.

Но вернусь к своему повествованию.

Отец задумался, откинувшись на спинку стула, матушка зевала над письмом, которое читала, а я пальцами выстукивала танцевальную музыку по коленке под скатертью, когда он вдруг сказал

матушке:

— Ты ведь не сильно любишь свою тетушку Лорример?

— Нет, я ее не люблю. И никогда не говорила обратного.

— То есть она тебе не нравится и совершенно безразлична?

— Ну-у… — протянула матушка, удивленно взглянув на него своими большими красивыми глазами. — Не знаю… я привязана к ней.

— Ты ее не любишь, она тебе даже не нравится, но ты к ней привязана! — рассмеялся папа.

— Ты все шутишь. Я такого не говорила. У нее много недостатков и странностей, которые мне не нравятся, но я к ней привязана. Почему тебе кажется странным, что о родственниках нужно беспокоиться? Я так чувствую и этого придерживаюсь.

— Сомневаюсь, в ее-то отношении.

— Почему, дорогой? Ты что-то о ней слышал?

— Нет, но одно я был бы не прочь услышать прямо сейчас.

— О чем ты, дорогой?

— Ну, что она умерла и оставила нам деньги. Я знаю, звучит жестоко, и ты, конечно же, шокирована, но уверяю тебя, сейчас мы нуждаемся. Ты

же ей пишешь?

— Нечасто. Только раз с тех пор, как мы видели ее в Неаполе.

— Да, действительно нечасто, — снова рассмеялся он. — Но она пишет тебе. Кажется, ты как-то говорила, что мы ей нравимся — точнее, ты?

— Вроде да.

— Ей больше не о ком заботиться. Мне она безразлична — старая дура.

— Она не такая, дорогой, — одернула его мама.

— Жаль, мы не знаем, где она сейчас. Серьезно, ты должна писать ей чаще, дорогая. Мне бы так хотелось…

— Конечно, я напишу ей, как только приду в себя. Сегодня я не могу это сделать: мне нездоровится, ты знаешь.

— Ох, дорогая, я вовсе не тороплю тебя. Конечно, не пиши, пока тебе не станет лучше: не думай, что я чудовище. Ни в коем случае не стоит ее преследовать, но существует золотая середина между назойливостью и тем, чтобы полностью от нее откреститься. У нее, бедняжки, и правда никого нет, о ком бы она могла заботиться или кто мог бы заботиться о ней. Не то чтобы она мне небезразлична, но ты ее кровная родственница, и я не понимаю, почему…

Тут дверь открылась, и с видом напускного дружелюбия и уверенностью в теплом приеме в комнату вошел человек, которого я меньше всего ожидала здесь увидеть. Сердце перестало биться. Мрачный, коварный и умный мужчина лет пятидесяти с блестящими глазами и высоким лбом… месье Дроквилль.

Глава XXV
Новости от доктора

— О, как поживаете, доктор Дроквилль? — сказала мама с неподдельным радушием во взгляде и тоне.

— Как дела, Дроквилль? — сказал отец, как мне показалось, немного сухо.

— Вы завтракали? — спросила мама.

— Два часа назад.

— Мы завтракаем поздно, — пояснил папа.

— Предпочитаю думать, что это я завтракаю очень рано, и завтракаю в своем примитивном жилище, — ответил месье Дроквилль.

— Я понятия не имел, что вы в городе.

— В сезон или нет, но доктор всегда на посту. Я начинаю понимать, пусть довольно поздно, что в старой поговорке про катящиеся камни и мох[17] есть зерно истины. Даже холостяку непросто сохранить тело и душу в этом продажном, модном, уплетающем котлеты мире. — Тут он увидел ме-

---

[17] Сноски: 17

Вероятно, речь идет о поговорке «На катящемся камне мох не растет»: если человек непостоянен и неусидчив, то не сможет сделать что-то стоящее.

ня и поклонился. — Мисс Уэр? — вопросительно повернулся он к матушке. — Ну конечно, это та молодая леди, которую я видел в Мэлори! Некоторые лица сложно забыть, — добавил он, теперь уже глядя на меня. — Я грозился увезти ее, но она была непреклонна как судьба. — Он улыбнулся и продолжил: — Знаете, я недавно нанес визит нашему другу Кармелу.

— И как он? — спросила матушка, и я с интересом ждала ответа.

— Туберкулез. Да, он уже на берегу Стикса, одна его нога в воде, и обол для Харона зажат в руке. Кармел умрет молодым. Он может прожить лет пять, но, скорее всего, не проживет и двух. А если вдруг подхватит простуду и начнет кашлять, то не протянет и четырех месяцев.

— Моя супруга приболела, — сказал папа. — Надеюсь, вы сможете что-то сделать для нее. Дорогая, ты еще веришь в доктора Дроквилля? Кажется, она думает, что вы получили степень не только в медицине, но и по богословию. Если так, то вы сможете сотворить чудо.

— Уверяю вас, доктор Дроквилль, я никогда такого не говорила. Это ты думал, что доктор Дроквилль был духовным лицом.

Дроквилль рассмеялся.

— Но, доктор Дроквилль, я считаю, — продолжила матушка, — что вы были бы прекрасным священником.

— Хорошие священники, с вашего позволения, бывают разными. Например, мадам де Жанлис высоко ценит своего знакомого аббата: говорит, он человек уважаемый и никогда не высмеивает богооткровенную религию. Если только умеренно.

Папа рассмеялся, но я видела, что ему не нравится доктор Дроквилль. Поведение моего отца — может, и незаметно для постороннего взгляда — отличалось от безмятежности гостя. Мне он казался немного подозрительным.

— Но вы-то никогда не высмеиваете, даже умеренно, и умеете убеждать, если хотите, — сказала мама.

— О, вы оказываете мне слишком большую честь. На самом деле я худший логик на свете, так что сомневаюсь в своем умении убеждать. Я как-то писал эссе о христианском рыцарстве, и все шло хорошо, пока дело не дошло до аргументов. Один из них меня целиком поглотил, прошу, послушайте. Пожертвовать жизнью ради леди, которую любишь, — это героизм, но пожертвовать ради нее душой — это уже высшая степень

героизма. Однако высшая степень героизма — это иное имя христианства. Следовательно, любовь не является жертвой души, и любящий не проявляет героизм… но если ты все же жертвуешь душой, это величайший героизм… И так далее, и так далее. Я не мог выпутаться. Если проще, по-житейски, я сделал лодку, но она течет, и я тону. Я так и не продвинулся в своем эссе.

В этой циничной болтовне была презрительная насмешливость, совершенно очевидная для меня, но матушка восприняла его слова со всей серьезностью. Она сказала:

— Это озадачивает, но вы должны разобраться.

Папа рассмеялся и сказал:

— Моя дорогая, разве ты не видишь, что доктор Дроквилль разыгрывает нас?

Я была рада папиной реплике, потому что мне это не нравилось. Мне было обидно за маму. А доктор Дроквилль просто хамил.

— Вот видите, я не логик, и лучше я буду тем, кто я есть. Я сносный врач. Если бы я стал священником, с моими-то поврежденными умозаключениями, я непременно завел бы себя и паству в тупик. Полагаю, в Лондоне вы ненадолго? — сменил он тему. — Ну, это понятно, столько домов стоят закрытыми — настоящий город мертвых.

Как доктор Джонсон сказал миссис Трейл, никто не хочет возвращаться в пустоту.

— Мы здесь лишь на несколько дней, — сказала мама. — Наша дочь Этель выходит в свет следующей весной, и она приехала, чтобы повидаться с нами. Я хочу также, чтобы она провела несколько недель с учителями, и нужно позаботиться о множестве вещей, о которых вы даже представить не можете. Как вы думаете, есть ли что-то, что на пользу прочесть деревенской мисс, о чем мы могли забыть?

— Прочесть? Прочесть… Ах да, две вещи.

— Какие же?

— Если она получит хорошее знание о языческой мифологии и поверхностное о Библии, то это ей отлично поможет.

— Но она не будет говорить о Библии, — рассмеялся папа, — люди, которым она нравится, читают ее самостоятельно.

— Верно, — кивнул доктор Дроквилль. — Вот вы никогда не упоминаете о Библии, но неосознанно всегда ссылаетесь на нее. Ничто не поражает незнакомца больше, чем то, что он понимает ваш язык так же, как я. Вы получили записку от леди Лорример? — вдруг спросил он.

— Нет, — ответила мама.

Слово «записка», наверное, подсказало отцу, что тетка его жены находится где-то недалеко, и он быстро взглянул на доктора Дроквилля:

— И где сейчас леди Лорример?

— Это я и пришел вам сказать. Она в отеле «Майвартс». Я сказал ей, что вы в городе, и думал, что она написала вам, но мне не сложно было зайти и сказать вам это лично.

— Надеюсь, с ней все хорошо? — спросила мама.

— Миссис Уэр, вы когда-нибудь за всю вашу жизнь видели, чтобы с ней все было хорошо? Я — нет. Она бы потеряла всякое удовольствие от жизни, если бы не думала, что прощается с ней. Она приехала вчера вечером и послала за мной в десять утра. Я прощупал ей пульс. Он был совершенно ровным. Она хорошо спала и прекрасно позавтракала, но! Я обнаружил ее страдающей от хронической атаки хорошего здоровья и, так как с этим нельзя шутить, немедленно выписал ей некоторые медикаменты, которые никоим образом не дадут ни малейшего эффекта, и в этом критическом состоянии оставил ее, обещав заглянуть днем, чтобы убедиться, не проявились ли новые симптомы здоровья? А между тем пришел к вам, чтобы повидаться и рассказать об этом.

— Полагаю, я найду ее в постели? — вздохнула мама.

— Нет, я склонен думать, что она отложила смерть на послеобеденное время — леди Лорример заказала отличный обед — и планирует скончаться в гостиной, где вы ее и найдете. Так вам нездоровится?

— Помни историю, которую доктор Дроквилль только что рассказал о твоей тетушке, и позаботься, чтобы он не рассказывал то же самое о тебе, — сказал папа, смеясь.

— Я бы хотел этого больше всего на свете — говорить о симптомах здоровья. Но головная боль — настоящее мучение, — парировал гость.

Они с мамой несколько минут тихо обсуждали ее состояние, и в это время принесли записку. Слуга ждал ответа в холле.

— Я могу прочесть? — сказал папа, держа свернутый листок. — Уверен, это от леди Лорример.

— Конечно, дорогой, — сказала мама и продолжила исповедоваться доктору Дроквиллю.

Папа улыбался немного саркастично, когда читал. Закончив, он бросил записку через стол, сказав:

— Можешь прочесть, Этель: это касается и тебя.

Мне было очень любопытно. Почерк оказался энергичным и красивым, учитывая возраст леди Лорример, а сама записка — слезливая, апатичная и эгоистичная. Леди Лорример писала, что несчастна и пришла к выводу, что не может существовать в лондонском смоге. О том, что она послала за доктором, мы уже знали. «Я попробую принять тебя, если ты заглянешь около трех, но всего на несколько минут. Кто-то из детей с тобой? Если они тихие, тоже могут прийти. Это меня развлечет. Я сто лет не видела твоих отпрысков и напрочь забыла их возраст и даже имена. Скажи, ждать ли тебя в три. Я прикажу слуге дождаться ответа», — говорилось дальше.

Люди, которые живут в провинции, обычно считают себя важнее, чем они есть на самом деле. Я была обижена холодными фразами об «отпрысках» и так далее.

— Ну, ты обещаешь вести себя тихо? Ты не будешь дергать кошку за хвост, или жечь бумагу в камине, или требовать кекса с изюмом? — подмигнул мне папа.

— Не думаю, что она хочет нас видеть. Не думаю, что она хоть немного заботится о нас. Наверное, мама не пойдет, — сказала я раздосадованно, надеясь, что мама не окажет почтение

этой надменной старухе.

Доктор Дроквилль встал, выписав рецепт:

— Ну, мне пора. Полагаю, это вам поможет. Я могу что-то сделать для вас в городе? Следующие три часа я где только не побываю!

Нет, ничего — был ответ, и этот мужчина, который почему-то нравился мне еще меньше, чем прежде, исчез; мы увидели, как его экипаж проезжает за окном.

— Вот ее записка, прочти. Полагаю, ты ее навестишь? — спросил папа.

— Конечно, я очень привязана к тете. Она была чрезвычайно добра ко мне, когда обо мне больше некому было позаботиться.

Мама говорила с большим воодушевлением — я и не думала, что она на это способна, — мне даже показалось, что я вижу слезы в ее глазах. И тут я поняла, что ей не нравится тон, в котором папа говорит о ее тетке. Наверное, он тоже понял это.

— Ты совершенно права, дорогая, как всегда, когда дело касается чувств. Ты возьмешь с собой Этель?

— Да, я бы хотела, чтобы она пошла.

— Знаешь, если она спросит, не преувеличивай моего богатства. Недавно я претерпел ужасные убытки. Я не люблю беспокоить тебя делами, и

это не моя вина или небрежность, но я правда… Очень важно, чтобы она не сделала для тебя меньше, чем намеревалась, или что-то странное, или несправедливое. Клянусь честью, сейчас у нас нет даже лишней гинеи.

Мама посмотрела на него, но она уже так привыкла к тревогам подобного рода, что они не производили на нее глубокого впечатления.

— Не думаю, что она захочет говорить о подобном, дорогой. Но если она спросит, я, конечно, скажу ей правду.

Я помнила леди Лорример сквозь дымку детства и расстояние многих лет. Она приезжала к нам в Мэлори. Помню, как я спускалась по лестнице, держась за руку няни, и увидела карету и слуг во дворе. Помню, как сижу в гостиной на коленях странной леди, которая оставила смутное впечатление богатых одежд. Она говорила со мной сладким, нежным голосом и подарила игрушки, и я всегда знала, что это леди Лорример. Сколько из этого я действительно видела, а сколько додумала благодаря умению воспроизводить картинки из описания, присущему детям, я не могу сказать, но впоследствии я всегда слушала о тетушке Лорример с интересом, а теперь наконец должна была увидеть ее. Ее записка разочаровала

меня, но все же мне было любопытно.

Глава XXVI
Леди Лорример

Вскоре мое любопытство было удовлетворено. После обеда мы поехали в «Майвартс», где я увидела тетку своей матери. Она сохранила фигуру. Кажется, ей было за шестьдесят, но, как и вся наша семья, она казалась много моложе своего возраста. Я сочла ее очень красивой — вероятно, такой была бы Мария Стюарт в летах, и ее красота явно не была заслугой макияжа. У леди Лорример была обаятельная улыбка, а глаза мягкие и лучистые. Спустя столько лет ее голос, когда она приветствовала нас, откликнулся во мне приятными воспоминаниями.

Пожилая дама могла быть самолюбива — одинокие люди часто такие, но она определенно была чрезвычайно эмоциональна. В ее глазах стояли слезы, когда она смотрела на меня, и это был не пристальный взгляд торговца, оценивающего картину, каким на меня иногда смотрели старые друзья матери в поисках сходства.

Вскоре она заговорила обо мне.

— Течение моих лет столь тихо, — сказала она,

улыбнувшись маме, — что я забыла, когда писала тебе, и что Этель больше не ребенок. Я считаю ее хорошенькой — напоминает тебя, но это только сходство, не идентичность: твоя дочь не лишена собственной изюминки. Я не боюсь говорить все это при тебе, дорогая, — повернулась она ко мне. — Думаю, Этель, в мире, где люди без крупицы добродетели всегда вырываются вперед, те, кто обладает красотой, должны знать об этом. Но, моя дорогая, — сказала она, снова взглянув на меня, — красота не длится вечно. Твоя мама чудесно сохранилась, но я… Когда-то я была красивой девушкой, как ты сейчас, и посмотри, кем я стала! — Она процитировала Корнеля:

И, опыт жизни подытожив,
Рискну вам дать совет простой:
Что с вами скоро будет то же,
Что нынче сделалось со мной[18].

Простите, что дополняю приятные истины небольшой неудобной моралью. Она нынче выходит в свет?

Мама рассказала ей о планах на меня.

— Так же неизбежно, как ты выведешь ее в

---

[18] Сноски: 18
Пьер Корнель, «Стансы Маркизе». Перевод Юрия Ключникова.

свет, отец выдаст ее замуж, и я тогда дам ей бриллианты. Напиши мне, когда все устроится или состоится. В этом отеле всегда знают, где меня найдет письмо, когда я путешествую. Нет, не благодарите, — перебила она нас, — я видела бриллианты леди Римингтон и настаиваю, что у твоей дочери украшения будут еще лучше.

У Ребекки Торкилл, нашей экономки в Мэлори, была поговорка: «Нет ничего более благодарного, чем гордость». Кажется, тетушка Лорример нравилась мне больше за похвалы моей внешности, чем за щедрые намерения относительно свадебных бриллиантов. Но и за то и за другое я могла выразить благодарность только взглядом. Вернее, я уже начала благодарить ее, но, как я уже сказала, она не хотела слышать ни слова и нежно притянула меня к себе, улыбнувшись.

Потом они с мамой беседовали. Леди Лорример оказалась той еще сплетницей, она с интересом поглощала все мамины новости и попутно рассказывала ей байки о стариках, которые фигурировали в этих историях. Но отдам ей должное, мне казалось, в ее рассказах не было ни капли злобы. Рисуемые ею живые образы забавляли меня, хотя я ничего не знала об оригиналах, и чем дольше я сидела с ней, тем сильнее убеждалась в

добродушии этой женщины.

Однако бóльшая часть разговоров проходила шепотом, и она отослала меня со своей горничной в другой конец комнаты взглянуть на фарфор, который был куплен для шкафчиков лондонского дома, который почему-то пустовал. Когда я вернулась, они с матушкой все еще соприкасались головами и говорили с тем же оживлением.

Я снова села рядом с ними — и так ведь растягивала осмотр фарфора как могла. Леди Лорример нежно погладила меня по голове, наверное, даже не вспомнив, что я отсутствовала. Они обсуждали тему, которая тяжким грузом лежала на моей душе с тех пор, как месье Дроквилль вошел в нашу столовую утром.

— Не знаю,– сказала наша родственница,– месье Дроквилль — хороший врач, но мне кажется, он слишком зациклился на болезни мистера Кармела. Или болезненности. Не думаю, что мистер Кармел действительно в опасности или с ним что-то не так. По крайней мере не больше, чем с любым другим некрепким молодым человеком, кроме того, что временами он простужается. Еще три года назад, когда я впервые с ним познакомилась,– ах, какой он был очаровательный!– месье Дроквилль сказал мне, что бедняга не проживет

и двух лет, зато сегодня, когда я спросила его о самочувствии мистера Кармела, он позволил ему прожить еще три года. Если он продолжит убивать его с такой же скоростью, то мистер Кармел проживет столько же, сколько Старина Парр[19]. Кстати, до вас дошел слух о сэре Гарри?

— Сэров Гарри очень много, — пожала плечами мама. — Вы имеете в виду сэра Гарри Рокстона?

— Конечно, его! Вы слышали что-нибудь о нем?

— Ничего, кроме той старой истории, — ответила мама.

— И что это за история?

— Он ненавидит нас всем сердцем и душой и никогда не упустит возможности насолить как можно сильнее. Этот человек дважды мешал моему супругу попасть в Палату общин, но и это еще не все. У Рокстона были возможности жестоко опозорить моего мужа. Если бы вы знали, какое зло он нам причинил и каких огромных судебных издержек нам стоило оправдать доброе имя, вы бы сказали, что ни разу не слышали ничего столь безжалостного, более дурного и…

---

[19] Сноски: 19

Томас Парр, «Старина Парр» — английский крестьянин, который якобы прожил 152 года. Посмертное вскрытие показало, что ему было менее семидесяти лет. Возможно, Парра спутали с его дедом.

— Естественно, — прервала маму леди Лорример, — я не собираюсь защищать мистера Рокстона. Могу только сказать, что он всегда был гордым, злопамятным и яростным мужчиной. Могу понять, моя дорогая Мейбл, что ты плохо к нему относишься, как и твой муж. Но если бы он относился к вам так же, как вы относитесь к нему, ничего хуже нельзя было бы представить. Знаешь, он всегда нравился мне больше, чем твой Фрэнсис, и тогда, и сейчас. — Она похлопала маму по руке. — Воспользуюсь привилегией престарелой родственницы и скажу, что ничего не могло быть глупее твоего отношения к сэру Гарри, кроме, конечно, выбора супруга. Полагаю, Фрэнсис Уэр один из тех мужчин, кому противопоказано жениться. Он, безусловно, умный человек, но в некоторых отношениях — и это очень важно! — ведет себя как дурак. Гарри Рокстон был бы гораздо лучшим мужем. Я всегда считала его более красивым, более способным, чем Фрэнсис, и ему присущи все мужские характеристики разума. Не говоря уже о его несравненно большем богатстве, что ты в свое время сочла вопросом, недостойным внимания. Единственное, что не в его пользу, так это то, что он на несколько лет старше.

— Почти на двадцать, — уточнила мама.

— Ну, моя дорогая, мужчина с его внешностью и властным характером выглядит лучше молодого. Помнишь ответ старого французского маршала молодому франту, который спросил его о возрасте? Je ne vous le dirai pas precisement; mais soyez sur qu'un âne est plus âgé à vingt ans qu'un homme ne l'est à soixante[20]. Не скажу, что это честно описывает Фрэнсиса Уэра, но… Я же прекрасно помню, как он был великолепен, когда сватался, однако такие таланты, как у него, если нет более существенных дарований, делаются все менее привлекательными по мере взросления мужчины и воспринимаются как легкомыслие. — Она вздохнула. — Сказать по правде, я уверена, дорогая, что Гарри Рокстон и правда ненавидит вас обоих, и он из тех мужчин, которые дают почувствовать свою ненависть. Время для прощения прошло. Когда огонь романтики угасает, металл, который мог бы принять другую форму, остыв, твердеет. Боюсь, он никогда не простит и не изменится, и вы оба должны осознавать его настойчивую враждебность. Но, говоришь, в последнее время ты о нем ничего не слышала?

---

[20] Сноски: 20

Не скажу точно, но будьте уверены, что осел в свои двадцать лет старше, чем мужчина в шестьдесят (*фр*.).

— Нет, ничего.

— Старая миссис Дженнингс из Голден-Фрайерс иногда мне пишет, и она говорит, что он собирается жениться на той богатой старой деве, мисс Гулдинг из Райбиггинс. Она это только слышала, и я подумала, что ты-то можешь знать наверняка.

— Я не удивлена, — кивнула мама, — это вполне возможно. Он не мог поступить лучше, и я не вижу ничего, что могло бы им помешать.

Хотя матушка и одобрила помолвку мистера Рокстона, я видела, что в глубине души ей это не нравится. Запоздалые женитьбы давно отвергнутых возлюбленных, тени которых долгие годы были рядом, похожи на предательство.

Когда мы возвращались домой, я думала о леди Лорример. Единственным неприятным воспоминанием, портившим мое положительное впечатление о ней, была та часть разговора, которая относилась к моему отцу. Она сказала, что воспользовалась привилегией престарелой родственницы, но я бы сказала об этом иначе — тетушка зло посплетничала. Однако маму, казалось, это не обидело: думаю, их отношения позволяли это обсуждать, и они либо забыли обо мне, либо думали, что я им не помешаю. Во всем

остальном я была очень довольна визитом, и небезосновательно. Леди Лорример была намного умнее, чем я ожидала, более энергичной и… более очаровательной. Я никак не могла отделаться от мысли, какой же красивой она была в молодости!

— Леди Лорример часто бывает на светских мероприятиях? — спросила я.

— Нет, не часто. Подними окно, дорогая.

— Но почему? Мне кажется, она так привлекательна, даже по-настоящему красива, учитывая ее годы, и очень любезна.

— Полагаю, свет ей безразличен, — ответила мама сухо.

— Но она жаловалась на одиночество, — продолжила я, — и мне показалось, что она вздохнула, когда говорила о моем выходе в свет. Мне показалось, что ей снова хочется окунуться в радостный мир.

— Дорогая, ты меня утомила! Полагаю, леди Лорример поступит так, как поступает всегда и во всем: так, как ей хочется.

В ее словах явно читалось: «Ты раз и навсегда услышала мое мнение по этому вопросу, и теперь, будь добра, говори и думай о чем-нибудь другом».

Глава XXVII
Что это значит?

Прощаясь, мы обещали навестить леди Лорример на следующий день в тот же час. Я, не переставая, думала о ней. Мама не спустилась к завтраку, и я оторвала отца от газеты, чтобы расспросить его.

— Почему она не выходит в свет? — повторил папа, улыбаясь. — Полагаю, она хорошо понимает свое положение. Не вздумай говорить ни о чем подобном в ее присутствии, но она наделала глупостей, и ее начали обсуждать, осмелюсь предположить, что однажды ты обо всем узнаешь. Она ничуть не хуже других, но намного глупее, поэтому не задавай никому таких вопросов: это расстроит твою маму и не принесет добра. Ты поняла меня?

Вскоре после этого мисс Паунден спустилась, чтобы сказать, что мы не поедем сегодня к леди Лорример. Ужасно расстроившись, я поспешила наверх в гостиную, где была матушка, чтобы узнать причину.

— Дорогая, вот записка, — сказала она и протя-

нула мне листок, прервав разговор с горничной о шляпках.

Я торопливо прочла:

«Моя дорогая Мейбл!

Я вынуждена попрощаться чуть раньше, чем рассчитывала. Мои планы расстроились. Поскольку я нахожу родной воздух невыносимым, спасаюсь бегством на север! Думаю, на несколько дней мне подойдет Баксон: климат там мягок, и мой доктор говорит, что я найду приемлемым для себя этот регион. Мне горько от того, что я не увижу ваши дорогие лица перед отъездом. Не дай своей хорошенькой дочери забыть меня. Я покину „Майвартс“ и начну путешествие еще до того, как эта записка найдет тебя. Благослови тебя Бог, моя дорогая Мейбл!

С ЛЮБОВЬЮ,

ТЕТУШКА».

Она и правда уехала! Каким же скучным будет этот день! Ну, жаловаться на судьбу бессмысленно, однако увижу ли я вновь эту очаровательную леди?

Катаясь в тот день с мисс Паунден, я сочла, что эксцентричная леди Лорример могла передумать, и заехала в «Майвартс», чтобы справиться о ней. Но ее там не было. Она отбыла с багажом и всеми

слугами сегодня в девять утра. Слабая надежда на то, что ее путешествие отсрочилось, не оправдалась. Отныне она была моей Марией Стюарт, так как сделала что-то слишком безрассудное и масштабное для эпикурейского, саркастичного и лицемерного Лондона. Из того немногого, что рассказал папа, я поняла, что леди Лорример не вполне добровольно отказалась от общества, но тем больше она меня интересовала.

В моей скучной жизни столь скорая потеря знакомства стала настоящим ударом. Матушка была для меня плохой компаньонкой. Ей нравилось говорить о людях, которых она хорошо знала, и с людьми, которые знали ее и ее круг. За исключением нарядов и манер, которым мне предстояло научиться, у нас не было общих тем.

Дорогая Лаура Грей, как мне ее не хватало! Обиду, которую я ощущала вначале, поглотило истинное горе, которое сменилось нежным сожалением.

Но я возобновляю свой рассказ там, где прервала его — на моем неудачном визите в гостиницу. Днем к матушке пришел доктор Дроквилль. Он видел леди Лорример утром, как раз перед ее отъездом.

— Она собиралась в Бакстон, как и написала

вам, — сказал Дроквилль, — и я посоветовал ей остаться там на неделю. Далее, по ее словам, она собиралась направиться в Уэстмоленд, где задержится на две-три недели, а потом — в Голден-Фрайерс. Она капризна: в ее семье была подагра, и ваша тетушка полна подагрических причуд и ужасов. Но у нее хорошее здоровье для женщины ее лет. Жаль, она в это не верит.

— Вы получали известия от мистера Кармела? — спросила мама.

С возросшим интересом я ждала ответа.

— Да, сегодня утром. Он в Уэльсе.

— Не в Мэлори?

— Нет, не в Мэлори, он далеко от Мэлори.

Я хотела спросить, как долго мистер Кармел находится в Уэльсе, ибо втайне была обижена его явным невниманием ко мне, но не смогла собраться с духом, чтобы задать вопрос.

На следующее утро я решила, что прогулка пойдет мне на пользу, и, когда мама ушла куда-то, мы с мисс Паунден отправились в путь, держась соседних улочек. В разгар оживленной беседы с мисс Паунден — скажу честно, она в основном была слушательницей, и притом довольно рассеянной, — я случайно подняла взгляд и едва поверила тому, что увидела. В нашу сторону

направлялись две фигуры. Одна из них — леди Лорример, я была уверена! На ней был широкий бархатный плащ, и в руках она держала маленькую книжечку. Слева от нее шла женщина в какой-то странной одежде. Спутница леди Лорример казалась сердитой и с трудом ковыляла, будто одна нога у нее была короче другой.

Они неторопливо приближались, глядя прямо перед собой; обе молчали. Я неотрывно смотрела на леди Лорример с улыбкой, ожидая, что она ответит на нее, как только узнает меня. Но ничего подобного! И это при том, что она должна была меня видеть: дамы были все ближе. Это был настолько сильный удар, что я не могла в это поверить и засомневалась: а действительно ли это она? Ее плащ коснулся моего платья, когда я стояла у ограды. Она прошла мимо с высоко поднятой головой и каменным выражением лица.

— Идем дальше, дорогая? — спросила мисс Паунден, которая, конечно же, не поняла, почему мы остановились.

Я молча пошла дальше, а так как улица была пуста, решила оглянуться. И вот что я увидела: они поднялись по лестнице дома, в тот же миг дверь открылась, и из нее вышел мистер Кармел, держа шляпу в руке. Он пригласил женщин вой-

ти, и дверь закрылась.

Мы направились в сторону дома. Я была сбита с толку и шла молча, задумчиво глядя себе под ноги. По дороге я не проронила ни слова, а когда мы пришли, укрылась в своей комнате, размышляя над странным происшествием, насколько позволяло мое волнение.

Я переживала болезненную смесь удивления, сомнений и унижения. С моей стороны было глупо не выяснить название улицы, на которой произошла эта сцена. Мисс Паунден никогда не видела ни леди Лорример, ни мистера Кармела, и случайная встреча не произвела на нее ни малейшего впечатления — едва ли она заметила что-либо. Она не могла помочь мне вспомнить название улицы, на которой я на несколько секунд остановилась и смотрела, как она, скорее всего, подумала, непонятно на что.

Необъяснимое поведение предполагаемой леди Лорример вызвало поток сомнений. Когда я рассказала об этом матушке, та поначалу настаивала, что это просто невозможно. Но когда я углубилась в детали, она сказала, что все это очень странно. Потом ненадолго задумалась и вздохнула. Потом попросила повторить все, что я ей рассказала: казалось, ей было неловко, но

она никак это не прокомментировала. Наконец она сказала:

— Ты должна обещать мне, Этель, что не скажешь ни слова отцу. Это вызовет только недовольство. У меня есть причины так думать. Никому не рассказывай об этом. Оставь все как есть. Некоторых людей никогда не понять. Не будем больше об этом.

На этом разговор закончился.

Глава XXVIII
Небольшая ссора

Родители задержались в городе ненадолго. Погода была унылой, и они отправились в Брайтон на две недели. Затем заехали на пару дней в Мэлори, а оттуда двинулись на север, в Голден-Фрайерс. Осмелюсь предположить, что папа надеялся найти там леди Лорример.

Меня оставили заботам мисс Паунден, которая была очень спокойной и внимательной ко мне. Каждый день я танцевала, колотила по пианино и немного пела и каждый день говорила по-французски с мисс Паунден. Мое настроение поддерживалось осознанием того, что скоро я выйду в свет. Но приятное общество мисс Паунден занимало меня не всецело. Появился мистер Кармел! Трижды в неделю он приходил и читал со мной по-итальянски, пока мисс Паунден сидела рядом — по крайней мере, она должна была быть на страже, — но на самом деле она так же часто отсутствовала в комнате, как и присутствовала.

Однажды я сказала ему:

— Вы знаете леди Лорример, тетушку моей

мамы?

— Да, — ответил он равнодушно.

— Вы знали, что мы родственники?

— Она ваша двоюродная бабушка; кажется, так.

— Странно, почему вы никогда не говорили мне о ней.

— Ничего странного, — ответил он с улыбкой. — Я уважаю леди Лорример, поэтому не выказываю любопытства и не могу ничего рассказать.

— Ох, но вы должны хоть что-то знать о ней — пусть немного, — а я совсем ничего не знаю. Почему она ведет затворническую жизнь?

— Говорят, она устала от веселья.

— Но ведь не только? — настаивала я.

— Она немолода, вы знаете, а общество — утомительное занятие.

— Есть причина, о которой никто из вас мне не расскажет, — нахмурилась я. — Сама я раньше рассказывала всем обо всем, пока не обнаружила, что мне никто ничего не говорит. А теперь я говорю себе: Этель, закрой рот и открой уши, не будь единственной дурехой в этом хитром, подозрительном, слушающем мире. Но если вы не скажете ничего иного, то хотя бы скажите вот что. Я видела, как вы открыли дверь недалеко

отсюда леди Лорример и ее странной спутнице. Это было на следующий день после того, как леди Лорример написала моей матушке, что она уезжает из Лондона. В чем смысл этой уловки?

— Не знаю, возможно, леди Лорример отсрочила предполагаемую дату отъезда, — пожал он плечами. — Она пишет что хочет и кому хочет, не ставя меня в известность. Теперь я должен вот что сказать. Если, допустим, леди Лорример поведала мне безвредный секрет, я предам ее доверие, ответив «да» или «нет» на один из ваших вопросов. Следовательно, если вы спросите меня о чем-то еще, не обижайтесь, если я промолчу.

Я рассердилась:

— Но одно вы должны сказать. В тот день меня удивили ее странный вид и поведение, как удивила и неприятная внешность женщины, что шла рядом с ней. Временами леди Лорример бывает не в себе?

— Кто натолкнул вас на этот вопрос? — спросил мистер Кармел, пристально посмотрев на меня.

— Кто натолкнул меня на этот вопрос? — повторила я. — Никто. Полагаю, люди могут задавать собственные вопросы. — Я была удивлена и раздражена и, полагаю, выглядела так же. — Та женщина была похожа на санитарку, и леди

Лорример… не знаю, что это было, но в ней было что-то необъяснимое, — продолжила я.

— Я мало знаю о леди Лорример, но благодарен ей по крайней мере за одну огромнейшую любезность: знакомство с вашей семьей, — сказал он. — И я могу заверить вас, что вы не найдете разума более ясного. Всякие подозрения необоснованы: говорят, у нее один из самых проницательных умов и самых образованных. Но многие считают, что она вольнодумица и ни во что не верит. Пусть так, но это не мешает ей оказывать добрые услуги таким людям, как я. В ней больше милосердия, чем в людях, которые громко заявляют о своей вере.

Меня разозлила его короткая речь. Он был сдержан, но одновременно суров и непохож на себя.

— Позвольте задать вам последний вопрос, — сказала я, потому что хотела рассеять сомнения.

— Хорошо, — кивнул он.

— О встрече с леди Лорример в тот день… — Я замолчала, и он терпеливо ждал. — Мой вопрос, — наконец продолжила я, — следующий. Все случившееся кажется мне столь необъяснимым, что я начала сомневаться в реальности того, что видела, и хочу, чтобы вы просто сказали: все было так, как я описала?

При новой атаке наружность мистера Кармела не претерпела изменений, даже малейших, что не позволило мне сделать определенных выводов. Он сказал, улыбаясь:

— Возможно, это самый легкий вопрос, на который я мог бы ответить категоричное «нет», но я помню, как декан Свифт, когда ему задали какой-то вопрос, сослался на лорда Сомерса, однажды посоветовавшего ему никогда не давать отрицательные ответы, потому что если он возьмет это себе в привычку, то, когда откажется сказать «нет», это будет равнозначно признанию. Я думаю, это мудрое правило, поэтому не отвечаю на подобные вопросы.

— Это уклонение от ответа! — ответила я с возмущением.

— Простите, это не уклонение от ответа, просто молчание.

— Это… это трусливо и нечестно! — настаивала я, злясь все больше.

Мистер Кармел был раздражающе спокоен.

— Позвольте назвать еще одну причину молчать относительно леди Лорример. Ваша матушка *особенно,*– он выделил это слово, — просила меня молчать по этому поводу, и чем еще я могу считать эту просьбу, как не приказом?

— Я не понимаю вашей игры слов. Также я не понимаю, почему ваше обещание моему отцу не распространяться относительно различий двух церквей менее обязательно, чем ваше обещание матушке молчать относительно леди Лорример.

— Вы позволите ответить на этот сарказм? — спросил он, чуть покраснев.

— Как я ненавижу лицемерие и расплывчатые фразы! — воскликнула я с презрением.

— Я ответил вам таким образом по причине, которую назвал, и я не могу и не буду говорить на эту тему.

— Тогда нам не о чем говорить, — сказала я, вставая и выходя из комнаты; на пороге я высокомерно поклонилась ему. Так мы расстались в тот день.

Однако я поняла мистера Кармела. Он действовал так, как действовал всегда, когда отказывался делать то, чего хотят другие люди, по причине, которую нельзя одолеть. Не припомню, чтобы я возобновила атаки, и через несколько дней все вернулось на круги своя. Между стансами Тассо, часто находясь без присмотра мисс Паунден, он говорил на волнующие его темы: о вечности, вере, церкви, о святых, о Деве Марии. Он приносил мне книги, но передавал их тайком, как передают

записки любовникам.

У меня было время обдумать тот странный период своей жизни: маленькие книжечки, творившие чудеса, сейчас уже ушедшие настроения, вызванные прочитанным, а также моим одиночеством, моими волнениями, моей навязчивой привязанностью к мертвым (о Нелли!), и все это подпитывалось холодными речами мистера Кармела. В Мэлори у меня была монотонная жизнь: прогулки, катания на лодке и в карете. Я любила эту жизнь, но неизбежная скука порождала стремление к шуму и блеску города и волнениям нового мира. На фоне этого меня преследовало потрясающее видение. Будто бы передо мной простирается бесконечная перспектива кафедрального прохода. Колонны и стены теряются в дыму ладана, плывущего высоко в воздухе; великолепные одеяния священников в митрах, золотая отделка алтаря, цепи курильниц, драгоценные раки — все это сверкает в звездном свете свечей. Над алтарем в туманной реальности восстает картина искупительной Жертвы. Мне казалось, что я слышу человеческие голоса, печальные и возвышенные,– наверное, так верующие уши слышат воздушные хоры над святыми и мучениками; и где-то в вышине, под сводами,

перекатывался зрелый гром органа. Иногда я четко видела склоненные головы мириад верующих, «великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков»[21]. Всегда одно и то же здание, те же звуки и виды, тот же пастырь-первосвященник и сопровождающие его епископы, но в разном свете — то в торжественных лучах, бьющих вниз широкими полосами желтого, алого, зеленого и фиолетового через мозаичные окна, то в тусклом красноватом мерцании свечей. Во всем этом для меня это был неизменный символ Церкви.

В состоянии волнения религия больше влияла на меня? Не думаю. Мое воображение было возбуждено, тревога усиливалась, и эта тема доставляла мне больше неудобств, чем обычно. Действовали некие силы, которые могли подтолкнуть меня к определенному поведению. Однако была одна вещь, которая логически никак не влияла на мое отношение к религии, но сильно заботила меня. Я говорю об изменении в поведении мистера Кармела, которое ранило меня и задевало мою гордость. Я думала, он заинтересован во мне, но теперь мне так не казалось.

---

[21] Сноски: 21
Откр. 7:9.

Если бы не исполнение миссионерских обязанностей и желание выполнить задачу, возложенную на него другими людьми и его собственной совестью, полагаю, я бы больше не увидела его.

Я была слишком горда, чтобы позволить ему почувствовать мою обиду, — как всегда, я бездельничала и смеялась, читала на итальянском, делала ошибки и задавала вопросы, а когда отсутствовала моя новая гувернантка, слушала его, брала книги, которые он предлагал, и благодарила с улыбкой, но без страсти. Градус в гостиной нашего городского дома был значительно ниже, чем в Мэлори, и расстояние между нашими стульями выросло. Тем не менее мы оставались хорошими друзьями. Но такие отношения иногда трудно поддерживать. Я была раздосадована тем, что он так легко принял мое изменившееся поведение, не замеченное никем другим, но, конечно же, не ускользнувшее от него.

Я принесла и положила на столик в гостиной, за которым мы сидели, книгу, которую недавно одолжила у мистера Кармела. День был дождливым, и я была раздражительнее, чем обычно. Мисс Паунден, по своему обыкновению, порхала туда-сюда, не обращая ни малейшего внимания на то, что мы читаем и о чем говорим. Отложив

Тассо, я рассмеялась, и мистер Кармел удивленно посмотрел на меня.

— Кажется, это самый абсурдный станс из тех, что мы читали. Наверное, я должна была сказать — самая возвышенная строфа, но ее невозможно читать без смеха, как остальное без зевоты.

Признаюсь, я сказала это с бóльшим пренебрежением, чем на самом деле чувствовала, но это определенно был один из тех текстов, когда добрый Гомер клюет носом. Герою отрубают голову — забыла его имя, кажется, родственник Диониси́я Парижского, — но он так увлечен битвой, что забывает о своей потере и какое-то время продолжает сражаться.

— Надеюсь, это не очень неправильно и не очень глупо, но я так устала от вашего «Освобожденного Иерусалима»!

Несколько секунд он молча смотрел на меня. Думаю, он не улавливал настроения, в котором я это сказала, но, наверное, что-то заподозрил — казалось, он немного был уязвлен.

— Но, надеюсь, вы не устали от итальянского? Есть и другие авторы.

— Да, есть. Думаю, мне должен понравиться Ариосто. Я люблю сказки: наверное, поэтому мне нравится читать жития святых и другие книги,

которые вы столь любезно одалживаете мне.

Я произнесла это невинно, но в моих словах чувствовалась давно сдерживаемая жестокость.

Мистер Кармел ненадолго оперся на руку и опустил взгляд в стол.

— Ну в любом случае прочесть эти книги не помешает, — сказал он и, взглянув на меня, добавил: — Мы никогда не знаем, какие детские инстинкты и какие тропы приведут нас к высочайшим горизонтам.

В его голосе и взгляде было столько нежности, что мое сердце забилось быстрее. Однако кратковременное раскаяние не помешало мне продолжить:

— Вот книга, которую вы любезно одолжили мне на прошлой неделе. Уверена, она очень выразительна, но во многом непонятна мне.

— Я могу что-то объяснить? — спросил он, взяв в руки книгу.

— Не нужно, спасибо. Я хотела вернуть ее вам с самыми большими благодарностями. В целом я читала много того, что недоступно для меня: книги, предназначенные для людей мудрее и глубже.

— Тайны веры остаются тайнами для всех умов, — ответил он печально. — Человеческий

взор не может пронзить покров. Я не льщу вам, но я не встречал разума более яркого, чем ваш. В смерти шоры спадают с наших глаз. До тех пор будьте собой и будьте терпеливы.

— Не знаю, мистер Кармел, могу ли я читать эти книги без разрешения отца. К такому чтению я перешла совершенно незаметно. «Я расскажу вам о Сведенборге[22], — сказали вы. — Мы не должны говорить о Риме или Лютере: мы не договоримся, и это запретные темы». Помните? Потом вы рассказали, что Сведенборг был врагом католической церкви — помните? Потом вы прочитали мне, что он говорил об опустошении, как он это называл, и оставили мне книгу почитать, а когда забрали ее, объяснили, что мнение Сведенборга об опустошении ничуть не отличается от чистилища. Точно так же, когда я прочитала легенды о святых, вы рассказывали мне больше о своей доктрине. Далее вы обсуждали прекрасные псалмы, так что вскоре, хоть вы говорили, что Рим и Лютер — запретные темы, я оказалась в конфликтной ситуации, которую не понимала, и

[22] Сноски: 22

Эммануил Сведенборг (1688–1772) — шведский ученый-изобретатель и христианский мистик, изучавший также космологию, механику, математику, анатомию, физиологию, политику, экономику, металлургию, геологию, горное дело и химию.

с кем — с ревностным и талантливым священником, миссионером! Вы коварны, мистер Кармел!

— Я был коварен, пытаясь спасти вас, — ответил он спокойно.

— Думаю, вы не практикуете такое с другими людьми — вы относитесь ко мне как к глупой девчонке. Наверняка вы не относитесь так к уэльской леди, которую навещаете, — забыла ее имя, — но вы-то помните о ней все.

Он безотчетно встал и посмотрел в окно.

— Хороший священник, — сказал он, возвращаясь, — всегда нелицеприятен. Кем бы я был, если бы смог заманить погрязшего во мраке невежества путника в безопасное место! Благословен и счастлив будет мой народ, если я погибну, пытаясь спасти хоть одну человеческую душу, склонную к саморазрушению!

Его ответ рассердил меня. Теологический уровень, на который он помещал несчастные человеческие души, мне не нравился. После всех наших дружеских вечеров в Мэлори я не понимала, почему он будто хвастается, что он нелицеприятен.

— Уверена, что это правильно,– сказала я беззаботно,– и очень благоразумно. Потому что, если вы потеряете жизнь, обращая меня, или

готтентотского[23] вождя, или любого другого человека, вы отправитесь прямо на Небеса — желание вполне героическое для этого эгоистичного мира.

Он улыбнулся, но, когда взглянул на меня снова, мне показалось, что в его глазах есть сомнение.

— Наши мотивы так противоречивы,– сказал он,– кроме того, смерть для некоторых людей значит меньше, чем представляют счастливые люди. Моя жизнь была аскетичной и суровой, и то, что мне осталось, я знаю, будет еще темнее. Иногда я вижу, куда все идет. Я никогда не был и никогда не буду счастлив так, как был в Мэлори. Возможно, я больше никогда не увижу это место. Счастлив народ, история которого скучна![24] — Он улыбнулся. — Немногие могут применить это избитое выражение к себе! И все же, мисс Этель, когда вы оставили Мэлори, вы оставили покой, и тоже, возможно, навсегда!

Мы молчали. Его слова, хотя он не догадывался об этом, отразили предчувствия моего сердца. Косые лучи позднего солнца коснулись домов напротив из холодного мрачного кирпича, который

---

[23] Сноски: 23
Готтентоты — этническая общность на юге Африки.

[24] Сноски: 24
Выражение Шарля Луи де Монтескье (1689–1755).

был во вкусе архитектуры лет сорок назад. Но я видела не кирпичи и узкие окна, но Мэлори. Колокольню, деревья, мерцающую синеву эстуария и туманные горы в мечтательном свете заката. Я невольно вздохнула.

— Тогда, — сказал он, закрывая книгу, — мы заканчиваем с Тассо. Если хотите попробовать Ариосто, буду только рад. Приступим завтра? И что касается других книг, тех, что вы уже прочли…

— Я их не боюсь, — сказала я. — Не будем пока нарушать старую традицию Мэлори, и я должна быть вам очень благодарна, мистер Кармел.

Его лицо прояснилось, но скрытый упрек в уязвленном взгляде все еще преследовал меня. Когда он ушел, я в смятении чувств, которое не могла объяснить, закрыла руками глаза и горько заплакала.

Глава XXIX
Мой букет

Я хорошо помню вечер моего первого бала. Волнение, с которым я одевалась, короткие совещания и споры мамы с горничной, нервное ожидание, «приятный ужас», трепет — и окончательный вид в высоком зеркале. Я едва узнавала себя. На моих губах играла неудержимая улыбка восторга. Я никогда не была красивее. Восхитительное возбуждение вызывает такой румянец на юных щеках и такой огонь в глазах, которые никогда больше не повторятся в последующей, более мудрой жизни. Чары спадают, цветы осыпаются, бриллианты тускнеют, и это необратимо.

Я спустилась в гостиную, чтобы подождать матушку. Свечи горели, и кого же я там нашла? Конечно же, мистера Кармела!

— Я попросил разрешения вашей матушки, чтобы увидеть вас перед первым балом, — сказал он. — Как вы красивы! — Он рассматривал меня и мое платье, улыбаясь, как мне показалось, с печальной гордостью. — Вы больше не мисс Этель из моих тихих воспоминаний о Мэлори!

Наконец-то мисс Этель выходит в свет! Если кто и может пережить это тяжкое испытание и остаться невредимым, так это вы. Но мне кажется, что это прощание, что сегодня умрет моя ученица и вернется другая, новая мисс Этель. Вы ничего не можете с этим поделать: весь мир не может помешать, если этому суждено случиться. Как старый друг, знаю, что могу подарить вам это. — Он протянул мне букет

— Ох, мистер Кармел, какие прекрасные цветы! — воскликнула я.

Букет был определенно изысканным — один из тех дорогих и красивых даров, что увянут через час. Мне он казался жемчужиной, брошенной в чашу вина.

— Я так благодарна. Очень мило с вашей стороны. Цветы слишком хороши. Ничто в комнате с ними не сравнится.

Я была в восторге и, полагаю, выглядела восхищенной. Мне и правда было лестно получить цветы из рук мистера Кармела.

— Если вы считаете, что эти цветы вас достойны, то це́ните их больше меня, — ответил он с улыбкой, которая была одновременно и печальной, и польщенной. — Но я действительно старый друг: месяц в Мэлори, как и в любом

другом тихом месте, считается за год. И как вы сказали о цветах, так я со всей справедливостью могу сказать о своей ученице: никто в комнате с ней не сравнится. Это компенсация таким, как я: мы можем говорить откровенно, как добрые старушки, и никто не обидится. Не забывайте свои лучшие мысли, мисс Этель. Вы входите в декорации иллюзии, где мало доброжелательности и почти нет искренности, где внушаются жестокие чувства, где пробуждена любовь к лести и власти, где вас ожидает все зло и все чары мира. Поощряйте хорошие мысли, смотрите и молитесь, иначе настанет безболезненная и даже приятная смерть и никто ее не отвратит.

Как бы смеялся мой бедный отец над такой проповедью на пороге бальной залы! Без сомнения, в этой проповеди была комичная сторона, но не для меня, а это все, что заботило в тот момент мистера Кармела.

Бал давался в официальной резиденции, и там должны были присутствовать высокие лица, в том числе защитник общественной добродетели и наставник совести городского суда — секретарь казначейства. Папа в который раз обнаружил аудиторию, которую посчитал многообещающей для себя: он ходил только туда, где имел возмож-

ность побеседовать с важными людьми. Он был очень уверен в себе и, как всегда, когда назревало нечто подобное, оптимистичен.

Он вошел в гостиную. В ту пору я думала, что он не знает, нравится ему мистер Кармел или нет. Всякий раз, когда я видела их вместе, он казался мне миссис Малапроп[25], которая начинает с антипатии, но постепенно становится все более дружелюбной. Поприветствовав мистера Кармела довольно холодно, папа просиял, когда увидел меня: он явно был доволен моим видом и говорил со мной очень добродушно. Я позаботилась показать ему букет, и он не мог не восхититься:

— Это самые красивые цветы, которые я видел. Как вы придумали подарить их? Право слово, мистер Кармел, вы слишком добры. Надеюсь, Этель вас поблагодарила. Этель, ты должна сказать мистеру Кармелу, как ты ему благодарна.

— О! Она захвалила меня, мне даже стыдно, — покраснел он.

Так мы беседовали, ожидая матушку, и я помню, как папа сказал, что ему удивительно, что

---

[25] Сноски: 25

Миссис Малапроп — один из персонажей сатирической комедии Ричарда Шеридана «Соперники» (1775). Известна тем, что заменяет одно слово другим, сходным по звучанию, но совершенно не подходящим по смыслу.

мистер Кармел, который жил в Лондоне, Оксфорде и других местах, где кипит настоящая жизнь, задумал месяц за месяцем прозябать в Мэлори, и привел пару примеров пустоты Кардайлиона, «никчемного городка». Мистер Кармел заступился за милые моему сердцу места, и я вставляла слово везде, где мне было что сказать.

— Я никогда ничего не покупал там, — весело говорил папа. — Впрочем, нет, покупал. Но это же деньги на ветер! Как-то раз мне понадобились щетки, так из них вся щетина выпала, и пришлось заказывать в Лондоне.

— Ох, уверяю тебя, папочка, в магазине Джонса на Касл-стрит много прекрасных вещиц, — возразила я.

— Но определенно не для вас, женщин. Там пудра — сахарная, а крем — это вакса, — пошутил он.

— И все же, мистер Уэр, вы должны признать, что в Лондоне нет такой красоты, как в Мэлори, — сказал мистер Кармел, добродушно взглянув на меня.

— Ну, вы меня поймали, признаю, — рассмеялся папа.

Тут наконец спустилась мама. Мы не могли терять времени. У меня колотилось сердце, ча-

стично от страха. Папа нежно смотрел на меня — несомненно, в тот миг я была центром многих его надежд. Мистер Кармел проводил нас до кареты. Он стоял и улыбался, закутавшись в короткий плащ и держа шляпу в руке.

Послышался цокот копыт — карета пришла в движение. Фигура мистера Кармела удалилась. Он исчез. Это было похоже на прощание с Мэлори, а мы помчались на бал, который открывал новую страницу моей жизни.

Не стану описывать ни этот бал, ни мои чувства при входе в этот прежде неведомый для меня мир, столь же искусственный, сколь и удивительный. Единственное скажу — я ощущала невероятное волнение, смешанное с усталостью: публичность не для меня. Уже потом, много позже, я разобралась: в обществе, куда меня ввели, конечно же, были и личные привязанности, и дружба, но больше другого, граничащего с актерством. Те правила, которые требовалось соблюдать, были мне враждебны. Живое сердце там чахнет. Общество не допускает отношений глубже знакомства, дело каждого — наслаждаться, и если вам больно или страшно, эти эмоции лучше оставить при себе. Улыбайтесь — вот главное правило. В этом оазисе беззаботности у вас нет права хворать или

быть несчастным, а тем более говорить об этом. Позволили себе лишнее? Значит, вы «паршивая овца» в стаде, и, если бы вы немедленно покончили с собой, общество восприняло бы это как должное.

Пожалуй, я запугала вас. Без сомнения, в обществе есть люди, которые совершают добрые и милосердные поступки, но даже они не видят света этой жизни.

Я описываю свои впечатления спустя много лет, и это впечатления человека, который в то время был очень молодым, да и в свет я выходила лишь короткое время. Но до сих пор у меня осталась неприязнь, а эгоистичность светских львов и львиц кажется мне отвратительной.

Помню, очень скоро меня поразило, что «общество», как оно именовалось, было ограничено в числе. Вы могли появляться везде вечер за вечером и видеть практически одних и тех же людей. Всегда одни и те же карты, но перетасованные. Учитывая размер Лондона, учитывая постоянно прибывающих новых людей, это казалось мне необъяснимым.

Мой первый сезон, как и у любой девушки, которой восхищаются, с которой много танцуют, был окружен иллюзиями, и главной из них были

мужчины, как мне наивно казалось, обожавшие меня. Впоследствии я поняла, как мало значат эти победы: новые лица нравятся просто потому, что они новые, а с девушками танцуют, потому что они молоды и подвижны. Я не хвалюсь — мною и правда многие восхищались, и папа был в хорошем настроении. Как бы там ни было, пусть птички зачарованного леса трепещут крылышками и поют, ибо это может скоро закон читься.

Глава XXX
Рыцарь черного замка

Мои чтения с мистером Кармелом прекратились: у меня ни на что не было времени, кроме пустого времяпрепровождения, которое полностью захватило меня. Однако иногда он появлялся у нас, и мама беседовала с ним в гостиной — так тихо и так долго, что я почти верила, что она исповедуется и получает отпущение грехов. Мама и правда стояла одной ногой на последней ступеньке нашей Высокой церкви[26], готовая расправить крылья и взмыть еще выше, возможно даже к католицизму, но она колебалась и оставалась на привычном для нее месте.

Не думаю, что теологические искания мамы беспокоили отца. На подобные темы он говорил как добродушный саддукей[27], и если бы с Богом можно было общаться напрямую, без по-

[26] Сноски: 26

Высокая церковь — ортодоксальная англиканская церковь; направление в протестантизме, стремящееся к сохранению традиционного богослужения.

[27] Сноски: 27

Саддукеи — одна из трех древнееврейских религиозно-философских школ. С точки зрения христианства еретическая секта. Иосиф Флавий сравнивал их с эпикурейцами.

средничества священников, он бы не колеблясь попробовал. А может, и пробовал, откуда мне знать.

При любой возможности мистер Кармел, часто остававшийся пообедать с нами по приглашению мамы, беседовал со мной. Он старался сохранить влияние на меня. Казалось, мама была этому рада, но не думаю, что она составила свое мнение о надежности моей веры. Осмелюсь предположить, что, если бы я объявила себя католичкой, у нее бы случилась истерика, и это при том, что я не вполне понимала ее религиозную принадлежность. Как и она сама.

Она дурно чувствовала себя примерно раз в две недели. К ней возвращался тремор, когда из-за простуды или по какой-то другой причине выдавался скучный день. Когда сезон закончился, я с родителями посетила несколько загородных домов, а потом мы с мисс Паунден были отосланы в Мэлори. И тут я выяснила, что шумный новый мир не изменил меня, хотя и ослепил на некоторое время. В Лондоне родилось мое новое «я», но мое старое «я» никуда не исчезло. Яркая, но пустая жизнь не коснулась моего сердца и не изменила мои простые вкусы. Я наслаждалась спокойствием Мэлори и была бы счастлива как

никогда, если бы ко мне вернулись любимые спутники, по которым я так скучала.

Мое одиночество приятно прервалось, когда по пути домой из Пенрутинского монастыря я встретила мистера Кармела. Он присоединился ко мне (я была одна), и мы неспешно шли домой, дружелюбно беседуя. Так сложилось, что он снова ненадолго остановился в доме приказчика. Мы договорились вместе почитать *I Promessi Sposi*[28] — в Мэлори восстанавливался былой уклад. Но прежде я расспросила его о всех новостях, которые он, скорее всего, знал, а я ужасно хотела услышать.

— Где леди Лорример? — спросила я, и он ответил, что путешествует по континенту, но где именно, ему неизвестно.

— Мы не должны говорить о ней, — сказал он, пожав плечами и неожиданно рассмеялся. — Думаю, мисс Уэр, мы никогда не бываем столь близки к ссорам, как при вопросах о леди Лорример, поэтому я решил никогда больше не приближаться к этой опасной теме.

По общему согласию мы заговорили о других вещах, и тут я не удержалась:

---

[28] Сноски: 28

«Обрученные» (*ит.*) — первый в Италии исторический роман, опубликованный в 1827 году писателем Алессандро Мандзони.

— Вы помните мистера Марстона?

— Вы имеете в виду того спасшегося после кораблекрушения, который несколько дней жил в доме приказчика? Да, я отлично его помню. — Мистер Марстон сильно побледнел, когда посмотрел на меня, и добавил: — А почему вы спрашиваете?

— Потому что, — ответила я, — вы говорили, что он вращается в обществе, но я нигде его не видела — ни разу!

— Я не обманул вас, но сейчас, я полагаю, его нет в Лондоне и даже в Англии. Когда-то я хорошо его знал, и мне многое о нем известно. Я знаю, что он негодяй, и если бы он появился в Англии, я бы снова предупредил вас, мисс Этель, а также вашу матушку, о нежелательности знакомства с ним. Но не думаю, что он снова здесь появится — во всяком случае, до смерти человека, который, скорее всего, проживет еще долго.

— Но что же он сделал? — спросила я.

— Не могу сказать… и я не могу сказать, как жестоко он ранил меня. По сути, мисс Уэр, я рассказал вам все, что знаю, когда заявил, что он негодяй.

— Мистер Кармел, я теперь верю, что ваша миссия на земле — разжигать мое любопытство.

Вы ничего не рассказываете мне о тех, о ком бы я больше всего хотела знать.

— Я не хочу говорить о нем или даже думать. Он негодяй, он неисправим, поэтому, полагаю, останется негодяем навсегда.

Я была вынуждена довольствоваться этим, потому что знала: бессмысленно пытаться выведать у мистера Кармела секрет, который он решил сохранить.

Моя тихая жизнь продолжалась в старых декорациях. Я видела мистера Кармела не чаще, чем раньше. Втайне меня мучило его ровное отношение ко мне, которое я принимала за холодность, и мои фантазии распространялись намного дальше.

Как и раньше, мистер Кармел куда-то пропадал на два-три дня. Во время одной из таких отлучек произошел небольшой инцидент, о котором я должна упомянуть.

Замок Кардайлиона — это обширные руины крепости феодальных времен, построенной с большим размахом. Ее массивные стены и башни ныне покрыты густым плющом. Территория крепости столь обширна, что немногочисленные посетители, которых можно найти там в конце лета, едва ли тревожат ее уединение. Некоторое

время я убеждала мисс Паунден ходить туда почти каждый день. Мы брали с собой романы, а она иногда свое шитье в корзинке. Теплой тихой осенью приятно было сидеть, ощущая, что мы предоставлены самим себе.

Любили мы и побродить. Опишу еще немного это фортификационное сооружение. Поднявшись по спиральной лестнице рядом с большими воротами, вы оказываетесь в конце темного коридора с каменными полами, идущего вдоль стен. Этот коридор освещается узкими бойницами слева, а справа тянутся двери. Пройдя несколько дверей, вы обнаруживаете примерно посередине ту, что ведет в молельню: небольшую комнату изящных пропорций с крестовым сводом. Высокие окна проливали тусклый свет с востока над разрушенным алтарем, но вообще-то здесь царил полумрак.

Однажды в пасмурный день, грозивший дождем, мы пришли туда, поставили складные стулья прямо под окно и раскрыли книги. Когда я оторвала взгляд от страниц, я вдруг увидела примечательного старика и вздрогнула, мгновенно узнав. Это был тот, кого мы с Нелли очень давно называли Рыцарем Чер ного замка. Его правильное бронзовое лицо почти не изменилось, если

не считать морщин, которые углубило время. Прошедшие годы не затуманили темные яростные глаза, но длинные, когда-то черные волосы тронула седина. Этот суровый старик смотрел прямо на меня из арки слева и не отвел взгляд, когда я обнаружила его. Я с трудом повернулась к своей компаньонке и сказала:

— Полагаю, нам нужно выйти и пройтись по двору.

Мисс Паунден тут же согласилась.

Через несколько секунд я украдкой бросила взгляд на то место, где стоял призрак, но он исчез: арка была пустотой. Я спросила мисс Паунден, видела ли она заглянувшего сюда старика — нет, не видела.

Мы вышли из молельни, и пока шли по длинному коридору, я высматривала высокую фигуру, но тщетно. Когда мы спустились по лестнице, я посмотрела во все стороны, но Черного рыцаря не заметила. Через ворота, где когда-то висела опускная решетка, мы прошли во внешний двор, я снова осмотрелась, и тоже напрасно.

Осмелюсь предположить, что мисс Паунден, если и могла чему-то удивляться, призадумалась, но эта бесконечно деликатная (или равнодушная) женщина не стала ни о чем меня спрашивать.

Мы пересекли двор и вышли к сторожке Ричарда Причада у ворот, которые пропускали посетителей со стороны Касл-стрит. Мистер Причад, сутулый человек с загорелым лицом, впалыми щеками и вечной ухмылкой на губах, выслушал мои вопросы и сказал, что впускал такого джентльмена (я описала его) примерно десять минут назад. Этот джентльмен отдал свою лошадь ослятнику за воротами.

Как обычно многословно, вставляя вежливые фразы безотносительно их связи с контекстом, привратник продолжил:

— Он много расспрашивал, мисс, о вашей семье в Мэлори. Когда он услышал, что вы здесь, мисс, он спросил, выходите ли вы когда-нибудь в город. «Да, конечно», — ответил я. А когда я сказал ему, что вы сейчас в замке, благодарю вас, мисс, он спросил, где именно в замке вам нравится бывать. Да, это правда, мисс, совершенная правда, он дал мне шиллинг, истинная правда, и я показал ему путь до молельни, прошу прощения, мисс, где вы часто бываете, так и есть, мисс, и оставил его у лестницы. Ах-ха! Да, верно, мисс, и он вернулся через две или три минуты, взял свою лошадь и поскакал к воротам шлюза, так и есть, благодарю вас, мисс.

Такова была суть речи Ричарда Причада, если вы что-то поняли. Получается, что старик выехал из города по Касл-стрит и по ней же должен вернуться. Было странно, что он захотел взглянуть на меня. Зачем ему это? Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

Спустя столь долгое время было неприятно видеть его вновь, особенно в связи с расспросами о Мэлори и его владельцах. Я знала, что годы, прошедшие после его последнего визита, для отца были полны больших потерь и опасностей. Да отвратит Господь это предзнаменование!

Я молча молилась. Я знала, что Ребекка Торкилл не сможет помочь опознать его, так как я уже интересовалась этим вопросом ранее. Она не припомнила сцену, которая так отпечаталась в моей памяти, ибо, как она сказала, в те несчастные годы не проходило ни дня, чтобы крикливые кредиторы не приезжали из Лондона в Мэлори в поисках отца.

Глава XXXI
Ссылка в деревню

В тот год мои родители не посещали Мэлори. Я так привыкла к уединенной жизни, что мое пребывание в этом спокойном месте не казалось мне одиноким. Кроме того, я знала, что городская жизнь снова откроется для меня ранней весной. Если бы не эта близкая и волнующая перспектива (тогда еще волнующая), без Лауры Грей, возможно, я бы ощущала одиночество острее, но ему суждено было закончиться раньше моего возвращения в столицу. Меня вызвали в Ройдон, где на короткое время остановились мама с папой. Мисс Паунден доставила меня в роскошный, но довольно скучный дом и без промедления поспешила в Лондон, где, полагаю, по-своему наслаждалась короткой свободой.

Я радовалась перемещению из одного поместья в другое. Так как эти поездки не влияют на мою историю, я упомяну о них, только чтобы сказать следующее. В Ройдоне я встретила того, кого меньше всего ожидала увидеть. Тот же человек впоследствии окажется в намного более прият-

ном доме — я имею в виду дом леди Мардайкс в Касбруке, где собирались замечательные компании (такое тоже бывает). Как вы думаете, кто это был? Не титулованный человек, не человек, чье имя мелькает на страницах газет, не яркое имя в списке талантов, а человек, явно не достойный благосклонности, но все же везде появляющийся и всем известный! Вы не догадались, кто это? Доктор Дроквилль! В Лондоне я видела его очень часто. Он имел привычку заглядывать на бал или вечеринку на час или два и исчезать. Его речи были присущи решительность, воодушевление и дерзость, которые, хотя мне они не нравились, нравились другим. Вряд ли кто-нибудь знал о нем больше, чем знала я. Полагаю, мама знала достаточно, но, видя, что другие принимают его в своих домах, поступала так же.

Прошло время, и мы вновь оказались в Лондоне.

Второму сезону недоставало яркого беспамятства первого, и все же, признаюсь, я наслаждалась им больше. Однако папа был уже не столь воодушевлен. Осмелюсь предположить, когда мой второй сезон подходил к концу, он был разочарован, что я еще не супруга какого-нибудь пэра. Но у отца были и другие поводы для тревог, и

выглядел он соответствующе. Было окончательно решено, что на следующих выборах он будет выдвигаться от Шилингсворта при поддержке правительства. Все говорили, что он преуспеет в палате, но прокладывать пути надо было уже сейчас. Папа думал только об этом, но почему-то был не так уверен, как с другими проектами. Я видела так много изнуренных депутатов, иногда тяготящихся своими обязанностями, иногда по-настоящему увлеченных, что невольно пришла к выводу: политика почти столь же утомительна, сколь интересна. Казалось, душа бедного папочки уже начала черстветь.

Хотя завтрак в нашем доме был поздним, мама лишь изредка спускалась к нему, да и я не всегда. Но однажды, когда мы наконец все втроем собрались за столом, папа опустил газету на колени и сказал маме:

— Я давно хотел спросить тебя, но все вылетало из головы: ты давно писала леди Лорример?

— Да, я… По крайней мере, я получила от нее известие чуть больше недели назад. Очень доброе письмо, знаешь ли. Тетушка писала из Неаполя, она провела там зиму.

— Все хорошо?

— Немного жалуется, как обычно, но, полагаю,

с ней все хорошо.

— Жаль, что она меня так ненавидит, — вздохнул папа. — Я бы написал ей сам… Полагаю, ты еще не ответила на ее письмо?

— Ну, право, ты же знаешь, сейчас сложно найти время, — начала мама.

— О, оставь это: время! Ты забыла, что ничем не занимаешься, — ответил папа язвительнее, чем обычно говорил с ней. — Думаю, ты не отвечаешь на ее письма месяцами после получения! Не хочу, чтобы ты ей льстила — как не хочешь этого и ты, — но считаю, что ты можешь быть культурнее… зачем ее раздражать?

— Я и не думала ее раздражать, — звонким голосом ответила мама.

— Нет, но не отвечать ей — совершенно глупо и неправильно. Ты ее потеряешь — вот чем все закончится. Она единственная из твоих родственников, кто по-настоящему заботится о тебе, и она хочет сделать Этель подарок — бриллианты, — показывая тем самым свои дальнейшие намерения. Естественно, она бы хотела, чтобы ты наследовала все, что у нее есть, а ты, так долго не отвечая на ее письма, будто специально хочешь расстроить ее. В конце концов тебе это удастся, и, позволь сказать, это безответственно

— разбрасываться такой дружбой. Я не откажусь ни от одного друга — я имею в виду настоящего друга, — на которого могу рассчитывать. От этого зависит больше, чем ты думаешь. Если меня изберут от Шиллингсворта, уверен, я добьюсь успеха. Некоторые скажут, что я останусь в дураках, но деньги, которые я сейчас вкладываю, — это деньги, не потраченные зря, и, по правде сказать, это единственные деньги за всю жизнь, которые я потратил с умом, настолько мне важно преуспеть в этом деле. Твоя тетушка Лорример не упоминала, что снова может посетить Голден-Фрайерс в этом году?

— Кажется, упоминала. А что? — спросила мама прохладно.

— А то, что она должна иметь влияние на это чудовище Рокстона. Я часто задаюсь вопросом, какого дьявола мои дела расстраиваются, как только Рокстон пересекается со мной. Если она поговорит с ним, она может предотвратить много неприятностей. Она определенно увидит его, когда поедет туда.

— Но он не часто там бывает, ты знаешь. Когда я приезжаю в Голден-Фрайерс, я никогда не вижу его. Надеюсь, больше не увижу никогда. — Мне показалось, что мама вздохнула, когда произнес-

ла это. — Но я напишу и попрошу леди Лорример сказать ему все, что ты пожелаешь, когда ее поездка в Голден-Фрайерс подтвердится.

Так этот разговор закончился, и при мне эта тема больше не поднималась.

Мой старый дневник, который я аккуратно вела во время второго сезона, сейчас лежит открытым на столе передо мной. Я сверялась с ним. Однако он не содержит ничего, что имело бы отношение к моей истории. По большей части это записи о рутине. Тогда-то мы обедали с леди такой-то, тогда-то ходили на садовую вечеринку к некоей скучной герцогине; каждый вечер бал, музыкальный салон или опера. Иногда меня звали на ужин, иногда мы ходили на спектакль. Чернила и листья выцветают от времени. Десятки лет превратили эту запись легкомыслия в мрачного и меланхоличного наставника. Сколько имен, записанных в моем дневнике, теперь вырезаны на надгробных плитах! У тех, кто еще жив и держит голову, произошли перемены, у некоторых к лучшему, у других — к худшему, но этот улыбающийся саддукейский мир, который, как мне кажется, принимает насмешки за привязанности, живет по тем же принципам: бриллианты не переводятся, как и слуги, поро-

дистые лошади, красивые лица, компаньонки, и рядом с достойными людьми находят себе место дураки и негодяи.

Однако я должна рассказать вам о том, что в дневнике описано совсем коротко. Среди моих многочисленных поклонников, которые просили о танце, но не более, были двое, кто, казалось, испытывает ко мне более глубокие чувства, чем остальные. Один — красивый полковник Сент-Джордж Дейкр, с состоянием тридцать тысяч в год, как сказали маме ее приятельницы, и она не могла не поведать сей факт мне. Но юные леди, только что вышедшие в свет, привередливы, и мне было сложно угодить. Мое сердце было свободно, и в своей прежней жизни я видела мужчин, которые нравились мне больше. Я слишком дорожила тем, что имела, и чуралась идеи замужества. Вторым был сэр Генри Парк, тоже богатый, но старше. Отец, я думаю, желал для меня большего и считал, что я могу выйти за политика ради связей для него. Он не обсуждал со мной этот вопрос и, возможно, переоценивая меня, предоставил мне свободу поступать так, как я хочу.

Так или иначе, этим джентльменам с предельной вежливостью к их чувствам было отказано:

одному в Брайтоне в августе, второму немного позже в Касбруке, где он решился заговорить. Я упомянула об этих случаях в том порядке, в котором они следовали, но много не писала.

Полагаю, каждый хоть раз в жизни начинал вести дневник, который до́лжно заполнять так же старательно и настойчиво, как Сэмюэл Пипс[29]. Но я не следовала этому правилу и вела дневник отрывочно. Здесь я приведу отрывки, которые должны помочь моему повествованию.

«Наконец, слава богу, новости о моей дорогой Лауре Грей. Не могу поверить, что скоро ее увижу. Да, многое может омрачить мое счастье, ибо ее слова предвещают недоброе. И все же будет приятно встретить ее, услышать о ее приключениях и вести долгий разговор, ведь наши разговоры с ней делали жизнь в Мэлори столь счастливой.

Однако по порядку.

Я была у матушки около получаса назад, она, в халате и тапочках, только села за туалетный столик, как Уэнтуорт (ее горничная) пришла с утренними письмами. У матушки, конечно же, есть несколько секретов, как у большинства людей, но ее корреспонденция в этом отношении

---

[29] Сноски: 29

Сэмюэл Пипс (1633–1703) — английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев.

неинтересна. Открыв и прочитав письма, она иногда разрешала мне заглянуть в них. Сегодня мне показалось, что я уловила небольшое, но отчетливое изменение в ее беззаботном виде, когда она просмотрела одно из писем. Она прочитала его во второй раз и протянула мне. Так оно от Лауры Грей! Там говорилось, что у нее большое горе и что она зайдет в наш городской дом „завтра“, то есть сегодня, в четверг, в час дня, чтобы попробовать увидеться с мамой.

„Мне кажется это очень дерзким. Однако я не против встретиться с ней, — сказала мама, — она должна знать, что я о ней думаю“.

Мне не понравилась эта идея, и я подумала, что должна попытаться увидеть Лауру раньше ее. Должно быть, ей есть что рассказать, иначе она не стала бы использовать меня так недобро».

«*Четверг, половина второго.* Лауры еще нет».

«*Четверг, шесть часов.* Она не пришла! Что мне думать?»

«Ее письмо, как мне кажется, написано в спешке волнения. Я не понимаю, что все это значит».

«*Вечер четверга, одиннадцать часов.* Лаура так и не пришла. Записки нет. Мама расстроена больше, чем обычно. Наверное, она надеялась ее вернуть, как надеюсь я».

«*Пятница.* Я проснулась в темноте рано утром, думая о Лауре и воображая всевозможные ужасы, которые могли с ней приключиться с тех пор, как было написано вчерашнее письмо».

«Заглянула к маме, когда она завтракала в постели, и рассказала, как я волнуюсь о Лауре Грей. Она сказала: „С мисс Грей все хорошо, за исключением того, что она не знает, как положено себя вести“. Я не согласна с мамой и уверена, что на самом деле она так не думает о Лауре. Я все еще беспокоюсь за нее. На ее письме не было обратного адреса».

«Только что снова говорила с мамой, пыталась выяснить, знает ли она что-то, с помощью чего мы могли бы найти Лауру Грей. Она сказала, что не знает ничего, по чему мы могли бы ее отследить. Я спросила, как мисс Грей появилась у нас. Мама сказала, что искала гувернантку через контору по найму, но потом папа увидел объявление в „Таймс“, и они решили, что это то, что им подойдет. Мисс Грей ответила на записку мамы, и, когда та спросила о рекомендациях, она сослалась на леди, имя которой было маме известно. В тот же день эта леди приехала в карете со слугами, имела богатый вид и говорила о Лауре как о кузине. Рекомендации были наилучшими,

и гостья сетовала, что Лаура вдруг решила искать место гувернантки — уж лучше бы жила дома с ней. Теперь мама не могла вспомнить ни ее имя, ни адрес, и мы не могли найти ее. Утешало, что леди, которая назвала мисс Грей родственницей и говорила о ней с такой теплотой, была богата и хотела вернуть ее домой, но обстоятельства всегда изменчивы, а жизнь мимолетна — откуда нам знать, где эта леди сейчас?»

«Осталась одна надежда: Лаура могла написать „в четверг“, но иметь в виду пятницу. Это единственный шанс, и я цепляюсь за него».

«*Пятница, три часа.* Лаура не пришла. Что нам думать? Я не могу выбросить из головы, что случилось что-то плохое. Моя бедная Лаура!»

«*Вечер субботы, без четверти одиннадцать.* Перед сном. Еще один день, и никаких известий о Лауре. Я потеряла надежду увидеть ее».

Она не пришла и на следующий день. По вопросу, который так остро волновал маму, у нее не было возможности высказаться ни тогда, ни на следующий день.

* * *

Сезон закончился, и мы снова в Мэлори!

После визита в Касбрук родители отправи-

лись в аббатство Хейтли. По какой-то причине — возможно, просто потому, что я не получила приглашения, — я не сопровождала их. Под присмотром старой леди Эстер Уигмор, которая направлялась в ту же сторону, меня отправили в Честер, где меня встретила мисс Паунден. С ней «к моему огромному удовольствию», как писал Сэмюэл Пипс, я и отправилась в поместье, где был мой единственный настоящий дом и куда я всегда возвращалась с невыразимой любовью.

Но мое пребывание в Мэлори было неожиданно прервано запиской от мамы, назначившей встречу в Честере. Папа был вынужден поехать в Лондон для консультации с друзьями, а затем он собирается в Шиллингсворт, чтобы выступить на банкете. А мы с ней отправимся на север. Она все расскажет, когда встретимся. Пышные наряды брать не нужно.

С этой скудной информацией и любопытством по поводу того, куда именно мы направляемся, я прибыла в Честер, где встретила маму, от которой узнала, что поездка приведет нас в местность дикую, красивую и совершенно новую для меня.

Глава XXXII
«Святой Георгий и дракон»

Нам пришлось долго ждать на какой-то станции, забыла ее название. Солнце село, когда прибыл экипаж. Мы проехали еще примерно двенадцать миль. Вдоль дороги тянулись торфяники. Я не могла поверить, что в Англии существует нечто столь первобытное. Легкий туман вуалью простирался над темным пространством, и в лунном свете тут и там тускло блестели огромные лужи. Потом впереди показались горы. Скоро мы въехали в ущелье и оказались зажаты между крутых склонов. Мне никогда не забыть впечатление от внезапно развернувшейся сцены: когда дорога достигла вершины, внизу я увидела Голден-Фрайерс.

О, что за ч удесный вид!

Колоритный маленький городок был окружен амфитеатром холмов. В лунном свете поблескивал белый камень домов, стоявших на берегу озера. Вязы, одиночные или в группах, казались почти черными. Картина была иллюзорной, и я вскрикнула от удивления и восторга.

Мама молча смотрела из окна, и я видела, что она тихо плачет. Здесь, у озера, она провела свое детство и юность, а встреча с прошлым всегда пробуждает столько сладких и горьких воспоминаний! Наверняка ее слезы вызвала тоска по безвозвратному, и я старалась не прерывать ее одинокие мысли. Я и сама поддалась меланхоличному настроению, навеянному природой, хотя никогда не была в этих краях. Она мне так и не сказала о цели поездки, но обмолвилась, что в Голден-Фрайерс будет леди Лорример, и я догадалась — видимо, мама собиралась поговорить с ней о том, как помочь папе, как избежать козней этого Гарри Рокстона.

Несомненный враг нашего дома, тот самый Гарри Рокстон, чьи злые чары опутывали моих родителей и в деловом Лондоне, и в тихом Мэлори, и в далеких Франции и Италии, жил где-то поблизости. Как ни странно, эти мысли добавляли интереса романтической сцене.

Мы спустились к озеру, и теперь наша дорога изящно изгибалась вдоль берега. В серебристом лунном свете холмы на той стороне казались такими воздушными, что можно было вообразить, будто брошенный камень пролетит сквозь них, как сквозь дым. Мы проехали под тенью могучих

вязов, и впереди показались первые домики. Городок спал, только лаяли собаки да гоготали бдительные гуси. Наш экипаж, запряженный четверкой лошадей,– не пустое расточительство, не желание пустить пыль в глаза, а необходимость там, где бóльшая часть дороги пролегает сквозь холмы,– остановился у гостиницы «Святой Георгий и дракон», чьи окна, обращенные к озеру, были освещены[30]. Так закончилось наше путешествие.

Прежде чем мы поднялись в наши комнаты, мама поинтересовалась, здесь ли леди Лорример. Да, миледи приехала позавчера. Мама казалась нервной и взволнованной. Она послала горничную выяснить про сэра Гарри Рокстона, и когда та вернулась и сказала, что в Дорракли его не ожидают еще две недели, она вздохнула, и я услышала тихое «Слава богу!» Признаюсь, для меня это было скорее разочарование, чем облегчение. Я хотела увидеть этого жестокого человека.

После крепкого сна, в котором мы обе нуждались, я встала и до завтрака немного прогулялась в свете раннего солнца. Позже пришла горничная леди Лорример и сказала, что миледи нездоровит-

---

[30] Сноски: 30

Эта гостиница служит местом действия многих произведений Ле Фаню.

ся и она не сможет принять нас до двенадцати. Леди Лорример просила передать, что она огорчена тем, что вынуждает нас ждать, и выразила надежду, что мы вместе пообедаем.

Мне было любопытно снова увидеть пожилую родственницу. Мое представление о ней изменилось с того дня, когда она или ее двойник так решительно прошла мимо меня на улице. Я гадала, как она меня примет, и ожидание превратилось в волнение, когда мы подошли к ее двери. Еще миг, и я бы ни за что не поверила, что леди Лорример и та женщина, которую я видела на улице в Лондоне, одно лицо. Никто не мог быть ласковее, чем она. Радушие светилось во взглядах, звучало в ее голосе. Тетушка и правда выглядела неважно, но казалась веселой. Она обняла маму и очень сердечно ее поцеловала, потом снова и снова целовала меня. Я была озадачена переменой. Неужели эта добродушная и нежная дама игнорировала меня с такой оскорбительной и зловещей настойчивостью?

— Ты обратила внимание, как это прелестное создание смотрит на меня? — сказала она маме, смеясь, когда заметила мой любопытный испытующий взгляд.

Я зарделась и опустила глаза.

— Я очень благодарна тебе, дорогая, за то, что смотришь ты на меня так, как немногие смотрят сейчас, — мягко произнесла леди Лорример, а потом предложила: — Погода стоит хорошая, и мы все должны совершить прогулку по озеру вечером. Что скажешь?

Конечно, я была в восторге: я считала это место просто очаровательным.

— Я жила здесь в детстве, — продолжила тетушка, — как и твоя мама, когда была маленькой девочкой, а потом девушкой. Она жила со мной лет до девятнадцати или двадцати лет. Мейбл, я забыла, сколько тебе было, когда ты вышла замуж? — спросила она, повернувшись к маме.

— Двадцать два, — ответила мама, улыбаясь.

— Двадцать два? Правда? Ну, мы жили в Мардайксе. Я покажу это место во время лодочной прогулки: из окон его не видно.

— А где живет сэр Гарри Рокстон? — спросила я.

— В Дорракли. Отсюда тоже не видно. Это дальше Мардайкса, на той же стороне, мы увидим из лодки.

Потом они с мамой заговорили, и я отошла к окну, чтобы полюбоваться видом.

Леди Лорример, несмотря на свое почти мо-

настырское затворничество, жаждала сплетен и с удовольствием узнавала у мамы новости, а взамен рассказывала нелепые анекдоты о давно прошедших временах.

В Голден-Фрайерс был свой уклад. Отобедали мы рано, когда в Лондоне леди и джентльмены еще даже не начинали одеваться на бал.

Теперь представьте нас светлым вечером на борту лодки, которая отошла от причала «Георгия и дракона». Мы двигались по озеру в сторону далекого леса — он назывался лес Кластид.

— Посмотри на этот лес, Этель,– сказала леди Лорример.– Этот лес — последний приют фей в Англии. Говорят, именно там сэр Бэйл Мардайкс[31] давным-давно вошел в сговор с Нечистым.

В просветы меж деревьев время от времени были видны увитые плющом руины некогда великолепных строений. Мои спутницы постепенно затихли. Я тоже ощущала сонное влияние ландшафта и наслаждалась тишиной, которую нарушали лишь плеск воды и хлопанье паруса. Я жила в мире фантазий, они и сейчас живы в моих печальных воспоминаниях. Но воспоминания есть у всех, и мама с тетушкой стали тихо

---

[31] Сноски: 31
Персонаж романа Ле Фаню «Пророчество Клостедда».

обмениваться пережитым. Трогающие до слез ассоциации преследовали их повсюду. Слушая их, я думала о том, насколько мне близок простой сельский дух. Что такое городская жизнь, которой я вкусила, по сравнению с ним? Насколько жизнь в провинции нежнее, возвышеннее! Насколько ближе небо! Ветер был тихим, и нам не нужно было бояться порывов и шквалов, которые иногда яростно рвутся с гор. Обладая некоторыми навыками, приобретенными в Мэлори, я взялась за румпель под руководством лодочника. Нам нужно было двигаться так, чтобы подойти ближе к берегу и лучше рассмотреть дивный лес Кластид. Затем, пройдя примерно милю к северу, лодочник повернул против течения, которое было в этом водоеме довольно сильным, и мы пошли по ветру к Мардайксу. Там был остров с прибрежной полосой серого камня и кустами, окружающими нечто похожее на разрушенную часовню или обитель; леди Лорример попросила пройти как можно ближе.

К этому времени небо на западе уже алело. Солнце было скрыто за холмами, образующими благородный барьер между Голден-Фрайерс и далекими торфяниками Дардейла, где расположен Хаворт Холл. Горы в глубоких фиолетовых тенях

нависали здесь над самой водой. Мы медленно скользили вперед, и я с большим удовольствием рассматривала каждое дерево и каждый камень на берегу. Лодка скорее дрейфовала, чем шла под парусом, и с берега внезапно открылась узкая лощина. Она была обрывистой и дикой, и в нее как нельзя лучше вписывался небольшой дом с башней. Каменный пирс давал убежище нескольким лодкам, от него к дому вела дорога, обсаженная липами. Все вокруг было окутано глубокой фиолетовой тенью, отбрасываемой окружающими горами, вечерние облака подсвечивались красным, и это было похоже на отблески далекого пожара. Никогда еще я не видела места столь одинокого и меланхоличного.

На пирсе стоял мужчина и смотрел на озеро. Он был единственным, кого мы заметили.

— Ну, дорогая, теперь ты видишь, — обратилась ко мне леди Лорример. — Это Дорракли. Что за место! Подходит только для отшельника. Знаешь, — сказала она, поворачиваясь к маме, — по слухам, теперь сэр Гарри проводит здесь больше времени, чем раньше. Уверена, если бы я прожила в подобном месте полгода, я бы умом тронулась. Но нужно отдать ему должное, когда он приезжает, он не остается надолго, а

много лет его здесь вообще не было. У него есть и другая недвижимость, далеко отсюда, и если бы двадцать два года назад случилось некое событие, — тетушка сделала многозначительную паузу и посмотрела на меня, — он бы построил дворец для твоей мамы, но она отказала ему… — Она направила бинокль на одинокую фигуру и вдруг сказала: — О, да я почти уверена, что человек на пирсе — это Гарри Рокстон!

Мама вздрогнула. Я смотрела во все глаза: нас разделяло чуть больше сотни ярдов, но тень была такой густой, а эффект от тусклого отраженного света такой странный и загадочный, что я не могла быть уверена ни в чем, но тот человек стоял очень прямо, был высоким и крепко сложенным. Леди Лорример была слишком поглощена, чтобы предложить мне бинокль, который я хотела одолжить, но не смела спросить.

Мы медленно проплыли мимо, и фигура исчезла из виду. Опустив бинокль, леди Лорример сказала:

— Не могу сказать точно, но почти уверена, что это был он.

Мама ничего не сказала, но казалась бледной и всю оставшуюся прогулку была рассеянна и неспокойна, даже несчастна.

Глава XXXIII
Необходимость отъезда

Мы пили чай с леди Лорример. Мама была подавлена и, я думаю, плакала в своей комнате.

— Тут нам не скажут, приехал Гарри или нет, — покачала головой тетушка. — Он мог вернуться по Дардейлской дороге, и если это так, то он не проезжал через Голден-Фрайерс. Однако, дорогая, я все-таки почти уверена, что это был он.

— Хотела бы я быть в этом уверена, — пробормотала мама.

— Не знаю даже, что посоветовать… Я только хотела сказать, что ты могла бы поступить мудро — увидеться с ним. Таким образом, ты нападешь на льва в его логове.

— Нет. — Мама вздрогнула. — Если вы намерены встретиться с ним и поговорить, то я не могу этого сделать. Я не хочу его видеть — из этого получится только боль. И он не должен увидеть меня. Он не должен прощать меня — никогда! — воскликнула она с чувством.

— Ну, дорогая, не могу отрицать — ты и правда поступила с ним дурно. А он умеет жалить, — от-

ветила леди Лорример. — Однако я подумала… Если он увидит тебя, старое чувство может вернуться и смягчить его. Но, наверное, ты права. Это скорее приведет к катастрофе, нежели к победе.

— Я в этом уверена, я точно это знаю, — решительно сказала мама.

Они замолчали.

— Иногда я думаю, Мейбл, — я размышляла об этом весь вечер, — продолжила леди Лорример, — что мы могли бы быть счастливее, если бы никогда не покидали это уединенное место. И мы могли бы быть счастливее, если бы росли в более суровых условиях, — возможность делать что хочешь часто приводит к разочарованиям.

Снова молчание.

Мама печально смотрела в окно на озеро и горы.

— Если бы я могла вернуться к своему раннему «я», если бы… — снова заговорила леди Лорример. — Моя нынешняя жизнь так обессиливает меня, что, если честно, я едва знаю, чего хочу. Сожаления делают меня неудовлетворенной, и я думаю, что была бы намного счастливее, если бы никогда не переходила гор, которые окружают это место. Мне осталось жить не так много, как тебе, Мейбл, и я этому рада. Надеюсь, более

счастливый мир за чертой существует для всех нас. — Она встряхнула головой. — А теперь, когда я закончила разглагольствования, как здесь называют столь длинные речи, не нальешь ли ты мне чашечку чая, моя дорогая Этель?

Наша беседа потекла совсем в другом русле. Мне были интересны развалины, которые я видела из лодки, поэтому я задавала вопросы, а она, казалось, отвечала с удовольствием.

— Я думаю, — словно проснулась мама, — если бы он вернулся, то в городе об этом узнали. Тетушка, вы не могли бы спросить?

— Ты говоришь о Гарри Рокстоне?

— Да… да.

— Я спрошу. Я все узнаю. Сегодня мы видели его дом,– сказала она, поворачиваясь ко мне.– Мы не знаем, там он или нет, и мне на ум пришла одна интересная мысль. Ты помнишь короткую речь, которую написал Шеридан, чтобы представить «Песнь Келли» в «Друри-Лейн»?[32] «Вот дом моей Матильды! Внутри она или скорей снаружи?»

Мама снова погрузилась в себя и вскоре ушла, сославшись на головную боль. На мое счастье, леди Лорример попросила, чтобы я осталась еще на

---

[32] Сноски: 32

«Друри-Лейн» (Королевский театр на Друри-Лейн) — старейший из действующих театров Великобритании.

час, чтобы составить ей компанию. Когда за мамой закрылась дверь, она рассмеялась и сказала:

— А теперь признайся: если бы твой отец был сегодня с нами в лодке и видел, как изменилась твоя мама, увидев Дорракли и высокого мужчину на пирсе, он бы заревновал?

Я не поняла, шутит она или говорит всерьез, и, думаю, имела озадаченный вид, когда ответила:

— Не может быть, чтобы ей нравился сэр Гарри Рокстон! Мне кажется, она ужасно его боится, это ее и расстроило. Он же ей никогда не нравился…

— Не будь так уверена, девочка моя, — ответила тетушка весело.

— Вы правда думаете, что он ей нравился? Но она же любила папу.

— Нет, все было не настолько серьезно. Мейбл не любила твоего отца. Это была мимолетная причуда, и если бы у нее было несколько недель на раздумья, она бы предпочла Рокстона.

— Но не может быть, чтобы остались какие-то чувства, — заметила я со сжавшимся сердцем. — Сэр Гарри Рокстон — старик!

— Да, он старик, ему — дай-ка подумать — пятьдесят шесть. Мейбл решила выйти за твоего отца… Но я уверена, она считает, что совершила огромную ошибку. Со всеми его недостатками,

Рокстон был привлекательнее и вернее. Он бы позаботился о ней. Я не знаю ни одного пункта, по которому он проигрывал твоему отцу, но могу назвать пятьдесят, по которым выигрывал. Он был красивым мужчиной, если это что-то значит. Думаю, я никогда не видела настолько красивого мужчину… особенного мужчину. Ты считаешь меня странной старухой, которая так открыто высказывает свое мнение о твоем отце, но я говорю как друг, и я утверждаю, что твой отец плохо обращается с твоей мамой. Он легок в общении и обладает добросердечием, подчиненным эгоизму. Эти качества, насколько я знаю, завершают список его добродетелей. Фрэнсис не стал ей хорошим мужем, а в некоторых отношениях был даже плохим. Он нанял дюжину адвокатов, которым произвольно поручает дела, и слишком ленив, чтобы за чем-то проследить самостоятельно. Конечно, его грабят, и везде бардак, и он растратил деньги твоей мамы на свои цели. Мейбл — глупое дитя в деньгах и делает все, что он ей скажет. Уверена, он ее ободрал. Он мне не нравится, никогда не нравился, как и любому, кто любит ее. Бедная дорогая Мейбл, ей не хватает сил: я не знаю другую женщину с настолько слабой волей. Она никогда не настаивает на своем, кроме одного

раза, когда совершила глупость: вышла замуж за твоего отца.

— А сэр Гарри Рокстон любит маму? — спросила я.

— Он был безумно в нее влюблен, и когда она вышла за твоего отца, он хотел застрелить его. Думаю, он почти — и это не метафора — сошел с ума. С тех пор он стал отшельником. Деньги ему не нужны. Теперь он озлобленный и эксцентричный старик.

— И он может навредить папе?

— Так мне сказали. Твой отец тоже так думает, а он редко берет на себя труд тревожиться об опасности, отстоящей вперед на три-четыре месяца.

К моему облегчению (но и разочарованию), эта тема закрылась. Она интересовала меня и причиняла боль, и иногда мне казалось, что это неправильно — не заступиться за папу. Теперь леди Лорример с большим воодушевлением рассказывала мне о своих детских днях в Голден-Фрайерс. По ее словам, старые дворяне были такими занудами, каких больше нигде не встретишь. Она заставила меня смеяться над этими рассказами, но посреди веселья вдруг вошла горничная, которую она отправила разузнать о сэре Гарри, и что-то тихо ей сказала. Как только она

вышла, леди Лорример посмотрела на меня.

— Да, так и есть. Передай маме, что Гарри Рокстон в Дорракли.

Она задумалась. Возможно, мысленно репетировала посредническую беседу, которую должна была провести.

Мы еще немного поговорили и вскоре расстались, искренне пожелав друг другу спокойной ночи.

Моя комната примыкала к маминой, и, обнаружив, что она еще не спит, я вошла и передала ей известие. Мама поменялась в лице и, резко поднявшись на локте, заглянула мне в лицо.

— Хорошо, дорогая, — сказала она взволнованно. — Завтра утром мы должны уехать.

Глава XXXIV
Ответ сэра Гарри

На следующий день около одиннадцати утра к дверям «Святого Георгия и дракона» был подан экипаж. Надев шляпки, мы ждали, чтобы попрощаться с леди Лорример. За всю свою жизнь я видела немного мест, которые полюбила с первого взгляда, и это было одно из них. Я стояла у окна, в последний раз любуясь прекрасным пейзажем. Мама была встревожена и нетерпелива. Я знала, она волновалась, что какая-то случайность может привести сэра Гарри Рокстона к гостинице, прежде чем мы отправимся в путь.

Наконец пришла горничная леди Лорример, чтобы сказать, что она желает нас видеть. Мы последовали за служанкой. В комнате было темно, лишь робкий луч, просочившийся сквозь щель в ставнях, касался полога кровати, высвечивая старомодный ситцевый узор. Вчерашней веселой леди Лорример будто и не было. Она сидела среди подушек, и самый меланхоличный голос, какой вы только можете представить, донесся до нас:

— Моя дорогая Этель тоже здесь? — спросила

тетушка, поцеловав маму. — Ох, было бы неправильно, если бы я не попрощалась с вами. Дай мне руку, дорогая. Так ты уезжаешь, Мейбл? Мне жаль, что так скоро, но, возможно, ты права. Возможно, вам не следует встречаться. Я сделаю все что смогу и напишу тебе о том, насколько я преуспела.

Мама поблагодарила ее.

— Дорогая, я не так здорова, как считают люди или как сама хотела бы. Не знаю, когда мы встретимся, и я хочу сказать тебе, Мейбл, — вам обеим, — что я не оставлю вас в зависимости от безрассудного Фрэнсиса Уэра.

Я хочу, чтобы вы ни в чем не нуждались. Только вы у меня и остались на этой земле. — Тут бедная леди Лорример заплакала. — Как только я напишу, вы должны приехать ко мне, и пусть ничто вас не остановит. Я так слаба. Я хочу уйти, зная, что вы обеспечены, и сделаю все, что в моих силах, чтобы… кто там за дверью? Этель, дорогое дитя, открой и посмотри, кто там, может, горничная, скажи ей, что обронила платок… тише!

В коридоре никого не было, и я вернулась.

— Закрой поплотнее дверь, дорогая. Я сделаю так, как сказала, — не благодарите, — но не говорите никому об этом ни слова, и если случайно

упомянете об этом Фрэнсису Уэру, то убедите его никому не рассказывать об этом. Ну, мои милые, больше вас не задерживаю. Да благословит вас Бог! Идите, идите, да благословит вас Бог! — С этими словами, крепко поцеловав, она отпустила нас.

Мама быстро спустилась по лестнице, выбежала из гостиницы и бросилась к экипажу. Она села как можно глубже, чтобы ее не было видно. Я последовала за ней, и через несколько минут мы отъехали от «Георгия и дракона». Вскоре озеро и лес остались позади.

На обратном пути мы молчали, хотя и по разным причинам. Я обдумывала наш разговор с леди Лорример. В каком нервном состоянии она находилась и как страстно говорила! Я не была любопытна и принимала будущее как должное, как все молодые люди в моем возрасте. Поэтому, могу честно признаться, никакие плохие мысли меня не занимали.

Мы должны были оставаться в Голден-Фрайерс по крайней мере десять дней, но сбежали после двух. Наши планы расстроились из-за неожиданного приезда сэра Гарри Рокстона, точно так же как расчеты Наполеона расстроила всем известная русская ранняя зима 1812 года. Я была

опечалена. Я бы не огорчилась, услышав, что он утонул в озере. Мама тоже была расстроена, но теперь ее мысли приняли новое направление. У нее появилась неделя свободного времени — свободного от визитов. И чем ей занять себя?

— Куда ты собираешься, мамочка? — спросила я невинно.

— Никуда… куда угодно. В Честер, — ответила она.

— А потом?

— Зачем ты задаешь вопросы, на которые я не могу ответить? Почему тебе нравится делать меня несчастнее, чем я есть? Кругом сплошная неразбериха. Я только уверена, что ничего не знаю. У меня нет планов. Я буквально не знаю, где мы сегодня будем спать. О нас некому позаботиться. Как обычно, когда мне нужна помощь, рядом никого нет: моя горничная совершенно бесполезна, а твой отец в Лондоне. Я недостаточно сильна для всего этого. Ты можешь написать папе, когда мы приедем в Честер. Мы не увидим его еще бог знает сколько… Возможно, он уже покинул Лондон и будет писать в Голден-Фрайерс, и теперь, когда я думаю об этом… О, как мне это пережить! Я забыла сказать хозяину гостиницы, куда пересылать мои письма. О боже, о боже,

какая неразбериха! Но я и не могла сказать ему, потому что не знаю, куда мы направляемся. Нам лучше остаться в Честере, пока папа не приедет, когда бы это ни было. Я хочу одного — лечь в постель и разрыдаться.

Я была рада, что мы путешествуем одни, потому что вид у мамы был столь отчаянным, что в железнодорожном вагоне она бы устроила переполох. Воспользовавшись тем, что маму легко было убедить, я предложила вместо Честера отправиться в Мэлори, и она согласилась. Мы прибыли туда на следующий день, к большому удивлению Ребекки Торкилл, которая устроила нам радостный прием.

Мама наслаждалась простой жизнью здесь намного больше, чем я осмеливалась надеяться. Мне даже стало казаться, что она создана для сельской жизни, хотя судьба направила ее в город. Она напомнила мне германского принца, упомянутого в дневнике Томаса Мура[33], который очень любил навигацию, но чье княжество, к несчастью, не имело выхода к морю.

---

[33] Сноски: 33

Томас Мур (1779–1852) — великий поэт-романтик и автор баллад, представитель ирландского романтизма. Старший товарищ и биограф Байрона. В России известен прежде всего благодаря стихотворению «Вечерний звон» (1818), переведенному Иваном Козловым.

Папа приехал только накануне их с мамой визита в Дромелтон. Он был в хорошем настроении, все шло отлично: его предвыборная кампания развивалась, и прощальный разговор с леди Лорример, о котором мама ему все-таки рассказала, воспламенил его оптимистичный дух, осветив неопределенное будущее сиянием. Адвокаты, потеря права выкупа, векселя, выжидающие время, чтобы обрушиться на него, — все это перестало пугать после воодушевляющих новостей.

Мама ждала письмо от леди Лорример. И вот наконец оно пришло. Папа ушел навестить старого капитана Этериджа, и мы с мамой были одни в гостиной, когда она прочитала его.

Письмо было длинным. Пробежав глазами последние строчки, мама печально сказала:

— Я была права — не стоило и пытаться. Боюсь, это расстроит твоего отца. Можешь прочесть. Ты ведь все равно слышала, что говорила тетушка Лорример. Да, я была права, а она была слишком уверена в успехе.

Я прочла следующее:

«Моя дорогая Мейбл!

Мне придется написать неприятное письмо. Ты хотела, чтобы я со всей точностью передала все те слова, которые он скажет, — конечно, я имею

в виду Гарри Рокстона, — и я должна сдержать обещание, хотя думаю, что ты возненавидишь меня за это.

Я уже почти поставила на нем крест и, считая, что по какой-то причине он решил забыть об обычном визите ко мне, уже подумывала написать ему коротенькую записку, чтобы сообщить, что приеду в его уединенное жилище. Но сегодня, примерно в час дня, началась одна из тех прекрасных гроз, которыми ты так восхищаешься. Стало ужасно темно — зловещее предзнаменование!– и огромные капли дождя размером с пулю принялись бить в окно. Возможно, это заставило его войти в гостиницу. Слуга объявил о нем, как раз когда ближайший раскат грома эхом пронесся по Голден-Фрайерс сотней отзвуков: согласись, намного лучше сцены появления королей под торжественные трубы в шекспировских пьесах. Да, он вошел, моя дорогая Мейбл, как настоящий король, высокий, как менгир[34] на торфянике Дардейла, и мрачный, как небо. Он был словно

[34] Сноски: 34
Монолит, установленный вертикально.

Аллан Маколей из „Легенды о Монтрозе“[35]. Огромный пес той роскошной породы, которую ты еще можешь помнить, у него всегда были такие в Дорракли, шел рядом с ним. Когда-то он умел улыбаться, но прошло бог знает сколько лет с тех пор, как судьба навсегда стерла улыбку с его лица. Он взял мои бедные тонкие пальцы своей лапищей, как сказал бы Кларендон[36], с „омраченным“ лицом. Какое-то время мы беседовали, насколько позволяли гром и стук дождя с градом.

К тому времени, когда ярость бури немного утихла, я, будучи, как ты знаешь, неплохим дипломатом, сумела, не пугая его, подвести разговор к интересующей нас теме. Сразу могу сказать, моя дорогая Мейбл, что с таким же успехом я могла, возвращаясь к уже использованному мной сравнению, попытаться сдвинуть менгир. Когда я описала опасность, которой подвергнут тебя суды, как и твоего супруга, он вдруг улыбнулся:

---

[35] Сноски: 35

«Легенда о Монтрозе» — исторический роман Вальтера Скотта повествует о восстании Монтроза в 1645 году против шотландского парламента.

[36] Сноски: 36

Эдвард Хайд Кларендон (1609–1674) — британский политический деятель, историк, автор популярного труда «История мятежа и гражданских войн в Англии».

это была его первая улыбка, насколько я помню, за много лет. Но она не несла в себе солнечный свет — она больше походила на опасный блеск молнии.

„Нам осталось недолго путешествовать по жизни, — сказала я, — мне и тебе. Мы наживали врагов и ссорились, мы мужественно бились. Пришло время забыть и простить“.

„Я многое забыл, — ответил он, — но ничего не прощу“.

„Не мог же ты забыть милую Мейбл?“ — воскликнула я.

„Дайте мне умершую мою схоронить от глаз моих“[37], — только и сказал он. Сказал не добро, но мрачно и категорично.

„Ну, Гарри, — сказала я, возвращаясь к его предыдущим словам, — не могу поверить, что ты правда ничего не простишь“.

„Мир лицемерен, — ответил он. — Если бы он был иным, все бы признались в том, что все и так знают: никто ничего никому не простил с тех пор, как был создан человек“.

„Так я могу предположить, что ты хочешь довести это дело до конца из-за мести?“ — спросила

---

[37] Сноски: 37
Быт. 23:4.

я решительно.

„Конечно, нет, — ответил он, — та вражда мертва и забыта. Я не видел этих людей больше двадцати лет. Мне претят их имена. Мужчину я иногда вспоминаю, я бы хотел увидеть, как он летит вниз с высокой башни, но о женщине я никогда не думаю, она полностью забыта. Для меня они абсолютные незнакомцы. Я всего лишь доверенное лицо в этом деле: почему я должен отказываться от своих обязанностей и, возможно, навлечь на себя опасность из-за тех, кого не знаю?“

„Ты не обязан это делать — ты это знаешь, — увещевала я. — У тебя есть власть, и ты решил ей воспользоваться, вот и все“.

„Да будет так, и мы закончим этот разговор“, — ответил он.

„Нет, — сказала я твердо, ибо было невозможно быть дипломатичной с таким человеком, — я еще не все сказала. Я только прошу тебя обращаться с ними так, как ты их описал: как с незнакомцами. Ты бы не стал беспокоиться о том, чтобы сокрушить незнакомца. Когда-то ты был добр“.

„И глуп“, — сказал он.

„Добр, — повторила я, — ты был добрым человеком“.

„Книга жизни полна знаний, — ответил он, — и с тех пор я перевернул пару страниц“.

„Большее знание ведет нас к милосердию“, — уговаривала я.

„А высшее — к справедливости, — сказал он, усмехнувшись. — Я не богослов, но знаю, что этот парень заслуживает худшего. Он отказался встретиться со мной, когда несколько щелчков пистолета могли закончить нашу, как вы ее называете, вражду — вражду с таким нюней!“

Время от времени, когда он взволнован, из него вылетают подобные странные слова. Они очень часто появлялись в этом диалоге, но я их не буду приводить.

„Нюня! Трус!“

Я передаю тебе его слова — яростные взгляды передать не могу. Ясно, что он не простил Фрэнсиса и никогда не простит. Твой муж, мы все это знаем, поступил совершенно правильно, отклонив тот дикий вызов. Так советовали ему все друзья.

Я почти сказала о тебе глупость, но вовремя спохватилась и выразилась по-другому. Тогда он сказал:

„Я ухожу — дождь закончился“.

Он взял мою руку и попрощался, но все не от-

пускал ее, и, глядя на меня печальными глазами, добавил:

„Послушайте, вы мне очень нравитесь, но если вы заговорите об этих людях или даже просто упомяните их имена, мы больше не друзья“.

„Подумай об этом еще раз, Гарри“, — кричала я ему вслед, но он уже гремел по коридору своими циклопическими сапогами. Услышал он меня или нет, но он спустился по лестнице со своим зверем, даже не оглянувшись.

Ну вот, дорогая Мейбл, я все тебе рассказала. Конечно, ты должна принять как должное те простецкие слова и идиомы, которые вылетают из него, как я тебе напомнила, когда он горячится во время разговора.

Это скорее „отчет“, нежели письмо, и я засиделась допоздна, чтобы закончить его. Я отправила его на почту, прежде чем лечь спать. Доброй ночи, да благословит тебя Бог, и я надеюсь, что это мрачное письмо не расстроит тебя так же, как его смысл расстраивает меня. Разочаровать тебя, судя по тому, что ты сказала мне, когда мы обсуждали это дело, оно едва ли сможет».

Есть латинская поговорка: «Omne ignotum pro magnifi co», которой, как и ее переводу, я обязана мистеру Кармелу: «Неизвестное представляется

величественным». В то время я не понимала природы угрожающей опасности, и неопределенность лишь усиливала ее. Вернулся папа. Он читал письмо леди Лорример, и чем дальше продвигался, тем больше темнело его лицо. Он глубоко вздохнул, когда закончил и положил листок на стол.

— Ну, не хуже, чем ты ожидал? — горько усмехнулась мама. — Надеюсь, что нет. Столько вещей меня утомляет, беспокоит и разрушает, ты не представляешь, чего мне стоила эта поездка в Голден-Фрайерс. Я была сама не своя. Я замахнулась на слишком многое. Этель расскажет тебе, что я сказала тетушке, но все пошло так неправильно и неудачно, что я почти подумываю идти в кровать и плакать.

— Да, дорогая, — немного озадаченно произнес папа. — Это… это… это… Это очень неправильно. Старый подлец! Полагаю, тут что-то другое.

Он взял другое письмо, которое пришло ему с той же почтой, и нервно сломал печать. Я внимательно наблюдала за его лицом, пока он читал.

— Вот! Наконец-то удача! — просиял он. — Мейбл, где ты? А… да! Это письмо от Клаудсли. В Элленстоне только что закончился срок нескольких договоров об аренде, и он думает, что мы

получим несколько тысяч за возобновление. Для начала неплохо. Хотелось бы, конечно, чтоб было в пятнадцать раз больше, но это намного лучше, чем ничего. Мы это преодолеем, вот увидишь. — Он поцеловал маму в порыве чувств.

— Ты можешь дать триста фунтов Ле Панье и Тарлтону: они так часто присылали нам деньги в последнее время, — сказала мама, ненадолго оправившись от отчаяния.

Глава XXXV
На балу у леди Мардайкс

Наступила осень, завяли цветы, листья усеяли пожухшую траву и корни деревьев. Затем пришла зима, снег укутал землю, но вот уже и весна прорезалась первыми ростками. С весной в Лондоне начинался новый сезон.

Вскоре после нашего визита в Голден-Фрайерс леди Лорример уехала в Неаполь, где провела зиму и весну. Летом она была в Швейцарии, а осенью где-то на севере Италии, потом снова собиралась в Неаполь. Таким образом, больше года у нас не было ни шанса увидеться с ней в Англии. Ее письма к нам были в разных настроениях: иногда веселые, иногда de profundis[38]. Она могла написать, что скоро ее не станет, а в следующем письме поделиться планами на далекое будущее или сообщить, что задумывается о визите в Лондон. В этом я усматривала тревожные и даже отчаянные сомнения, которые свойственны пожилым леди. Она все чаще писа-

[38] Сноски: 38
Из глубины (*лат.*). Начало 129-го покаянного псалма: «Из глубины взываю».

ла о сильной, изматывающей боли. Упомянула, что в Париже была в руках хирургов, но так и не поняла, пошло ли это на пользу. Папа знал о здоровье маминой родственницы больше, чем рассказывали письма. Его приятель, которому случилось оказаться в Париже как раз в то время, когда она была там, рассказал, что доктор, у которого консультировалась леди Лорример, в самых удручающих терминах отзывался о шансах на ее восстановление. Возможно, это стало причиной ее психической неустойчивости.

Было также в ее письмах нечто очень странное. Она попросила маму писать ей раз в две недели и обещала вовремя отвечать, но слова своего не сдержала. Однажды за два месяца от нее не пришло ни строчки. При этом она журила маму за отсутствие пунктуальности и, казалось, забывала, о чем писала мама в своих письмах, а иногда ссылалась на вещи, про которые будто бы рассказывала маме, но мама ничего о них не слышала. Бедная леди Лорример теряла рассудок?

В одном из ее писем был странный абзац:

«Не отправляйте письма почтой — я часто переезжаю, но когда будет возможность, передавайте их с кем-либо. Хотела бы я быть счастливее. Я не всегда делаю то, что хочу. Если бы мы хоть

на время встретились… но все, что я делаю, так ненадежно!»

Думаю, если бы мы жили в таком тихом месте, как Мэлори, у нас было бы больше времени, чтобы размышлять обо всем этом, но в круговороте Лондона тревога о леди Лорример вытеснялась разными событиями.

Приближалось время выборов, и папа давал множество раутов. Мама разъезжала в новой карете с парой очень красивых лошадей, а в доме у нас появилось новое столовое серебро. Было очевидно, что папа хочет вести жизнь, более подходящую его возможному статусу. Он играл по-крупному и считал победу на выборах делом определенным и близким. Выборы должны были состояться осенью.

Сэр Люк Пайньюик, молодой человек с именем и огромным влиянием в Шиллингсворте, три года представлял этот город, но не в палате, а инвалидном кресле на различных курортах дома и за границей, так как был инвалидом. Я не злословлю. Этот молодой человек написал доверительное письмо, допустив лишь несколько ошибок в орфографии и грамматике, своему другу, секретарю казначейства, советуя ему подыскать кандидата, который бы представлял

Шиллингсворт, пока он сам не поправит здоровье, которое, увы, возвращалось не так быстро, как он ожидал. Таким образом, уверенность папы была вполне обоснованной.

Но нет ничего несомненного в этом мире. Вскоре секретарю пришло второе письмо от сэра Люка Пайньюика, сообщающее о том, что ему настолько лучше, что он решил попробовать баллотироваться еще раз, прежде чем окончательно уйти в отставку. Для папы это был оглушительный удар. Сэр Пайньюик при всех его болячках был *обаятельным* молодым человеком, и, что бы ни делала папина команда, ничто не могло настроить город против него. Секретарю казначейства нравился мой отец, и по многим причинам он хотел, чтобы тот вошел в палату, но и он оказался бессилен. Сэра Люка нельзя было уговорить и нельзя было запугать — он оказался очень упрямым.

Бедный папа поставил орган в церкви Шиллингсвора и направил шестьсот фунтов на строительство молельни — он сделал это еще до того, как узнал, что шансы его стремительно падают. Я никогда не видела своего отца столь униженным, как после этого разочарования. Он выглядел больным, но на людях был полон реши-

мости так или иначе побороть судьбу. Поэтому балы, ужины, концерты и садовые вечеринки занимали все наше время, как будто ничего не случилось и не предвиделось.

Сейчас самое время рассказать о двух встречах, так как они связаны с моей странной историей. Во вторник должен был состояться бал у леди Мардайкс, и в этот же день папа ужинал с политиками, среди которых было несколько очень известных имен, поэтому он не сопровождал нас с мамой. Балы леди Мардайкс всегда были самыми пышными в сезоне. Танцуя кадриль, позволяющую отдышаться между круговыми танцами, я увидела лицо, которое привлекло мое внимание и возбудило любопытство. Я имею в виду стройного пожилого джентльмена в вечернем костюме и одном из тех старомодных жилетов с высоким горлом, которые кажутся мне очень красивыми (его был из синего атласа). Внешность у него была своеобразная: кожа коричневая, как орех, ястребиные глаза и нос, тонкие губы, которые должны были говорить о горделивом дурном нраве, однако все это странным образом не портило его благородное лицо. Я мгновенно узнала в нем старика в шоколадного цвета пальто, который так сердито, как показалось нам с бедной Нелли,

говорил с Лаурой Грей на Мельничной дороге в тени нависающих деревьев.

— Кто тот человек, который стоит у двери в конце комнаты, с синим атласом вокруг шеи? Сейчас он беседует с леди Уэстбрук.

— А! Это лорд Риллингдон, — ответил мой партнер.

— Он нечасто выходит в свет? Кажется, я не видела его прежде, — сказала я.

— Думаю, его не волнуют подобные вещи.

— Он хороший оратор? Кажется, я слышала…

— Да, оратор он великолепный, но говорит только на тему Индии. Он хорошо о ней осведомлен — бывал там.

— Вам не кажется, что он выглядит очень сердитым? — спросила я.

— Говорят, он такой и есть, — сказал мой осведомитель, рассмеявшись.

Тут танец возобновился, и я больше ничего не спрашивала.

Старый лорд Риллингдон был напряжен. Казалось, он избегает разговоров и усердно высматривает кого-то. Когда я бросала на него взгляд, мои мысли возвращались к Лауре Грей, и боль вернулась — боль, смешанная с угрызениями совести. Мое удовольствие от бала, которое, воз-

можно, контрастировало с ее судьбой, показалось мне постыдным, и на какое-то время мне ужасно захотелось оказаться дома.

Немного позже мелькнуло еще одно лицо. Я не была уверена, но подумала, что это месье Дроквилль, которого я не видела в Лондоне больше года. В столь переполненных комнатах узнать кого-то проблематично, но когда он снова попался мне на глаза, все мои сомнения отпали. Он, как обычно, был общителен и полон энергии, однако вскоре я поняла, что по какой-то причине он не хочет видеть нас с мамой. Вполне возможно, это была моя выдумка, но он ни разу не взглянул в нашу сторону, хотя доктор Дроквилль — это человек, который видит все с закрытыми глазами, как сказала бы Ребекка Торкилл.

Как бы там ни было, в чайной комнате он оказался за столиком рядом с мамой. Я была достаточно близко, чтобы слышать их. Мама приветствовала его легким кивком головы, и он ответил с таким удивлением во взоре, словно до этого момента не знал, что она тоже здесь.

— Вам странно видеть меня здесь, миссис Уэр? — сказал он. — Я сам едва могу в это поверить. Меня не было тринадцать месяцев — путешествовал по Европе и через несколько дней

снова уезжаю. Кстати, вы ведь иногда получаете известия от леди Лорример? Я встретил ее в Неаполе в январе. Тогда она превосходно выглядела, но много жаловалась по своему обыкновению. С тех пор ей стало хуже… Уверен, что скоро снова увижу ее. Я загляну к вам завтра или послезавтра. Какие новости? Ваши друзья, Уиклиффы, были в Бадене этим летом, как и Д'Акре. Лорд Чарльз женится на той французской леди; оказалось, она наследница, все почти устроено, и они кажутся довольными. Вы видели моего друга Кармела?

— Около трех недель назад — он направлялся в Северный Уэльс, — ответила мама.

— Еще один из тех интересных людей, которые все умирают и никак не ум рут, — засмеялся месье Дроквилль, и я почувствовала отвращение к этому бесчувственному человеку.

Он сказал что-то еще, а потом повернулся ко мне:

— В том, чтобы быть стариком, мисс Уэр, есть одно преимущество — он может сказать столь очаровательной леди, как вы, все что думает. Я на это не осмелюсь, но кое о чем попрошу. Когда вы станете важной дамой, не забывайте потрепанного доктора, который будет рад скромному посту при дворе. Знаете ли, он устал бродить по

миру в поисках счастья и скромных гонораров.

Не знаю, о чем он думал в тот момент. Если он был иезуитом, то определенно очень мало пользовался теми искусствами, которые слухи приписывают этому ордену. Я считала его грубым, почти агрессивным, но что-то в нем обеспечивало ему приглашения туда, где он хотел быть.

Выпив чаю, месье Дроквилль ушел, и до конца вечера я видела, как он разговаривает то с одной знатной дамой, то с другой. Лорд Риллингдон, похожий на злую ведьму, которую мадам д'Онуа[39] иногда посылает на пиры счастливых королей и королев, чтобы усложнить им жизнь, исчез.

Однако тем же вечером неожиданно появилось другое лицо — еще одно поразительное напоминание о Мэлори и Лауре Грей.

---

[39] Сноски: 39

Мари-Катрин д'Онуа (1652–1705) — французская писательница, одна из первых авторов классической французской сказки.

Глава XXXVI
Новости о леди Лорример

Лорду Верни, единственному на всем свете, взбрело в голову сопроводить меня в чайную комнату. Думаю, он полагал, как и все мудрые люди, что папа, который определенно был умным и очень проницательным клубным политиком, однажды может занять место в палате.

Как обычно, лорд Верни рассказывал бесконечную историю о себе — без всякого смысла, начала и конца. Видимо, забыв о том, что я девица, он перескочил на министра и лидера оппозиции, поправки и некий зловещий акт, так что я мгновенно запуталась. Когда мы поднимались по лестнице, он кивнул, не прерывая своего увлекательнейшего рассказа, джентльмену, который спускался вниз. Краем глаза я увидела высокого, очень симпатичного молодого человека. И была так поражена, что чуть было не прервала лорда Верни, чтобы спросить, кто это, но мгновенно взяла себя в руки. Однако, когда он сделал паузу, я все-таки задала вопрос.

— Мистер Дженнингс, — коротко ответил он.

Я думала, что ослышалась, но потом вспомнила, что вроде бы он говорил, что недавно его портрет писал талантливый художник с таким именем.

Это был вечер странных встреч, по-другому не скажешь.

Я была ангаж ирована на танец лордом Джоном Роксфодом, который, к моему большому облегчению, увел меня от лорда Верни. Танцуя, мы разговаривали, но я запомнила только то, что на следующий день он должен вернуться в Париж.

Когда музыка умолкла, прежде чем отвести меня к маме, лорд Роксфод сказал:

— Один мой очень близкий друг просил меня, в качестве огромного одолжения, представить его вам, вы позволите?

Он назвал его имя, но вокруг было так шумно, что я опять не расслышала, а когда переспросила, — как говорит Ребекка Торкилл, «сердце подпрыгнуло к горлу». Конечно же, я согласилась, и спустя пару минут нас представили друг другу. Я могла думать только об одном: неужели этот улыбающийся светский молодой человек и есть тот несчастный, которого я видела распростертым на кочковатом дерне Пла Ильд, с бледным лицом, свинцовыми губами и в окровавленной рубашке?

Положив руку в белой перчатке на столик, он спросил, может ли пригласить меня на танец. Я была ангажирована на котильон, но следующий танец отдала ему.

И вот мы вошли в круг. Танец был медленный, и я была рада, что мы можем разговаривать. Я хотела послушать его. Мне казалось странным находиться рядом с мистером Дженнингсом среди восковых свечей и музыки! Мы делали вид, что знакомство состоялось только сейчас, обсуждали нового ведущего тенора, спектакли, ацтеков и бог знает что еще, но я была уверена, что он тоже узнал меня.

Манеры этого красивого молодого человека отличались от тех, к которым я привыкла в бальных залах. В нем не было игры и признаков восхищения, как правило, неискреннего. Тон был просто дружелюбным, и мне казалось, что он интересуется мною, как мог бы интересоваться дальний родственник. Мы говорили на общие темы, пока он не спросил о моих поездках по Острову. Это была моя возможность, и я ухватилась за нее.

— Мне нравятся тихие места, — сказала я. — Мне там хорошо: почти всю жизнь я провела в таком месте и очень люблю его — Мэлори. Все там мне кажется прекрасным! Это недалеко от

Кардайлиона, вы когда-нибудь бывали в Кардайлионе?

— Да, бывал, но лишь раз и почти не видел его. Но вы ведь путешествовали и в другие места — вы видели озера?

— О да! Но я все же хотела спросить, как вам понравился Кардайлион. Как давно вы там были?

— Около двух лет назад, возможно, немного раньше, — ответил он.

— О, примерно в то время там потерпел кораблекрушение «Замок Конуэй» — это было так ужасно! У меня тогда была гувернантка, которая стала мне близкой подругой, — ее звали Лаура Грей. Она внезапно ушла от нас, когда меня не было в Мэлори, и с тех пор я ее не видела. Я так мечтаю встретить того, кто мог бы рассказать о ней хоть что-то. Вам не случилось знать кого-то, кто знает молодую леди с таким именем? Я взяла за правило спрашивать всех, кого могу, и уверена, что однажды что-то услышу о ней.

— Какое упорство, — сказал он. — Буду рад вам помочь, и если мне случится встретить леди с этим именем, могу ли я сказать ей, что мисс Уэр здорова и счастлива?

— Нет, не счастлива… по крайней мере, не вполне счастлива, пока она не напишет мне и

не скажет, где она. А лучше, чтобы она приехала навестить меня. И передайте, что я не могу поверить, что она была так жестока.

Разговоры в бальных залах обрываются так же внезапно, как в осажденном городе, когда голову визави сносит ядро. Танец закончился, тут же начался следующий, и меня, как вы можете представить, очень расстроенную, увел молодой человек, которому был обещан галоп. Никогда еще быстрый танец не был таким медленным! Наконец он закончился, но сколько я ни блуждала взглядом, не могла отыскать своего предыдущего партнера. Он исчез: я не видела его ни в бальной зале, ни в других комнатах.

Когда я спускалась по лестнице, прямо передо мной шел месье Дроквилль, направляясь в холл.

Теперь я расскажу о том, чего не могла знать в тот вечер.

Месье Дроквилль надел широкий черный плащ, обмотал шарф вокруг горла, вышел на улицу, прыгнул в экипаж и сказал кучеру, где остановиться. Путь был недолгим — он даже не успел докурить свою сигару. Экипаж остановился на углу модной, но довольно сомнительной улочки неподалеку. Месье Дроквилль пошел по тротуару и вскоре свернул на еще более тихую

улочку, отходящую от первой под тупым углом. Глухое эхо его шагов было единственным звуком здесь. Он перешел дорогу, закинул голову и стал внимательно вглядываться в верхние окна, выдувая тонкую струйку дыма новой сигары.

— Еще не улетела, animula, vagula blandula[40]? Все еще на насесте, — сказал он, снова переходя дорогу.

Его сигара потухла, и он выбросил ее, подойдя к лестнице. Ему не нужно было стучать или звонить — он вошел, воспользовавшись ключом. Свеча в подсвечнике, стоявшая в холле, еще горела. Он взял подсвечник и тихо поднялся наверх. Доски полов были голыми, запах пыли указывал на заброшенное состояние дома, покинутого жильцами ради долгого путешествия или по каким-то другим причинам. Он приоткрыл дверь гостиной и сунул в щель голову. Комнату слабо освещали свечи. В кресле сидела худая пожилая женщина в странном одеянии. На ней было черное платье, а голову покрывала белая стеганая накидка. На подлокотнике кресла лежали четки и крест, на столе — небольшое распятие, на гвозде, с которого временно сняли Ватто, висела

[40] Сноски: 40

Душа, скиталица нежная (*лат.*). Первая строка автоэпитафии римского императора Адриана (76–138).

небольшая икона Мадонны.

Когда месье Дроквилль заглянул, женщина читала, надев очки, маленькую книжицу. Вздрогнув, она встала.

— Ваша пациентка уже помазана? — спросил месье Дроквилль гнусаво.

— Еще нет, святой отец, — ответила она.

Оба говорили по-французски.

— Она in articulo[41]?

— Около одиннадцати, святой отец, мне казалось, что ее душа сейчас отлетит.

— При такой болезни немудрено. Сестра Сесилия наверху?

— Да, святой отец.

— Отец Эдвин здесь?

— Да, святой отец.

Он закрыл дверь, поднялся наверх и тихо постучал в дверь спальни. Ему открыла монахиня в таком же одеянии, как у женщины внизу. Она была относительно молода, не носила очков и имела довольно добрую наружность. Месье Дроквилль прошептал ей несколько слов, выслушал ответ и неслышно ступил в комнату с толстым ковром на полу и роскошной мебелью. На огром-

---

[41] Сноски: 41
При смерти (*лат.*).

ной кровати с четырьмя столбиками и богатым шелковым пологом сидела, обложенная подушками и укутанная шалями, худенькая сморщенная старушка с коричневым, как глина, лицом. Она с трудом дышала или, скорее, хватала ртом воздух. В объятиях двух убийц — болезни сердца и рака — началась непреодолимая химия смерти. Кто бы мог узнать в ней бедную леди Лорример? Но порой болезнь быстро осуществляет подобные превращения.

Пока добрая монахиня искренне молилась за умирающую старую леди перед образом Девы, месье Дроквилль что-то прошептал, а затем поднес ухо к губам леди Лорример. Прощупав ее пульс, он сказал:

— У мадам еще есть время, чтобы подумать и помолиться.

Леди Лорример что-то прошептала, и он снова поднес ухо к ее губам.

— Не сомневайтесь, мадам. Любое утешение.

Она еще что-то прошептала: на этот раз проникновеннее. Ее голова тряслась, а глаза были умоляюще обращены на его темное энергичное лицо.

— Вы не можете сделать этого, мадам, она не ваша, вы отдали ее Богу.

Леди Лорример не отрывала от него просительного взгляда.

— Нет, мадам, — сказал он резко, — уже слишком поздно возвращать часть. Это, мадам, искушение, то есть земная слабость.

Ее единственным ответом было истерическое рыдание.

— Успокойтесь, — продолжил он, — это похвально. Освободите свой разум от напрасных мыслей, и память о вашей жертве будет тем слаще, а обещания тем славнее, чем ближе вы окажетесь к своему самому темному часу на земле.

Она хотела сказать что-то еще, ее пальцы придвинулись по одеялу к его руке.

— Нет, мадам, борьбы не будет — вы потеряете сознание и очнетесь среди благословенных. Мне жаль, но я не могу остаться, но отец Эдвин здесь, да и доктор Гарнет.

И снова она подняла глаза на него, будто хотела возразить или попросить о чем-то.

— Нет-нет, не утруждайте себя, берегите силы, они вам понадобятся, мадам.

Однако было очевидно, что леди Лорример не оставит своих намерений, и, немного сердито, месье Дроквилль снова наклонил к ней свое ухо.

— Прошу прощения, мадам, я никогда не говорил, что после того, как вы это подпишете, вы сможете свободно распоряжаться любой частью. Если вы достаточно мужественны, чтобы забрать подписанное, это другое дело. Но я не хочу отправлять вас к Вечному Судье со святотатством в правой руке.

Он говорил спокойно, но сурово, подняв палец вверх и неотрывно глядя на нее, однако его темное лицо побледнело.

Леди Лорример ответила тем же беспомощным плачем.

Дроквилль поманил монахиню.

— Дайте мне книгу. — Он пролистал страницы. — Читайте ей первые четыре возношения: агония близко. — Затем он сделал монахине знак выйти за ним и прошептал ей на ухо в коридоре: — Заприте дверь и впускайте только тех, кого знаете.

Он спустился и без стука вошел в нижнюю спальню. Там сидел мистер Кармел и читал при свече. Увидев Дроквилля, молодой человек мгновенно закрыл книгу и встал.

— Наша добрая подруга наверху не протянет больше трех-четырех часов, возможно, пяти, — сказал Дроквилль. — Через несколько минут

придет Гарнет, держи двери закрытыми! Люди могут войти и побеспокоить старую леди. Сейчас не думай об этом. Я запер входную дверь, когда вошел. — Дальше прозвучал вопрос: — Почему ты так мало общаешься с мисс Уэр? Ее мать не препятствие, а безбожника-отца никогда не бывает дома. Кроме того, ты нравишься девушкам.

Мистер Кармел удивленно посмотрел на него.

— Да, ты слеп, но у меня есть глаза. Почему бы тебе не почитать Монтеня[42]? Он говорил: Les agaceries des femmes sont des declarations d'amour[43]. Ты заинтересовал ее, но ничего от этого не приобрел. Вот она — романтичная, страстная, идеалистичная... и, сама не зная того, делает из тебя героя. Ты не тот, кем я тебя считал.

Мистер Кармел покраснел до самых висков и казался уязвленным. Его глаза были опущены.

— Почему тебе обязательно выглядеть дураком? Пойми меня, — продолжил месье Дроквилль своим мрачным и резким гнусавым голосом, — слабость человеческой натуры — это

---

[42] Сноски: 42

Мишель де Монтень (1533–1592) — великий французский мыслитель эпохи Возрождения, автор трехтомной работы «Опыты».

[43] Сноски: 43

Раздражение женщин — это признание в любви (*фр.*).

возможности Небес. Праведный человек знает, как использовать слабости с чистотой. Она не осознает положения, которое дает тебе, но ты должен понимать его возможности. Ты можешь осветить, возвысить, спасти ее.

Мистер Кармел по-прежнему стоял, опустив глаза.

— Помни, тебе нечего бояться,– менторски вещал Дроквилль.– Ты должен использовать все влияние, чтобы спасти душу и служить Церкви. Хороший солдат сражается любым оружием, имеющимся в его распоряжении — мечом, пистолетом, штыком, кулаком,– во имя своего короля. А что мне сказать о тебе? Ты — верный солдат, которому недостает решимости, присутствия духа. Ты теоретик, ученый, философ, но не человек действия. У тебя нет coup d'oeil[44], проворства, понимания великого закона там, где ему противостоит небольшое возражение. Тебе кажется невозможным выбрать между малым и бесконечным, между тем, чтобы смотреть, как грабят твоего короля, и тем, чтобы сломать пальцы вору. Неужели ты не видишь, что сила, которая повелевает, — это та же сила, что освобождает? Я

[44] Сноски: 44
Быстрого взгляда (*фр.*).

думал, ты обладаешь здравым смыслом, я думал, ты обладаешь внушением. Неужели я ошибался? Если так, мы должны найти для тебя другую работу. Тебе есть что сказать?

Он замолчал на секунду, мистер Кармел поднял голову, чтобы заговорить, но, взмахнув рукой и нахмурившись, Дроквилль заставил его молчать.

— Да, я сказал тебе не спешить. Но ты не должен гасить огонь, если я сказал не разжигать камин. Взять миссис Уэр: ее самое полезное положение там, где она есть — in equilibrio[45]. Она никому не послужит, объявив себя католичкой, eclat[46] в этом деле испортит другую миссию, которую нужно провести с рассудительностью и терпением. Старик, о котором я тебе говорил, пуританин, и не должен ничего видеть или заподозрить. Пока он там живет, не может быть никакого публичного объявления. Но все должно продолжаться… А, вот экипаж — уже третий, который я слышу, — бал у леди Мардайкс закончился. Уэры поедут другой дорогой. Увидимся завтра. Сегодня ты закончишь свои обязанности здесь. Старуха наверху едва ли

---

[45] Сноски: 45
В состоянии равновесия *(ит.)*

[46] Сноски: 46
Успех *(фр.)*.

протянет до рассвета.

Он кивнул и вышел из комнаты так же внезапно, как пришел.

Глава XXXVII
Последний взгляд

Около одиннадцати утра на следующий день мама подошла к моей постели в накинутом халате, держа в руке записку. Я проснулась оттого, что она звала меня по имени. То, что она встала в столь ранний час после бала, говорило об одном: случилось что-то необычное. — О, дорогая Этель, это записка от доктора Дроквилля. Я так потрясена — наша тетушка Лорример умерла… — Мама разразилась слезами и, рыдая, протянула мне записку.

В ней говорилось:

«Дорогая миссис Уэр!

Вчера вечером я не мог рассказать вам печальные новости о леди Лорример. Она приехала, кажется, в прошлый вторник, чтобы умереть в Англии. После леди Мардайкс я отправился к ней домой. Она чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы принять меня. Я нашел ее в чрезвычайно встревоженном состоянии, осознающей грозящую ей опасность. Она быстро теряла силы. Поэтому я нисколько не был удивлен, когда, зайдя

к ней полчаса назад, узнал, что ее больше нет. Немедленно передаю вам это печальное известие. В утешение могу сказать, что сестры, которые были рядом с леди Лорример в последние секунды, говорят, что она умерла без боли или тягот.

Я зайду завтра около двенадцати, чтобы узнать, могу ли я что-то сделать для вас.

Остаюсь искренне вашим

Ф. Дроквиллем».

Мне было очень жаль. Я даже проронила несколько слезинок, о чем чаще пишут, чем делают это. Но мама долго плакала. У нее не осталось ближайших родственников. У них с леди Лорример были общие воспоминания и симпатии, и пропасть между ними была не так уж широка. Людям молодым, какой я была тогда, старики часто кажутся призраками, присутствие которых более или менее пугает, им нет места рядом с юной порослью. Воспоминания стариков полнятся иллюзорным миром, который исчез еще до нашего рождения. Сморщенные лица и стеклянные глаза выглядывают из-за двери усыпальницы, которая вот-вот тихо закроется, чтобы запереть их внутри навсегда. Сейчас мне чуть больше сорока, но я уже чувствую, как ко мне подкрадывается одиночество, неизбежное

в пожилом возрасте. Я сдаюсь, я уступаю закону природы, хотя он кажется мне несправедливым и циничным. Я больше не нахожусь среди молодых, и пропасть между нами растет. Мир создан для молодых — он принадлежит им, — а нас время делает уродливыми, презираемыми и одинокими. На самом деле это подготовка к не вызывающему сожаления уходу, ибо природа предопределила, что смерть должна как можно меньше мешать удовольствиям энергичного и отважного поколения, для которого тоже придет свой час.

Да, мама горевала сильнее, чем я ожидала. Садясь за эти заметки, я поклялась говорить правду и только правду, и я не буду скрывать, что она была эгоистичной и требовательной. Ее замужняя жизнь развивалась так, что закрепила эти привычки, но вместе с тем мама была нежной, и ее горе — искреннее горе — не стихло, как я сначала думала, после первой вспышки.

Получив записку, она захотела посетить дом леди Лорример, чтобы проститься с ней. Я никогда не могла понять утешения, которое многие люди получают от лицезрения покойных. Для меня это просто ужасно! Однако мама высказалась, что я должна сопровождать ее.

В тот же день она поехать не смогла.

Назавтра к нам зашел месье Дроквилль, и мама приняла его. Когда они немного поговорили, мама заявила о своем намерении увидеть бедную леди Лорример на смертном одре.

— Позвольте посоветовать вам не делать этого, — сказал месье Дроквилль. — Я говорю как врач. Вы причините себе много боли, и только.

— Но если я не увижу ее еще раз, я буду чувствовать себя несчастной, — умоляла мама.

— Вы не готовы к таким сценам, — возразил он. — Вы не придете в себя целый месяц.

Я присоединила свои мольбы и надеялась, что мы наконец сломим ее волю.

Дроквилль вкратце описал нам болезнь и последние минуты леди Лорример, после чего заговорил о других вещах. В конце он сказал:

— Миссис Уэр, помнится, вы как-то говорили, что хотели бы через меня вернуть браслет, который вам не подошел, когда я снова буду в Париже. Я буду там через несколько дней — могу ли я забрать браслет сейчас?

Горничной рядом не было, поэтому мама вышла, чтобы принести вещицу, и пока она отсутствовала, доктор Дроквилль сказал мне с суровым видом:

— Не позволяйте ей идти: у вашей матушки та же болезнь сердца. Но мы не можем сказать ей об этом, потому что спокойствие — самое главное для нее сейчас. Разволновавшись, она коснется пружины беды и приведет ее в действие.

— Ох, я надеюсь, она откажется от намерения пойти, — ответила я. — Но ради всего святого, доктор Дроквилль, скажите: мама в опасности?

— Нет, если не будет волноваться. Она может прожить еще много лет, но, конечно, каждая женщина с подобным недугом может легко и быстро убить себя, так что не позволяйте ей поступить опрометчиво.

Мама вернулась с браслетом, и вскоре доктор Дроквилль ушел, оставив меня крайне встревоженной. Она не отказалась от своей мысли, хотя теперь говорила о завтрашнем дне. Когда она впадала в отчаяние, когда эмоции довлели над леностью, с мамой было нелегко совладать.

Мрачное лицо доктора Дроквилля, когда он изрекал свой запрет, возбудило у меня смутные подозрения. Оно было мрачным и даже злым — ни капли доброжелательности. Я инстинктивно поняла, что у него мог быть иной мотив, вовсе не связанный с заботой о самочувствии, чтобы отвести мою маму от дома покойницы.

В то время я считала, что доктор Дроквилль опытный врач, но так как его визиты на Остров были редки, он, конечно, мог быть всего лишь советчиком. Он, безусловно, имел влияние на маму, и, я думаю, если б он постоянно жил в Лондоне, она не обращалась бы ни к кому другому. Однако при сложившихся обстоятельствах ее домашним врачом был сэр Джейкоб Лейк. При первой же возможности я написала ему, рассказав о случившемся и вложив плату. В записке я умоляла его зайти завтра около двух под любым предлогом, который он сможет придумать, чтобы решить этот вопрос.

Наступил следующий день, и в два часа, как раз когда мы собирались обедать, приехал сэр Джейкоб. Я тут же побежала в гостиную за мамой, потому что у таких занятых людей, как доктор, всегда мало времени. Когда я вернулась, он немного успокоил меня по поводу мамы, но не вполне, но прежде чем он успел закончить, в комнату вошла матушка. Доктор выразил соболезнования по поводу смерти бедной леди Лорример и сказал, что принес с собой несколько писем от нее, рассказывающих о симптомах; по его мнению, эти письма могли оказаться ценными, если возникнут дискуссии относительно

природы ее заболевания.

Спустя некоторое время я смогла задать вопрос, по поводу которого доктор Дроквилль был столь категоричен. Сэр Джейкоб ответил, что ничто не мешает маме пойти и что скорее она больше разволнуется из-за запрета сделать то, что велит ей сердце.

Теперь, когда мама свободно могла пойти в дом покойной, мне показалось, что она немного испугалась. Мама выглядела больной: она почти ничего не ела последние два дня, никого не видела, кроме доктора Дроквилля и доктора Джейкоба, и ее бедная голова была полна печальных мыслей. Еще раз повторю, ее горе было неподдельным. Глазами леди Лорример она привыкла смотреть на свои собственные ранние годы. Они видели одни и те же пейзажи и одних и тех же людей, и сейчас не осталось никого, с кем можно было бы поговорить о тех временах. Мама сомневалась до самого вечера, но наконец решилась.

Мы проехали полдюжины улиц. Я не знала, на какой из них расположен дом моей тетушки. Вдруг мы остановились, и к двери кареты подошел человек, сообщивший, что оба конца улицы перегорожены цепью. Нам пришлось выйти и

пройти мимо работающих мостильщиков. Солнце садилось, закатные лучи тускло освещали каминные трубы красного кирпича над крышами, но вокруг уже было темно. Тем не менее я мгновенно поняла, что это та самая улица, на которой леди Лорример прошла мимо меня.

— Это тот дом, перед которым растет дуб? — спросила я.

— Да, — ответила мама, и я вспомнила, как леди Лорример вошла в этот дом. Вспомнила женщину в странном наряде, которая мне так не понравилась, вспомнила меланхоличное и воздержанное лицо мистера Кармела. Чувство интригующей таинственности, с которым я наблюдала за ними более двух лет назад, снова вернулось. Это добавило неприятный элемент сумеркам, сгустившимся еще больше, когда мы подошли к двери.

Скоро все прояснится.

Дверь нам мгновенно открыл мужчина в черном. Еще один мужчина в черном — очень худой, с прямой осанкой и длинной шеей, землистым лицом и черными, крайне строгими глазами, — бросив на нас взгляд, молча прошел мимо. Однако через несколько шагов он развернулся и тихо и мрачно поинтересовался целью нашего визита. Я

рассказала ему, кто мы такие и чего хотим. Услышав наши имена, мужчина довольно вежливо попросил нас подождать, пока он не пришлет человека, который отведет нас в комнату покойной. Добавлю, что одет он был так, как одеваются служители нашей Высокой церкви, но мне показалось, что его черная колоратка — пасторская рубашка — длиннее, чем следует. Как только он ушел, дверной колокольчик звякнул и вошла бедная женщина, держа за руку маленькую девочку. Что-то прошептав мужчине, открывшему нам дверь, она прошла мимо нас, молча поднялась по лестнице и исчезла. Почти сразу в холл спустился еще один священник в колоратке, довольно тучный, с сальным лицом и в очках. Подозрительно посмотрев в нашу сторону, он вышел на улицу, и тут же в холл вошла компания из трех человек; миновав нас, они, как и та женщина, поднялись наверх.

Тут вернулся худой мужчина и проводил нас по лестнице до первой площадки, где нас встретила леди в странном коричневом одеянии, с четками и в капюшоне, я мгновенно узнала в ней монахиню. Мы молча последовали за ней наверх. Во всем происходящем чувствовалась тайна и публичность: казалось, дом открыт для всех посе-

тителей, никому, кто шептался с привратником в холле, не было отказано в доступе к верхнему этажу дома. Все разговоры происходили шепотом, слышался только бесконечный топоток ног, медленно поднимающихся и спускающихся по лестнице.

Наверху было еще тише. Монахиня открыла гостиную и легким кивком головы пригласила нас войти. Казалось, сердце подвело маму — так она побледнела. Я почти надеялась, что она передумает и повернет назад, ибо она колебалась: несколько раз тяжело вздохнула, прижав руку к сердцу. Но нет.

Свет, проникающий через полуоткрытую дверь, был не дневным, но свечным. Мама взяла меня за руку и молча шагнула в комнату.

Теперь я расскажу вам, что увидела. Комната была завешана черным, что, возможно, преувеличивало ее размеры — она казалась очень большой. Черная ткань закрывала окна и тянулась вдоль стен. Горели восковые свечи — очень много, и черная материя, не отражающая света, придавала всем предметам в комнате странную резкость. В дальнем конце комнаты было возвышение шириной с узкую кровать, задрапированное черной бархатной тканью, спуска-

ющейся до пола. На этом возвышении лежало тело леди Лорример, одетое в рясу с капюшоном, как я думаю, ордена кармелиток. Ее руки были сложены на груди, четки переплетены между пальцев. Капюшон закрывал голову и щеки. Все было украшено цветами. Я не хотела смотреть на умершую: эти воспоминания преследовали бы меня в дальнейшем, но меня охватило непреодолимое любопытство. Всего лишь мимолетный взгляд — и с тех пор эта картинка осталась в моей памяти, будто я лицезрела ее часами.

У подножия возвышения располагался алтарь с большим распятием; рядом на полу были расставлены огромные подсвечники. Мы были не одни: незнакомцы, проходившие мимо нас, и другие, пришедшие раньше, стояли на коленях перед распятием и молились, несомненно, за отлетевший дух. Множество распятий поменьше было развешано на стенах, и перед ними неизвестные нам люди тоже читали молитвы. По обе стороны от тела, словно статуи, стояли две монахини, перебирающие четки.

Мне казалось, что света от восковых свечей слишком много. Контраст с серым вечерним светом улицы, теменью в доме и яркостью свечного пламени имел странное влияние на мое

воображение. Реальность молитв и еще более ужасающая реальность смерти возобладали над театральностью обстановки.

Я осознала глупость неудержимого желания мамы прийти сюда. Мне казалось, она упадет в обморок. Возможно, так бы и произошло, но слезы принесли ей облегчение. Это были слезы, в которых горе принимало второстепенное участие, на самом деле это был шквал истерики, которая назревала с тех пор, как мама вошла в комнату. Не знаю, сожалела ли она, что пришла. Уверена, для нее было бы лучше, если бы она этого не делала.

Глава XXXVIII
Буря

Несколько дней спустя мы с мамой беседовали в гостиной, когда дверь открылась и в комнату вошел папа с зонтиком в руке, белый как смерть. Некоторое время он стоял молча. Мы обе смотрели на него и тоже молчали.

— Дроквилль — негодяй! — вдруг сказал он. — Они забрали деньги несчастной старухи, все до последней гинеи. Я говорил тебе, что так будет, так оно и случилось!

— Что случилось? — спросила мама, все еще глядя на него с ужасом.

Я тоже застыла от страха. Никогда раньше я не видела такое отчаяние на грани безумия, как в этот момент на лице папы.

— Что? Мы разорены! Если в банке есть пятьдесят фунтов, то это все, что у нас осталось, и только они отделяют нас от бедности.

— Боже мой! — воскликнула мама, побледнев как никогда и почти шепотом.

— Твой Боже? О чем ты? Это все ты — ты заполнила дом святошами и иезуитами. Я знал, что

так будет, ты — дура! — В голосе папы звучала ярость.

— Ты не можешь меня винить — это не я. Фрэнсис, ради бога, не говори так — ты сведешь меня с ума! Я не знаю, что они сделали, я ничего не понимаю! — закричала мама и разразилась беспомощным потоком слез.

— Прекрати рыдать, скоро ты будешь делать это на улицах. Это ты поняла? Ей-богу, скоро поймешь. И ты этого заслуживаешь!

С наводящим ужас взглядом бедный папа вышел из комнаты, и мы услышали, как он с треском захлопнул за собой входную дверь.

Я имела лишь смутные предположения относительно природы нашего несчастья, но волнение папы было столь велико, что не было сомнений: нас постигла настоящая беда. Мама продолжала плакать. Она была напугана и оскорблена жестокостью, столь шокирующей для того, кто обычно был весел, нежен и спокоен. Объявив себя самой несчастной из женщин, она поднялась в свою комнату, чтобы плакать там. Горничная дала ей нюхательной соли, и я, не видя пользы в своем присутствии, поспешила вниз в гостиную.

Только я вошла в комнату, как через окно увидела мистера Форрестера, старшего адвоката

отца, с бумагами в руке выходящего из экипажа. Я знала, что папы нет, но так боялась, что адвокат уйдет, не пролив свет на предмет наших тревог, что поспешила вниз, чтобы сказать слуге проводить его в столовую и ни под каким предлогом не позволять уйти.

Мистер Форрестер удивился, обнаружив в столовой только меня.

— Мистер Форрестер, — сказала я, быстро подходя к нему и заглядывая ему в глаза, — что там насчет леди Лорример, и… мы правда разорены?

— Разорены? — повторил он. — О, дорогая, вовсе нет. — Он бросил осторожный взгляд на дверь и немного понизил голос: — Это просто… не знаю, как назвать. Все было сделано так искусно… Только сейчас я был в Королевском суде — обсуждал завещание с одним из лучших адвокатов коллегии, которому я отправлю краткое резюме, хотя знаю, что, скорее всего, из этого ничего не выйдет. Понимаете, все было сделано идеально: они обошли все статуты. Ее поместья перевели в деньги, то есть продали право на возврат, еще два года назад. Общая сумма достигает почти четверти миллиона, и завещание не учреждает доверительный фонд, но просто перечисляет наследство. У меня нет ни малейшей надежды

сослаться на неправомерное влияние. В глазах закона леди Лорример была самостоятельным человеком, а если нет, то мы никогда об этом не узнаем.

— Но какой вред это наносит нам? — спросила я, поняв из его речи лишь два или три предложения.

— Ну, никакого вреда, кроме разочарования. При естественном ходе вещей все это или большая часть, вполне вероятно, могло перейти к вам. Но сейчас уйдет куда-то еще, и, боюсь, нет ни единого шанса это изменить.

— Так мы разорены? — повторила я.

Он посмотрел на меня, словно не вполне понял смысл моих слов, и с улыбкой ответил:

— Ваше положение ничуть не хуже, чем было год назад. Может, она не оставила вам денег, но ничего и не забрала. У вас есть собственность в Кардайлионе, кажется, под названием Мэлори, и в Голден-Фрайерс, и в других местах. Ваши сельские солиситоры знают об этом.

В некоторой мере успокоив меня, он ушел, сказав, что поищет папу в клубах.

Я вернулась к маме более радостная, чем оставила ее. Она тоже приободрилась от моих слов и, успокоившись по поводу непосредственного

предмета ее тревоги, начала думать, что папино волнение было вызвано новым разочарованием в предвыборных проектах, отчего обида на его дурной нрав усилилась.

В тот вечер отец устраивал поздний ужин, связанный с его кампанией. Строго говоря, ужин этот был только для джентльменов, и он решил не отменять его из-за смерти бедной тетушки Лорример. Возможно, он об этом пожалел, но теперь было слишком поздно об этом думать. Я помню каждую деталь, связанную с тем вечером и ночью, с идеальной точностью.

Папа вернулся в сумерках. Он поспешил наверх и, прежде чем переодеться, вошел к маме в спальню, где я сидела у ее кровати. Он казался уставшим и больным, но был относительно спокоен.

— Ничего, Мей, — сказал он, — все будет хорошо. Жаль, что прием нельзя перенести. Говорят, меня еще могут выдвинуть от Дулинга. Как бы то ни было, еще рано отчаиваться. Я потом поднимусь к тебе. У нас маленькая партия — всего девять человек, и почти все могут быть мне в чем-то полезны. Если я пройду, все наладится. Два или три раза я падал очень низко, но мы снова поднимались. Не понимаю, почему сейчас

не получится.

Папа посмотрел на часы: было позже, чем он думал, и он ушел. Мы слышали, как он звонит слуге, и вскоре начали прибывать приглашенные. Маме было не очень хорошо, и в таких случаях (или же когда она воображала себя больной) папа спал в другой спальне, отделенной от ее гардеробной. У нас был большой дом: он принадлежал моему деду, лорду Челлвуду. Когда тот построил новый дом на Бланк-стрит, этот оставил младшему сыну.

Мы с мамой ужинали и пили чай в ее комнате. Она поборола первую тревогу. Визит папы успокоил ее, и она почти приняла как данность, что после изнуряющих задержек и, возможно, сильных тревог опасность, какой бы она ни была, ослабнет, как уже бывало раньше, и все снова пойдет своим чередом.

Ужин был оживленным, когда он закончился, мы слышали приглушенные разговоры и смех из гостиной, где пили чай и кофе и говорили, казалось, все разом. Однако в конце концов гости ушли, и папа, выполнив обещание, поднялся наверх.

Стукнув в дверь, он вошел в комнату. Он выпил больше, чем обычно? Не знаю. Папа был в

хорошем настроении. Он был возбужден, разрумянился, беспрестанно говорил и громко хохотал, как мне казалось, над посредственными шутками.

Я пыталась вставить несколько вопросов о выборах, но он не обратил внимания или не услышал и просто продолжал болтать и смеяться.

— Я иду спать, — вдруг сказал он. — Завтра мне предстоит много дел, и я устал. Я буду рад, когда это все закончится.

Мама крикнула ему вдогонку:

— Но ты не пожелал нам доброй ночи!

Однако свеча исчезла во второй спальне, и мы услышали, как он закрыл дверь.

— Его голова забита выборами, — сказала мама. — Кажется, он в порядке. Думаю, в конце концов все и правда будет хорошо.

Мы с мамой еще поговорили, но ей пора было отдыхать. Я поцеловала ее и ушла к себе. Горничная, расчесывая мне волосы, рассказала все слухи относительно перспектив предвыборной кампании папы. Все обещало успех, и хотя представления наших слуг были абсурдными, в них было что-то ободряющее.

Горничная ушла от меня после двенадцати.

Вскоре после этого я услышала шаги у своей

двери, и папа спросил:

— Дорогая, я могу войти и обменяться с тобой парой слов?

— Да, конечно, папочка, — ответила я с любопытством.

— Не буду садиться, — сказал он, рассеянно осматривая комнату. Папа поставил свечу на стол. В руке у него была маленькая шкатулка, в которой, по словам мамы, он хранил небольшие лепешки опиума, употребление которого приносило маме много тайного беспокойства. — Я все выяснил. Это дело рук негодяя Дроквилля. Он унизил нас, разбил мне сердце, мое бедное дитя! — Папа тяжело вздохнул. — Если бы эта женщина никогда не жила, если бы мы никогда о ней не слышали, я бы не был так расточителен. Но все кончено. Ты должна читать свою Библию, Этель, это хорошая книга, в ней что-то есть… что-то есть. Та гувернантка, мисс Грей, была хорошей женщиной. Подумать только, ты молода, ты еще не испорчена. Ты должна читать понемногу каждый вечер, иначе я приду и отругаю тебя. Я тебе не мешаю? Ты хорошо выглядишь, Этель. Не расстраивайся. Быстрее бы утро. Всему свое время. Засыпай, дорогая. Доброй ночи, до свидания. — Он поцеловал меня в щеку и ушел.

Вскоре я крепко уснула. Думаю, происшествия первой половины дня сильно взволновали меня. Не знаю, сколько прошло времени, когда я проснулась со смутным ощущением, что видела кошмар. Мне показалось, что мама зовет меня. Я выскочила из кровати, накинула халат и босиком пошла по темному коридору к двери мамы. Когда я почти дошла до нее, я вдруг поняла, что не могла слышать в своей комнате мамин голос. В полной темноте, тишине и одиночестве я испытала ужас, который, должно быть, всегда сопровождает понимание подобной иллюзии.

Я уже повернулась, чтобы уйти обратно, когда на самом деле услышала мамин голос. Она выкрикнула папино имя и замолчала. Передумав возвращаться, я постучала в дверь. Мама нервно спросила: «Кто там?» и, услышав мой ответ, велела войти. Горел только огонек лампы, которую она обычно оставляла на ночь на маленьком столике рядом с кроватью. Мама сидела в кровати и сказала, что испугалась, увидев, как папа заглядывает в дверь. Она кивнула на дверь гардеробной, соединяющей спальни.

— Ах, моя дорогая Этель, он казался таким больным, что я едва его узнала. Я окликнула его, но он только сказал: «Довольно» — и ушел, захлоп-

нув дверь. Я хотела пойти за ним, но услышала, как он запирал дверь гардеробной. Думаешь, он заболел?

— Ох, нет, мамочка: если бы он заболел, он бы сказал тебе об этом. Уверена, это из-за тусклого света в комнате в нем все кажется странным.

Обменявшись еще несколькими словами, мы снова пожелали друг другу спокойной ночи, и, увидев, что она кладет голову на подушку, я вернулась в свою комнату.

Мне было не по себе: мамин рассказ рисовал картину таинственную и жуткую. Дверь я оставила открытой и теперь прислушивалась, вытянув голову во мрак. Папина спальня была рядом, и я успокоилась, различив в тишине его шаги. Плотно закрыв дверь, я снова легла в кровать.

Законы акустики, думаю, хорошо изучены, и они, конечно, никогда не меняются. Но, признаюсь, их действие часто удивляет меня. В доме, где я сейчас пишу, две комнаты разделены узким коридором. В одной из них во время хирургической операции прозвучали три ужасных крика, но они не были слышны в другой комнате, где два близких и любящих родственника ожидали результата в молчании и боли. Точно так же в комнате мамы не было слышно ни звука из гар-

деробной между спальнями, когда двери были заперты. Зато, когда в доме было тихо, из своей комнаты я могла отчетливо слышать тяжелые шаги или другие шумы из папиной спальни.

Визит в комнату мамы, как говорят няньки, «сбил мне сон», и я лежала без надежды уснуть до утра. Из размышлений в полной тишине меня вдруг вывел звук, похожий на хлопанье двери или громкий щелчок. Я снова подскочила, ожидая, что услышу, как папа сбегает вниз по лестнице. Все мои дикие опасения неизвестно о чем вернулись. Я подошла к двери и прислушалась — и ничего не услышала. Снова накинув халат, я вышла. В папиной спальне горела свеча, потому что я видела луч света, косо ложащийся на пол коридора из замочной скважины его двери. Он, словно жезл, указывал на что-то белое, лежащее на полу. Я вспомнила, что это открытая Библия — увы, забытая книга в нашем доме, — которая упала с маленькой полки в коридоре и которую я, в суеверном настроении во всем видеть знаки, хотела поставить на место, когда несколько часов назад проходила мимо нее, но, спеша на зов мамы, своего намерения не выполнила.

«Может, ты потеряла свое место, — подумала я, когда наклонилась, чтобы поднять книгу, — но

по тебе никогда не будут ходить!»

Меня прервал голос — стон, — как мне показалось, из гардеробной.

Я была не вполне уверена в его происхождении. Глядя на дверь, я прислушалась, затаив дыхание. Было тихо. Я подошла и постучала. Нет ответа. Почти прижав губы к двери и положив руку на ручку, я позвала:

— Папа, папа, папа!

Я была напугана.

Распахнула дверь и застыла. И снова крикнула:

— Папа, ответь, ответь! Ты тут, папочка?

Я кричала в тишину. Собравшись с духом, я вошла внутрь.

Свеча горела на столе, синий дым висел в воздухе — пахло горелым. Я увидела, что папа лежит на полу: казалось, он упал с кресла и перекатился на спину. Пистолет лежал у его руки. Одна сторона его лица была черной и изорванной, будто его обожгла молния. Из уха сочилась кровь.

Запах пороха, дым, пистолет на полу рассказали о том, что случилось. Застыв от ужаса, я кричала:

— Папа, папа! О боже! Не молчи! Он убит!

Я стояла на коленях рядом с ним: он еще не

умер. Глаза были сфокусированы в последнем проникновенном взгляде, и рот слегка дернулся, будто он пытался заговорить. Это длилось лишь несколько секунд. Потом движение прекратилось. Его челюсть отпала. Это был конец.

Я отшатнулась, издав полный ужаса крик.

От волнения столь невероятного, как мое, люди, я думаю, одухотворяются. Кажется, мы переносимся с места на место с помощью мысли, а не действия. Мне показалось, что через секунду после того, как я покинула ту страшную комнату, я уже была у постели мисс Паунден наверху. Она спала не только с открытыми ставнями, но и с открытыми окнами. Было так тихо и дома, и на улице, что я слышала крик младенца откуда-то. Лунный свет ослепительно отражался от белого полога кровати мисс Паунден. Я потрясла ее за плечо и позвала. Она вздрогнула, и я помню странный взгляд ее широко открытых глаз, освещенных белым отражением, в ужасе глядящих на меня из тени.

— Милостивый боже! Мисс Уэр, мое дорогое дитя, почему вы здесь? Что случилось?

— Идемте со мной: мы должны привести помощь. Папа страшно ранен. Мама ничего не знает: молчите, когда будете проходить мимо

ее двери.

Вместе мы спустились, неуклонно приближаясь к страшной комнате. В конце темного коридора мы видели тусклый отсвет свечи на ковре.

Когда я рассказала мисс Паунден, что случилось, ничто не могло заставить ее пойти со мной. Мне пришлось войти в комнату одной, чтобы убедиться, что папа действительно мертв. О, это было невероятно страшно. Незадолго до этого я, Этель Уэр, смотрела на своего красивого, веселого, добродушного отца, когда дым от фатального выстрела еще не до конца рассеялся! Почему рядом не оказалось милосердного ангела, который позвал бы меня на минуту раньше? Мой стук в дверь остановил бы его руку, и момент искушения прошел бы безвредно. Но уже слишком поздно — время и вечность безвозвратны.

Одного взгляда было достаточно. Я не могла дышать, несколько ужасных секунд я не могла отвести глаз от папы. Потом, тихо вскрикнув, я отшатнулась.

Я крупно дрожала, когда сказала мисс Паунден послать кого-то из слуг за сэром Джейкобом Лейком и строго приказать тому, кто пойдет, не возвращаться без доктора.

Я ждала в гостиной, пока мисс Паунден спускалась, и слышала, как она звала слуг. Вскоре была составлена записка, и слуга ушел. Я не плакала: все это время я ходила по гостиной, сцепив руки и разговаривая с собой и Богом.

Когда мисс Паунден вернулась, я умоляла ее не оставлять меня.

— Поднимемся в мою комнату и там подождем приезда сэра Джейкоба Лейка. Мама не должна об этом знать, пока он не позволит ей рассказать. Если она узнает об этом неожиданно, то сойдет с ума.

Глава XXXIX
Прощайте, мисс Уэр

Не стану описывать последующие кошмарные сцены. Когда смерть приходит в сопровождении скандала, само воспоминание о ней становится пыткой. Вульгарная и отвратительная публичность, безжалостный интерес к деталям, и над всем этим мрак самого безумного и таинственного из всех преступлений! Вы тщетно всматриваетесь в тень в поисках утешительного образа надежды и покоя, но вокруг распространяется волна, которая губит всякие надежды, взращивая раздражительность. Общественный суд выносит порицание, выискивает признаки психической агонии, которые счастливому человеку невозможно даже представить, и всю жизнь эти разговоры будут омрачать сердца тех, кто любил покойного!

Но, как говорится в пословице, старой, как сам Гластонбери[47], «каким бы длинным ни был день, а вечер наступит».

---

[47] Сноски: 47

Один из древнейших городов Англии, основанный приблизительно в 60 году до н. э.

Вот мама в траурной вуали и вдовьем чепце; я тоже в глубоком трауре. Люди, приходящие осведомиться и оставить карточки. Несколько записок с соболезнованиями от близких, которые, должно быть, все-таки сделали над собой усилие, чтобы написать их, — только две или три были по-настоящему добрыми. Уход, сопровождающийся огромной и внезапной переменой в жизни, всегда приносит боль. И я не верю, что в нашем кругу больше эгоистичности или меньше добродушия, чем у тех, кто находится ниже на социальной лестнице. Мы все готовы воспринимать приятные знакомства или просто интерес как нечто большее, чем они на самом деле являются, — такова человеческая природа. Но знакомства заводятся не для того, чтобы выполнять обязательства дружбы. Будь так, знакомств было бы чрезвычайно мало. Вы не должны ожидать, что люди пожертвуют собой ради вас просто потому, что они считают вас хорошей компанией, или потому, что ваши вкусы схожи. Когда вы ступаете на дорогу, ведущую в ад, люди не пойдут с вами в долгий путь. Самое большее, чего вы можете ожидать, — это элегантного и иногда сострадательного прощания.

Примерно через две недели после смерти бед-

ного папочки пришли какие-то юридические бумаги, которые я, мало понимая в таких делах, с одобрения мамы отправила мистеру Форрестеру (как я упоминала, он был поверенным папы).

На следующий день он приехал. Мы с мамой были в ее комнате, когда пришел слуга с короткой запиской карандашом. В ней говорилось: «Бумаги важны, о деле нужно немедленно позаботиться, чтобы избежать неприятностей». Мы с мамой были встревожены. «Дело», о котором мы раньше никогда не слышали, требовало нашего немедленного внимания. Слуга сказал, что мистер Форрестер ждет в гостиной и желает знать, может ли мама его принять. Вместо этого она попросила спуститься меня, что я и сделала.

Когда я вошла, он стоял и смотрел в окно с задумчивым и недовольным лицом, будто готовился сказать что-то неприятное. Он поздоровался и сообщил, что бумаги были предупреждением о том, что если определенные закладные не будут оплачены в установленный день, то дом и мебель будут проданы. Он увидел, как я испугалась; мистер Форрестер был очень добр — казалось, он жалел меня.

— У вашей матушки есть родственник, который понимает в делах и с которым можно

посоветоваться относительно нынешних обстоятельств? — спросил он.

— Челлвуд, наверное, — начала я.

— Знаю. Но это будет трудно. Кроме того, говорят, лорд Челлвуд не сведущ в таких делах. Уверен, он никогда не возьмется за это. Мы можем попытаться, но я думаю, что это пустая трата времени и бумаги. Более того, я знаю, он за границей, в Виши, — я писал ему, чтобы убедить поручиться за эти самые закладные, но он не стал или не захотел этого делать. Впрочем, это одно и то же. Не думаю, что он будет ради кого-то стараться. Вы можете вспомнить других родственников?

— Их у нас осталось мало, — ответила я. — Они слишком дальние, и мы мало о них знаем, чтобы надеяться, что они помогут.

— Но в Голден-Фрайерс есть семья Рокстон, как-то связанная с вами?

— Остался только сэр Рокстон, и он настроен к нам совсем не дружелюбно.

— Надеюсь, мисс Уэр, вы не посчитаете меня дерзким, но вы должны выяснить, не теряя времени, в каком положении вы находитесь. Траты продолжаются. Одно я знаю точно: дела бедного мистера Уэра остались в очень запутанном состоянии. Ваша матушка знает, какая сумма

находится в банке?

— Сколько денег в банке? — повторила я. — Папа сказал, пятьдесят фунтов.

— Пятьдесят фунтов! О, должно быть больше, — ответил он и посмотрел, нахмурившись, в пол. Засунув руки в карманы, он какое-то время размышлял. — Не в моих правилах действовать в одиночку, когда можно получить помощь. Если миссис Уэр, ваша матушка, пожелает, я напишу разным специалистам: мистеру Джалкоту в Голден-Фрайерс, мистеру Уильямсу в Кардайлион и двум солиситорам на юге Англии. Нам нужно узнать как можно точнее, сколько осталось денег и как обстоят дела. В банке мы выясним про состояние счета. Но я думаю, ваша мама должна понимать, что, скорее всего, она не сможет себе позволить жить так, как она привыкла. Было бы предусмотрительно и правильно рассчитать всех слуг, кроме двух или трех, без которых ей трудно обойтись. Есть ли завещание?

— Не знаю. Думаю, что нет… мама тоже так считает, — сказала я.

— Я тоже так думаю, — кивнул он. — Тем более что закон обеспечивает такое хорошее завещание, какое не смог бы составить он сам. — Мистер Форрестер подумал, а потом продолжил: — Мне

очень не хочется говорить о таких неприятных темах, мисс Уэр, но тут надо либо быть честным, либо молчать. Вы и ваша матушка встретите перемену обстоятельств со здравомыслием и расположением, я в этом уверен. Но боюсь, что это будет огромная перемена. Не считайте меня специалистом и передайте это матушке. Я действую как друг. Я хочу сделать все, чтобы избежать издержек, и как можно скорее предоставить вам все факты, чтобы вы поняли, с каким случаем вы имеете дело.

Он ушел с тем видом заботы, мысли и подавленного волнения, который свойствен перегруженным работой бизнесменам.

Когда такие люди уделяют нам свое время, они дарят нам нечто ценнее самого золота. Тогда я была недостаточно ему благодарна. Размышления и годы позволили мне оценить его доброе сердце.

Я стояла у окна в маленькой гостиной, довольно темной комнате, размышляя над добрыми, но тревожными словами, при которых, как при звуке колокольчика, будто поднялся занавес нового акта моей жизни. Эти словесные ужасы добавили нового яда в мое горе. Нас ждали заурядные проблемы, которые сложнее всего переносить. В этот неподходящий момент я услышала, как слуга о

ком-то объявил, и, быстро оглянувшись через плечо, увидела, как входит мистер Кармел. Я почувствовала, что побледнела. Мне показалось, что его взгляд ищет маму. Я молчала и не двигалась. В зеркале отразилась моя фигура, когда я повернулась к нему. Кого он видел? Не ту Этель Уэр, к которой привык. Утреннее платье делало меня выше, стройнее и бледнее, чем раньше. Я не ожидала его увидеть. Полагаю, выглядела я так же, как себя чувствовала: взволнованная, гордая, уязвленная, возмущенная.

Мистер Кармел подошел ближе: его темные глаза смотрели на меня вопросительно. Он протянул руку, задумался и сказал:

— Боюсь, я поступил неправильно. Я не должен был просить о встрече с вами.

— Мы никого не принимаем — ни я, ни мама, — исключение было сделано для старого друга, который недавно заходил.

Собственный голос казался мне холодным и странным: я чувствовала гнев и презрение. Разве у меня не было на то причин? Я не подала ему руки и будто не заметила, что он предложил свою. Я видела, хотя не смотрела на него прямо, что он уязвлен.

— Я думал, что, возможно, у меня тоже есть

некоторые права старого друга, — начал он и осекся.

— О, я и забыла. Точно, старый друг. — Я почувствовала, что горько улыбнулась.

— Вы смотрите на меня так, мисс Уэр, будто ненавидите, — сказал он. — Почему? Что я такого сделал?

— Почему вы спрашиваете меня? Спросите себя. Пусть совесть вам подскажет. Я думаю, мистер Кармел, вы последний человек, который должен был сюда прийти.

— Не буду притворяться, что не понял вас: вы думаете, я повлиял на леди Лорример, — сказал он.

— Это подлое и гнусное дело, — сказала я. — Не хочу об этом говорить или даже думать, но, хотя это возмутительно, я должна. У леди Лорример не было близких родственников, кроме мамы, и она намеревалась — она сказала это при мне — оставить ей деньги по завещанию. Думаю, это естественно и правильно, что люди оставляют деньги тому, кого они любят, — родне, а не незнакомцам. Я бы не жаловалась, если бы леди Лорример действовала по своему разумению и воле. Но все было иначе: нервная, с подорванным здоровьем женщина с приближением смерти

была запугана людьми, одним из которых вы являетесь. Эти люди вынудили ее отдать все, что у нее было, в руки незнакомцев, чтобы вести теологические интриги, в которых она ничего не понимала. Это неестественно, жестоко и алчно. Добрая леди Лорример хотела бы одного — избавить нас от всего этого горя.

— Вы поверите мне, мисс Уэр? — спросил он еле слышно, крепко держась за спинку стула. — Я никогда не знал, не слышал и не подозревал, что леди Лорример просила или получала советы относительно того завещания, которое публично критиковалось в некоторых газетах. Я даже не слышал, что она составила завещание. Умоляю, мисс Уэр, поверьте мне.

— Я слышала, что в делах, к которым имеет отношение ваша Церковь, мистер Кармел, отклонение от истины есть добродетель. С уважением ко всему, что касается бедной леди Лорример, я больше никогда не хочу ничего слышать от вас или говорить с вами.

Я отвернулась к окну и несколько минут смотрела на улицу. Потом резко повернулась к нему. Он стоял на том же месте в той же позе: руки сцеплены, голова опущена, глаза задумчиво смотрят в пол. Мне показалось, что я вижу следы

слез на его щеке.

Мое движение привлекло его внимание, и он мгновенно поднял взгляд:

— Позвольте мне сказать несколько слов. Какой бы жертвы ни потребовало мое божественное признание, я принесу ее с благодарностью Небесам. Нас не заставляют идти на эту службу — мы добровольцы. Невеста у алтаря не дает клятву свободнее. Мы поклялись подчиняться, страдать, сражаться и умирать. Предупрежденные, с открытыми глазами, мы все оставили позади: тщеславие, надежды и привязанности смертности, согласно слову Божьему, ненавидя отца, мать, сестру, брата; мы взвалили на себя тяжелый крест и следуем по кровавым следам Владыки; со слепым послушанием и отчаянным стоицизмом мы улыбаемся голоду, жажде, жаре и холоду, болезни, невзгодам, оковам и смерти. Такие солдаты, вы правы, отважатся на все, кроме предательства. Если бы мне приказали скрыть информацию от ближайшего друга, сохранить секрет или оказать влияние на указанный объект, я бы это сделал. Любая человеческая дружба для меня подчинена этим непоколебимым законам. Есть ли тут отклонение от истины? Но что касается завещания леди Лорример, я ничего не

предлагал, ничего не слышал и ничего не думал.

Мне это показалось очень дерзким. Я была зла. Я снова улыбнулась и сказала:

— Должно быть, вы считаете все это очень глупым, мистер Кармел. Вы говорите, что готовы обмануть меня по любому поводу, и ожидаете, что я поверю в это.

— Конечно, вы в недоумении, — сказал он, — но у меня нет другого ответа, кроме этого: мне незачем вас обманывать — все это прошлое, неотвратимое и незыблемое, как сама смерть!

— Я не знаю и не хочу знать, с какой целью вы это говорите. Мне ясно, мистер Кармел, что с вашими так называемыми принципами вы не можете быть никому другом, и только глупец может быть другом вам. Мне кажется, вам чужды все человеческие чувства: такой человек внушает мне только неприязнь и страх. Вы стоите передо мной не как человек, но как дух — недобрый дух.

— Эти принципы, мисс Уэр, о которых вы говорите столь сурово, протестанты — самые религиозные — практикуют, как и мы, без малейших сомнений в своей войне, судебных делах, дипломатии, обычных делах… на самом деле везде, где подразумеваются враждебные действия.

Я ничего не ответила: возможно, не могла в тот

момент. Я была слишком взволнована. Его спокойствие заставляло меня злиться еще больше.

— Я описал свои обязанности, мисс Уэр, — сказал он. — Ваше низкое мнение о них не может внушить мне предательство по отношению к вам. Да, я не могу быть другом в том смысле, в котором мир воспринимает дружбу. Я верен Небесам, и в величайших и самых незначительных вещах я подчиняюсь тому органу их воли, который Небеса поставили надо мной. Если бы все люди рассуждали более справедливо, подобные отношения не требовали бы обнаружения или защиты, они бы просто принимались как должное: разум выводит их из фактов нашей веры. Мы — создания Бога, который назначил Церковь толковательницей Его воли на земле.

— Каждый предатель — философ, сэр. У меня нет ни навыков, ни характера для подобных дискуссий, — ответила я, достаточно доказав свою последнюю позицию. — Я понятия не имела, что у вас может появиться мысль прийти сюда, и я надеюсь, что буду избавлена от боли видеть вас снова. Также я не хочу продолжать этот разговор, так как могу поддаться искушению сказать то, что думаю, более колко, чем хотелось бы. Прощайте, мистер Кармел, прощайте, сэр, —

повторила я со спокойной выразительностью, чтобы прекратить, как я думала, его явное намерение заговорить вновь.

Он понял это. Помолчал, подумал и спросил:

— Это означает, что вы приказываете мне больше не приходить?

— Верно, — ответила я холодно и злобно.

Его рука уже лежала на ручке двери, когда он спросил очень нежно, но, как мне показалось, с волнением:

— И вы прекращаете наше знакомство?

— Да, прекращаю, — повторила я тем же тоном.

— Небеса послали мне долю печали, — сказал он, — но ни один воин Христа не приходит к могиле без множества шрамов. Я заслуживаю мои раны и покоряюсь. Мы можем долго не увидеться при иных обстоятельствах: возможно, не в этой жизни.

Он посмотрел на меня. Он был очень бледен, его большие глаза наполняла доброта.

Он молча протянул мне руку, но я не взяла ее. Он тяжело вздохнул, снова взялся за ручку двери и сказал, очень тихо:

— Прощайте, мисс Уэр… Этель, моя ученица, и да благословит вас Бог навечно!

Дверь открылась, и он вышел.

Я слышала, как закрылась парадная дверь. Этот печальный звук поразил мое сердце, как сигнал, сообщающий, что ушел мой последний друг.

Немногие люди, неожиданно предпринявшие безвозвратный шаг, даже если они поступили правильно, мыслят после этого четко. Мой собственный поступок поразил меня. Не думаю, что мистер Кармел по природе был лжецом. Думаю, в глубине души я верила ему и была уверена, что он не принимал участия в изменении завещания леди Лорример. Помню, я почувствовала раскаяние и испытала то печальное сомнение в своей правоте, которое иногда сопровождает сцену гнева. В этом состоянии я вернулась к маме, чтобы рассказать ей обо всем случившемся.

Глава XL
Дождливый день

Мама не знала точного состояния наших дел, но в общих чертах была осведомлена о положении, сложившемся во время ее замужества, и думала, что мы сможем жить на тысячу в год.

Я едва ли могла представить такую возможность, учитывая предположения мистера Форрестера. Но если бы это было так или примерно так, мы могли бы переехать в Мэлори и жить там вполне комфортно. Бездеятельная рутина маминой праздной жизни была разрушена, и, как мне казалось, она бы с удовольствием проводила дни в относительном уединении и тишине.

Все наши слуги, за исключением двух-трех, были предупреждены об увольнении. Также я получила мамино позволение произвести оценку лошадей, экипажей, хорошей посуды и прочих теперь уже ненужных вещей, чтобы подготовиться к новой жизни, а она должна была наступить, как только мистер Форрестер скажет нам, каков наш доход. Тогда останется только разумно использовать его.

Я мечтала уехать, впрочем, как и мама. Казалось, ее мало волнует наше будущее положение, и я, колеблясь между самонадеянной уверенностью и нарастающей тревогой, ожидала вестей от мистера Форрестера, зная, что они должны положить конец нашему беспокойству незнания.

Прошло почти две недели, прежде чем он вновь появился. За день до того мы получили записку, в которой говорилось, что он будет у нас в четыре, если только мы не перенесем визит. Мы и не собирались его переносить. Мистер Форрестер пришел, и я никогда не забуду нашего разговора.

Поджидая папиного поверенного, мы сидели в гостиной. Сердце в груди трепетало. Нет более невыносимого состояния, чем тревога о жизненно важном вопросе. Люди, испытывающие нужду в деньгах, постоянно испытывают тревогу. Способность жить в таком состоянии много лет и не потерять рассудок, в моих глазах — величайшее чудо этого горестного мира.

Роковое объяснение, которое должно было раскрыть нашу судьбу, не мог ознаменовать более мрачный день: темное небо, угольные облака и непрерывный ливень, громко барабанящий в окна крупными каплями. Время от времени шум снаружи достигал точки, делающей наш с мамой

пустой разговор невозможным. Каждую минуту я смотрела на улицу, где экипажи и зонтики, немногочисленные и редкие, были едва различимы сквозь потоки, стекающие по стеклу.

Наконец я увидела, как экипаж — а точнее, я увидела расплывчатую темную массу в потоках воды — остановился у двери. Раздался двойной стук. Я почти перестала дышать. Через несколько минут слуга, открыв дверь, сказал: «Мистер Форрестер», и в нашу гостиную вошел зловеще бледный джентльмен с ящичком, где, очевидно, лежали бумаги. Он взял мамину руку и заглянул, как мне показалось, нерешительно ей в лицо, будто прикидывая, сможет ли она вынести неприятные новости. Я чуть не забыла пожать ему руку, настолько хотела поскорее услышать его слова.

Мама держалась намного увереннее меня и сказала, как только он поставил ящик рядом с собой и сел:

— Я очень обязана вам, мистер Форрестер: вы были к нам бесконечно добры. Моя дочь сказала, что вы намеревались навести справки и сообщить обо всем, что узнаете. Надеюсь, новости удовлетворительные?

Он опустил взгляд и молча покачал головой из

стороны в сторону. Мама, смотря на него, смертельно побледнела.

— Там не меньше — не может быть меньше, надеюсь, — девятисот в год. Если нет, то что же с нами станет?

Голос мамы казался резким, хотя говорила она очень тихо. Я тоже во все глаза смотрела на посланца судьбы, и мое сердце часто билось.

— Новости совсем не удовлетворительные. Как бы я хотел, чтобы там было хоть что-то похожее на сумму, которую вы назвали, — сказал мистер Форрестер печально и явно собираясь с духом для следующего заявления. — Конечно же, я расскажу вам, миссис Уэр, о результатах моих трудов, но мне по-настоящему больно и горестно от того, что предстоит сообщить. Я обнаружил, что вы открыли брачный счет, не включающий содержания для вашей дочери, которое, вынужден с сожалением разъяснить, составляет чуть больше тысячи фунтов, и пока вы живы, она ничего не может получить из него, а после не сможет рассчитывать больше чем на сорок фунтов в год.

— Но… но я хочу знать, — перебила его мама, ее глаза горели, а губы были очень белые, — сколько у нас… на какую сумму мы можем жить?

— Я всем сердцем надеюсь, что сверх моих

изысканий может быть хоть что-то, миссис Уэр, но я был бы нечестен с вами, если бы не сказал открыто, что этот тот случай, когда необходимо обратиться к родственникам.

Я была так потрясена, что не могла говорить.

— Вы хотите сказать, нужно попросить их о помощи? — прошептала мама. — Боже мой! Я не могу… мы не можем… мы не можем сделать этого!

— Мама, — сказала я непослушными губами, — не лучше ли выслушать все, что мистер Форрестер имеет нам сказать?

— Позвольте мне, — продолжила мама взволнованно. — Там должно быть что-то, Этель… не говори глупостей. Мы можем жить в Мэлори, и каким бы скромным ни было наше содержание, нам этого хватит. Но я не стану просить милостыню. — Румянец вернулся на щеки мамы, и она с высокомерным возмущением посмотрела на мистера Форрестера.

Казалось, бедный джентльмен встревожен: он беспокойно поерзал на месте.

— Мэлори, — начал он, — было бы очень подходящим местом, если бы доход был установлен. Но Мэлори через несколько дней окажется в собственности сэра Гарри Рокстона, и без его раз-

решения вы не сможете туда поехать. И, боюсь, я не осмелюсь поощрять вас питать какие-либо надежды на благожелательное или даже вежливое отношение с его стороны. С тех пор как я имел удовольствие видеть здесь мисс Уэр десять или четырнадцать дней назад, я встречался с мистером Джалкотом из Голден-Фрайерс. Он, без сомнений, умный человек, ведет дела сэра Гарри Рокстона и кажется дружелюбным, но он говорит, что с его стороны… — Мистер Форестер осекся и мрачно покачал головой, смотря на ковер. — Что со стороны его доверителя не стоит искать добра. Он питает к вашей семье безжалостную злобу и не постесняется выразить ее жестоким языком.

— Я не знала, что сэр Гарри Рокстон претендует на Мэлори, — сказала мама. — Я не понимаю, по какому праву он может не допустить нас в мой дом.

— Боюсь, в его праве доверительного собственника не может быть сомнений, но ему было не обязательно пользоваться им. Четыре года назад надлежало сделать некоторые платежи, но вместо этого было позволено накопиться процентам. На следующий день после разговора с мисс Уэр я взял на себя смелость написать сэру Гарри Рокстону очень решительное письмо, но он не

обратил на него ни малейшего внимания: это было почти две недели назад, и Джалкот считает, что если он отвечает мне молчанием, то я легко отделался. Кажется, там все его боятся.

Думаю, в какой-то мере мистер Форрестер говорил все это, чтобы отсрочить болезненный момент. С растерянным лицом он вновь посмотрел на ковер, потом пару раз быстро взглянул на маму и уже почти решился прервать наступившее молчание. Однако, пока он колебался, мама заговорила сама.

— И как по-вашему, мистер Форрестер, на какую сумму мы можем рассчитывать?

— По этому вопросу, — сказал он, смотря в стол с очень мрачным видом, — боюсь, я не могу сказать ничего удовлетворительного… или даже обнадеживающего, — добавил он, подняв голову; выглядел он напуганным. — Вы должны взглянуть несчастью в лицо, миссис Уэр, несчастью огромному, учитывая, что вы привыкли ко всему, что делает жизнь счастливой и легкой. Это, как я уже сказал, тот случай, когда должны откликнуться родственники, способные помочь.

— Скажите наконец, как обстоят дела, — сказала мама, крупно дрожа. — Я не испугаюсь, только скажите прямо. Только четыреста? Или всего

триста фунтов в год? — Она замолчала, глядя на него умоляюще.

— Я бы поступил неправильно, если бы сказал, что у вас что-то есть, что-то определенное, пусть и малое. Но пока ничего непонятно, и было бы неправильно вводить вас в заблуждение. Не думаю, что денежных средств и имущества будет достаточно, чтобы расплатиться с долгами.

— Боже мой! Сэр… ох! ох! Неужели ничего не осталось?

Он с отчаянием покачал головой. Убийство свершилось, больше вопросов не требовалось — ни одно дело не могло быть проще. Мы не стоили ни шиллинга!

Если бы в отчаянные и безбожные дни доктор у моей постели вдруг сказал, что я умру до полуночи, я бы удивилась меньше. Не зная, что делаю, я повернулась и подошла к окну, в которое бил дождь. Я ничего не слышала — я была оглушена.

Глава XLI
Переезд

Мы разорены! Чем это открытие было для бедной мамы? Она теперь с ужасом взирала на свое прошлое — беспамятство рассеялось. Между ее теперешним положением и совсем недавним разверзлась пропасть, и все, что она вынужденно оставила, стало казаться почти гротескным, почти отвратительным. В одно мгновение после слов мистера Форрестера произошло нечто худшее, чем бедность, чем даже смерть.

А я? При папиной жизни возможность смутных волнений, таких как «трудности» или «неудобства», если и приходила мне в голову, то как чужеродная, случайная мысль, но я и подумать не могла, что окажусь в положении столь печальном.

Представьте, что одним не самым прекрасным вечером корабль с грохотом, похожим на пушечный выстрел, налетает на скалу, и вода хлещет на несчастных людей, сидевших до того за чайным столиком в каюте, у них даже нет времени сказать: «Боже, спаси!», — и вы получите наш

случай!

Юные леди, вы живете в приятном сне. Газовое освещение в коридорах, восковые свечи, камины, цветы, вежливые слуги, породистые лошади, шляпки, супы и вина — вам кажется, что все это появляется само по себе. Однако есть такая вещь, как бедность, и такая вещь, как смерть. Мы знаем о них и не подвергаем сомнению, но когда одна из них кладет холодную руку вам на плечо, когда вы смотрите в ее лицо, вы так шокированы, будто никогда раньше ни о чем подобном не слышали.

Беспечность, праздность, увлекательное бездействие и без возможных серьезных ошибок мало-помалу подготовили почву для катастрофы.

В тот вечер маме было очень плохо. Утром снова пришел мистер Форрестер. Мама не смогла принять его, но я долго беседовала с ним. Он был очень добр. Я расскажу вам в нескольких словах суть нашего разговора.

Самым поразительным фактом было то, что у нас осталось всего девять фунтов и восемь шиллингов, которые, как оказалось, лежали у мамы в сумочке, когда-то отложенные на платье. Девять фунтов и восемь шиллингов! Это все, что стояло между нами и нищетой. Затем мистер Форрестер

сказал, что мама должна решительно оставить дом, в котором мы жили, чтобы избежать, как он выразился, стать «душеприказчицей по своей же вине», он имел в виду, чтобы не испытывать негодования и не видеть, как те небольшие средства, которые могут выделить ей родственники, растрачиваются на возможные судебные тяжбы и издержки всякого рода.

Хорошо, мы должны покинуть дом, но куда нам идти? Это было предусмотрено. Недалеко от Хай-Холборн, на маленькой узкой улочке стоял за кирпичной стеной древний дом времен Якова I. Его хотели снести, чтобы освободить место для строительства доходного дома с меблированными комнатами. Крыша там была крепкой, дренаж хорошим — вот и все, что мог сказать о нем мистер Форрестер. Но самое главное, он смог получить для нас разрешение занять его — бесплатно, — пока дом не снесут. Он уже обо всем договорился.

Бедный папа задолжал ему значительную сумму судебных издержек. Мистер Форрестер хотел простить бóльшую часть, а часть того, что он получит в погашение долга после продажи собственности, он собирался отдать маме. Обещанная сумма была небольшой, едва ли до-

стигала ста фунтов, а пока мама могла получить пятьдесят фунтов вперед.

Также она могла перевезти немного мебели, но не больше, чем необходимо для наших спален и гостиной, и слуги могли взять утварь для кухни. За это он взялся сам ответить перед кредиторами. Мистер Форрестер уладил дела со слугами, которых необходимо было уволить и рассчитать. Дальнейших разъяснений не требуется. Конечно, нужно было решить много нюансов, и все приготовления легли на мои плечи.

Наш дом опустел. В нем не было жизни, кроме лихорадочной суеты, похожей на приготовления приговоренных к казни. Подготовка к печальному переезду была похожа на тревожное беспокойство болезненного сна. В нашем изменившемся положении разумно было бы взять деревенских слуг, и я написала старой доброй Ребекке Торкилл и одной из наиболее преданных горничных, которые прибыли и приступили к обязанностям за день до нашего отъезда. Какими диковинными казались эти милейшие создания, перенесенные из Мэлори в искусственные сцены Лондона! По сравнению с циничной вежливостью и растущим неуважением многонациональных слуг Лондона их отношение к нам было спасительным.

Наконец мы все устроились в нашем новом жилище. Оно было не столь неудобным, как вы могли вообразить. Дом был богато украшен лепниной в стиле Якова I, но грубые мазки новой побелки скрывали ее узоры. Гостиная была обшита дубовыми панелями до потолка, но темные панели скрадывали ее размер.

Наша скудная мебель после переезда стояла в одном конце комнаты, накрытая ковром и отделенная складной ширмой. Какой-то добрый друг поставил цветы в вазу на столе и три красивых горшечных растения в полном цвету на подоконники. Тот же друг оставил для нас несколько книг из библиотеки и пару гравюр. Эти маленькие знаки заботы смягчали запущенность жилища.

Человек при деньгах мог бы сделать этот дом прекрасным, но теперь, когда он заселен нищими и приговорен к сносу, кто будет об этом думать?

Утром после переезда маме было лучше, но сейчас она снова страдала от учащенного сердцебиения и сидела в своей кровати: это была ее собственная кровать, которую перевезли из старого дома. Ребекка Торкилл была в своей комнате. Я сидела в гостиной — наверное, я все-таки могу называть так эту комнату — совершенно одна. Поставив локти на стол и закрыв глаза руками,

я горько плакала. Мои слезы не были слезами трусости или печали — это были слезы ярости. Я была одной из тех упрямых и непокорных душ, которые, больше других нуждаясь в наказании Небес, возмущаются их карой и с нечестивой яростью упрекают справедливость. Но плакать нельзя до бесконечности. Я решительно вытерла глаза и с горькой улыбкой осмотрела комнату. Черный дубовый пол, черные дубовые панели: с наступлением вечера тут становилось еще мрачнее!

Я посмотрела в окно. Красноватое вечернее небо серело. Поросшая травой кирпичная стена, такая же старая, как дом, — это все, что осталось от улицы, когда-то, очевидно, престижной. Теперь здесь были высокие кучи мусора, горы битых кирпичей и досок с облезшей штукатуркой. За этой стеной и этими руинами были видны крыши с дранкой размером с устрицу и покосившиеся дымоходы лачуг, которые вскоре должны были рухнуть под киркой и ломом.

Когда я с чувством отвращения и страха, с невыносимым осознанием того, что мы оказались здесь под давлением бедности, вновь оглядела сумрачную комнату, можете представить, какие мысли меня одолевали. Не знаю, была ли в моей

семье жилка той наследственной меланхолии, которую называют суицидальной, но тогда я слышала, как она «шепотом со мной говорила». Нет ничего более поразительного, чем впервые пережитый соблазн на такой шаг. Впоследствии я ощутила его еще раз.

Коварство и сила соблазна особенно чувствуются, когда просыпаешься и оказываешься, как я, наедине с темными и пугающими мыслями. Думаю, если бы не мама, я бы не смогла преодолеть тяги. Я ненавидела жизнь: мои силы закончились. Зачем влачить существование с разбитым сердцем, в одиночестве и упадке?

Но милосердный ангел напомнил мне о маме — больной, беспомощной, привыкшей опираться на других. Когда болезнь следует за бедностью, судьба мало что может сделать, но я — могла. Внезапное проявление воли и, несмотря на безбожный дух, внутренний призыв ко Всевышнему отпугнули рой мыслей, которые клубились в голове с монотонным искушением.

Единственным плюсом нашего обиталища была его полная уединенность, похожая на самую дальнюю пещеру катакомб. Это было утешительно. Сначала я думала, что больше никогда не захочу увидеть свет. Но в молодых все прояв-

ления жизни очень сильны: энергия, здоровье, дух, надежда.

Ужас от нашего падения немного померк, и я начала что-то видеть перед собой: голова прояснилась и уже полнилась планами по заработку. Это, осмелюсь сказать, было бы довольно просто, если бы я решилась оставить маму или если бы она согласилась расстаться со мной. Но я была нужна дома. Иногда маме становилось лучше, но ее дух еще не окреп. Она плакала почти непрерывно: думаю, она была убита горем. Если бы она могла поделиться со мной нежностью, а я внушить ей мужество, мы бы справились намного лучше.

На следующий день после переезда, когда я апатично смотрела в окно, я увидела, как между каменными столбами перед домом въезжает крытая повозка. На месте кучера сидели двое мужчин, им было сложно править между островами мусора. Повозка остановилась. Один из мужчин с отвращением посмотрел на наши окна и что-то сказал своему спутнику. Оба спустились с облучка и осторожно повели, с многочисленными поворотами, лошадей к нашей двери, где заговорили со служанкой, но в этот интересный момент Ребекка Торкилл позвала меня в комнату

мамы, где я отвлеклась и совершенно забыла о происшествии.

Но, вернувшись через несколько минут, я обнаружила пианино в гостиной. Наша деревенская горничная не расслышала, а может, и не спросила, кто его прислал, а когда час спустя пришел настройщик, я обнаружила, что никакая сила не сможет убедить его открыть имя человека, приславшего инструмент, или откуда он прибыл. На пианино не было никаких знаков, кроме имени мастера.

Спустя еще два или три дня нас навестил мистер Форрестер. У него было мало времени. Он выслушал мои планы и одобрил их, сказал, что некоторые его клиенты могут быть мне полезны. Потом я поблагодарила его за цветы, книги и пианино. Но это не он их послал! Я начала беспокоиться о том, кто мог быть отправителем этих знаков внимания. Должно быть, наше меланхоличное обиталище было известно бóльшему количеству людей, чем мы предполагали. Я с тревогой размышляла над этой проблемой, когда он сказал:

— Так как миссис Уэр не в состоянии меня принять, я бы хотел прочитать вам набросок письма, которое я думаю сегодня отправить в дом лорда

Челлвуда. Насколько я понял, он несколько дней до конца недели пробудет дома, и я хочу застать его, если смогу.

Потом он прочитал мне письмо.

— Прошу, не включайте слова обо мне, — сказала я.

— Почему, мисс Уэр?

— Потому что, если я не смогу жить собственным трудом, я умру, — ответила я. — Думаю, это его долг — сделать что-то для мамы: она больна, является вдовой его брата и потеряла все средства из-за неудач бедного папы, — но я намерена работать и надеюсь зарабатывать достаточно, чтобы содержать себя, а если не смогу, как я уже сказала, я не хочу жить. Я ничего не приму от него.

— Почему, мисс Уэр? Он же ваш дядя. На кого еще вы можете надеяться в подобной ситуации?

— Он не мой дядя: папа был его сводным братом, и только. Он никогда не любил папу… и нас.

— Не беспокойтесь, он что-нибудь предпримет. У меня есть некоторый опыт, и, скажу я вам, он не может не помочь в данном случае, ведь это слишком тесно его касается, — сказал мистер Форрестер.

— Я видела его, я слышала его, и я знаю, что он за человек. Я слышала, как бедный папочка

говорил: «Вот бы кто-нибудь успокоил Нормана — кажется, он воображает, что нам интересен его карман или завещание. Он всегда держит нас на расстоянии. Не думаю, что моя жена когда-нибудь сможет его о чем-нибудь попросить». Кажется, именно так он и сказал. Хлеб из его руки застрянет у меня в горле, и я не смогу его проглотить.

— Ну, мисс Уэр, если вы возражаете против этого отрывка, то, конечно, я его вычеркну. Я написал сэру Гарри Рокстону во второй раз, но не получил ни строчки в ответ, и не думаю, что когда-нибудь получу. Я попытаюсь снова, но если это не принесет ответа, думаю, пока мы можем оставить его в покое.

На этом мистер Форрестер откланялся и ушел. В покинутом старом доме вновь стало тихо.

Глава XLII
Слабая надежда

Прошла еще неделя. Маме стало лучше — если не физически, то духовно. Она была намного спокойнее, хотя по-прежнему в большом горе. Бедная мама! Теперь ни одна книга не интересовала ее, кроме Библии — великого, мудрого, нежного друга; эту Книгу книг так редко открывают, когда все идет хорошо, но всегда обращаются к ней, чтобы утешиться, когда другие не могут этого сделать.

Мистер Форрестер нашел мне работу — намного более интересную, чем я предполагала для себя. Нужно было сделать перевод с французского для одного издателя. Сначала это была лишь проба, но через несколько дней стало понятно, что у меня хорошо и быстро получается, и я подсчитала, что если буду получать постоянные заказы, то смогу зарабатывать примерно семьдесят фунтов в год. Это был истинный доход, ставивший заслон перед нуждой, перед ужасным состоянием зависимости. А мои желания всегда были очень скромными.

Возможность заработать шестьдесят или семь-

десят фунтов в год по-настоящему воодушевила меня, но оздоровительный эффект длился недолго. Невзгоды нашего положения были слишком очевидны, чтобы закрыть на них глаза. Печаль и отчаяние скоро вернулись, воспламененные тревогой о возобновившейся болезни мамы.

В ночь после хороших новостей о моей работе она снова пережила приступ — стала задыхаться, пульс участился. Я начала бояться за нее. Раньше я считала, что ее болезнь связана с нервами, но сейчас, когда ее нервы были намного спокойнее, возвращение физических симптомов казалось зловещим.

Я как раз уговаривала маму вызвать сэра Джейкоба Лейка, когда пришел мистер Форрестер, и мне пришлось выйти в гостиную, чтобы принять его. Сегодня утром он получил письмо, резкое и раздраженное, от моего дяди, лорда Челлвуда. В нем говорилось, что «тот, кто знает о величине расходов, которые он несет, не может быть столь неразумен, чтобы предположить, что он бы задумался о предоставлении ренты, пусть небольшой, в чьих-либо интересах». Далее было сказано, что «он глубоко соболезнует огорчительным обстоятельствам, в которых оказалась вдова бедного Фрэнсиса», но его, лорда Челлвуда, конечно же,

глупо за это винить. При любой возможности он напоминал брату «об обязательстве, которое, по его мнению, берет на себя каждый женатый мужчина — обеспечить собственную жену». Ему сложно было показать брату, даже с помощью конкретных цифр, когда тот обращался к нему, что он не сможет увеличить груз, который несет сам, и что он не в состоянии «сколь-нибудь смягчить последствия безрассудств Фрэнсиса». Письмо заканчивалось словами, что «возможно, следующей весной он сможет сделать подарок — очень скромный — бедной леди, которая, безусловно, также несет ответственность за неразумную помощь супругу, ибо она добровольно жертвовала приданым ради удовольствия и тщеславия дорогой и несоответствующей жизни». Ниже лорд Челлвуд намекнул, что подарок, о котором он упоминал, не превысит ста пятидесяти фунтов и больше не повторится.

— Ситуация кажется безнадежной, — сказал добродушный поверенный, — но я надеюсь, что все обстоит не так плохо, как он говорит. Если получится убедить его сделать немного больше, можно было бы получить небольшое ежегодное содержание.

Мне не нравился дядя. Очень сложно забыть о

первом впечатлении от совершенно неприятной наружности. В лице лорда Челлвуда не было ничего мужественного — оно было узким, эгоистичным, высокомерным. Он был бледным как воск. Его манеры были одновременно сдержанными и вялыми, и, не знаю, в глазах ли дело, но было в его взгляде что-то такое, что, хотя он улыбался и никогда не говорил ничего неприятного, не оставалось сомнений, что мы ему совершенно не нравимся, все и каждый в отдельности, а в первую очередь наш веселый папа. Мы знали, что он скуп и что у него было одно хобби: восстанавливать разрушенные имения, которые перешли к нему вместе с титулом.

С этими чувствами и гордостью, которая так сильна у молодых, я решила, что скорее умру, чем поддамся унижению принять, а тем более просить, деньги из его рук.

Должна перенести вас на три недели вперед.

Стемнело. Не могу сказать, сколько показывали часы, но уверена, что еще не было и девяти. Я уже надела плащ и капор, когда Ребекка Торкилл взяла меня за руку.

— Куда вы собрались, дитя мое, в столь поздний час? — спросила она, испуганно заглядывая мне в лицо.

— К лорду Челлвуду, бессердечному брату отца, чтобы сказать, что мама умрет, если он ей не поможет.

— Но, дитя мое, сейчас не время — вы не должны идти по опасным улицам в такой час, не должны! — сказала она решительно и сильнее сжала мою руку.

Я зло смахнула руку и быстро вышла. У двух каменных столбов забора я оглянулась через плечо и увидела черную фигурку старой Ребекки на фоне тусклого света свечи у основания лестницы. Думаю, она колебалась между риском оставить дом и маму почти без защиты и срочной необходимостью вернуть меня. Однако я была уже далеко, прежде чем она могла решиться.

Я быстро шла по улицам, ведущим к Риджент-стрит. Я изучила их по карте. На глухих улочках было спокойно, но не пусто: иногда я проходила мимо сияния трактиров. Мне было страшно и волнительно идти по этому бедному району при свете газовых фонарей. Но, думаю, бедным людям, одной из которых теперь была и я, дозволялось быстро идти по своим делам. Ко мне никто не приставал.

Наконец я вышла на Риджент-стрит. Тут я чувствовала себя в безопасности: широкий тротуар,

много людей, длинный ряд газовых фонарей и все еще открытые магазины позволили чуть замедлить шаг. Я испытала облегчение. Два дня я болела, и мне становилось все хуже. Я чувствовала холод и озноб и страдала от той невероятной головной боли, которая, возможно, напоминает о давящем действии железного «колпака молчания», с которым во время правления доброго Короля-бомбы[48] так тесно познакомились многие жители Неаполя. Сейчас я могу говорить об этом с легкостью, но тогда я и правда была очень больна. Я должна была лежать в постели, и только волнение за маму придало мне решимости и сил для этой вынужденной прогулки.

Накануне к маме снова вернулись удушье и учащенный пульс, от которого она страдала раньше, но я сумела устроить так, что сэр Джейкоб Лейк осмотрел ее. Это был краткосрочный визит, впрочем, как и все его визиты. Он провел осмотр, дал общие указания, выписал рецепт, весело поговорил с мамой, и все его поведение указывало на то, что опасаться нечего. Но когда я вышла с ним

[48] Сноски: 48

Фердинанд II (1810–1859) — король обеих Сицилий (1830–1859) из династии Бурбонов. Беспощадно подавлял революционные выступления. Расправляясь с повстанцами, подверг варварской бомбардировке город Мессину, за что получил прозвище Король-бомба.

на лестницу и мы спустились вниз, в гостиную, я услышала поразительные слова о том, что мама долго не проживет и что она в любой момент может уйти во время одного из таких приступов. Сэр Джейкоб сказал мне немедленно отвезти ее в деревню, на чистый воздух, конечно, если это возможно. Переезд немного продлит ей жизнь. Это была всего лишь отсрочка. Но без этого он не даст ей и недели. Он сказал, что мама, конечно же, не должна знать, что находится в опасности. В ее критическом состоянии любое волнение может быть фатальным. Потом он откланялся, и я осталась наедине с его ужасными словами.

Как мне выполнить предписание доктора? Путешествие в Голден-Фрайерс обошлось бы нам по крайней мере в двадцать фунтов, и он выписал кларет, очень дорогое вино, для мамы. Откуда ему было знать, что в своем кармане он уносит нашу последнюю гинею. В кошельке остались полсоверена и несколько шиллингов. Мистера Форрестера не было в городе, а если бы и был в пределах досягаемости, маловероятно, что он одолжил бы нам и тем более подарил нужную сумму. Работа моя была не на той стадии, чтобы надеяться, что редактор даст мне, незнакомке, аванс за перевод, который я могу никогда

не закончить. Бедность пришла в своей самой страшной форме, и в безумии ужасающей беспомощности моя гордость пала. Вот причина моей отчаянной прогулки.

Перейдя на размеренный шаг, я болезненнее ощутила недомогание — каждое биение пульса было пыткой. Мне с трудом удавалось сохранять ясность ума и отгонять подступающий бред — спутник жара. Если сонливость — это признак усталости здорового организма, то склонность впадать в бред — больного.

Наконец, почти выбившись из сил, я оказалась у двери моего благородного родственника. Постучавшись, я попросила о встрече с ним. Лакей не узнал меня. Глядя на улицу через мое плечо, он с небрежным презрением сказал:

— Что-то случилось, мисс?

Конечно, такой посетитель, как я, да еще и в такой час, не имел надежд на церемонный прием.

— Чарльз, — обратилась я к нему, — ты меня не узнаешь? Я — мисс Уэр.

Лакей вздрогнул, вгляделся в меня, потом подтянулся, приветствуя, и отступил на полшага, по-прежнему не отпуская входную дверь.

— Лорд Челлвуд дома? — спросила я.

— Нет, мисс, сегодня он ужинает вне дома.

— Но я должна увидеть его, Чарльз. Если бы он знал, что это я, он бы не отказал. Скажи ему, что моя мама опасно больна и что больше никто не может нам помочь.

— Его нет, мисс, он ночует за городом — у полковника Энсона.

Я ахнула от отчаяния.

— И когда же он вернется?

— Его не будет в городе еще две недели, мисс, он собирается в замок Харли.

Я стояла на лестнице, оглушенная разочарованием, беспомощно глядя в лицо слуги.

— Вам позвать извозчика, мисс?

— Нет… нет, — ответила я рассеянно, развернулась и быстро ушла.

Меня мало заботило, что слуги могут сказать или подумать о моем странном визите.

Этот удар лишил меня последних сил. Доктор ясно сказал, что маме необходимо немедленно переехать в деревню. Но как все взволнованные люди, я шла очень быстро. На соседней площади я видела, как юные леди вышли из дома, сели в карету и уехали, как когда-то делала я. Я ненавидела их: я ненавидела всех, кому повезло, как когда-то повезло мне. Я ненавидела дома вокруг с их ярко освещенными окнами. Я ненавидела

лавочников с их распухшими кошельками и самомнением. Почему судьба не выбрала других людей — зазнавшихся, хитрых, злых, высокомерных и алчных — вместо нас и не вытащила из домов, чтобы втоптать в грязь? Почему я безвинно — совершенно! — оказалась в худшем положении, чем попрошайка? Попрошайка привычен к своему занятию с самого детства и может извлечь из него пользу, в то время как я не привыкла к такому, не имела той формы смелости, которую люди называют подлостью, и уже переросла тот возраст, в котором можно научиться этому искусству.

Все это время мне становилось хуже. Быстрая ходьба и волнение усилили лихорадку, которая давно трясла меня. Мой ужас перед жалким жилищем, которое теперь было моим домом, только возрос, но я прибавила ходу. Тревога, подобная моей, требует быстрого передвижения в качестве самого правильного и единственного утешения. Отчаяние и инертность вызывают безумие.

Уличные часы отбили время, но я не считала удары. Однако они внезапно напомнили мне, что дома может подняться тревога из-за моего долгого отсутствия. Подхлестнутая этим осознанием, я продолжала идти. Но прежде чем я достигла сво-

ей печальной цели, на мою долю выпало ужасное приключение.

Глава XLIII
Холодная сталь

Теперь я уверена, что нечестивая софистика, к которой прибегают гордые умы в горе,– это ужасающие внушения чужих умов, намного превосходящих первые. Когда они обращаются к нам, мы слушаем, когда они стучат в дверь, мы спускаемся и открываем им, мы приглашаем их отужинать с нами, мы называем их гостями, они становятся временными жильцами дома, разделяют наши пути и постели, шпионят за нами, их мысли становятся нашими мыслями, их злоба — нашей злобой, их цели — нашими целями, пока, сами того не осознавая, мы не становимся их рабами. И тут, когда предоставляется возможность, они, как говорит доктор Джонсон[49], «хватают нас». Нечто подобное почти случилось со мной. Вы об этом еще услышите.

Внезапно меня охватил страх возвращения домой. Я не могла вернуться, но у меня не было другого выбора, кроме смерти. Едва я подумала

---

[49] Сноски: 49

Сэмюэл Джонсон (1709–1784) — английский литературный критик, составитель словарей, поэт и острослов.

о смерти, как я прониклась этой идеей. Смерть в моих глазах стала такой прекрасной! Неопределенный соблазн этой встречи все сильнее притягивал меня.

Двое мужчин как раз проходили мимо меня, когда один сказал другому: «У моста Ватерлоо прилив — должно быть, луна там прекрасна». Его слова совпали с моими мыслями. В более радостные дни я читала в газетах о том, как несчастные девушки прекращали свои страдания, перелезая через балюстраду моста Ватерлоо в черную пропасть, усеянную отраженными точками фонарей, и ступая в объятья смерти. Что же, я пойду к тому мосту — люди подскажут направление, — и когда я там окажусь, улица уже будет пустынна. Не могу сказать, что я решилась на это, не могу сказать, думала ли я вообще об этом, но эта мысль завладела мною, как тоска ребенка по дому.

На улицах было тише, но некоторые магазины еще работали, и среди них ювелирный. Ставни были закрыты, только дверь оставалась открытой. Я вошла, не понимая зачем. Наверное, лихорадка затронула мозг. В магазине были трое мужчин: один за прилавком — чопорный человек с приклеенной улыбкой, которого я приняла за владельца, а двое других были покупателями.

Один из них был молодым человеком. Вполоборота ко мне он сидел на стуле перед витриной, в которой сверкали украшения. Второй, старше, одетый в черное, стоял спиной ко мне. Тихо и буднично они обсуждали достоинства кинжала, который, судя по их разговору, молодому человеку рекомендовали как средство против гаррот[50]. Я плохо слышала и была не в состоянии понять их разговор. Мужчина постарше, разговаривая, то клал небольшой кинжал на витрину, то снова брал и крутил в руках.

Яркий газовый свет, бьющий в глаза, был болезненным. Я не помню, зачем я вошла в магазин, помню только, что стояла в дверях в слепящем газовом свете.

Ювелир, тихо и учтиво говоривший с покупателями, показывая им, без сомнений, особые экземпляры своей коллекции, сурово посмотрел на меня из-за прилавка и сказал:

— Да, мадам?

Я ответила:

— Можете разменять соверен?

Должно быть, я сошла с ума, ибо, хотя и говорила с искренней верой, при мне не было ни

---

[50] Сноски: 50

Гаррота — вид холодного оружия; удавка из прочного шнура с прикрепленными к его концам ручками.

шиллинга. Это была не забывчивость, но настоящая иллюзия, поскольку я не только ясно представляла соверен, но как будто чувствовала его в руке.

— Простите, не могу вам помочь, попробуйте в другом месте, — сказал ювелир, обратив на меня жесткий взгляд.

Думаю, он убедился, что я не воровка, и продолжил разговор с молодым человеком, который делал выбор и которому, возможно, было сложно угодить.

Я повернулась, чтобы выйти из лавки, а ювелир в эту минуту удалился в соседнюю комнату, наверное, в поисках чего-то более подходящего для привередливого клиента. Лиц покупателей я не видела, но заметила, что молодой человек несколько раз оглянулся на меня через плечо. Он сказал, вынув портмоне из кармана:

— Прошу прощения, возможно, я могу разменять вам соверен.

Я подошла ближе. То, что случилось дальше, казалось мне сном, в котором наши мотивы зачастую столь туманны, что собственные действия становятся для нас сюрпризом. Был ли это момент безумия или прозрения, не знаю, ибо в страдании, если мужество нас не подводит, наши

мысли всегда грешны.

Мучимая болью, головокружением и стыдом, в плаще и под траурной вуалью, я стояла в слепящем свете газовых ламп, от которого болели глаза. Не могу сказать, какой интерес представляло для меня обыденное зрелище передо мной. Какие звуки, какие жесты поразили мои больные чувства шокирующим узнаванием? Жесткий гнусавый голос старшего мужчины в черном, который склонился над витриной, несомненно, принадлежал месье Дроквиллю! Он беседовал со своим спутником и не озаботился взглянуть на меня. Он не представлял, какой образ смерти стоял рядом с ним!

Они больше не говорили о красивом кинжале, который лежал на стойке. Теперь месье Дроквилль дал волю своей циничности на другую тему. Представьте, он давал сатирическую оценку характера бедного папы. Я видела ухмылку, пожатие плеч, в его насмешливой речи звучало имя, ставшее для меня священным, я слушала оскорбления из уст человека, который все это устроил. Любимый погубленный папа! Смогу ли я когда-нибудь забыть бледную улыбку отчаяния, жалкий голос, которым в ту ужасную ночь он сказал: «Это сделал Дроквилль — он разбил мне

сердце». И вот этот самый Дроквилль стоит здесь с презрением и триумфом на безжалостном лице, бедный папа гниет в кровавом саване, а мама умирает! Какое мне дело, что со мной станет? Казалось, ледяной холод пронзил меня до кончиков пальцев. Двигаясь как тень, я подошла к прилавку, наклонилась, и рука, которая сейчас держит перо, вонзила кинжал в грудь Дроквилля.

В следующий миг его лицо потемнело, взгляд стал испуганным и пустым. Рот открылся, чтобы заговорить или закричать, но не издал ни звука; его глубоко посаженные глаза, смотрящие на меня, меркли, он оседал назад, шаря рукой, будто хотел отвести другой удар.

Было ли все это реально? Секунду я стояла, застыв от ужаса, затем, охнув, бросилась в дверь.

Как я впоследствии узнала, из-за несчастного случая спутник Дроквилля был хром, что способствовало моему побегу. Однако вскоре началась погоня. Я слышала крики и топот. Улица была пуста, когда я выбежала из лавки, и несколько секунд мои шаги были единственными звуками. Я летела со скоростью ветра. Повернула налево на узкую улочку и с нее вправо, на тропинку. Звуки погони не стихали, но так как силы оставили меня, я остановилась за какой-то подпоркой у ворот

каретного сарая. Я оставалась там лишь секунду. Почти суицидальная глупость подталкивала меня, и, не знаю почему, я вышла из укрытия, намереваясь сдаться преследователям.

Я медленно сделала несколько шагов им навстречу. Один из преследователей, мужчина без шляпы, крича: «Стой, стой, полиция!», быстро пробежал мимо меня. Видимо, он не мог представить, что я, медленно идущая ему навстречу, могу быть беглянкой.

Миг, в который я ожидала погибели, прошел без вреда для меня.

Благодаря инстинкту, случайности или чуду я проделала оставшийся путь домой. Когда я подошла к каменной стене, Ребекка Торкилл стояла там, в панике высматривая меня. Убедившись, что это я, она выбежала с криком:

— Ох, слава богу, мисс, это вы, дитя мое!

Экономка обняла меня и расцеловала с искренней страстностью. Я не отвечала на ее ласки, настолько была измотана. Случившееся казалось мне страшным сном. Голос Ребекки звучал для меня глухо. Я видела ее, как бредящие видят нереальные предметы. Пока она вела меня наверх, обнимая крепкой рукой за талию, я не проронила ни слова.

Я услышала, как она сказала: «Вашей матушке лучше, сейчас она спокойна», но не могла сказать: «Слава богу!» и осознавала, что даже взглядом не выражаю удовольствия или понимания.

Ребекка, тревожно всматриваясь мне в лицо, отвела меня в гостиную. Я не сказала ни слова, не посмотрела по сторонам. Застонав, я села на диван. Меня трясло.

Теперь передо мной стоял другой фантом и говорил с Ребеккой. Мистер Кармел… Его большие глаза — какими темными и измученными они казались — смотрели на меня почти с болью! Что-то выпало из моей руки на стол, когда пальцы расслабились. Я и забыла, что что-то держу. Они оба посмотрели на этот предмет, а потом друг на друга с тревогой и даже ужасом. Это был кинжал, запятнанный кровью.

Я не могла следить за их разговором. Мистер Кармел быстро взял нож, посмотрел на него, на меня и снова на Ребекку с неуверенностью. И правда довольно зловещая находка, особенно со следами крови на дрожащей руке. Он снова внимательно осмотрел кинжал, потом вложил в руку Ребекки и что-то сказал.

Какое-то время они беседовали. Я не понимала и не хотела понимать, о чем они говорят. Мне

было все равно, что со мной станет.

— Вы не ранены, дорогая? — прошептала Ребекка совсем рядом со мной, смотря на меня честными глазами.

— Я? Нет. О, нет, — ответила я.

— Не этим ножом?

— Нет, — повторила я.

Мне быстро становилось хуже.

Прошло немного времени, и я увидела, как мистер Кармел помолился, сложив руки, и потом услышала, как он четко говорит Ребекке:

— Она очень больна. Я иду за доктором. — И добавил еще несколько слов.

Он казался ужасно бледным: когда он смотрел на меня, его глаза будто прожигали мне мозг. Потом к ним добавилась еще одна фигура: в комнату вошла горничная, встала рядом с Ребеккой Торкилл и, как мне показалось, что-то ей прошептала. Я не понимала, о чем она или они говорят. Горничная была так же испугана, как остальные. Остатками восприятия я почувствовала: они думают, будто я умираю. Мой затуманенный разум наполнила мысль, что я и правда перехожу в новое состояние. Черная пелена, которая так долго висела надо мной, наконец опустилась, и я не помню множество следующих дней и ночей.

Пока что секрет оставался только моим. Как говорят старые авторы, я лежала «по милости божьей» с ножом у горла, в нужде, темноте и абсолютной беспомощности лихорадки. Мой мозг ничего не помнил, губы были плотно сжаты. Но моим секретом довольно быстро завладел другой человек.

Несколько недель, как я сказала, просто стерлись из моей памяти. Когда постепенно холодный серый свет возвращающейся жизни проник в меня, я почти надеялась, что это ошибка. Мне претила ужасающая рутина существования. Я была так слаба, что, хотя жар прекратился, могла умереть в любой момент.

Наконец меня переместили в кресло, в котором, в халате и тапочках, люди обычно восстанавливаются после опасной болезни. В апатии изнеможения я сидела часами, не читая, не говоря, даже не думая. Но постепенно, понемногу мой дух ожил, и когда жизнь вернулась, черные заботы и страхи, присущие существованию, собрались вокруг меня со страшными лицами.

Однажды Ребекка, которая, несомненно, все это время жила в тревоге, спросила:

— Где вы взяли нож, мисс Этель, который принесли в руке в ночь, когда заболели?

— Нож? Я? — выдавила я, подавив ужас. — Какой нож?

До того момента я почти не осознавала, что унесла кинжал с собой. Вопрос Ребекки чуть не убил меня. Это были первые слова, связанные с той отвратительной сценой, которые я услышала.

Она описала нож и повторила вопрос.

— Где он? — спросила я.

— Мистер Кармел унес его, — ответила она, — в ту же ночь.

— Мистер Кармел? — повторила я, с ужасом вспоминая его связь с месье Дроквиллем. — Вы не имели права показывать кинжал ему и тем более — боже мой! — отдавать его.

Я встала, но была слишком слаба и рухнула обратно в кресло.

Не буду отвечать на ее вопросы. Она поймет, что тревожит меня, и отстанет.

Сцена в ювелирном магазине оставалась в моей памяти, украшенная яркими красками и огнями. Но в ней появился еще один, возможно, самый кошмарный элемент.

Постфактум я узнала второе лицо — того, кто был рядом с Дроквиллем. Этот человек встал между мной и раненым, когда я отшатнулась после

удара. Одна рука была протянута ко мне, чтобы не допустить новый удар, другой он подхватил упавшего.

Иногда я сомневалась, не иллюзия ли тот страшный эпизод. Иногда мне казалось, что бледное лицо, горящие глаза, нахмуренные брови, шрам на лбу, стертая улыбка — что все это принадлежало призраку.

Молодой человек, который рассматривал вещицы в витрине и предложил разменять мой воображаемый соверен, был тем самым мужчиной, который потерпел кораблекрушение близ Мэлори, тем мужчиной, который в лесу Пла Ильд дрался на тайной дуэли, тем мужчиной, который впоследствии со столь безрассудной дерзостью заявил, что любит меня, тем мужчиной, который на какое-то время захватил мое воображение, тем мужчиной, относительно которого я получала предупреждения столь темные и значительные.

Ничто не было более ярким, чем эта картинка, и более неопределенным, чем ее реальность. Я не увидела узнавания в его лице: все случилось так быстро. Ну, мне было все равно. Я умирала. Чем был для меня этот мир? Я подписала себе смертный приговор и хотела принять судьбу, а не возвращаться к ужасающей реальности.

Моя бедная мама, которая ничего не знала о моем страшном приключении, переживала одно из тех обманчивых улучшений, которые иногда будто бы обещают долгую отсрочку в той форме сердечной болезни, которой она страдала. Она только знала, что у меня воспаление мозга, но, конечно же, не догадывалась, насколько близко я была к смерти. Теперь я быстро и уверенно восстанавливалась, но была так слаба и к тому же сломлена, что воображала, будто должна умереть, и думала, что домочадцы, пусть и с добрыми намерениями, обманывают меня.

Наконец я обнаружила себя сидящей в кресле. Мама, обрадованная моим выздоровлением, теперь часто бывала со мной. Осмелюсь сказать, она была встревожена больше, чем предполагала Ребекка.

От мамы я узнала, что деньги, на которые мы жили во время моей болезни, дал мистер Кармел. Хотя их было немного, думаю, ему стоило огромного труда достать их, ибо человек его положения, как я предполагала, не может владеть собственными средствами. Он был очень добр. Я ничего ему не сказала, но была благодарна: его непоколебимая верность глубоко тронула меня. Мне было интересно, как часто мистер Кармел

справлялся обо мне во время болезни или выказывал интерес к моему выздоровлению. Но я не осмеливалась спросить.

Глава XLIV
Зловещий визит

Иногда мне казалось, что даже без Откровения мы могли бы обнаружить, что человеческая раса рождена для бессмертия. Смерть появилась без приглашения. Дети не могут в нее поверить. Впервые они встречают ее с любопытством и удивлением. Они долго не осознают ее настоящий характер и не верят, что она придет за всеми. В конце жизни мы едва ли искренни, когда говорим о собственной смерти.

Увидев, что маме лучше, я больше не думала об опасности: будто ангел смерти никогда не стоял в наших дверях и я никогда не видела мимолетную тень его духа в маминой комнате.

Чем больше ко мне возвращалось сил, тем мрачнее и взволнованнее я становилась. Меня преследовали никогда не спящие и вполне обоснованные предчувствия опасности. Во-первых, я оставалась в неведении относительно того, опасно или же смертельно был ранен месье Дроквилль, и не могла ничего узнать о нем. Да, Ребекка получала воскресную газету, в которой

описывали все ужасы недели, и день за днем перечитывала ее, пока не выходил новый номер. Если бы имя месье Дроквилля, которое она знала, появилось на страницах, у нее был бы шанс прочитать его, а если бы она прочитала, то, несомненно, упомянула бы об этом. Однако втайне я ужасно боялась. С тех пор как мое выздоровление перестало быть сомнительным, мистер Кармел не возвращался. И оружие, которое выпало из моей руки, находилось у него.

В хранении этой проклятой улики и уклонении от встреч со мной было зловещее предзнаменование. Кому, как не мне, знать о его принципах, которые заставляют признавать все личные размышления, чувства и дружбу несуществующими, если они мешают всеохватывающему и первостепенному долгу его ордена. Я жила в постоянном напряжении — неудивительно, что выздоравливала я все-таки не очень быстро.

Однажды, когда мы долго молчали, я спросила Ребекку, как я была одета в тот вечер, когда пошла к лорду Челлвуду. И немедленно успокоилась, когда она сказала, что среди всего прочего на мне была плотная черная вуаль. Это все, что мне было нужно знать, ибо я не могла безоговорочно полагаться на свои воспоминания сквозь пелену

и морок жара. Я утешала себя мыслью, что ни месье Дроквилль, ни мистер Марстон не видели моего лица.

В таком состоянии тревоги я жила две или три недели, и в эти дни случилось некое происшествие. Однажды я сидела в кресле в гостиной, окруженная подушками, и почти дремала. Мама была со мной — читала Библию, что теперь делала часами, иногда со слезами, но всегда с дрожащим интересом потерявшей все остальное.

Я уснула. Разбудил меня голос, от которого я пришла в ужас. Я подумала, что все еще сплю или сошла с ума. Это был гнусавый и энергичный тенор месье Дроквилля, с привычной быстротой говоривший в комнате — не с мамой, она вышла из гостиной, пока я спала, но с Ребеккой.

К счастью для меня, передо мной стояла ширма, и, полагаю, он не знал, что я нахожусь в комнате. От каждого движения его ноги по полу, от каждого резкого слова мое сердце стучало быстрее. Я боялась шевельнуться и почти боялась дышать, чтобы не привлечь его внимание.

Болезнь лишила меня спокойствия. Я опасалась, что, энергичный и любопытный, каким он всегда был, Дроквилль заглянет за ширму, увидит меня и заговорит. Я не знала цели его

визита, но в ужасе угадала и, лежа на подушках, неподвижная, с закрытыми глазами, слушала, как он допрашивает Ребекку о сроках и природе моей болезни.

— Когда мисс Уэр в последний раз выходила до болезни? — спросил он.

— Не могу назвать точную дату, сэр, — ответила Ребекка уклончиво. — Она редко покидала дом до болезни, так как ее мама была очень плоха.

Притворившись, что изучает факты моей болезни просто как врач, он предложил немедленно меня осмотреть. Это так и прозвучало:

— Могу я осмотреть ее? Я доктор, вы знаете. Где мисс Уэр?

Миг тишины, предшествующий ответу, показался мне вечностью. Ребекка, однако, ответила довольно твердо:

— Нет, сэр, благодарю. Ее регулярно посещает доктор, и сейчас она спит.

Экономка не раз слышала, как я с ужасом говорю о месье Дроквилле, и не забыла о моей неприязни.

Он колебался. Я слышала, как он стучит пальцами, размышляя, по другую сторону ширмы.

— Ну, — задумчиво протянул он, — это ничего не значит. Мне все равно, возможно, это к луч-

шему. Но вы можете передать миссис Уэр, что ее записка найдет меня по старому адресу и я буду очень ей рад.

Я услышала, как он вышел из комнаты, а затем быстро сбежал по лестнице. Входная дверь тихо закрылась за ним.

Страх, который внушил мне этот мужчина, и не без причины, был неописуем. Я не могу ошибаться в моих воспоминаниях на сей счет, так как сразу после его ухода я потеряла сознание.

Когда я оправилась, мои страхи вернулись. Тот, кто не испытывал подобного ужаса, не знает, каково это — хранить опасный секрет, каждый час боясь чего-то нового, когда не с кем посоветоваться, когда ты можешь рассчитывать только на себя. Даже мамин удрученный дух воспламенился из-за наглого, как она сказала, визита месье Дроквилля. Мой гнев был подавлен страхом. Мама была возбуждена, она многословно перечисляла, прерываясь на рыдания и потоки слез, список своих обид и страданий, ответственность за которые она возложила на этого человека.

Однако через час буря стихла. Но в тот же день, позднее, мама слегла с рецидивом болезни, вызванной волнением. Приступ был несильным, но все же мучительным, а для меня — печальным

доказательством того, что ее недуг серьезен и конец все ближе. Это направило мои тревоги в новое русло.

Мама была очень терпелива и нежна. Когда я сидела у ее постели, глядя в ее печальное лицо, какая невыразимая любовь, какая печаль тревожили мое сердце! Около шести она уснула, и тогда мои мысли начали блуждать, а страхи вернулись. Это не к добру, была уверена я, что месье Дроквилль вычислил наше угнетающее жилище. Что бы он ни предпринял относительно моего преступления — или мании, — им руководила не страсть или социальные соображения, но политика принципов, которые я не понимала. У меня не было догадок, я находилась в полной темноте, окруженная всеми фантазиями, которые воображение может вызвать из бездны.

Мне было не суждено долго оставаться в неопределенности.

Глава XLV
Секрет

Солнце садилось, когда на цыпочках, как можно тише шурша платьем — мне не хотелось потревожить сон мамы, — я выскользнула из ее комнаты, чтобы дать указания Ребекке Торкилл. Спускаясь по темной лестнице, я встретила нашу горничную из Мэлори, которая что-то сказала, указывая на гостиную. Я видела, что ее губы двигаются, но, как случается, когда ты занят своими мыслями, не услышала, что она сказала.

Следуя указанию ее руки, я вошла в гостиную.

Наш дом стоял на небольшой возвышенности, а ближайшие дома были низкими, и последние лучи заката, красные от дыма и тумана, проходя над крышами, тускло освещали дубовые панели на стене. Окна, однако, были узкими, и в комнате было довольно темно. Я увидела, что кто-то стоит в проеме окна, и нерешительно остановилась у двери. Гость повернулся, и солнце осветило его черты. Это был мистер Кармел. Он быстро подошел ко мне и сказал, как мне показалось, очень холодно:

— Вы можете уделить мне несколько минут наедине, мисс Уэр? Мне надо вам кое-что сказать, — добавил он, когда я не ответила. — Это важно, и я буду краток.

Мы стояли у двери. Я согласилась. Он тихо закрыл дверь, и мы бок о бок подошли к окну, где он прежде стоял. Тусклое свечение, похожее на далекий пожар, озарило его лицо. Какие удивительные темные глаза, подумала я, какие воодушевленные! И вряд ли я видела, чтобы человеческие глаза выражали такое страдание. Я прекрасно знала, о чем он хочет поговорить.

На его лице лежала тень исповеди. Ведь это перед ним в моменты полной откровенности прихожане раскрывают все свои ужасные секреты, которые он подвергает меланхоличному изучению. Для сострадательного, гордого, чувствительного разума должность исповедника может быть полна самоуничижения, боли и ужаса. Мы, знающие только собственные секреты, не представляем изумление, печаль и отвращение, которые по размышлении возникают над откровениями других. Размышление это может обнаружить, что стандарт человеческой природы не превышает некоторый определенный уровень.

— Я принес вам это, — сказал он еле слышно, держа нож в согнутой чашечке ладони. Его измученные глаза смотрели прямо на меня, когда он сказал: — Я все знаю. Если вы не запретите, я сегодня же брошу кинжал в реку — доказательство поступка, за который вы ответственны не больше, чем лунатик ответственен за то, что сделал во сне. На месье Дроквилля я не имею влияния, напротив, это он приказывает мне. Но в одном я уверен: пока ваши друзья не будут оспаривать завещание леди Лорример — а я уверен, что они и не решатся на такой шаг, — вам не нужно бояться его. — Я ничего не ответила, но, думаю, он увидел в моем лице что-то, что заставило его добавить с большим нажимом — Можете не сомневаться.

Я тут же успокоилась, ибо знала, что ни у кого действительно нет намерений устраивать в суде разбирательства относительно завещания.

— Но, — продолжил он с той же тревогой в глазах, — есть человек, который может причинить вам беспокойство. Есть обстоятельства, о которых вы еще не знаете, но которые могут снова свести вас с мистером Марстоном. Если это случится, вы должны быть готовы. Он упоминал то, что внушает эти опасения, но, думаю, это просто предположение. Невозможно, чтобы он

с уверенностью узнал вас. Если, повторюсь, вы случайно окажетесь под одной крышей с ним, будьте разумны, держитесь от него подальше. Ничего не подтверждайте, разбейте его подозрения и хитрость максимальной осторожностью. Он движим целью посрамить вас и вовсе не наделен совестью или милосердием. Хотел бы я внушить вам весь ужас этого злобного и опасного характера, который был приобретен на горьком опыте. Я могу только повторить мое предупреждение и умолять вас действовать согласно ему, если настанет такое время. — Он взглянул на оружие в своей руке. — Я избавлюсь от него сегодня же, как и обещал.

Мистер Кармел не выказывал эмоций или признаков особого интереса ко мне, но его голос и взгляды внушали мне трепет. Я еще не простила его и не отреклась от гордости. Мое расставание с ним в нашем бывшем доме было еще свежо в моей памяти. Как и в его, полагаю, ибо поведение было отчужденным и даже строгим.

Он словно прочитал мои мысли.

— Наше старое знакомство, мисс Уэр, закончилось по вашей воле и, если подумать, с моим добровольным подчинением. Когда мы расстались в последний раз, я думал, что нам не суждено

встретиться вновь, и этот разговор не доброволен, но вызван необходимостью. Я просто выполнил свой долг, и, искренне надеюсь, не напрасно. Должно случиться что-то очень неожиданное, чтобы я вновь вас побеспокоил.

Он не выказывал желания поговорить со мной о чем-то ином. Реальное, как и метафорическое, расстояние между нами увеличилось — он был уже у двери. Открыв ее, он попрощался очень холодно, совсем не так, как в прошлый раз.

Я только сказала:

— Я очень благодарна вам, мистер Кармел, за заботу обо мне… обо мне, несчастной!

Он не ответил, вновь попрощался, так же холодно, как за минуту до этого, и вышел из комнаты.

Я увидела, как он уходит от нашего дома в быстро угасающем свете. На душе у меня становилось все тяжелее. Во время нашего скупого разговора я хотела протянуть ему руку и попросить простыми словами помириться со мной. Я сгорала от желания сказать, что судила его слишком строго и что мне жаль, но гордость запретила мне это сделать. Думаю, его гордость тоже заставляла держаться отчужденно. Так я потеряла друга. По моим щекам потекли горькие слезы.

Сидя у окна, я смотрела на выцветающие

краски вечера и печальное небо над крышами, которое даже сквозь извечный лондонский смог казалось поэтичным и нежным, пока свет не померк и в сумерках не засияла луна. Потом я поднялась наверх и обнаружила, что мама еще спит. Когда я стояла рядом с ее постелью, Ребекка Торкилл прошептала мне:

— Она кажется очень бледной, бедняжка, вы так не думаете, мисс? Слишком бледной.

Я тоже так думала, но мама спокойно спала. Каждое изменение в ее внешности теперь было предметом тревоги, но ее час еще не пришел. Я начала беспокоиться, что она потеряла сознание, но тут она проснулась и сказала, что хочет сесть. Румянец к ней не вернулся: она казалась слабой, но пообещала нам, что скоро снова станет собой.

Мама спустилась в гостиную, и вскоре ей и правда будто бы стало лучше: она говорила больше, чем с тех пор, как нас постигло это ужасное несчастье, и она действительно была больше похожа на прежнюю себя — на ту нежную себя, какой я ее видела вдали от театрального Лондона, среди прекрасной тиши ее родины.

Ребекка Торкилл время от времени заходила в комнату и вставляла слово на манер верных деревенских слуг, чтобы поддержать беседу.

Впоследствии я кое-что узнала о приключениях мистера Кармела тем вечером. Ему пришлось зайти в два-три места, прежде чем он вернулся в свой временный дом. Друг, путешествующий за границей, позволил ему пожить в его комнатах в Темпле.

Мистер Кармел открыл дверь своим ключом. Был вечер, ставни остались открытыми, снаружи сияла луна, и ее тусклые лучи, косо бившие в окно, с холодной безжалостностью касались предметов в темной комнате.

Для человека подавленного что может быть более удручающим, чем возвращение в пустые неосвещенные комнаты? Мистер Кармел, двигаясь как тень, в меланхоличной апатии подошел к окну. Тут и там горел свет в домах напротив, но если свет этот делал улицу менее темной, то он будто добавлял мрака в его жилище.

Когда он так стоял, какое-то движение за спиной заставило его насторожиться. Оглянувшись через плечо, мистер Кармел увидел, что дверь, через которую он вошел, медленно открылась. Кто-то просунул в нее голову, потом молча вошел и закрыл дверь за собой. Фигура, плохо различимая в тусклом свете, напоминала лишь одного из всех его знакомых — последнего человека на

земле, который, как он думал, хотел бы с ним встретиться. Мистер Кармел застыл, пораженный и испуганный его присутствием.

— Вот это да, Кармел, не узнаешь меня? — сказал специфичный голос. — Я видел, как ты вошел, и хотел постучать, но ты оставил дверь открытой.

К этому времени непрошеный гость дошел до окна и остановился рядом с мистером Кармелом. Бледный луч упал на примечательное лицо мистера Марстона.

— Я не призрак, хотя несколько раз был к этому близок. Знаю, о чем ты думаешь,– смерть забрала лучших? Но, может, и хорошо, что меня миновала сия участь? А, ты думаешь, что, избежав ее, я должен был лучше усвоить урок? Ну так я его усвоил. Меня чуть не убили в великой битве при Фуэнтасе. Я сражался за королеву Испании, но умереть за нее?.. Она до сих пор должна мне пятнадцать фунтов десять шиллингов и одиннадцать пенсов в британской валюте. Это лишь показывает мою удачу. В том сражении только четыре живых существа были ранены до крови: я, почтенная торговка апельсинами, мул священника и наш главный хирург, чей большой палец и бритва были сломаны пулей на излете, когда он брил

солдата под зонтиком в разгар событий. Понимаешь, испанец — осмотрительный воин, и мы очень редко подходим достаточно близко, чтобы вступить в бой. Меня ранил какой-то взбалмошный дурак. Должно быть, он закрыл глаза, как Жиль Блас[51], ибо ни в одной из армий не было человека, который смог бы попасть туда, куда целился он. Ну, он чуть не убил меня: полдюйма выше, и я бы больше не увидел тебя, мой дорогой Кармел, и этот милый двуличный мир. Это было первое уродливое ранение кампании, и враг долго пользовался его репутацией. Но правда в том, что я страдал от болезни, ран и пятидесяти других причин. Я был таким жалким, каким бы меня хотел видеть любой добродетельный человек. И я изменился, клянусь честью, я так же отличаюсь от себя прежнего, как ты от меня. Я почти тебя не вижу: прошу, зажги свечи.

— Нет, пока ты здесь, — сказал Кармел.

— Почему? Чего ты боишься?– спросил Марстон.– Надеюсь, у тебя за ширмой нет маленькой французской модистки, как у Джозефа Серфе-

[51] Сноски: 51

«История Жиль Бласа из Сантильяны» — плутовской роман Алена Рене Лесажа (1668–1747), написанный в период с 1715 по 1735 год.

са[52], который мог бы стать хорошим иезуитом. Почему ты не хочешь зажечь свет?

— Твои непристойности здесь неуместны, — сказал Кармел, который отлично знал, что Марстон пришел не для того, чтобы болтать глупости и рассказывать о приключениях в Испании, и что его дело, каким бы оно ни было, скорее всего, гнусно. — Какое право ты имеешь входить в мою комнату? Или говорить со мной где бы то ни было?

— Брось, Кармел, подумай хорошенько: ты отлично знаешь, что я могу быть тебе полезен.

— Вовсе нет, — ответил Кармел, вздрогнув. — А если бы мог, я бы тебя ни о чем не попросил. Покиньте мою комнату, сэр.

— Ты можешь изгнать злых духов, но не меня, пока я не договорю, — ответил Марстон с улыбкой, которая в лунном свете казалась мрачной и циничной. — Я говорю, что могу быть тебе полезен.

— Довольно. Не хочу ничего слышать. Уходи, — сказал Кармел с нажимом.

Марстон снова улыбнулся и посмотрел на него.

— Ну, я могу быть полезен, — сказал он, — и

---

[52] Сноски: 52

Персонаж романа Ричарда Шеридана (1751–1816) «Школа злословия».

не хочу быть полезен лично тебе, но ты можешь сделать мне одолжение, а это лучше делать спокойно, а не импульсивно. Ты поможешь мне? Рассказать в чем?

— Боже сохрани! — сказал Кармел поспешно. — Уверен, в этом нет ничего хорошего.

Марстон зло посмотрел на него и гневно ухмыльнулся. Через несколько секунд он сказал, все еще искоса глядя на мистера Кармела:

— Прости нам грехи наши, как мы прощаем… и так далее, да? Полагаю, иногда ты читаешь «Отче наш»? Ты долго таил на меня старую обиду — да? — из-за Гиневры?

Он не отрывал взгляда от Кармела, будто упиваясь зрелищем страданий, которые он причинил, и ему нравилось видеть дрожь и трепет, что сопровождали первую реакцию.

Услышав это имя, Эдвин Кармел резко перевел взгляд с пола на лицо гостя. Его лоб покраснел, но он продолжал молчать. Марстон не улыбался: лицо было напряжено, но в глазах застыла тайная жестокая улыбка, когда он наблюдал за доказательствами волнения Кармела.

— Ну, я не должен был называть это имя, не должен был ссылаться на него: я был неправ, — сказал он. И через несколько секунд: — Но я хотел

рассказать, до того как ты рассердил меня, как я виню себя теперь за тот прискорбный случай. Это правда, клянусь! Что еще может сказать человек, кроме того, что ему жаль, когда уже ничего нельзя исправить? Только раскаяние может предложить такой человек, как я. Я видел, что ты об этом думаешь, ты меня рассердил, и я не мог не сказать то, что сказал. Но давай оставим эту печальную тему. Выслушай меня по другому вопросу, и спокойно. Это не большая просьба.

Кармел прижал руку к голове, будто не слыша его слов, и застонал.

— Почему ты не уходишь? — проговорил он жалобно, снова поворачиваясь к Марстону. — Неужели ты не видишь, что твое присутствие приносит только боль и осуждение?

— Дай мне сначала сказать, — продолжил Марстон. — Ты можешь помочь мне в совершенно безвредном и бесспорном деле. Всякий человек, который хочет перевернуть страницу, женится. Леди бедна — вот, по крайней мере, доказательство того, что дело не постыдно, — ты ее знаешь и можешь повлиять на нее…

— Возможно, я и правда ее знаю, возможно, я знаю, кто она, — все так. Но у меня нет влияния, а если бы было, я бы не использовал его ради тебя.

И кажется, я знаю твои мотивы.

— Ну, предположим, мотивы есть, но это не ухудшает дело, — сказал Марстон, снова начиная злиться. — Я подумал, что приду и узнаю, расположен ли ты к дружбе. Я этого хочу, а если ты — нет, то я не могу тебе помочь. Я все равно использую тебя. Подумай хорошенько. Лучше, чтобы я был твоим другом, а не врагом.

— Я не боюсь тебя как врага, но боюсь как друга. Я ничем тебе не помогу, это давнее решение, — ответил Кармел воинственно.

— Думаю, через месье Дроквилля я это улажу. Да ты все равно мне поможешь.

— Почему месье Дроквилль должен контролировать мое поведение? — спросил мистер Кармел резко.

— Это он сделал тебя католиком и, подозреваю, крепко держит в узде твою совесть и послушание. Если он решит содействовать мне в этом деле, думаю, ты подчинишься.

— Можешь думать что хочешь, — сказал Кармел.

— Это роскошь в твоей Церкви, — усмехнулся Марстон и, снова сменив тон, сказал: — Слушай, Кармел, еще раз: зачем нам ссориться? Я не буду пугать тебя месье Дроквиллем, но ты должен сде-

лать самую ничтожную вещь на свете — сказать мне, где живет миссис Уэр. Никто этого не знает, с тех пор как старина Уэр выставил себя дураком, бедняга! Но, я думаю, ты позволишь мне хотя бы поговорить с матерью юной леди? Скажи мне, где они. Ты же, конечно, знаешь?

— Даже если бы я знал, я бы тебе не сказал, так что это не имеет значения, — ответил Кармел.

Казалось, Марстон был разозлен. Они молчали.

— Полагаю, теперь ты все сказал, — начал Кармел, — и я снова прошу тебя уйти.

— Так я и сделаю, — усмехнулся Марстон, надевая шляпу, — хотя так сложно покидать столь романтичную, легкую и приятную компанию. Ты мог выбрать мир, но предпочел войну. Думаю, я мог бы тебе кое с чем помочь, если бы все пошло по-моему. — Он замолчал, но Кармел не отреагировал. — Ну, теперь ты идешь своей дорогой, не моей, и однажды ты об этом пожалеешь.

На этом Марстон вышел из комнаты. Стук, с которым он закрыл дверь, едва перестал звенеть в комнате, когда Кармел увидел, как его гость вышел во двор и беззаботно ушел в лунном свете, напевая мелодию.

Почему на земле есть люди, чьи тайные мысли всегда вызывают страх, и почти все их планы,

если не по злому умыслу, то по другой скрытой причине причиняют вред? Большинство из нас знают такого человека — человека, на которого мы вынуждены смотреть молча, который, улыбаясь, приносит с собой чувство незащищенности, и чей уход — настоящее облегчение. Такой человек кажется мне чужаком на земле, он сообщается с невидимыми спутниками, его удовольствия не человеческие, и его миссия в этом мире жестока и таинственна. Я оглядываюсь назад с удивлением и благодарностью. Страшно положение того, кто в присутствии такого влияния, под воздействием такого обаяния теряет чувство опасности.

Глава XLVI
После работы

На следующий день к нам заглянул доктор. Он часто посещал маму, осматривал и меня во время затянувшейся лихорадки, но никогда не брал плату после первого визита в наше новое жилище. Осмелюсь предположить, что другие великие лондонские врачи, о которых говорит весь мир, тоже втайне занимаются подобной благотворительностью. Мой опыт показывает, что горе, подобное нашему, великий распознаватель характера, который просеивает людей как зерно сквозь сито. Тех наших друзей, которые похожи на солому, оно сдуло, но тех, кто был благороден, оставило благородными. В них нет раздражительности, спешки или небрежности: при встрече с ними, долгой или короткой, мы ощущаем только нежность, чуткость, уважение и терпение.

Те немногие, кто знал, где нас найти, показали нам больше доброты, чем имели бы возможность показать, если б наше положение не изменилось. Кто мог быть добрее мистера Форрестера? Кто мог

быть заботливее мистера Кармела, до которого мы в конце концов отследили цветы, книги и пианино, ставшие таким утешением для меня, и кто во время моей болезни приходил каждый день, чтобы проведать меня и маму?

Во время своих не пременно кратких визитов сэр Джейкоб Лейк, наш доктор, был энергичным и веселым, и такое его поведение внушало уверенность, но сегодня, когда он уходил от мамы, мне показалось, что я вижу нечто похожее на тень на его лице, мимолетную печаль, которая не могла не встревожить меня. Я проводила его вниз, и в коридоре у гостиной он на секунду остановился.

— Что-нибудь решилось с тем местом — Мэлори, кажется? — спросил он.

— Нет, — ответила я, — нет ни единого шанса. Мистер Джалкот говорит, сэр Гарри Рокстон хочет его продать: просто из ненависти к нам. Он наш старый враг: говорят, он ненавидит одно наше имя, и он не ответил ни на одно письмо мистера Форрестера.

— Я только хотел сказать, что это все равно не поможет: сейчас ваша мама не перенесет столь долгое путешествие. Думаю, ей не нужно тратить сил и пока она не должна покидать этот дом.

— Боюсь, вы считаете, что она очень больна, —

сказала я, чувствуя, что бледнею.

— Она больна, и ей не будет лучше, но она может еще долго быть с вами. Такие вещи всегда неопределенны и могут закончиться раньше, чем мы думаем, я не говорю, что это вероятно, просто возможно. Посылайте за мной, как только я вам понадоблюсь, а я буду иногда заглядывать и проверять, как все идет.

Я начала искренне его благодарить, но Джейкоб Лейк добродушно меня остановил. Он мог уделить мне чуть больше минуты: я проводила его до двери, и хотя он сказал мало, причем с осторожностью, я была убеждена, что могу потерять любимую мамочку в любой день или час. Доктор намекнул на это очень туманно, но я была в этом уверена. Люди, которые пережили такие удары, как я, видят в будущем врага и верят в его угрозы.

В волнении и ужасе я закрыла дверь и вернулась к гостиной, затем инстинкт направил меня в комнату мамы, где я подошла к ее постели и села рядом с ней.

Думаю, все чувствовали то, что чувствовала я тогда. Каким магическим образом общество больного, если он вне приступа, успокаивает нас! Искренний интерес, который мама проявляла к

обычным темам ежедневной рутины, веселый и легкий тон, даже небольшая раздражительность относительно деталей комнаты скоро отбросили смерть в неясную перспективу, и инстинкт жизни одолел все факты и логику.

Форма той болезни сердца, от которой страдала мама, не имела в себе ничего отталкивающего физически. Думаю, я не помню ее прекраснее. Цвет ее губ и щек, всегда прелестный, сейчас был ярок, как никогда, блеск глаз усилился и был очень красив, бледность стала чуть сильнее, лицо и фигура — стройнее, но не чрезмерно; она казалась девочкой, и когда я уходила, ее милое нежное личико преследовало меня повсюду.

Уж столько людей говорили, что приближение смерти вызывает изменение в характере, и я почти приняла это как неоспоримый закон природы. В маме я тоже видела это, но изменения были в лучшую сторону. Все то, что было в ней менее привлекательно, уменьшилось, а ее прелесть, ее нежность, напротив, стали особенно видны. Пришло спокойствие, разительно отличающееся от состояния ее разума, в котором она пребывала со смерти папы и до моей болезни. Не знаю, догадывалась ли она о грозящей ей опасности. Если да, то она не говорила об этом со мной

или Ребеккой Торкилл. Думаю, для некоторых людей смерть такая же запретная тема, как для других — любовь.

На следующий день после визита доктора маме было намного лучше, она сидела в гостиной, и я читала ей, говорила с ней и развлекала музыкой. Она устроилась в кресле в халате и тапочках, и мы обсудили сотни планов, которые, казалось, интересовали ее. Попытки развеселить маму пошли на пользу и мне. Думаю, в тот день мы были счастливее, чем за все время после трагедии.

Пока мы находились дома, события, связанные с нами и нашей историей, не стояли на месте.

Дело мистера Форрестера было обширно: ему помогали два партнера, и все трое были очень заняты. Офисы фирмы занимали два дома на одной из улиц недалеко от Лондонских ворот. Я была там лишь однажды; полагаю, они мало чем отличались от устройства других часто посещаемых контор, но я помню, что была поражена деловой атмосферой и сложной топографией двух домов, объединенных в один.

Мистер Форрестер в своем кабинете запер стол — он думал уйти домой. Было начало пятого, и перед уходом он заглянул к своим коллегам, принимающим делегацию по вопросу сложной

ликвидации. Эта минутная задержка стоила ему больше времени, чем он предполагал, ибо вошел секретарь и прошептал ему на ухо:

— Сэр, вас желает видеть джентльмен.

— Ну к черту! Я уже ушел, — сказал мистер Форрестер раздраженно, — разве ты не видишь? Вот же я, держу шляпу! Пойди поищи меня в моем кабинете и увидишь, что меня там нет.

Очень почтительно, несмотря на вспышку его гнева, секретарь сказал:

— Я подумал, сэр, прежде чем отослать его, что вы захотите увидеть этого джентльмена: кажется, он думает, что делает нам одолжение. Вы ему писали, но он не утруждался отвечать. Боюсь, больше он не придет.

— Как его зовут? — насторожился мистер Форрестер.

— Сэр Гарри Рокстон, — ответил клерк.

— Сэр Гарри Рокстон? Ох! Ну, полагаю, я должен с ним встретиться. Да, я его приму, проводи его в мой кабинет.

Мистер Форрестер едва успел вернуться, отложить в сторону шляпу и зонтик и сесть в кресло за столом, как его секретарь, заглянув в дверь, объявил:

— Сэр Гарри Рокстон.

Мистер Форрестер встал и с поклоном встретил посетителя. Он увидел высокого седовласого мужчину, благородного, но простого в походке и манерах, с загорелым красивым лицом и суровым взглядом, будто он перенял характер мрачного горного пейзажа, окружавшего его дом. Одет он был в небрежный старомодный костюм сельского джентльмена, с гетрами до колен, будто собирался пойти на болото с ружьем на плече и в сопровождении собаки.

Мистер Форрестер предложил ему стул, и тот, едва кивнув, молча сел. Дверь закрылась, и они остались одни.

Глава XLVII
Сэр Гарри говорит

— Вы мистер Форрестер? — спросил сэр Гарри низким чистым голосом, сочетавшимся с его внешностью. Суровые глаза смотрели прямо на солиситора.

Тот слегка кивнул головой.

— Я получил ваши письма, сэр, все.

Еще один легкий кивок.

— И не ответил ни на одно.

И еще.

— Не показалось ли вам, сэр, как человеку деловому, довольно странным упущением то, что вы не упомянули, где проживают леди, представляющие интересы покойного мистера Уэра.

— На самом деле я написал, но… — ответил мистер Форрестер, поворачивая ключ в столе и отыскивая в ящике письмо.

Он сомневался, отправлять ли его, однако так и не отправил. Поразмыслив, есть ли риск в том, что посетитель узнает местонахождение вдовы и ее дочери, и придя к выводу, что нет, он протянул письмо сэру Гарри Рокстону.

— Что это? — спросил баронет, ломая печать.

Бегло просмотрев содержимое письма, он засунул его в карман пальто, явно думая о чем-то другом.

— Здесь текущий адрес миссис и мисс Уэр, который, как я понял, вы только что выразили желание узнать.

— Выразил желание! — воскликнул сэр Гарри, фыркнув. — Да будь я проклят, если это так! На кой черт мне их адрес? Они могут жить где хотят. Уэр мертв; умер худшей смертью — худшей, чем у висельника, — умер, не стоя ни гроша, и я всегда знал, что так случится. И что же заставило вас писать мне все эти глупые письма? Почему вы продолжали надоедать, хотя я не ответил ни на одно из них? Вы же должны быть разумным человеком, почему вы такой мямля? — Его северный акцент становился заметнее, когда он возбуждался.

Наглость посетителя смутила мистера Форрестера. Впоследствии он не понимал, почему сразу не выгнал его из комнаты.

— Думаю, сэр Гарри, вы бы нашли мои мотивы обратиться к вам очень четко обоснованными, если бы потрудились заглянуть в письма.

— Я заглянул — и не понял.

— Прошу прощения, сэр, — сказал мистер Форрестер с ледяным достоинством, — но у меня нет времени на написание всякой чепухи. И я один из тех, кто имеет слабость верить, что, помимо тех прав, которые определены актами и законами, есть более важные обязанности — христианские. И я полагал, что вы должны выполнить их.

— Христианские враки! Вздор! Вы же юрист!

— Я не привык, сэр, чтобы со мной обращались в подобном тоне. — Посетитель становился невыносим.

— Конечно, не привыкли. Живя в этом городе, вы никогда не слышали ни слова правды от своих доверителей, — прищурился сэр Гарри. — Но я раскусил вас. Вы наглый тип, набивающий себе цену.

Оба джентльмена к этому времени уже встали, и мистер Форрестер, с румянцем на щеках, ответил, подняв голову:

— Уверяю вас, сэр, что я тоже составил очень четкое мнение на ваш счет!

Он вспыхнул еще сильнее, ибо почувствовал, что, возможно, слегка погорячился, учитывая, что его посетитель плохо контролировал свой характер. Уж не дойдет ли дело до драки?

Однако баронет, который, несмотря на возраст,

мог поднять его за воротничок и вышвырнуть в окно, сардонически улыбнулся и сказал:

— Ну что же, тогда мы оба стали умнее. Вы не пишете мне писем — я не прихожу к вам.

Цинично ухмыльнувшись, он развернулся и вышел. Мистер Форрестер был встревожен, как никогда.

Глава XLVIII
Старая любовь

Настал час, когда наша убогая комната кажется милой. Стояла красивая осень, и я уже упоминала, какой эффект производят лучи заката, льющегося на дубовые панели через узкие окна. Этот свет начал меркнуть, и его меланхоличное спокойствие заставило нас замолчать. Сидя в кресле, я слышала звук колес, но в этом не было ничего необычного, так как рядом с домом в последнее время часто проезжали повозки, забиравшие камни и дерево от снесенных домов.

Энни Оуэн, наша горничная из Мэлори, заглянула в дверь, потом, испуганная, вошла и замялась, не решаясь заговорить. Она что-то вертела в руке.

— Что такое, Энн? — спросила я.

— Мисс, внизу старый джентльмен, и он хочет знать, — продолжила она, теперь уже обращаясь к маме, — примете ли вы его.

Мама встала и испуганно посмотрела на Энни.

— А что это у тебя в руке? — спросила я.

— О, прошу прощения, мадам, он сказал отдать

вам это.

Она протянула маме карточку. Мама взглянула на нее и побледнела. У нее был очень взволнованный вид.

— Ты уверена? — посмотрела она на Энни.

— В чем, мадам? — спросила та в недоумении.

— Ах, неважно… Этель, дорогая, это он… Да, я приму его, — сказала она горничной, — пусть войдет. Этель, это Гарри Рокстон. Не уходи, — взмолилась мама. — Он так суров… представляю, как он будет говорить со мной, но я… я должна увидеть его.

Меня разозлило это унижение. Будь у меня право, этот дикий старик получил бы отпор! Но я промолчала. Мне казалось, что сейчас произойдет что-то ужасное.

Долго ждать не пришлось. Я неотрывно смотрела на дверь, словно ждала палача. Дверь открылась, и я увидела — нужно ли говорить? — того самого высокого старика, которого видела в молельне замка Кардайлиона.

— О, Мейбл, — сказал он и остановился. Это был самый печальный голос, который я когда-либо слышала. — Моя дорогая!

Мама стояла, протянув к нему руку, дрожа.

— О, Мейбл, это ты, и мы наконец-то встрети-

лись!

Он взял ее руку в свою, а другую руку приложил к глазам и зарыдал.

Прошло много времени, прежде чем он снова заговорил:

— Моя красавица Мейбл! Я потерял тебя. Я пытался ненавидеть тебя, но напрасно — я все еще люблю тебя. Я сошел с ума и был убит горем; я пытался тебя ненавидеть, но не мог, все это время я бы отдал за тебя жизнь. Ты получишь Мэлори — это твое поместье. Да, я купил его, и теперь молю, умерь гордость и прими подарок от старика. Весна и лето позади, а для меня давно уже настала зима. Скоро я лягу в гроб, и что тогда будет иметь значение? Но ты, красавица Мейбл, ты почти не изменилась!

Он замолчал, слезы текли по его морщинистым щекам.

— Иногда я видел тебя издали, когда ты не знала, что я смотрю, и твой образ так терзал мое сердце, что потом еще неделю я не мог поднять голову. Из-за тебя, Мейбл, я остался одинок. В Голден-Фрайерс, на берегах озера, в старом лесу Кластид, там, где когда-то мы были с тобой вдвоем, мне все время казалось, что вижу тебя в тени и слышу твой голос, словно зов ветра… Мечты,

мечты… и вот я встретил тебя…

Сэр Гарри держал руку мамы в своей, и она горько плакала.

— Я ничего не знал до сегодняшнего дня — я получил все письма Форрестера разом. Я был на континенте… Ты столько пережила, Мейбл, но выглядишь так молодо и прелестно! Это все заботы, заботы и проблемы, но все кончено, и ты больше не будешь знать тревог — ты поправишься, ты будешь жить в Мэлори или, если захочешь, в Голден-Фрайерс. У меня есть право помочь тебе, Мейбл, но у тебя нет права отказаться от моей помощи, ибо я единственная близкая душа тебе. Этот подлый Бог ничего не стоит. Ты больше никогда не познаешь забот. Больше двадцати лет я был злым и сломленным человеком — ни о ком не заботился, никого не любил с тех пор, как потерял тебя. Но теперь это в прошлом, и дни летят.

Сказав еще несколько печальных слов, он ушел, пообещав вернуться на следующий день в двенадцать. А пока он собирался встретиться с мистером Форрестером в его доме на Пикадилли.

Мне он не сказал ни слова — казалось, он даже не осознавал, что я там. Это было немного унизительно. Раньше я никогда не видела такой смеси нежности и грубости. Эта сцена тронула меня.

Мама была сама не своя. Встреча была волнующей, но, пока сэр Гарри не раскрыл своих чувств, полная неопределенности. Я смотрела в окно и с замиранием сердца рассуждала о возможности вновь переехать в Мэлори.

Когда я повернулась к маме, я увидела, что ей очень плохо. Еле слышно она сказала несколько слов и резко замолчала, не закончив предложения. Ее губы двигались, и она сделала нетерпеливый жест рукой, но голос подвел ее. Она попыталась встать, но силы оставили ее, и она потеряла сознание.

Глава XLIX
Одна во всем мире

Сэр Гарри не застал мистера Форрестера дома — он был на консультации в Королевском суде. Туда и отправился баронет, который во многом был нетерпелив и не выносил задержек в том, что касается его интересов.

Мистер Форрестер уделил ему лишь полминуты, и они расстались добрыми друзьями, договорившись встретиться, чтобы обсудить дела бедной миссис Уэр и решить, что лучше для нее сделать.

В планах горца было навестить его еще одного человека. Он направился в Темпл, нашел нужный ему дом, поднялся по лестнице, остановился у двери и решительно постучал. Дверь ему открыл Эдвин Кармел.

— Могу я видеть мистера Кармела? — спросил старик.

— Да, это я, — ответил молодой человек.

— Мое имя Гарри Рокстон. Сегодня утром я нашел письмо от вас, признаюсь, некоторое время оно оставалось неоткрытым.

Мистер Кармел пригласил его войти и предложил гостю сесть. Горели свечи, ибо уже стемнело.

— Вам не нужно извиняться за ваше письмо, — начал старик. — Вы вступились за двух беспомощных леди, что похвально, но я также слышал несколько деталей от солиситора, сэр. Меня проинформировали, что вы иезуит, это так?

— Я католический священник, сэр.

— Ну, я не настаиваю, но, насколько я знаю, крах несчастной семьи произошел не без помощи этого ордена. Они подобрались к бедному глупому созданию, леди Лорример, и обманом, лестью и угрозами завладели всем ее состоянием, которое, согласно всему справедливому в этом мире, должно было перейти ее ближайшей родственнице.

Сэр Гарри неотрывно смотрел на Кармела, будто ожидая ответа.

— Леди Лорример, полагаю, распорядилась завещанием так, как сочла нужным, — сказал молодой человек холодно. — Мне жаль, но ожидания миссис Уэр не оправдались.

— Хотите сказать, что вы не знаете этого факта наверняка? — прищурился старик, начиная

горячиться.

— Я не уверен ни в чем, чему не имею доказательств, сэр. Кем бы я ни был, я не знал бы больше, чем знаю сейчас, ибо никто не вправе интересоваться делами высших иерархов. Мне достаточно сказать, что я действительно ничего не знаю о влиянии, кем-то оказанном на леди Лорример, и едва ли мне нужно прибавлять, что я никогда, ни словом, ни действием, не пытался хоть как-то повлиять на эту женщину. Ваши уши, сэр, оскорбила клевета.

— Боже, сама скромность! — Сэр Гарри взорвался хриплым смехом презрения и встал. — Вы принимаете непосвященных за стаю безмозглых олуш! Теперь послушайте, сэр. У меня есть собственное мнение на этот счет. И скажите вашим иерархам, как вы их назвали, что они не получат ни гроша из наследства старого Гарри Рокстона, пока рука и печать могут скреплять, а закон остается законом. И если я обнаружу в своем доме католика-миссионера, могу поклясться, он вылетит из него быстрее, чем пришел. Я бы сильнее благодарил вас за письмо, сэр, если бы чуть больше был уверен в его мотиве. Теперь я все сказал и желаю вам хорошего вечера.

Зло улыбаясь, старик смотрел несколько секунд

на Кармела, потом резко повернулся, вышел из комнаты и с треском закрыл за собой дверь.

Для меня это был тревожный вечер. Маме было плохо, я написала довольно бессвязную записку нашему доктору, но он не приходил много часов. А когда появился, почти ничего не сказал, только выписал рецепт и дал некоторые указания. Он был серьезен и сдержан, что у врачей означает тревогу.

В ответ на мои взволнованные расспросы, когда я провожала его вниз, я услышала:

— Я говорил вам — вы должны помнить, — что это непредсказуемая болезнь. Надеюсь, вашей матушке будет лучше, когда я загляну утром: природа заболевания такова, что все может закончиться в любое время без предупреждения, но, соблюдая осторожности, она может прожить год, возможно, два. Я знаю случаи, когда и три года проживали.

Настало следующее утро, и я подумала, что маме намного лучше. Я передала ей все то ободряющее, что было в словах доктора, и развлекла ее планами на наше будущее. Но я знала, что приближается час, когда мнение докторов, надежды и чаяния друзей и оптимистичные планы поглотит неотвратимое событие.

За полчаса до визита нашего доброго доктора к маме вернулась слабость, и я, признаюсь, пала духом. Лекарство, которое сэр Джейкоб Лейк выписал вчера, чтобы поддержать маму во время приступа, перестало действовать. Мама была в гостиной, но как только она немного оправилась после долгого обморока, я убедила ее вернуться в кровать.

Мне сложно, а точнее сказать, невозможно восстановить порядок событий того кошмарного дня. Да, воспоминания мои не столь хаотичны, как воспоминания, связанные со смертью моей дорогой Нелли, но я еще не встречала человека, способного рассказать с идеальной точностью о том, что горестно и непоправимо.

Не помню, когда пришел доктор. Он задавал быстрые вопросы, потом прошел в комнату мамы, и я чувствовала себя беспомощной.

— Не уходите, — взмолилась я, когда он вышел. А вдруг что-то изменится и ей еще можно помочь? — Сейчас я хочу подняться к ней, побудьте здесь хотя бы эти минуты.

— Хорошо, дорогая, я подожду, — сказал он и взглянул на часы. — У меня есть свободные десять минут.

Наверное, я выглядела очень жалко, ибо в его

лице я увидела сострадание.

Положив руку мне на предплечье, доктор добавил:

— Но, бедное дитя, не тешьте себя надеждами, ибо у меня их нет совсем.

Но что может быть более настойчивым и неотступным, чем надежда? Когда ее нет, мир теряет всякие краски.

Едва я успела выйти из гостиной, как сэр Гарри Рокстон — я рассказала о нем сэру Джейкобу — постучал во входную дверь. Наша милая горничная, Энни Оуэн, плача, впустила его и поведала о новостях. Он положил руку на дверной косяк и побледнел. Полминуты он молчал, а потом спросил:

— Доктор здесь?

Энни отвела его в гостиную.

— Плохие новости, доктор? — взволнованно спросил сэр Гарри с порога. — Меня зовут Гарри Рокстон. Скажите, все так плохо, как говорит служанка? Вы потеряли надежду?

Доктор тихо сказал:

— Миссис Уэр умирает: она очень быстро слабеет.

Сэр Гарри подошел к каминной полке, положил на нее руку и застыл. Вскоре он повернулся и

подошел к сэру Джейкобу Лейку.

— Вы, лондонские доктора, всегда так спешите, — сказал он горячо. — Я думаю… я думаю… слушайте, доктор, спасите ее! Спасите ее, старина! — Он схватил доктора за запястье. — Я вас озолочу. Вам больше никогда не придется работать. Никто не получал такой награды, даже от королевы.

Речь сэра Гарри казалась грубой и оскорбительной, но искренняя страстность оправдывала его.

— Вы ошибаетесь на мой счет, сэр, — сказал доктор. — Я был бы глубоко заинтересован в благоприятном исходе. Я знаю миссис Уэр с того времени, когда она приехала в Лондон. Надеюсь, я выполняю свой долг в каждом случае, но этот особенно тревожит меня, и я вас уверяю, что если… Что это?

Это был, как говорит Шекспир, «крик женщин» — внезапный пронзительный крик, слышимый сквозь дальние двери.

Доктор открыл дверь и встал у основания лестницы.

— Да, — сказал он, покачав головой, — все кончено.

Глава L
Защитник

Я была в маминой комнате, подняла ее голову. Старая Ребекка Торкилл и Энн Оуэн безмолвно стояли рядом с постелью. Потом я с испугом увидела, как доктор приблизился ко мне. Я задала ему несколько ненужных уже вопросов, и он тихо ответил:

— Нет, дорогая, нет, нет.

Заложив руки за спину, он печально смотрел на мамино лицо.

Потом наклонился, прижал пальцы к ее запястью и прощупал пульс. Снова посмотрел в ее лицо, выпрямился, покачал головой и вздохнул:

— Вам лучше уйти, дорогая: больше ничего нельзя сделать. Вы не должны расстраиваться.

Не могу не отметить: последний взгляд на того, кто долгие годы был твоим пациентом, полон боли, когда все закончено и рекомендации больше не нужны.

Я едва понимала, что происходит вокруг. Доктор спустился вниз и вернулся ко мне с искренней просьбой сэра Гарри Рокстона допустить его в

спальню, чтобы в последний раз взглянуть на маму. Сердце подвело старика — он не мог видеть ее такой. Промокая глаза, сэр Гарри ушел в гостиную, и вскоре в мою комнату, где я плакала в одиночестве, заглянула Ребекка Торкилл.

— Вы не должны так убиваться, моя дорогая, возьмите себя в руки. Этот старик собирается уходить, но говорит, что не уйдет, пока не увидит вас, — сказала она, имея в виду сэра Рокстона.

— Я не могу его видеть, Ребекка.

— Но что мне ему сказать? — спросила она.

— Только это. Скажи, что я не могу никого видеть.

— Может быть, вы все-таки спуститесь к нему, мисс? Он желает вас видеть, и я не могу с ним сладить.

— Он кажется злым? — спросила я. — Или только печальным? Наверное, он все-таки зол. Вчера, когда он был здесь, он не сказал мне ни слова, вообще не обратил на меня внимания.

В другое время разговор с этим человеком мог бы внушить больше тревожных опасений, но сейчас осталось одно: я знала, что он горячо ненавидел папу, и я могла унаследовать эту неприязнь. Эксцентричный и жестокий старик, думала я, потеряв свою любовь — теперь уже без-

возвратно, — вполне мог послать за мной, просто чтобы сказать: проклятие перешло на меня.

— Не знаю, мисс, — ответила Ребекка. — Он говорит сам с собой и мерит комнату шагами. Не лучше ли разом с этим покончить, если он недружелюбен к вам, чтобы он больше сюда не приходил? Если его не прогнать, рано или поздно он все равно вернется.

— Не знаю. Возможно, ты права. Да, я спущусь, — сказала я. — Иди вниз, дорогая Ребекка, и скажи ему, что я сейчас приду.

До этого я лежала на кровати, и мне требовалось поправить волосы и платье. Через несколько минут я собралась. В комнате бедной мамочки, когда я проходила мимо, был повернут ключ. Мне показалось, что я сплю. Мама мертва, а сэр Гарри Рокстон ждет меня в гостиной! Я ненадолго прислонилась к стене, почувствовав себя дурно.

Дверь в гостиную была открыта, и я услышала голос Ребекки: она говорила что-то старику. Позже я узнала, что он заставил ее рассказать все, что она знала о маме.

Потом он сказал сломленным голосом:

— Где дитя? Приведи же ее. Хочу увидеть чадо.

Я была «чадом» для него. Тогда я еще не знала, что северный диалект, на котором он говорил с

детства, всегда возвращается к нему в минуты, когда чувства растревожены.

Я вошла в комнату, и он шагнул ко мне.

— Ха! Девочка, — воскликнул он нежно; низкий голос немного дрожал. Он помолчал, а потом с жаром добавил: — Клянусь богом, я никогда тебя не оставлю!

Я позволила обнять себя.

— Дай мне руку, — сказал он, отстраняясь и внимательно вглядываясь в мое лицо. — Ты похожа на нее, но, девочка, ты никогда не будешь ей. Никогда не будет второй Мейбл. Но я все равно буду любить тебя — ради нее!

Слезы, которые он не вытирал, а может, и не замечал вовсе, струились по морщинистым щекам.

— Ты поедешь со мной в Голден-Фрайерс или куда пожелаешь, — сказал он. — У тебя будет все: музыка и цветы, книги и платья, у тебя будет горничная, как у других юных леди, и ты возьмешь Ребекку с собой. Я сделаю все возможное, чтобы быть добрым и полезным для тебя, а ты станешь благословением для одинокого старика. Сейчас я люблю тебя, потому что ты продолжение Мейбл, но позже я полюблю тебя за то, что ты — это ты. Не сомневаюсь в этом.

Мне бы и в голову не могло прийти, что суровое лицо может быть столь нежным и печальным, а голос, громкий и властный, таким мягким. Взгляд его был полон сострадания и грусти, что указывало на натуру более глубокую, чем я думала. Судя по всему, ему было приятно сделать что-то для меня — тем самым он выполнял долг перед матушкой, которая оставила меня беспомощной.

Прошли дни, прежде чем он возобновил разговор о планах на мою будущую жизнь. Это были горестные дни, от которых, даже в воспоминаниях, я хочу отвернуться.

Опущу небольшой отрезок времени. Через шесть недель я стояла в комнате с высоким потолком и двумя большими окнами, которые, однако, не пропускали достаточно света внутрь. Вид из окон открывается меланхоличный и величественный. Ярдах в трехстах от дома раскинулось озеро, за дальним берегом которого тянулась гряда фиолетовых гор. На холмах поближе росли карликовые дубы и березы, а у самого дома шелестели кронами вековые деревья. Кому-то здешняя природа могла показаться мрачной, но мне она казалась возвышенной. В этом месте было очарование уединения, столь ценного для раненой души. Тот, кто претерпел непоправимое

несчастье, поймет мой ужас от встреч с людьми, которых я когда-то знала, поймет мое нежелание быть узнанной; тишина одиночества была для меня спасением.

Опыт рано рассеял иллюзии молодости и научил меня прислушиваться к шепоту надежды с подозрением. Я больше не верила в будущее — то, что мне пришлось пережить, наполнило меня отвращением к возможным изменениям. Разве они бывают к лучшему?

В этом месте я оказалась не по принуждению — это был мой свободный выбор. Сэр Гарри Рокстон отвез меня туда, куда я сама пожелала.

Все говорили о нем по-разному, но я могу исходить только из собственного опыта. В его отношении ко мне не было ни капли эгоистичности, и это отношение можно назвать истинно отцовским. Однако, хотя он был добр, я всегда ощущала трепет в его присутствии. Поясню, трепет, основанный на уважении. Он был суров, и его импульсивная природа была способна на жестокие вещи. Тормен Фелл, гора на севере озера, превосходящая все остальные, первой встретила меня, когда я приехала в Голден-Фрайерс из Лондона. Она закрывала нас от зимних ветров, но всегда ассоциировалась у меня с опасностью. Ду-

маю, моя симпатия к сэру Гарри Рокстону похожа на симпатию к этой горе.

Как вы уже догадались, я нашла убежище в Дорракли, и уединенное жилище старого баронета идеально подходило моему настроению.

В Дорракли сэр Гарри был дома, а дома все мы становимся другими. Мне нравилось общество пожилого джентльмена. Но там был еще один приятный для меня человек, и я расскажу о нем дальше.

Глава LI
Предупреждение

Пожилого джентльмена, о котором я говорю, я уже видела — в Мэлори. Это был тот самый Лемюэль Блаунт, который приезжал к мистеру Марстону.

Когда мы с сэром Гарри, завершая наше путешествие из Лондона, наконец оказались в Дорракли, мистер Блаунт появился на пороге и подбежал, опережая слугу, к двери нашей кареты. Было что-то доброе и приятное в голосе этого человека, который так заботился о нашем комфорте. Позднее я узнала, что он одновременно и простой, и мудрый, что он хороший советчик и часто весел, как мальчишка. В этом последнем он контрастировал с сэром Гарри Рокстоном, которого одинокая жизнь и привычка размышлять над безвозвратным сделали мрачным и молчаливым.

Мистера Блаунта было легко впечатлить, и он любил невинно посплетничать. Он каждый день бывал в Голден-Фрайерс, где собирал все новости и приносил их в дом, чтобы развлечь

меня, предоставляя всю требующуюся мне информацию в соответствии с dramatis personae[53]. Он любил кататься на лодке, как и я, и хотя на озере часто поднимались волны, а узкие ущелья прилегающих гор делали ветер порывистым и изменчивым, что делало опасными прогулки, мы с ним осмеливались выходить чаще, чем это было благоразумно. Сэр Гарри критиковал мистера Блаунта за столь безумные приключения и несколько раз разбушевался не хуже погоды. Хотя я побаивалась сэра Гарри, я не могла не смеяться над испуганным и раскаивающимся видом своего спутника — он был похож на толстого нашкодившего школьника, вызванного на разговор к директору.

В конце концов сэр Гарри поставил нам условие никогда не выходить на лодке без его разрешения, даже в сопровождении лодочника, и раздраженное возмущение старого мистера Блаунта было почти так же смехотворно, как и тревоги сэра Гарри.

Вскоре меня начали посещать соседи, и я, конечно, была вынуждена наносить ответные визиты, но соседи не изобилуют в этих удален-

---

[53] Сноски: 53
Списком действующих лиц (*лат.*).

ных местах, так что мой покой, который я так полюбила, почти не нарушался.

Однажды утром среди писем, которые лежали перед сэром Гарри, оказалось одно, после открытия которого лицо его вдруг потемнело и в глубоко посаженных глазах зажегся яростный свет. Он постучал костяшками пальцев по столу, встал, что-то пробормотал, сел и снова заглянул в письмо. На этот раз он прочел его до конца и, повернувшись к Лемюэлю Блаунту, который все это время молча смотрел на него, прекрасно зная, как мне показалось, тему письма, сказал:

— Взгляни-ка, — он через стол передал письмо мистеру Блаунту, — я его не понимаю… никогда не понимал.

Мистер Блаунт поднес письмо к окну и внимательно прочел.

— Идем, — сказал баронет, вставая и поманив его пальцем, — я отвечу ему.

Мужчины вышли из комнаты, и я осталась наедине с туманными предположениями. Был спокойный и солнечный день, воздух, как всегда поздней осенью, был прохладен, хотя солнце еще не потеряло свою силу. Несколько часов спустя мы с мистером Блаунтом сели в лодку. На носу устроился лодочник, а я управляла румпелем

— это искусство я хорошо познала в эстуарии вблизи своего любимого Мэлори. Мистер Блаунт, сидевший напротив меня, был не так разговорчив, как обычно. Наконец я сказала ему:

— Знаете, мистер Блаунт, однажды я уже видела вас, прежде чем встретила здесь.

— Правда? — удивился он. — Но я не видел вас. И где же это было?

— В Мэлори, близ Кардайлиона, после кораблекрушения «Замка Конуэй», когда у нас жил спасшийся мистер Марстон.

— Да, верно, мистер Марстон был там, — кивнул пожилой джентльмен. — Возможно, вы видели меня, но я не видел вас, или, если видел, вы не произвели на меня впечатления, и я не запомнил вас.

Это был один из неуклюжих комплиментов моего доброго друга, который заставил меня улыбнуться.

— Что же стало с мистером Марстоном? — спросила я. — Его спасение было настоящим чудом!

— Так и есть. Он уехал за границу.

— Он все еще там?

— Шесть недель назад он снова покинул Англию, а до этого приезжал с краткосрочным визитом на несколько месяцев. Думаю, было

бы лучше, если б он никогда не возвращался. Кажется, теперь он устроился на континенте, и я не думаю, что мы увидим его вновь. Мисс, вы идете не по ветру!

Мне было любопытно больше узнать о мистере Марстоне. Почему мистер Кармел и Лаура Грей выразили одинаково плохое мнение о нем, хотя, возможно, судили по разным фактам?

— Вы же хорошо знаете мистера Марстона? — спросила я.

— Да, хорошо… я пытался оказать ему услугу,– ответил мистер Блаунт.– Смотрите, смотрите, вон там, кажется, дикие утки? Блаженны миротворцы[54]. Думаю, теперь вы можете повернуть.

Я сделала, как он советовал.

— Я слышала, люди плохо о нем отзываются, — сказала я. — Вы знаете, почему его не любят?

— Он был плохим другом самому себе. Я знаю лишь один его проступок, который, насколько я осведомлен, не навредил никому, кроме него самого. Но не будем о нем: мне это неприятно.

— Еще одно: где он сейчас?

— В Америке. Накиньте это на ноги, пожалуйста, сегодня прохладно. Позвольте попра-

[54] Сноски: 54

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9).

вить. — Он укутал меня поплотней пледом. — Да, Атлантический океан широк, так что с глаз долой — из сердца вон, по крайней мере пока. Так всем будет лучше.

Наш разговор перешел на другие темы.

В доме сэра Гарри, как в большинстве провинциальных домов, есть комната, которая зовется библиотекой. Она была отдана в личное пользование мистера Блаунта, и добряк предоставил мне свободный доступ к ней — я могла сидеть там и читать, когда бы мне ни захотелось, или же уносить книги с собой. Трудно представить большую свободу: кроме выходов на лодке, сердивших сэра Гарри, я могла делать все, что захочу. Моя верная Ребекка Торкилл исполняла обязанности компаньонки, и так как ей особо нечем было заняться, каждый вечер она усыпляла меня разговорами, а днем пила со мной чай в моей комнате. Покой и уединение нынешней жизни напоминали мои юношеские годы и мирную рутину Мэлори. Я допускала, что когда-нибудь мне захочется перемен, но пока это была единственная жизнь, которую я могла вынести.

Примерно через неделю после разговора с мистером Блаунтом во время катания на лодке сэра Рокстона на короткое время вызвали дела,

но я недолго наслаждалась приятным tête-à-tête с моим дорогим другом. Случилось событие, чрезвычайно взволновавшее меня, за которым последовало состояние смутной тревоги и ожидания, чего я совсем не ожидала в этом тихом месте.

Однажды утром я сидела за завтраком с мистером Блаунтом, когда служанка принесла корреспонденцию. Одно из писем поразило меня своей оригинальностью. Адрес был написан латинскими буквами, имитирующими печатные, но, судя по аккуратности, писал явно не ребенок. Письмо было адресовано мне. Я ломала голову, вспоминая, есть ли среди моих друзей шутник, который мог так меня разыграть, но не могла припомнить никого. Кто бы решился на такое? Скорбь после смерти моей мамочки сделала бы подобную шутку неуместной.

Необъяснимым было и то, что я увидела штемпель Кардайлиона, но самым удивительным было содержание письма, написанного теми же печатными буквами:

«Мисс Уэр!

В течение следующих десяти дней Голден-Фрайерс может посетить человек, желающий вам зла. Как только вы его увидите, вы узнаете

своего врага.

Ваш друг».

Моим первым желанием было посоветоваться с мистером Блаунтом, но я не могла ему рассказать о моих опасениях насчет месье Дроквилля, в котором мои страхи тотчас определили «врага», обозначенного в письме. Это мог быть кто-то другой, но такая вероятность была мала. Кто мой «друг», который написал это предупреждение? Если не мистер Кармел, то кто же? Но если это мистер Кармел, почему он не мог написать мне столь же откровенно, как он говорил и писал раньше? Но если предупреждение от него, то оно не могло указывать на месье Дроквилля.

Загадочная записка смущала и тревожила меня.

Глава LII
Мой враг

Я боялась посоветоваться даже с Ребеккой Торкилл: она любила посплетничать, и через несколько дней мои тревоги могли дойти до других слуг. Можете представить, что я напридумывала из страха!

В тревоге я даже написала в Кардайлион супруге пастора, сообщив, что получила анонимную записку из городка, содержание которой не могу пересказать. Я умоляла ее использовать любую возможность, чтобы выяснить, кто автор записки. Есть ли сейчас в городке кто-то из моих знакомых, кто мог нелепо пошутить, чтобы озадачить меня? Я просила ее поделиться со мной любыми догадками. В конце я прямо спросила, был ли в Кардайлионе недавно мистер Кармел.

Также я написала начальнику почты, рассказав, что получила письмо, и спросила, может ли он описать внешность отправителя. Всякий раз, когда я перечитывала записку «друга», у меня появлялась новая теория.

В конце концов я начала думать, что это, скорее

всего, интрига одной из моих беспечных подруг, которая намеревалась нанести мне визит, приехав в Голден-Фрайерс. Записка была составлена таким образом, что ничто не указывало на пол «врага», и несколько молодых леди (не очень разумных, замечу в скобках) критиковали меня в своих письмах за непунктуальные ответы.

Я постоянно размышляла над этим. Я была обеспокоена и напугана. До сих пор помню, как я тогда мучилась.

В моих нерегулярных дневниках того времени есть запись о сне, которая передает мое состояние. Перескажу лишь основные моменты. Мне снилось, что я вернулась в Дорракли после долгого путешествия. В комнату вошли мистер Блаунт и слуга, который волочил по полу большой черный сундук. Слуга вышел, и мистер Блаунт — он показался мне очень бледным — внимательно посмотрел на меня и прижал палец к губам, призывая к молчанию. Потом он тоже вышел, закрыв за собой дверь и оставив меня в недоумении. Сундук, когда я перевела на него взгляд, показался мне длиннее — он будто бы изменил форму, но подобные превращения не беспокоят нас во сне. Я начала неловко вставлять ключ в замок. Когда я открыла его, то вместо платьев или других ве-

щей увидела длинный кусок смятой холстины и поняла, что это гроб. Соглашаясь на странности, присущие снам, я, однако, почти не удивилась этому и, стянув холстину, увидела лицо мистера Марстона. Даже во сне я была в совершеннейшем шоке, и тут мертвец сел, открыл глаз и посмотрел на меня так свирепо, что я проснулась с криком и сердцем, трепещущим от ужаса, и больше не могла уснуть. Сон был смутным воплощением одного из моих предположений и указывал на человека, которого я могла бы считать «врагом» из предупреждения.

Одиночество и тайный страх способствуют суеверности. Я нервничала все больше по мере того, как день ото дня росло напряженное ожидание. Я боялась ехать в Голден-Фрайерс, чтобы не встретиться с «врагом». Я нашла отговорку и не пошла в церковь в воскресенье. Я даже боялась проходить мимо встречной лодки на озере. Не знаю, заметил ли мистер Блаунт мою подавленность, потому что мы, как обычно, играли в нарды по вечерам и, когда позволяла погода, катались по озеру.

Через несколько дней я получила письмо от жены пастора. Она не могла, как и начальник почты, ничего сказать про записку. Мистера

Кармела давно у них не было. Меня все больше преследовал образ мистера Марстона, особенно после приснившегося кошмара.

Письма из Кардайлиона нашли меня, как обычно, когда мы сидели за завтраком. Я была озадачена: разбив все теории, они вели к новым проблемам. Я смотрела в чашку с чаем, будто хотела предсказать будущее. Наконец подняла взгляд и спросила у мистера Блаунта:

— Когда вы в последний раз получали известия от мистера Марстона?

Он отложил письмо, которое читал с не меньшим напряжением, чем я свои, и попросил повторить вопрос. Я повторила. Мистер Блаунт растерянно улыбнулся.

— Ну, это очень странно. Я получил от него известие только что, — сказал он, подняв за уголок письмо.

— И где же он? — спросила я.

— В Нью-Йорке, но пишет, что через несколько дней отправляется в Канаду или в глушь — он еще не решил, куда именно. Лично я думаю, что он выберет какие-нибудь отдаленные поселения — у него страсть к приключениям.

Мои теории относительно мистера Марстона рухнули, и страхи вновь сконцентрировались

на подлой фигуре месье Дроквилля. Сразу после завтрака я села у окна и вновь изучила анонимное послание.

В тот вечер дела потребовали присутствия мистера Блаунта в Голден-Фрайерс, и после ужина я пошла в библиотеку, чтобы полюбоваться благородным ландшафтом. Красный осенний закат освещал пологий склон долины слева, оставив большую часть ущелья в глубоком фиолетово-сером мраке. Мягкая рябь озера отражала угасающий свет, и благородные горы вдалеке были похожи на волшебные тени.

Толстая книга была раскрыта у меня на коленях, но я не могла читать. Я была слишком взволнована, а голова слишком занята, чтобы содержание могло увлечь меня. Ледяной лунный свет постепенно преобразил ландшафт за окном. Я утонула в подушках на низком кресле, глядя на прекрасное зрелище.

Вдруг что-то отвлекло меня от меланхоличных размышлений. В комнате было два окна, и мой взгляд привлекло движение за вторым, в торце. Замерев от ужаса, я увидела руку, потом локоть, шляпу… и вот уже на подоконнике, в восьми или десяти футах над землей, на четвереньках стоял человек.

Это явь или сон? Великий боже! В лунном свете я увидела лоб со шрамом… Мистер Марстон, прикрывая глаза рукой, всматривался через стекло в комнату.

Я быстро встала и с бьющимся сердцем спряталась в складки шторы. Было ясно, что он меня не заметил, так как смотрел в дальний конец комнаты. Мне хватило выдержки не закричать — крик выдал бы меня. Замерев, я надеялась, что он спрыгнет с подоконника и уйдет, когда поймет, что в комнате никого нет. В тот момент я была похожа на птичку, над гнездом которой парит хищник.

Мистер Марстон схватился за переплет оконной рамы, и я взмолилась, чтобы окно было заперто на шпингалет. Но нет, после нескольких толчков окно поддалось, и он спрыгнул в комнату. Вместе с ним ворвался холодный ночной воздух, и мистер Марстон, бегло осмотрев комнату, закрыл окно. Кажется, он решил устроиться здесь, ибо поставил кресло мистера Блаунта в альков у окна, где за шторами пряталась я. Если бы я не была так напугана, я бы поняла всю абсурдность моего положения!

Незваный гость откинулся в кресле и вытянул ноги. Подбородок опустился на грудь. Он казался

измученным и злым. Несколько раз я думала, что он обнаружил меня, ибо его взгляд фокусировался на складках, но глубокая тень и моя абсолютная неподвижность сыграли мне на руку.

Вдруг я услышала шаги — вернулся мистер Блаунт. Дверь открылась, и шаги замерли. К моему безграничному облегчению, я услышала суровый голос:

— Кто здесь?

— Блудный сын, изгнанник, — с горечью ответил мистер Марстон. — Я был и есть слишком несчастен, чтобы не попытаться еще раз искать примирения. Вы, сэр, очень добры, вы верный друг, но вы еще не сделали для меня всего, что в ваших силах. Почему в вас нет веры? Ваше влияние безгранично.

— Господи боже! — воскликнул мистер Блаунт, не сдвигаясь ни на дюйм. — Только сегодня утром я получил ваше письмо из Нью-Йорка. Что это значит? Я не понимаю.

— Я приехал с тем же поездом, который привез мое письмо. Вторые мысли всегда удачнее первых. Я передумал, — сказал мистер Марстон, поднимаясь. — Почему я должен жить той жизнью, которую он запланировал для меня, если в любой момент жизнь может предложить что-то

получше? А если нет, то чем я ему обязан? Это мстительно и неестественно. Я устал, мое терпение лопнуло.

— Не могу поверить своим глазам, — сказал мистер Блаунт. — Я не… боже, боже! Я не знаю, что делать, он будет очень недоволен. Мистер Марстон, сэр, кажется, вы хотите окончательно испортить с ним отношения.

— Не знаю… Но какой у меня был шанс в изгнании? С глаз долой — из сердца вон, как вы любите говорить. Он бы забыл меня, вы бы забыли меня — боюсь, не скоро у меня появился друг, которого вообще заботит, жив я или мертв. Поговорите с ним, скажите, что он может по крайней мере выслушать меня. Я в совершенном отчаянии. — Он ударил ладонью о спинку кресла.

— Я в этом не виноват.

— Я знаю, я отлично это знаю, мистер Блаунт. Вы добрый друг нашей семьи. Я чувствую это, правда. Но послушайте, что хорошего в доведении до отчаяния? Говорю вам, я сделаю что-то, что обернется кризисом: я не вынесу ада, в котором живу. Пусть отдает меня под суд, если хочет; я легко приставлю пистолет к голове, полсекунды — и все кончено. Но я оставлю письмо, рассказывающее миру, как он использовал меня, так что

посмотрим, как ему понравится шум, который из этого выйдет.

— Прошу прощения, сэр, — произнес мистер Блаунт чинно, — но все это ерунда: я имею в виду, он просто не поверит в ваши угрозы. Когда я должен сообщить неприятную правду, я делаю это, как правило, в самой учтивой манере, и, к счастью, прежде я находил, что законы правды и вежливости всегда совместимы. Он говорил мне, мой дорогой, раз пятьдесят, что вы слишком эгоистичны, даже чтобы навредить себе. Следовательно, нет нужды пытаться, если позволите так выразиться, подначивать его. Если вы стремитесь — замечу, с минимальными шансами на успех — произвести впечатление на сэра Гарри, то должны обратиться к нему в совершенно ином духе. Я скажу, что вы должны сделать. Напишите мне покаянное письмо, прося моего заступничества, и, если можете, дайте искреннее обещание на будущее. И избегайте даже малейших свидетельств настроя, который вы выбрали в предыдущем письме: очень странно, если вы ничему не научились. Тогда я посмотрю, что могу сделать.

Молодой человек приблизился и воодушевленно пожал руку мистера Блаунта.

Не думаю, что мистер Блаунт ответил ему с той же теплотой. Иногда он бывал довольно пассивен.

— Он… здесь? — спросил мистер Марстон.

— Нет, и вы не должны и часа оставаться в этом доме, как и в Голден-Фрайерс. И ехать вам надо не в Лондон, но в какое-нибудь тихое местечко. Напишите мне оттуда письмо, которое я сейчас описал, и я положу его перед ним с объяснениями, которые, возможно, повлияют на него, и скоро мы узнаем, что из этого вышло. Слуги видели вас?

— Никто не видел.

— Хорошо.

— Я залез в окно десять минут назад. Я думал, что вы скоро придете, и не ошибся. Я знаю, вы простите меня.

— Ну, это неважно. Вам лучше уехать так же, как вы приехали… кстати, как?

— На лодке, сэр: я взял ее в «Трех дубах».

— Хорошо, что вы не были в городе: я бы не хотел, чтобы он знал, что вы в Англии, пока я не покажу ему ваше письмо. Надеюсь, сэр, вы напишете в нем только то, что искренне чувствуете. Я могу участвовать лишь в честном деле. Где вас ждет лодка?

— У пристани.

— Отлично. Как вы вошли в окно, так можете и уйти, и я встречу вас чуть ниже по тропинке. Возможно, мне будет что добавить.

— Благодарю вас, сэр, от всей души, — сказал Марстон.

— Нет-нет, не беспокойтесь. Теперь вам нужно уйти, и как можно скорее. — Он открыл окно для него. — Ах, вы столько раз забирались сюда, когда были мальчиком, — должно быть, вы знаете наизусть каждый камень.

— Я сделаю в точности, как вы сказали, сэр.

Молодой человек легко спрыгнул с подоконника на землю, и я увидела, чуть повернув голову, как его темная фигура быстро скользит к огромным липам, ровный строй которых вел от дома к воде.

Мистер Блаунт смотрел ему вслед.

— Некоторые рождены, чтобы множить печали других и свои. Не знаю, что с ним делать… — пробормотал он, тяжело вздохнул и вышел из комнаты.

Я чувствовала себя шпионом, мне было стыдно, что я подслушала разговор, не предназначенный для моих ушей. Могу честно сказать, что удерживало меня отнюдь не любопытство, но страх, и, если бы я могла уйти незамеченной, я бы не

подслушала ни словечка. Но у меня не хватило мужества сразу объявить о себе, и чем дольше длился разговор, тем более двусмысленным становилось мое положение.

Уход мистера Блаунта принес мне облегчение, но я вышла из комнаты, преследуемая образом человека из зловещего сна, чей голос возбудил во мне странное волнение и вернул еще более странные воспоминания.

В гостиной менее четверти часа спустя ко мне присоединился мистер Блаунт. Наши посиделки были необычно молчаливыми, и после чая мы нехотя сыграли в нарды.

Я была рада, когда пришло время удалиться в свою комнату, к добродушному и многословному обществу Ребекки Торкилл. Когда моя свеча догорела, я долго не могла уснуть, пытаясь собрать воедино неполные фрагменты той драмы, в которую — я инстинктивно чувствовала это — была вовлечена.

Глава LIII
Еще один шанс

Сэр Гарри вернулся домой и был со мной нежнее и добрее, чем когда-либо. Вскоре я поняла, что они с мистером Блаунтом обсуждали нечто очень серьезное. И конечно же, я отлично знала что. Мистер Блаунт казался нервным и тревожным, и было очевидно, что решение вопроса не только отложено, но и не вполне определено. Было такое чувство, что над Дорракли сгустилось облако катастрофы.

Наконец я поняла, что что-то решилось, ибо разговоры между мистером Блаунтом и сэром Гарри потеряли характер спора и стали скорее совещательными. Я могу говорить только о том, что видела и чувствовала, ибо мне не позволили услышать ни слова.

Вскоре сэр Гарри снова уехал. На этот раз его путешествие, как я впоследствии узнала, привело его в один из самых тихих маленьких городков Северного Уэльса, где дилижанс остановился у гостиницы «Бык». Высокий баронет-северянин вышел из кареты и направился к стойке.

— Здесь остановился джентльмен по фамилии Марстон? — спросил он полную пожилую леди, сидевшую в эркере.

— Да, — ответила та.

— Он у себя сейчас?

— На прогулке, сэр.

— Могу я поговорить с вами несколько минут наедине? — спросил баронет.

Женщина посмотрела на него немного удивленно:

— Конечно, сэр. Что-то личное, сэр?

— Да-да, очень личное.

Она позвала служанку на замену и отвела сэра Гарри в кабинет на первом этаже. Когда дверь закрылась, он назвал себя. Хозяйка приветствовала баронета неуклюжим реверансом.

— Я родственник мистера Марстона и приехал, чтобы навести справки: хочу знать, ведет ли он добропорядочную тихую жизнь, с тех пор как остановился у вас.

— Как никто другой, сэр. Мистер Марстон очень приятный и добропорядочный джентльмен. Он ходит в церковь каждое воскресенье, истинная правда. Мы не можем на него пожаловаться, сэр, и он уже дважды оплачивал счет, сэр.

Женщина казалась откровенной, в ее лице не

было притворства.

— Благодарю вас, — сказал сэр Гарри. — Этого довольно.

Через час настали сумерки, и мистер Марстон, войдя в свою комнату после прогулки, увидел баронета, который встал со стула у камина, когда тот появился.

Марстон мгновенно снял шляпу и застыл у двери, являя собой образец скромности. Сэр Гарри не подошел и не предложил руку, просто кивнул. Ничто не могло быть холоднее.

— Итак, Ричард, ты вернулся в Англию, как раньше делал множество других вещей, не посоветовавшись со мной.

— Боюсь, я поступил опрометчиво, сэр. Я действовал спонтанно. Я не мог этому противостоять. Оставалось всего двенадцать часов до отхода корабля из Нью-Йорка, когда меня поразила эта мысль. Я должен был подождать, я должен был все обдумать. Это казалось моим единственным шансом, и, боюсь, в ваших глазах это импульсивное движение потопило меня еще глубже.

— Очевидно, что, учитывая все обстоятельства, прежде ты должен был спросить моего разрешения уехать, — сказал сэр Гарри.

Молодой человек склонил голову:

— Теперь я это четко понимаю, сэр, но ваше недовольство делало меня несчастным, и я не всегда вижу вещи так, как видел бы их мой более спокойный рассудок. Я не думал ни о чем, кроме шанса получить ваше прощение, и на столь большом расстоянии я отчаялся это сделать.

— Так чтобы угодить мне, ты пренебрег моим авторитетом? Вот это логика! — Сэр Гарри сказал это с презрительной и злой усмешкой.

— Я единственный ближайший родственник вашей крови и имени, который у вас остался, сэр.

— Не пятнай мое имя! — злобно возразил сэр Гарри.

— Мое второе имя Рокстон — в вашу честь, — защищался Марстон.

— Клянусь, если бы мы с тобой носили одно и то же имя, я бы заручился письмом королевы и сменил имя на Смит.

Молодой человек промолчал, и сэр Гарри первым прервал тишину:

— Если позволишь, давай сразу о главном — больше нам говорить не о чем. Я дам тебе шанс, проверю, изменился ли ты на самом деле, как говорится в твоем письме. Ты сказал, тебе нравится сельское хозяйство. Ну, посмотрим, каким

фермером ты будешь. Но не забывай, что это испытание для тебя. Через несколько дней мистер Блаунт напишет подробности в письме. Хорошего вечера. Не спускайся, останься здесь. Я пойду один. Больше ни слова: мне не нужны благодарности или заверения. Твое поведение, упорство и искренность скажут все за тебя. На этом все.

Мистер Марстон, пока его дядя говорил, все время немного продвигался вперед и теперь стоял у окна. Сэр Гарри кивнул ему и спустился по лестнице. Перечить ему было нельзя, поэтому молодой человек и не пытался проводить его вниз. Взяв пару свежих лошадей, баронет немедленно отправился в обратный путь.

Я, которая в то время ничего не знала, все еще находилась в тревоге, но не показывала своих чувств. Конец моей тревоге положил сэр Гарри — и тут же раздул новую, сказав:

— Завтра мой племянник, Ричард Марстон, прибудет сюда, чтобы остаться на срок, который я еще не определил. Он неинтересный молодой человек и тебе не понравится: от него и слова не дождешься.

Решение старика было окончательным, и назавтра Ричард Марстон должен был стать обитателем Дорракли.

Я нашла запись в дневнике:

«С волнением, которое я едва могу объяснить, я ждала события, о котором сэр Гарри объявил вчера. Произошло оно в три часа дня. Я собиралась на прогулку, надела шляпку и накидку и стояла в холле. Мне хотелось отсрочить встречу с мистером Марстоном, которой не без причин опасалась. Двойной стук в парадную дверь и низкий звук колокольчика заставили меня вздрогнуть. Я догадалась, что это он, и повернулась, чтобы убежать в свою комнату, но встретила сэра Гарри, который сказал, нежно положив руку мне на плечо: „Подожди, дорогая, это мой племянник. Я увидел его в окно. Я хочу представить его тебе“.

Конечно же, мне пришлось подчиниться.

Дверь открыли. Вот он, мистер Марстон из Мэлори, герой „Замка Конуэй“, участник дуэли и множества злых историй, мужчина, который говорил со мной так романтично и безумно. Я почувствовала, что побледнела, а потом покраснела.

Сэр Гарри встретил племянника довольно холодно и представил мне, просто назвав наши имена, а потом я сбежала по лестнице с двумя собаками в качестве спутников, пока слуги вносили багаж мистера Марстона.

Я встретила его снова за ужином. Он почти не изменился, разве что сильнее загорел. У него был властный и меланхоличный взгляд. Уверена, что он страдал, а страдание, говорят, делает людей лучше. Он очень мало говорил и вполне заслужил описание сэра Гарри. Сэр Гарри говорил о ферме, которую определил для него: они посмотрят на нее завтра вместе. Казалось, у мистера Блаунта отлегло от сердца.

Ферма находится не так далеко, как я представляла, всего лишь на другой стороне озера, примерно пятьсот акров у леса Кластид, которые перешли к сэру Гарри, по словам мистера Блаунта, от семьи Мардайкс. Интересно, есть ли там обустроенный дом — если да, возможно, мистер Марстон поселится на ферме, и тогда его приезд будет иметь мало значения для меня. Вероятно, это к лучшему.

Я видела, как они вдвоем около восьми утра садятся в большую лодку с двумя работниками, чтобы пересечь озеро.

Думаю, фермерство — очень увлекательное занятие. Мистер Марстон не почувствует одиночества, ведь мистер Блаунт говорит, что ему придется часто ездить на ярмарки и рынки. Это лугопастбищная ферма».

Читатель поймет, что ниже я продолжаю цитировать дневник:

«Сегодня мисс Гулдинг из Райбиггинс, пожилая леди, которую сплетники Голден-Фрайерс когда-то сватали за сэра Гарри, заехала в гости с племянницей. Я предположила, что они слышали о приезде мистера Марстона и явились, чтобы посмотреть, что он за человек. Рада, что они остались разочарованы. Я приказала накрыть обед и видела, как они смотрят на дверь каждый раз, когда она открывается, несомненно, ожидая увидеть мистера Марстона. Я умышленно не сообщала им до самой последней минуты, что он на другой стороне озера, хотя сама же и страдала от своей жестокости, ибо они пробыли у нас почти вечность.

Сэр Гарри и мистер Марстон вернулись только к чаю, когда почти стемнело: они пообедали в фермерском доме на другом берегу. Кажется, сэр Гарри чуть более дружелюбен с ним. Но говорили они только о фермерстве и поголовье скота. К ним присоединился мистер Блаунт. Я в одиночестве села за пианино, а когда устала от него — за роман.

Очень скучный вечер — наверное, самый скучный с моего приезда в Дорракли. Смею пред-

положить, что мистер Марстон станет отличным фермером. Очень надеюсь, для него найдется подходящее жилье на другом берегу озера».

Далее в дневнике записано:

«Мистер Марстон снова уехал на ферму в восемь утра. Сегодня мы с мистером Блаунтом, с позволения сэра Гарри, вышли поплавать на небольшой лодке. Мистер Блаунт сказал мне, что мистеру Марстону не требуется ездить на ферму каждый день и что сэр Гарри обещал ему треть от всего, что принесет ферма под его управлением. Кажется, мистер Марстон очень хочет угодить сэру Гарри. Не знаю, почему я так нервничала из-за приезда этого очень скучного сквайра, чей единственной целью, кажется, является увеличение поголовья коров и овец».

«*Суббота*. Конечно, сегодня у него выходной, но он не удостоил нас своим вниманием. Мистер Марстон решил весь день гулять, вместо того чтобы пойти с нами в церковь в Голден-Фрайерс. Нашему обществу он предпочел прогулку длиной двадцать четыре мили!»

Из той же записи следует, что в следующий вторник сэр Гарри хочет проверить свое поместье в Тарлтоне, что примерно в сорока милях от Голден-Фрайерс, и собирается остаться там на

три-четыре дня.

В тот день, во вторник, мистер Марстон был, как обычно, на своей ферме и вернулся домой лишь около девяти вечера.

Я ушла в свою комнату сразу после его прихода, чтобы не прерывать разговор с мистером Блаунтом.

На следующий день он уехал в обычный час, но вернулся не так поздно. Я сослалась на то, что мне нужно написать несколько писем, и оставила двух джентльменов несколько раньше, чем в предыдущий вечер.

«Мистер Марстон определенно мне не мешает, — написала я в дневнике. — С его приезда я не сказала ему и двадцати слов. Начинаю считать его очень высокомерным».

Вышеизложенное — очень краткий пересказ, учитывая, какой многословной и подробной я была до приезда племянника сэра Гарри. Свою краткость я компенсировала на следующий день:

«Мистер Марстон наконец снизошел и прервал молчание. Утром было очень ветрено, и, несмотря на его меланхолию, не думаю, что он хотел утонуть, переплывая озеро. Как бы там ни было, сегодня он не поехал на ферму.

Впервые со дня своего приезда в Дорракли он появился за завтраком. Казалось, отсутствие сэра Гарри сняло со всех огромную скованность. Мистер Марстон говорил очень охотно и будто совершенно забыл о теме фермерства: рассказал нам, в частности, о своей полувоенной жизни в Испании, что было чрезвычайно интересно. Он заставил меня смеяться от души. Старый мистер Блаунт тоже смеялся. Завтрак прошел очень весело. Мистер Блаунт сам жил в Испании больше года, когда был молод; он встал и, звучно говоря по-испански и активно жестикулируя, изобразил своего тогдашнего хозяина, чудаковатого производителя вееров. Я и не знала, что в нем столько веселья! Добродушный старик, казалось, пришел в восторг от наших аплодисментов и искреннего смеха.

Мистер Марстон вдруг взглянул за озеро и вспомнил про свою ферму.

„Как внезапно начался шторм! — воскликнул он. — Не могу сказать, что я ему рад, потому что должен проведать своих четвероногих подопечных“.

„Нет, — сказал мистер Блаунт, — пусть сегодня погуляют сами, я беру это на себя. Вам не нужно ездить туда каждый день“.

„Но как это воспримет власть? Не посчитает ли это мой дядя прогулом? Я не хочу, чтобы он думал, что перед искушением я забыл наши с ним договоренности“.

Он посмотрел на меня. Считал ли он меня искушением или просто хотел вовлечь в разговор, мне неведомо.

„О, нет! — сказал мистер Блаунт. — Сегодня останьтесь дома — я все объясню, и позже мы можем покататься на лодке, если день будет таким прекрасным, как обещает“.

Мистер Марстон колебался: он взглянул на меня, будто желая услышать мое мнение, но я молчала.

„Ну, — сказал он, — не могу сопротивляться. Я воспользуюсь вашим советом, мистер Блаунт, и устрою себе выходной“.

Думаю, в некотором отношении мистер Марстон сильно изменился. Его поведение и речь стали более мягкими, и он такой приятный! Думаю, он вел несчастливую жизнь и, несомненно, очень часто ошибался. Я давно заметила, что мы осуждаем людей не по степени их моральной вины, но по степени неудобства, которое причиняют нам их ошибки. Интересно, какие истории заставили мистера Кармела и Лауру Грей гово-

рить о нем так горько и сурово? Они оба были такими хорошими и правильными, что вещи, которые другие люди восприняли бы довольно легко, могли показаться им невероятными. Осмелюсь предположить, что дело в деньгах или азартных играх, и люди, которые потеряли деньги из-за расточительности мистера Марстона, преувеличивают и рассказывают истории по-своему. Сейчас он кажется очень серьезным. Его можно только пожалеть.

Мистер Марстон сходил на пристань до обеда. Позже я узнала, что он сделал это для того, чтобы отнести накидки для меня.

Обедал он с нами, и мы много разговаривали. Этот человек определенно не даст нам заскучать в этом усыпляющем месте. Мы приятно поплавали после обеда. Я передала ему румпель, но обязанности кормчего не сделали его менее словоохотливым. Мы прекрасно слышали друг друга, несмотря на ветер, который был намного сильнее, чем одобрил бы сэр Гарри.

Сегодня у мистера Марстона было много возможностей поговорить со мной без риска, что нас подслушают. Однако он не сказал ни слова в старом духе. Я очень этому рада: было бы неприятно лишиться его разговоров, очень занимательных,

признаюсь, в этой глуши.

Он всегда стремится узнать, не нужно ли мне чего-нибудь, и мгновенно достает или делает это. Жаль, что его ферма не на этой стороне озера. Предположу, что, когда вернется сэр Гарри, мы снова будем мало его видеть. Закончится тем, что он утонет в этом опасном озере. Кажется странным, что сэра Гарри, который так заботится обо мне, и мистера Блаунта будто вовсе не волнует жизнь близкого им человека. Но это их дело. Моего мнения никто не спросит, поэтому не стоит об этом думать.

Я пишу в своей комнате, день клонится к закату, и моя дорогая Ребекка Торкилл мечется от стола к гардеробу и от гардероба к шкафу, занимаясь ерундой, суетясь и бормоча себе под нос. Она только что сказала, что миссис Шеклтон, экономка, служившая в Дорракли тысячу лет, сегодня вечером много говорила с ней о мистере Марстоне. Она очень хорошо отзывается о нем. Когда он ходил в школу, а потом поступил в Оксфорд, она видела его лишь изредка, но, по ее словам, он был смелым, добрым мальчиком, „никогда в нем не было зла, только немного дикости, как у других молодых людей в таких местах“. Я как можно точнее записала слова Ребекки.

Ссора с сэром Гарри Рокстоном, сказала миссис Шеклтон, случилась из-за того, что мистер Марстон наотрез отказался жениться на той, которую выбрал ему дядя. Как раз к такому типу непослушания пожилые люди иногда особенно строги. Она попросила Ребекку ничего не говорить об этом другим слугам, так как это огромный секрет.

В конце концов, в этом деле может быть две стороны, как и в любом другом, и писатели романов и трагедий возвысили бы мятеж мистера Марстона до героизма.

Он определенно сильно изменился».

Здесь мои записи за тот день переходят от мистера Марстона к полудюжине пустяков, упомянутых, должна признать, довольно кратко.

Глава LIV
Опасная почва

Старый мистер Блаунт был религиозным человеком. Сэр Гарри, о чьих мыслях на данную тему я не догадывалась, ходил в церковь каждое воскресенье, но презирал ее служителей. Однако каждое утро он читал молитвы дома вместе с нами, и мистер Блаунт воспринимал это с очевидным удовольствием, освещающим его простое лицо.

Счастливый свет вовсе не отражался на лице сэра Гарри, когда он сидел у камина в старинном дубовом кресле, открыв молитвослов. Суровый и мрачный, он являл собой памятник одиночеству в те моменты, которые обычно сближают других смертных. Я предполагала, что какие-то ассоциации, связанные с совместным чтением молитв, возможно, напоминали ему о маме. После молитв он смотрел на меня с нежностью и мягко спрашивал:

— Ну, моя девочка, ты счастлива здесь? Ты хочешь, чтобы я что-то привез из Лондона? Подумай. Мне нравится баловать тебя, подумай и скажи сегодня вечером.

Иногда он говорил, гладя меня по волосам:

— Здешние зимы, думаю, будут для тебя слишком суровы.

— Но мне нравятся холодные морозные зимы, — отвечала я. — Для меня нет ничего лучше.

— Да, но ты можешь подхватить простуду.

— Уверяю вас, я одна из немногих людей, кто никогда не болеет, — говорила я, потому что и правда очень хотела провести зиму в этих местах.

— Ну, красавица, делай как хочешь, но ты не должна заболеть, иначе что станет со мной, стариком?

Позвольте мне вновь воспользоваться дневником. Я процитирую запись, датируемую следующей субботой:

«Мы, как обычно, поехали в церковь в Голден-Фрайерс, и мистер Марстон поехал с нами.

После службы сэр Гарри, который должен был нанести кому-то визит, оставил нас. День был столь чудесен, что мы поддались искушению пройтись обратно пешком.

Мы выбрали тропинку, идущую вдоль озера, и отпустили экипаж.

Мистера Блаунта с нами не было — он решил обсудить проповедь; и, уверена, он считает, что

упоминать мирские темы в такой день — богохульство. Признаюсь, мне не было жаль, когда добряк сказал нам, что идет к Шенстонам почитать Библию и немного поговорить с больным туберкулезом маленьким мальчиком. Но когда он сказал, что оставляет меня под присмотром мистера Марстона, я почувствовала тревогу. А вдруг мистер Марстон вернется к старым речам?

Я не знала, как поступить: мистер Блаунт быстро попрощался. Мое затруднение из-за прогулки с мистером Марстоном, должно быть, показалось ему, ничего не знавшему о том, что происходило в Мэлори, необъяснимым проявлением ложной скромности. Я спросила, как долго он планирует оставаться у Шенстонов. Он ответил: „По крайней мере полчаса, а если бедный мальчик захочет, то и час“.

Мистер Марстон, который, уверена, прекрасно меня понял, не сказал ни слова. В столь неловкой ситуации я могла лишь кивнуть и нервно улыбнуться мистеру Блаунту.

Напрасно я так волновалась — вскоре стало очевидно, что мистер Марстон не собирается потчевать меня сказками.

„Ни о ком в мире у меня нет столь высокого мнения, как о мистере Блаунте, — сказал он, — но

я правда думаю, что по воскресеньям полезно ненадолго сбежать от него — я не могу говорить с ним на его языке и превращаюсь в трапписта, то есть немею“.

Я согласилась и сказала, что настолько уважаю мистера Блаунта, что ничем не могу расстроить его.

„Это и мое правило,– сказал мистер Марстон,– но пользуюсь я им немного дольше — с тех пор как получил образование.– Он грустно улыбнулся.– Примерно три года назад я научился применять его ко всем моим друзьям. Вы не представляете, как я себя иногда сдерживаю, чтобы не сказать то, что у меня на сердце, из страха, что это не понравится другим. Предположу, что было время, когда Гамлет говорил все, что придет ему на ум, прежде чем в школе печали он научился говорить: „Разбейся, сердце, ибо надо смолкнуть““[55].

Он был очень выразителен, и я подумала, что отлично знаю, что он имеет в виду. Если я по ошибке скажу какую-нибудь глупость, то могу оказаться, прежде чем пойму это, посреди такого же дикого разговора, как в лесу Пла Ильд.

---

[55] Сноски: 55

Вильям Шекспир, «Гамлет». Акт 1, сцена 2. Перевод Бориса Пастернака.

В ответ на его слова я сказала, не очень находчиво:

„Какая прекрасная пьеса ‚Гамлет'! Я пыталась копировать наброски Ретча[56], но претерпела неудачу. Лица у него так ясны и убедительны, а мои руки так слабы и неуклюжи… У меня получился лишь призрак отца, и то только потому, что он единственная абсурдная фигура в серии".

„Да, — кивнул он, — как в опере-буфф".

Я понимала, что мой довольно бессвязный экскурс в творчество Ретча не интересует его, хотя он слушал меня со всем возможным вниманием. Также было очевидно, что он использует правило, о котором только что упоминал, и теперь он ни в коем случае не тот настойчивый поклонник, которым показал себя в той давней сцене.

Мистер Марстон покорно подчинился моему четкому решению, что тот неприятный разговор больше не повторится.

Оставшуюся часть прогулки мы говорили о совершенно нейтральных предметах. Теперь я думаю, не заподозрила ли я больше, чем предполагалось? Если так, какой дурой, должно быть, я выглядела! Есть ли что-то смешнее демонстрации

---

[56] Сноски: 56

Мориц Ретч (1779–1857) — немецкий живописец и гравер, написал шестнадцать гравюр к трагедии Шекспира.

сопротивления, когда никакого нападения нет? Я была так сбита с толку, что едва улавливала смысл его слов. И только когда мы приблизились к дому, пришла в себя.

Помолчав, он сказал то, что я сейчас напишу: я вновь и вновь прокручивала это в голове и уверена, что ничего не добавила, а записала все почти дословно.

„Когда я спасся с ‚Замка Конуэй', — сказал он, — ни один человек на земле не хотел умереть больше, чем я. Не думаю, что на Острове был человек несчастнее. Я разочаровал дядю, сделав то, что стало большой глупостью. Я не мог рассказать ему о своем мотиве, — никто не знает о нем, так как секрет был не мой, — и все сложилось так, чтобы поставить меня в затруднительное положение и сокрушить. Я пережил самую тяжелую вещь на земле — незаслуженное осуждение. Некоторые хорошие люди, которых я научился уважать, говорили обо мне так, словно я совершил убийство. Теперь дядя понимает меня, но еще не простил. Когда я был в Мэлори, я хотел застрелиться: я был в отчаянии, злобе и ярости. Любое несчастье, которое могло случиться, там и случилось. Вдруг появились люди, которые судили меня суровее всех, и среди них тот, кто навязал

мне ссору и принудил к той унизительной дуэли, в которой я хотел быть убит“.

Я слушала это с бóльшим интересом, чем показывала ему: пока он говорил, я просто молча смотрела перед собой.

„Если бы не несколько чувств, оставшихся у меня, я бы не узнал в себе жертвы кораблекрушения, который благодарил молодую хозяйку за неоценимое гостеприимство, — продолжал мистер Марстон. — Некоторые вещи человек не забывает никогда. Я часто думаю о Мэлори — я думал о вашем доме во всех далеких, глухих и диких местах, он стоит перед моими глазами таким, каким я видел его в последний раз. Моя жизнь свернула не туда. Пока жива надежда, мы можем вынести что угодно, но, кажется, моя последняя надежда почти погасла, и когда она погаснет окончательно, надеюсь, это озеро наконец подарит бедному глупцу холодную голову и спокойное сердце — поглотит меня“.

Потом — без всякой трагической паузы — он легко перешел к другим темам и ни разу не повернулся ко мне, чтобы проверить, какой эффект произвели его слова: он просто продолжил говорить, теперь беззаботно и весело. Мы задержались у входной двери. Я не хотела, чтобы он

заходил в гостиную. Вот открытая дверь, холл, двор, окна — все возможности для слушателей, и мне казалось, что я защищена от любого неудобства, которое порывистый спутник мог захотеть причинить мне, воспользовавшись нашим уединением.

Однако должна отдать ему должное: казалось, он не хотел обидеть меня, тщательно сдерживая любое проявление чувств.

Он определенно очень милый и странный, и мы приятно провели время, пока стояли во дворе.

Вскоре подошел мистер Блаунт, я оставила их и поспешила в свою комнату».

Глава LV
Прощание мистера Кармела

Примерно в это время в Голден-Фрайерс был праздник. Сэр Ричард Мардайкс и сэр Гарри построили три очень красивых фонтана в верхнем конце городка, где у обоих была собственность, и их открытие стало торжеством.

Я не хотела идти и, сославшись на недомогание, осталась дома, но сэр Гарри Рокстон и мистер Блаунт, конечно же, уехали. Мистер Марстон отправился на свою ферму на другой берег, и я захотела покататься по озеру в лодке. Лодочник подвез меня достаточно близко к Голден-Фрайерс, чтобы слышать музыку — очень красивую, кстати, — но я попросила держаться в отдалении от других лодок, стоявших у берега.

Был приятный ясный день, без сильного ветра, и хотя почти наступила зима, с одной накидкой на коленях было вполне комфортно.

Мой дневник рассказывает о событиях так:

«Было, наверное, около четырех, когда я сказала лодочнику грести обратно к Дорракли. Тонкая дымка зимнего вечера начала накрывать ланд-

шафт, и красный закат струился сквозь брешь в горах с таким завораживающим эффектом, что я попросила снизить скорость. Лодочник лишь изредка погружал весла в воду, и я смотрела на озеро, любуясь магическим эффектом.

Вдоль берега, немного позади нас, шла лодка. Я посмотрела на нее, но без всякого интереса, поскольку знала, что сэр Гарри и мистер Блаунт заказали карету вернуться назад.

До меня донеслись голоса, и один вдруг поразил меня. Лодка подошла ближе: думаю, между нами было ярдов тридцать, я даже видела, как струйки воды стекают с весел подобно жидкому металлу, темп был неспешный, и… И я услышала резкий и гнусавый голос месье Дроквилля!

Да вот же он, в черном платье, стоит на корме и внимательно рассматривает пейзаж. Лучи заходящего солнца касались его энергичных черт, не оставляя сомнений.

Я услышала, как он сказал, указывая рукой: „И это Дорракли?“

Кто-то в лодке ответил ему.

Я не могу думать об этом без ужаса. Что привело сюда этого человека? Что может интересовать его в Дорракли, кроме того, что это мое нынешнее пристанище?

Уверена, он не видел меня. Когда он посмотрел в мою сторону, солнце светило ему в глаза, а мое лицо находилось в тени. Но это не имеет значения, если он приехал с какой-то целью, связанной со мной».

Инстинкт подсказал мне, что месье Дроквилль будет неукоснительно руководствоваться интересами своего ордена, советоваться с которым, не опасаясь последствий для себя, было его суровой обязанностью.

Теперь здесь, в этом прекрасном и уединенном уголке мира, я была далека от спокойствия. Я могла воскликнуть, как в «Изгнании Эрин» Кэмпбелла:

> *Ах, жестокая судьба, ты настигнешь меня*
>
> *В мирном доме, где беды, казалось, отступили навек!*

Мои страхи основывались на секрете, который я не могла раскрыть. Никто не мог мне помочь, потому что я не могла ни с кем посоветоваться.

На следующий день я сказалась больной и оставалась в своей комнате. Я думала, что месье Дроквилль придет и потребует разговора. Возможно, с помощью своей силы он попробует вынудить

меня стать инструментом в осуществлении его планов, касающихся веры или собственности других людей. Ожидая его появления, я сжималась от страха.

Шли дни, неделя — месье Дроквилль не появлялся. Я снова начала дышать. Я знала, что он не из тех, кто охотно потратит недели или даже дни в поисках живописных видов в таком полуварварском месте, как Голден Фрайез.

Наконец я набралась храбрости поговорить с Ребеккой Торкилл. Я сказала ей, что видела месье Дроквилля и что я хочу, чтобы она, ничего не говоря слугам в Дорракли, навела справки в «Святом Георгии и драконе»: не останавливался ли там человек, отвечающий его описанию. Такого человека там не было, и я могла предположить, что он уехал. Я подумала, что он приезжал с сэром Ричардом Мардайксом из Касбрука, где часто бывал. Но такой человек, как Дроквилль, даже на приятную прогулку не отправится, не думая о деле. Наверное, он наводил справки, возможно, следил за мной. Я не могла чувствовать себя спокойно.

Но умиротворение, которым я так наслаждалась в Дорракли, постепенно вернулось, и я получала истинное удовольствие от рутинной

жизни и скуки, которая в другом состоянии показалась бы невыносимой.

Стояла глубокая зима, и как же прекрасен был ландшафт в снежном саване! Все вокруг сверкало на зимнем солнце, а морозный сухой воздух был возбуждающе приятным.

Сэр Гарри Рокстон, страстный охотник, устойчивый к холоду, как гранит, в лунном свете уходил в низину со старомодным ружьем или, пока озеро не замерзло, с двумя дюжими гребцами отправлялся на лодке к заветным местам. Выросший в городе мистер Блаунт довольствовался быстрой прогулкой с тростью, в сопровождении пары собак, до Голден-Фрайерс и обратно. А мистер Марстон отсутствовал по причине некой миссии, в которую отправил его дядя, чтобы, как сказал мистер Блаунт, проверить, «способен ли он к бизнесу».

Однажды вечером, когда я сидела одна в гостиной, я немного удивилась, увидев, как в комнату входит Ребекка Торкилл в чепце и пальто, таинственная и важная. Закрыв дверь, она настороженно огляделась.

— Что вы думаете, мисс? Подождите, послушайте, — прошептала она, подходя ко мне. — Как вы думаете, кого я видела три минуты назад у лип

рядом с озером?

Я смотрела в ее лицо, наполненная тревогой.

— Я возвращалась домой от Шенстонов, к которым ходила с чаем для бедного маленького мальчика, который болеет. И как только я подошла к Дорракли, кого я увидела так же ясно, как вижу вас? Мистера Кармела! Он только что вышел из лодки и, как мне показалось, собирался пойти к дому. Он узнал меня, как только увидел — луна сегодня очень яркая, — и спросил о моих делах, а потом о ваших. Сказал, что в Голден-Фрайерс он всего на несколько часов и нанял лодку, надеясь увидеть вас хоть на минуту, но не знает, захотите ли этого вы. Он умолял меня выяснить это и сообщить ему. Если вы не против, он ждет вас там, внизу, мисс Этель. Что ему передать?

— Идемте со мной, — сказала я, быстро поднимаясь.

Надев пальто и шляпку, ни о чем не думая и ничего не говоря, я вышла в тихий вечер и зашагала по хрустящей траве. Снежные пики далеких гор пронзали воздух, озеро было печально и мрачно, и лишь серебристые проблески лунной дорожки оживляли его.

Я быстро спустилась по плавному склону между лип, оставив удивленную Ребекку Торкилл

далеко позади. В конце аллеи я остановилась и затаила дыхание: с другой стороны приближались гулкие шаги. Наконец я увидела мистера Кармела, идущего ко мне.

Через секунду он был рядом со мной и, как обычно, держал мою руку.

— Вы очень добры; как мне отблагодарить вас, мисс Уэр? Я не надеялся, что вы выйдете. Мне предстоит долгое путешествие, я чувствую себя не так хорошо, как раньше, и подумал, что если потеряю такую возможность в нашем изменчивом мире, то уже никогда не увижу свою ученицу. Я не мог не попрощаться.

— Так вы уезжаете? — спросила я, пожимая ему руку.

— Да, скоро нас будет разделять океан и половина мира, и я никогда не вернусь.

Я вспомнила всю его доброту — его задумчивую сердечность, его верность, — и на секунду мне показалось, что я сейчас заплачу.

Он кутался в шубу и казался худым и больным, при свете луны линии его красивого лица были резкими, словно вырезанными из слоновой кости.

— Мы много ссорились и снова мирились, и теперь мы расстаемся, уверен, хорошими дру-

зьями.

— Вы уезжаете, и вы болеете… — только и смогла сказать я, но понимала, что в моем голосе есть что-то от того необузданного тона, который появляется от непритворной печали.

— Как часто я думал о вас, мисс Этель… как часто я буду думать о вас, сколько бы мне ни осталось.

— Мне так жаль, мистер Кармел, ужасно жаль! — Не отпустив его руки, я смотрела в худое лицо с печальным предчувствием.

— Я хочу, чтобы вы помнили меня. Это глупость, я знаю, но это безвредная глупость, вся человеческая природа разделяет ее, и… — его голос немного дрожал, — и ваш учитель, который старался мудро воспитывать вас, в конце концов не меньший глупец, чем остальные. — Он полез в карман и протянул мне красивый золотой крестик с пятью бриллиантами. — Вы сохраните этот крест? Он принадлежал моей матери, а затем, с разрешения моих духовников, мне, так что вы можете принять его с чистой совестью. — Он улыбнулся. — Если вы будете его носить или просто положите на столик… — Снова небольшая пауза. — Возможно, иногда он напомнит вам о том, кто был в вас заинтересован. И… ох, Этель,

дайте мне посмотреть на вас еще раз!

Он вывел меня — всего на несколько шагов — из тени дерева под яркий лунный свет и, держа за руку, внимательно смотрел на меня с бесконечно печальной улыбкой.

— Вот она, моя своенравная, щедрая, умная Этель! Как гордился я своей ученицей! Сердце знает горе души своей[57], — сказал он мягко. — Ах, в тот день, когда Искупитель начнет собирать свои драгоценные камни, вы будете самым ценным из них! Я повидался с вами, прощайте!

Он поднял мою руку и дважды нежно поцеловал ее. Потом развернулся, быстро спустился к воде и шагнул в лодку. Гребцы опустили весла, и вода рассыпалась бриллиантами. Я видела, как темная фигура в черном стоит на корме, указывая рукой в сторону Голден-Фрайерс. Лодка была в трех метрах от берега… в двадцати… в пятидесяти… Слезы, которые я сдерживала, прорвались, и, рыдая так, словно мое сердце разрывается, я выбежала на берег, встала на широкий плоский камень и махала рукой отчаянно и невидимо для моего друга, которого, знала я, больше никогда не увижу.

---

[57] Сноски: 57

«Сердце знает горе души своей, и в радость его не вмешается чужой» (Притч. 14:10).

Я смотрела вслед лодке, пока ее очертания и звук весел не скрылись в серой дали.

Глава LVI
«Любовь остановила времени полет…»[58]

Шли недели: все тот же бодрящий мороз и низкое веселое солнце, возбужденные собаки и резкие для слуха звуки вдали, красные закаты, ранние сумерки и трескучий огонь камина. Зима была в разгаре. Добрый голос сэра Гарри Роксто-на, слышимый во всем доме, звал меня из холла: он хотел знать, выйдет ли «маленькая Этель» на прогулку, поедет ли с ним в город смотреть на катающихся на коньках, ибо в мелких местах у берега озеро замерзло.

Однажды я зашла в комнату сэра Гарри по ка-кому-то делу.

Мистер Блаунт стоял, опершись на каминную полку, а сэр Гарри вынимал большой ключ из двери железного сейфа, который был встроен в стену. Я поняла, что помешала им, и немного взволнованно сказала:

— Я зайду позже: ничего серьезного.

Сэр Гарри поманил меня пальцем:

---

[58] Сноски: 58
Альфред Теннисон, «Замок Локсли». Перевод Ольги Чюминой.

— Останься, маленькая Этель. Я не вижу причины, Блаунт, почему мы не можем рассказать девочке.

Мистер Блаунт согласно кивнул.

— Подойди, моя красавица. — Сэр Гарри вставил ключ и открыл сейф. — Посмотри внутрь, видишь эту полку? Ну, запомни, здесь старик Гарри Рокстон оставил завещание — запомнила, где оно лежит? — Он мягко притянул меня к себе, нежно погладил по голове и поцеловал в лоб. — Да благословит тебя Бог, милая! — Снова запирая дверь, он сказал: — Запомни, сейф рядом с картиной. На этом все, девочка.

Получив разрешение, я ушла.

В столь уединенном месте, как Дорракли, время шло неслышными шагами. Минуло Рождество. Мистер Марстон вернулся: зимой он чаще жил с нами, и в доме было веселее.

Могу ли я точно описать мистера Марстона? Могу ли полагаться на собственные воспоминания о нем? Кем я тогда стала? Мечтательницей, жертвой магии. Старый дом в Дорракли больше не казался мне печальным — он как будто бы излучал неземной свет. Меня охватило сладкое и нежное помешательство, и я больше не была собой. Понемногу, час за часом, день за днем, мое

помешательство росло, и я совершенно преобразилась. Да, так и есть, узрите меня, безумно влюбленную в Ричарда Марстона.

Оглядываясь сейчас на тот период моей жизни, я ясно вижу, что это было неминуемо. Почти всегда вместе, в глуши, в отсутствие других молодых людей, которые могли бы вызвать интерес. Мои друзья придерживались мнения, что мистер Марстон был безнравственным человеком, но я лелеяла надежду, что это осталось в прошлом, ибо видела другое: сейчас он был энергичным, умным и страстным и не позволял мне сомневаться в его чувствах.

Влюбленность приходила постепенно, и только в мае она достигла апогея в сцене, которая вновь и вновь всплывает в моих одиноких воспоминаниях — всегда со смесью сладко-горьких чувств!

За день до объяснения в моем дневнике, который я часто цитирую, говорится следующее:

«*9 мая.* Уверена, что письма от мистера Марстона нет, иначе сэр Гарри или мистер Блаунт обсуждали бы его за завтраком. Думаю, это нехорошо по отношению к его дяде.

Вопреки запретам, переплыла озеро одна на лодке и прошла с четверть мили по дороге к лесу Кластид. Как все красиво, но как печально!

Когда я в последний раз видела этот волшебный й лес, со мной были сэр Гарри Рокстон и мистер Марстон.

Странно, что мистер Марстон отсутствует так долго, сложно поверить, что он не старался вернуться раньше. Он уехал 28 апреля, и мистер Блаунт думал, что через неделю, то есть пятого числа этого месяца, он вернется. Осмелюсь предположить, что мистер Марстон был рад ненадолго отлучиться — я не могу его винить, думаю, ему часто очень скучно, что бы он ни говорил. Интересно, что он имел в виду, когда как-то сказал, что „меньше всего его любят те, кого он любит больше всего“? Он сказал это с грустью. Интересно, он имел в виду старую любовь и расставание? Ну, если бы он не любил кого-то, ссорился бы он с дядей из-за женитьбы на той, которую дядя выбрал для него! Несомненно, она была молода и прекрасна — сэр Гарри не мог найти ему другую. Думаю, молодых людей, чье сердце не занято, легко убедить жениться, но с мистером Марстоном этого не произошло. Возможно, его верность в конце концов будет вознаграждена: какая молодая леди откажется от него?

10 мая. С чего мне начать? Да простит меня Бог, если я сделала что-то не так! О, добрый и верный

друг, сэр Гарри, чем я вам отплатила? Но уже слишком поздно — что было, то было. И все же, несмотря ни на что, я счастлива!

Позвольте собраться с мыслями и как можно короче записать основные события этого счастливого и волнительного дня. День выдался прекрасный. Я наслаждалась одинокой прогулкой в лесу Линдер. Меж деревьев проглядывало озеро, кукушка куковала в низине. В столь уединенном месте нет более безлюдной тропы.

Вдруг я услышала шаги, приближающиеся ко мне сзади, оглянулась и увидела мистера Марстона — радостно улыбаясь, тот пытался догнать меня. Я остановилась и почувствовала, что краснею. Он заговорил, я была смущена и не помню, что он сказал, но уже через секунду он приблизился ко мне. Я заметила, что он очень бледен. Полагаю, он решил поговорить, но начал не с главного, а с пустяков — я ничего не помню о них.

Наконец он перешел к теме, которая так волновала наши сердца; мы шли все медленнее, пока не остановились под огромным буком, на чьей коре позже были вырезаны теперь уже покрытые лишайником, но, наверное, еще читаемые наши инициалы.

Он спросил, и я ответила — я не помню наших слов, но в глазах Небес мы обручились клятвами, которые ничто и никогда не сможет отменить, пока перед Богом у алтаря не будут произнесены еще более священные клятвы или один из нас не умрет.

О Ричард, моя любовь, правда ли это? Неужели ты любишь бедную Этель любовью столь нежной, столь глубокой, столь отчаянной?

Он сказал, что полюбил меня с первого взгляда, когда увидел в саду Мэлори на следующий день после спасения!

Но и я без памяти влюбилась в него. Несмотря на все предостережения, я не могла осуждать его или не доверять ему. Я никогда не забывала Ричарда все те годы, когда мы были разлучены. С тех пор он повидал весь мир, часто был в опасности, да и я претерпела столь огромные и неожиданные перемены в жизни… Только подумать, что наконец мы снова встретились! Разве это не судьба?

Единственная вещь, которая омрачила этот идеальный день, — это то, что наша привязанность и помолвка должны остаться в секрете. Ричард так говорит, и я уверена, что он знает лучше. Он говорит, что сэр Гарри еще не простил его,

поэтому категорически запретит нашу помолвку. Он с легкостью может разлучить нас и сделать невыразимо несчастными. Но когда я смотрю в доброе и печальное лицо сэра Гарри и думаю о том, сколько он сделал для меня, сердце укоряет меня, и сегодня, увидев его, мне пришлось быстро отвернуться, ибо глаза мои вдруг наполнились слезами».

Глава LVII
Неловкое предложение

Здесь я приведу еще несколько отрывков из моего дневника, поскольку они содержат сведения, описанные лишь в общих чертах, но о них следует дать краткий отчет.

«*11 мая*. Ричард рано уехал на ферму. Вчера я сказала ему, что утром приеду повидать его. Но он не хотел об этом слышать и снова призвал к осторожности. Я не должна делать ничего, что бы внушило хоть малейшее подозрение о нашей помолвке или даже о нашем неравнодушии друг к другу. Я не должна говорить об этом Ребекке Торкилл или намекать кому-то из немногочисленных подруг, с которыми поддерживаю переписку. Уверена, что он прав, но эта секретность очень мучительна. Я чувствую себя коварной, когда вижу доброе лицо сэра Гарри.

Ричард вернулся в три часа: мы встретились, как договаривались, на той же тропинке в лесу Линдер. Он рассказал столько всего, о чем я не знала. Мистер Блаунт сказал ему, что сэр Гарри хочет оставить мне содержание в двести фунтов

в год. Как добро и щедро с его стороны! Больше чем когда-либо я почувствовала боль и низость моего молчания. Ричарду он собирается оставить восемьсот фунтов в год и ферму на той стороне озера. Ричард считает, что, если бы он не рассердил дядю, тот бы сделал для него больше. Но я думаю, что у сэра Гарри доброе сердце — он любит нас, и этого достаточно. Ричард говорит, что завещает все, что имеет, мне. Мне больно думать, что он, видимо, считает меня меркантильной, раз заговорил о деньгах и договорах. Я дала ему понять, что идея получить свыше того, что мой благодетель сэр Гарри намерен оставить мне, ни разу меня не посещала.

„Именно потому, моя дорогая, что ты так мало думаешь о себе, я должен немного позаботиться о твоей персоне, — сказал он нежно. — Кто должен заниматься этим вместо тебя, если не я? Прошу, не лишай меня удовольствия сообщить, что я могу предотвратить, слава богу, некоторые опасности, которым ты охотно подверглась бы ради меня“.

Потом он рассказал мне, что основная часть собственности сэра Гарри отойдет Стрэдффордам, дальним родственникам, и заклинал меня не говорить об этом ни одному живому существу,

так как это поссорит его с мистером Блаунтом, который рассказал ему о намерениях сэра Гарри под большим секретом.

Я тяготилась этими тайнами, но доброта сэра Гарри заставляет меня любить его все больше каждый день. Я рассказала Ричарду о разговоре про завещание. Теперь у меня нет от него секретов».

Недели, месяцы продолжалась такая жизнь, однообразная, но полная надежд, опасений и волнений. Я любила Голден-Фрайерс по многим причинам, в том числе таким эфемерным, как ассоциации и настроения. Моя дорогая матушка была погребена здесь, и простую и печальную надпись на ее табличке в красивом храме можно было прочесть с церковной скамьи Рокстонов.

— Добрый малый, этот викарий, — сказал както сэр Гарри, — немного простоват, но если бы другие были такие, как он, в церкви было бы больше народа, чтобы слушать проповедь!

Когда сэр Гарри говорил это, мы с ним катались на лодке. Стоял прекрасный августовский вечер, легкий ветерок едва надувал паруса, и со стороны Голден-Фрайерс была слышна органная музыка, летевшая из открытых окон церкви. Викарий был хорошим музыкантом и часто играл торжествен-

ные мелодии, которые так хорошо подходили здешнему пейзажу.

Я знала, что сэр Гарри был в ссоре с викарием. Но на похоронах мамы викарий, помнивший ее прекрасным ребенком, рыдал, когда произносил слова прощания. По окончании службы сэр Гарри подошел к нему и, не говоря ни слова, от всей души пожал руку — сердце его было переполнено. С того дня мой благодетель любил скромного служителя церкви, хотя и не знал, как правильно это показать.

В ленивом рейде вдоль колоритного городка, в тишине, прерываемой только плеском воды и далекими звуками органа, время пролетело незаметно. Солнце село за горизонт, над потемневшим озером полетел печальный вечерний звон с покрытой плющом башни, и органа больше не было слышно. Лодка медленно повернула к Дорракли.

Сэр Гарри какое-то время молча смотрел на меня. Он поправил накидку на моих ногах и тяжело вздохнул:

— Иногда ты так похожа на красавицу Мейбл… и когда ты улыбаешься… помнишь ее улыбку? Она была прекрасна.

Я не знала, что ему ответить, да ответа и не

требовалось.

— Надо сказать Ренику, чтобы, когда начнется охота, каждый день посылали парочку птиц викарию, — прервал молчание сэр Гарри. — Сам я уеду через день-два, и меня не будет три недели. Хочу снять дом в Лондоне, девочка, тебе не придется хандрить здесь слишком долго. Рано или поздно в тебе проснется желание на что-то посмотреть, с кем-то поговорить и где-то побывать.

Я заволновалась и тут же возразила, что не могу представить жизни более приятной, чем здесь, в Голден Фрайез.

— Нет-нет, так не пойдет. Ты хорошая девочка, поэтому так говоришь, но это не так… Я не смогу возить тебя на балы и тому подобное, потому что не знаю людей, которые дают их, а все мои хорошие подруги, которых я знал в юности, уже не у дел. Но в Лондоне и без балов есть на что посмотреть: восковые фигуры, дикие звери, картины и представления.

— Но уверяю вас, Голден-Фрайерс и тихая жизнь в Дорракли нравятся мне в тысячу раз больше, чем все чудеса и зрелища мира, — возразила я.

Если бы он только знал, с каким ужасом я думала о возможности переезда, пусть и совсем по другим причинам, он бы отдал должное искрен-

ности моих возражений.

— Говорю же, так не пойдет. Вы, женщины, редко говорите нам, мужчинам, о чем думаете. Ты хочешь как лучше, доброе маленькое создание. Ты не хочешь расстраивать старика, но Лондон тебе понравится больше, и ты получишь Лондон. Ты получишь дом, в котором сможешь принимать старых знакомых, то есть тех, кто показал себя с лучшей стороны, когда все в твоей жизни пошло не так. Ты всем покажешь, что можешь держать голову высоко. Не беспокойся, я все решил.

Напрасно я протестовала — сэр Гарри был непреклонен. Успокаивало одно: он не превратит угрозу в действие еще по крайней мере три недели. Если чего-то не хватало, чтобы мое страдание было полным, то это слов сэра Гарри после недолгого молчания:

— И, девочка, не говори об этом ни слова Ричарду Марстону: он вообразит, что я возьму и его, но я бы скорее взял дьявола. Поэтому запомни: это секрет.

Я попыталась улыбнуться и сказала что-то, что вроде бы удовлетворило его, ибо он продолжил беседу и был намного словоохотливее, чем обычно, в то время как мой разум был занят мыслью о

прискорбной разлуке и сложностях переписки с предметом моей любви.

Боль ожидания была столь велика, что я предприняла еще одну попытку убедить сэра Гарри отказаться от лондонских планов и позволить мне продолжать наслаждаться жизнью в Дорракли.

Однако он был непоколебим: рассмеялся, вновь повторил, что не уступит, и добавил:

— Ты ведешь скучную, неестественную жизнь; ты научилась любить ее, и чем больше она тебе нравится, тем меньше она тебе подходит. Если ты падешь духом, ты потеряешь здоровье.

Когда я продолжила настаивать, он вдруг посмотрел на меня немного мрачно, словно засомневался в моем мотиве. Это испугало меня. Я почувствовала, что все может стать еще хуже.

Я обнаружила, что сэр Гарри вбил себе в голову, что мое здоровье пошатнется, если он не обеспечит мне перемены и развлечения. Не знаю точно, кому из умников Голден-Фрайерс я обязана этой фантазией, которая обещала бесконечные мучения, но впоследствии у меня была причина думать, что тем другом, который заронил в нем зерно сомнения насчет моего здоровья и настроения, была старая мисс Гулдинг из Райбиггинс.

Мне сказали, что она хотела выдать свою племянницу за Ричарда Марстона и полагала, что, если убрать нас с сэром Гарри с дороги, ее планы могут осуществиться.

Ричард был дома — было время чая, — но у меня не было возможности сказать ему хоть слово незаметно. Не знаю, увидел ли он, как я несчастна.

Глава LVIII
Опасность

Сэр Гарри пил с нами кофе и время от времени читал мне небольшие отрывки из газет, которые пришли с поздней почтой. Мистер Блаунт рассказывал Ричарду фермерские новости. Завтрак был кошмарным. Но я все же смогла договориться с Ричардом встретиться на нашем обычном месте для свиданий.

Мы должны были увидеться в три часа. Глупый лихорадочный день еле тянулся, но наконец время пришло. Я быстро оделась и, дрожа от мысли, что ко мне могут присоединиться сэр Гарри или мистер Блаунт, перебежала сад, выскочила в калитку живой изгороди и по лесной тропинке направилась к тому месту, где мы связали себя клятвой.

Скоро с противоположной стороны пришел Ричард.

Листва здесь была густой, и ветви свисали низко. Можно было подумать, что он идет по узкому коридору монастыря, настолько темным и плотным был навес над тропой. Он покачал

головой, когда приблизился, на лице ни тени улыбки. Остановился, оглянулся через плечо, нет ли там кого, потом всмотрелся в тропинку, по которой пришла я.

— Когда у Этель есть секреты, она говорит лишь половину того, о чем думает, — укоризненно произнес он.

— Что ты имеешь в виду, Ричард?

— Я бы с тобой так не поступил, дорогая.

— Я ничего не понимаю, Ричард: что я сделала?

— Не понимаешь? Я случайно узнал обо всем от старика Блаунта, который по простоте душевной поделился новостью. Ты просила моего дядю отвезти тебя в Лондон, и ты уезжаешь.

— Просила? Да я умоляла его оставить меня здесь. Я ничего не знала о поездке до прошлого вечера, когда мы возвращались вместе в лодке из Голден-Фрайерс. Ох, Ричард, как ты мог такое подумать? Именно об этом я и хотела с тобой поговорить.

— Этель, дорогая, ты полностью открыла мне свое сердце, там ничего не осталось? Нет, уверен, что нет. Не отвечай.

— Послушай, Ричард, скажи лучше, могу ли я как-то предотвратить это?

Он выглядел жалко, когда мы, медленно шагая по тропинке и иногда останавливаясь, обсуждали эту проблему.

— Своим сопротивлением, — сказал он, — ты можешь заставить моего дядю искать какой-то тайный мотив. Если он заподозрит о нашей помолвке, на нас обрушатся намного более серьезные несчастья. Господи, будет ли когда-нибудь у меня тихий дом? — возвел он глаза к небу. — Этель, я знаю, что случится: ты уедешь в Лондон, и я буду забыт. Все мои надежды рухнут.

Я плакала, бранилась и повторяла клятвы.

Наконец, когда эта напряженная сцена закончилась, я остановилась и зарыдала, если позволите, как дура. Он взял меня за руку, заглянул мне в лицо — очень печально — и вскоре сказал:

— Не будь я уверен, что дядя разгневался бы сильнее, если б это было так, я бы подумал, что он узнал о нашей помолвке и затеял все это, чтобы расстроить ее. Он нашел для меня работу в своем имении в Халле, а оттуда я отправлюсь в Уорикшир, поэтому, полагаю, я не вернусь до середины октября, а тебя, по словам мистера Блаунта, он хочет отправить в Брайтон до Лондона.

— Но ты же не уедешь прямо сейчас? — спро-

сила я.

Мистер Марстон горько улыбнулся:

— Он сделал для этого все. Я уезжаю завтра утром.

На секунду я потеряла дар речи.

— О, Ричард, Ричард, как я переживу эту разлуку? — воскликнула я. — Ты должен придумать способ увидеться со мной. Иначе я умру.

— Ну же, Этель, давай все обдумаем. Пока, мне кажется, мы можем только подчиниться. Я все-таки уверен, что о наших отношениях никто не подозревает. Иначе были бы предприняты намного более жестокие меры. Но мы должны быть осторожны. Мы не должны выдавать наших чувств. Сам я перенесу это испытание с видом небрежным и даже радостным, хотя мое сердце уже сейчас разбито. Ты, дорогая, также должна проявить стойкость: так или иначе, я сумею повидать тебя и буду регулярно писать. Мы связаны обещаниями, которые не осмелимся нарушить, и если я оставлю тебя, пусть Бог оставит меня! Этель, ты поддержишь меня?

— Да, Ричард, — произнесла я страстно сквозь рыдания и повторила за ним: — Если я оставлю тебя, пусть Бог оставит меня! Ты знаешь, я не смогу жить без тебя. О, Ричард, дорогой, как мне

смотреть на тебя в этот вечер, зная, что он будет последним? Как я могу слышать твой голос, говорить с тобой или слушать тебя, как обычно, будто ничего не случилось? Ричард, неужели нет выхода? Что, если сказать твоему дяде? Может, так будет лучше всего? Или это только усугубит дело?

— Да, усугубит, об этом нечего и думать, — нахмурился он. — Я знаю его лучше, чем ты. Нет, мы должны проявить терпение и безграничное доверие друг к другу. Что касается меня, вдали от тебя я предпочту одиночество. С тобой все иначе: скоро ты окажешься в водовороте жизни. Я потеряю тебя, Этель. — Он хлопнул ладонью по лбу в смятении. — Без тебя мне ничто не мило: я могу быть жестоким, злым, безрассудным, как пожелаешь, но никто не может назвать меня эгоистичным или ненадежным.

Я все время перебивала его страстными клятвами в верности, которые он, казалось, не слышал, настолько был поглощен собственными мыслями.

Помолчав несколько минут, он вдруг сказал:

— Послушай, Этель, если тебе не понравится лондонская жизнь и там тебе будет не так хорошо, как здесь, ты можешь, если захочешь,

убедить моего дядю, что тебе лучше и счастливее здесь, в Голден-Фрайерс. Ты можешь это сделать и все закончить. Ты можешь писать мне, Этель, без опаски. Знаю, ты будешь писать каждый день, хоть строчку, и, когда скажешь свой адрес, будешь получать ответ с каждой почтой. Не выходи в свет в Лондоне, Этель: ты должна обещать мне это.

Я обещала, страстно и укоризненно. Я изумлялась, как он может подозревать, что я хочу уехать. Что я буду веселиться в свете без него. Но я не могла укорять его ревностью, которая доказывала любовь.

Кажется, именно в этот момент я услышала звук, который заставил мое сердце затрепетать, а затем прыгнуть в пятки от ужаса: низкий голос сэра Гарри, такой близкий, что, казалось, еще шаг, и он покажется из-за поворота тропинки и увидит нас.

— Беги, дорогая, — сказал Ричард, нежно подталкивая меня одной рукой и второй указывая в противоположную от голоса сторону.

Сам он развернулся и быстро пошел навстречу сэру Гарри, который беседовал с лесничим о прореживании леса.

Через секунду я скрылась из виду и в неописуе-

мом волнении направилась домой.

Глава LIX
Неожиданный гость

Все было правдой — Ричард уехал на следующее утро. Те, кто переживал подобное расставание, знают его горечь и следующую за ней апатию.

Я должна была остаться одна в Дорракли по крайней мере на три недели, возможно, и дольше. Мистер Блаунт назавтра отбывал в Виши, во Францию, где у него были какие-то дела.

Сэр Гарри Рокстон, который через несколько дней собирался в Брайтон, был сама доброта. Не было сомнений, что он ничего не знает о нас.

— Ты будешь скучать по нардам с Лемюэлем Блаунтом, — сказал он. — И по лодочным прогулкам со мной, и по нашим разговорам за чаем по вечерам. Тебе здесь будет тоскливо, девочка, но скоро ты появишься там, где зрелища и шум. Так что думай об этом, и когда мы уедем, не броди уныло по дому, но приободрись — всего несколько недель отделяют тебя от Брайтона и Лондона.

Конечно же, его доброе утешение только усилило мое отчаяние.

Пришло время, и я осталась одна. Одиноче-

ство на самом деле было облегчением. Я могла смотреть на озеро и вспоминать, как мой возлюбленный приезжал на лодке. Я могла гулять по тропинке, сидеть под старым буком и мысленно вести долгие беседы с Ричардом без страха быть прерванной… Все было бы терпимо, если бы не предчувствия, ожидание и бесконечная боль от расставания!

От Ричарда не пришло ни строчки. Он настоял, что, пока я нахожусь в Дорракли, мы не должны переписываться. В Голден-Фрайерс, куда поступали письма, было слишком много любопытных глаз.

Сэр Гарри отсутствовал около трех недель, когда он вдруг прислал мне изысканные маленькие эмалевые часики, украшенные бриллиантами: их привез в Дорракли наш сосед по городку, которого мой благодетель встретил в путешествиях. Через неделю пришло еще письмо от сэра Гарри. Он писал, что собирается в Лондон, чтобы проверить дом и убедиться, что там все готово.

Последовали несколько дней тишины, прервавшиеся очень странно. Я была на своей обычной одинокой дневной прогулке, довольно далеко от дома, когда к парадной двери подъехал экипаж с багажом на крыше. Из него выскочил Ричард

Марстон, взбежал по лестнице и приказал слугам поднять чемоданы в его комнату. Дома ли я, он поинтересовался не сразу. Казалось, он не знал, что ему делать дальше: подошел к лестнице, резко остановился, положив руку на перила, потом развернулся, постоял посреди холла, глядя на свои пыльные ботинки, открыл входную дверь, в нерешительности посмотрел на улицу, снова вернулся в холл и сказал слуге:

— Так мисс Уэр, говорите, гуляет? Ну, идите и скажите экономке, что я приехал и буду приезжать и уезжать несколько дней, пока не получу известий из Лондона.

Слуга ушел, а мистер Марстон, сев в карету, отправился в Голден-Фрайерс. Там он нанес визит викарию, имел с ним личный и откровенный разговор и вернулся в Дорракли.

Мистер Марстон был возбужден. В холле он снял шляпу, положил ее на комод, потом снова надел, то есть вел себя как человек в опасности. Стоя у лестницы, он прислушался. Затем, уже без спешки, подошел к комнате сэра Гарри, повернул ключ, торчавший в замке, открыл дверь, вынул ключ и вошел внутрь.

Меньше чем через пять минут миссис Шеклтон в своем неизменном коричневом шелковом пла-

тье громко постучала в дверь.

— Войдите, — раздался голос Ричарда Марстона.

— Не могу, сэр.

— Не можете? Почему? В чем дело?

— Вы заперли дверь изнутри, — ответила она.

— Я? Вовсе нет, — ответил мистер Марстон, рассмеявшись. — Попытайтесь еще раз.

Она попыталась, со всей силы толкнула дверь, и та открылась.

Мистер Марстон сидел в кресле дяди с газетой, которую купил в поезде. Он невинно взглянул на нее:

— Ну, миссис Шеклтон, в чем дело?

— Ни в чем, сэр, — ответила она, заходя в комнату и подозрительно осматриваясь. — Но дверь была заперта, уверяю вас, сэр, всего минуту назад, когда я пыталась открыть ее в первый раз. Кроме того, мой хозяин, сэр Гарри, приказал никого не впускать в эту комнату, пока он в отъезде.

— Я должен был догадаться: везде его письма, — но ключ торчал в замке, вот он, поэтому я подумал, что лучше его вытащить.

Миссис Шеклтон сделала реверанс, взяла ключ из его пальцев и застыла в ожидании.

— А! Полагаю, — сказал он, вставая и потяги-

ваясь с улыбкой и зевком, — вы хотите, чтобы я вышел?

— Да, сэр, прошу, — сказала экономка категорично.

Молодой джентльмен беспечно посмотрел в дальнее окно, осмотрелся, будто проверяя, не забыл ли он чего, и сказал с улыбкой:

— Миссис Шеклтон, счастлив тот, у кого есть такая бдительная леди, как вы, которая может позаботиться о мирских благах.

— Я не леди, сэр, я не ценю себя так высоко, — сказала она, снова сделав реверанс. — Я всего лишь пытаюсь выполнять свои обязанности по совести. Прошу прощения за беспокойство, сэр.

— Не стоит, все в порядке, — сказал он, выходя из комнаты и снова зевая.

Он ломал голову над тем, как угодить экономке или смягчить ее, но миссис Шеклтон, знал он, обладала северной гордостью, которую легко задеть, поэтому ему следовало быть очень осторожным.

Глава LX
Ключ сэра Гарри

Мистер Марстон поднялся в свою комнату: его вещи давно уже были там. Он хотел смыть пыль и сажу после путешествия по железной дороге.

Он быстро привел себя в порядок, и как раз когда хотел открыть дверь, в нее постучали.

— В чем дело? — спросил он.

— Пришел викарий, сэр, и желает знать, можете ли вы его принять.

— Конечно. Скажите ему, что я спущусь через минуту.

Он предвидел этот визит с дальновидностью, которой гордился. Спустился вниз и нашел викария одного в гостиной.

— Я так рад, что вы пришли, — сказал мистер Марстон, быстро приближаясь к викарию и не давая тому времени заговорить. — После приезда я едва успел переодеться, а пока занимался этим, подумал, что самое лучшее — передать вам ключ, не использовав, пусть хранится у вас. Вы так не думаете?

— Да, сэр, — кивнул викарий, — так и есть. Это

странно, но такая же мысль пришла в голову и мне и фактически вынудила меня нанести вам этот визит. Понимаете, ключ был доверен мне, и, думаю, я не должен расставаться с ним, пока не вернется хозяин.

— Вы правы, — согласился Марстон.

— Возможно, мы оба действовали слишком опрометчиво.

— Да, сэр. Но я беру всю вину на себя. Я склонен к импульсивности и глупости. Обычно я думаю, когда уже слишком поздно; к счастью, в этот раз я все обдумал и уверен, что прав. — Молодой человек доверительно положил руку на предплечье викария.

— Есть один маленький нюанс: я не могу взять на себя полную ответственность за этот ключ. Ведь вполне могут существовать и другие ключи, которые подойдут. Я не могу отвечать за слуг и кого-либо еще, кто бывает в доме. Давайте проверим вместе.

Мистер Марстон был убедителен.

Послали за миссис Шеклтон, которая без ропота и вопросов открыла дверь для викария, которого любила. Однако она не оставила их — подождала в коридоре. Через несколько минут мужчины вышли из комнаты сэра Гарри.

— Вы останетесь на обед? — спросил Ричард викария уже в холле.

— Нет, благодарю. Я очень спешу. Хочу повидать бедного мальчика, к которому мистер Блаунт всегда был так добр. Думаю, ребенок умирает.

С ключом в кармане он ушел.

Все это время я была одна в своих невеселых мыслях. Я и представить не могла, что герой моих грез находится совсем рядом, как вдруг увидела его идущим по тропинке. Вскрикнув, я побежала ему навстречу. Казалось, он был счастлив и лучился любовью, когда притянул меня к себе, обнял и страстно поцеловал. Он говорил что-то, но когда позже я обдумала его слова, поняла, что они свелись к одному потрясающему обещанию: с этого дня он хочет видеть меня чаще.

Мне показалось, что его поведение изменилось: в его тоне звучала уверенность влюбленного, у которого есть право распоряжаться. Он стал более демонстративным в своих чувствах. Мне должно было бы возмутиться его страстью, как того требовали правила приличия, но я была счастлива и ни о чем таком не думала.

Ему нужно сходить в город, сказал он, отстранившись от меня, ненадолго. И да, не стоит давать людям повод для сплетен — мы должны быть

осторожны.

Я отпустила его без просьб или протестов, хотя мне стоило неописуемой боли потерять его, пусть всего на час, так скоро после долгой разлуки. Именно так — он обещал вернуться через час, хотя это было почти невыполнимо, и я поверила ему. Влюбленные попирают невозможное — не знаю, кому принадлежит эта фраза.

Перед уходом он сказал:

— Когда я вернусь, я сразу пойду в гостиную: ты будешь там?

Конечно! Вернувшись домой, я тотчас же направилась в гостиную. Я боялась покинуть ее хоть на секунду, чтобы он не нашел комнату пустой. Мне нравилось подчиняться ему, нравилось, что он это знал. Как я ждала его возвращения! Как нетерпелива была! Но все это время у меня было тайное предчувствие. Поведение Ричарда изменилось, как я уже сказала: в нем появилась уверенность, некая небрежность. Не то чтобы он восхищался мною меньше, но… он стал другим, и это казалось мне зловещим.

Мне было так тревожно, что я не могла усидеть на месте. Я то и дело открывала дверь и все время прислушивалась к стуку копыт, или шелесту колес, или звуку шагов. Напрасно.

Прошел час, два часа. Я начала воображать всевозможные ужасы. Он утонул в озере? Лошадь упала и придавила его? Среди моих диких предположений не было катастрофы слишком невероятной.

Солнце опустилось, и я была почти в отчаянии, когда дверь открылась и в комнату вошел Ричард. Я не слышала ни шума за дверью, ни его шагов, но он был здесь.

Глава LXI
Открытие тайны

Я вскочила и хотела подбежать к нему, но он поднял ладонь в предостерегающем жесте. Поэтому я осталась на месте, и он сам подошел ко мне.

— Я буду очень занят несколько дней, дорогая Этель, и… — Дальше он говорил очень медленно, выдавливая слова: — И ты такая пройдоха!

Я была потрясена. Его голос и взгляд были совершенно серьезными. Улыбка, а точнее, усмешка была циничной и злой. Я была так удивлена, когда он посмотрел мне в глаза с этой хитрой усмешкой, что не могла вымолвить ни слова и в глупом изумлении уставилась на него.

Наконец я выдавила, побледнев:

— Я не понимаю! Что это значит? Ох, Ричард, что ты имеешь в виду?

— Ну хватит. Я почти готов поверить, что ты сейчас расплачешься. Но ты слишком умна, маленькая пройдоха, чтобы верить, что женские слезы когда-то приносили пользу. Идем! — Все еще улыбаясь этой своей оскорбительной улыбкой, он взял меня за руку и погрозил мне пальцем

с циничной игривостью. — Что я имею в виду?

— Да, Ричард, что ты имеешь в виду? — повторила я со слезами на глазах. — Это жестоко, это ужасно после столь долгой разлуки.

— Ну, я скажу тебе, что имею в виду. — На миг его улыбка превратилась в оскал. — Посмотри, подойди к окну.

После короткого колебания я вместе с ним подошла к окну, глядя ему в лицо с болью тревоги и удивления. Мне казалось, что я попала в кошмарный сон.

— Знаешь, чем я развлекал себя последние двадцать миль моего железнодорожного путешествия? — спросил он. — Ну, я скажу тебе: все это время я читал о любопытном уголовном деле, в котором очень уважаемого пожилого джентльмена шестидесяти семи лет обвинили в отравлении бедной девушки сорок лет назад, за что он должен быть повешен в течение трех недель!

— И? — произнесла я с усилием: я не узнала собственный голос и чувствовала огромный ком в горле.

— И? — повторил он. — Ты не понимаешь?

Он улыбнулся все той же страшной улыбкой и хмыкнул. Было бессмысленно скрывать от себя тот факт, что я смутно подозревала, к чему он ве-

дет. Я бы предпочла умереть на месте, прежде чем он успеет закончить следующее предложение.

— Ну, видишь ли, беда подобных дел в том, что время не лечит и не скрывает преступления. Правовая норма гласит, что время не помеха Короне. Но я вижу, что подобные темы тебе неинтересны.

Я чуть не сказала что-то дикое и глупое, но сдержалась.

— Я не задержу тебя надолго, — продолжил он, — просто подойди немного ближе к окну, там больше света: я хочу, чтобы ты увидела то, что может тебя заинтересовать.

Я подошла ближе. Я выполняла его приказы, словно была загипнотизирована.

— Ты ведь потеряла незадолго до болезни в Лондоне единственную фотографию твоей сестры Хелен? Но почему ты так взволнована? Почему так дрожишь? Это просто я, ты же знаешь, не бойся. Ты выронила ее на пол ювелирного магазина, когда однажды вечером там оказались мы с месье Дроквиллем, и я подобрал ее: на ней вы вдвоем. Я хочу вернуть ее — вот она.

Я протянула руку, чтобы взять карточку. Не знаю, говорила ли я что-то, но изображение вдруг расплылось у меня перед глазами и все окутала

тьма. Я слышала голос Ричарда словно издалека, словно через стенку — он превратился в гул и становился все тише. На несколько секунд я потеряла сознание.

Когда я открыла глаза, вода стекала с моего лица и лба, окно было открыто. Я глубоко вздохнула. Увидев, что он смотрит на меня с печалью и тревогой, в счастливом забытье я слабо улыбнулась и сказала:

— О, Ричард! Слава богу! — И протянула к нему руки.

— Правильно, правильно, — кивнул он, — ты можешь полностью мне доверять.

Ужасные воспоминания начали возвращаться.

— Не вставай, — произнес он искренне и даже нежно, — ты не готова. Не думай оставить меня: ты должна мне доверять. Почему ты не рассказала мне? Ничего не бойся, пока я рядом.

Он продолжал говорить, пока моя память не вернулась окончательно.

— Дорогая, почему ты не откроешься мне? Разве удивительно, что я уязвлен твоей скрытностью? Чем я заслужил ее? Забудь боль этого открытия и помни, что против всего мира — до последнего часа жизни, до последней мысли, до последней капли крови — я твой защитник.

Он страстно целовал мне руки, потом притянул меня к себе и поцеловал в губы. Он шептал клятвы неизменной любви — ничто не могло быть более нежным и одержимым. Я разразилась слезами.

— Ну-ну, — сказал он, — все закончилось: ты же простишь меня? Но я тоже должен сделать над собой усилие: обидно, когда тот, кого ты идеализируешь, тебе не доверяет. Ты должна была рассказать мне об этом раньше.

Я поведала ему, как могла между приступов рыданий, что у меня не было нужды рассказывать кому-то о безумии, которое не имело ни малейшего отношения к здравым мыслям и действиям, а было сумасбродством бреда, что тогда я была в лихорадке, на краю смерти, и что мистер Кармел все знал об этом.

— Ну, дорогая, — сказал он, — больше не думай об этом. Конечно, ты не виновата. Если бы за людьми в бреду не ухаживали и не изолировали, и дня бы не прошло без трагедии. Но какое мне дело, Этель, если это было настоящее преступление на почве страсти? Никакого. Думаешь, это смогло бы хоть на миг пошатнуть мою отчаянную любовь к тебе? Ты помнишь строки Мура?

Ты была ли виновна, не знаю,

И своей ли, чужой ли виной,
Я люблю тебя, слышишь, всем сердцем,
Всю, какая ты здесь, предо мной…[59]

Мои чувства к тебе неизменны и тверды, как адамант: никогда не подозревай меня. Мне трудно описать, что я пережил из-за твоих подозрений относительно моей любви и того, какими жестокими я их считал. Что я сделал, чтобы заслужить это? Вот, дорогая, возьми, она твоя. — Он поцеловал фотографию, вложил ее мне в руку и снова пылко поцеловал меня. — Послушай, Этель, я проехал весь этот путь, чтобы увидеть тебя. Я сослался на то, что хочу увидеться с викарием по делу, но на самом деле хотел повидаться с тобой. Вечером я должен быть в Рексеме, но вернусь уже завтра, как можно раньше. Пока я простой раб, и дела бросают меня с места на место, но, чего бы мне это ни стоило, завтра днем я буду с тобой.

— И ты останешься? — спросила я.

Он улыбнулся и покачал головой:

— Не могу сказать, дорогая.

Он направился к двери.

— Но завтра ты будешь рано, может быть, до

[59] Сноски: 59

Томас Мур, «Подойди, отдохни здесь со мною…». Перевод Константина Бальмонта.

двух?

— Нет, боюсь, что не до двух. Я могу задержаться, и путь неблизкий, но ты можешь ждать меня к вечеру.

Он не позволил мне проводить его до парадной двери — там были слуги, а я выглядела растрепанной. Я стояла у окна и наблюдала, как он уезжает. Можете предположить, как скверно я себя чувствовала. Думаю, когда он ушел, я снова была на грани обморока.

Вскоре я взяла себя в руки и поднялась в свою комнату. Позвонила в колокольчик, вызывая Ребекку Торкилл.

Не знаю, как я пережила этот длинный вечер. Ночью я часто просыпалась от кошмаров.

Глава LXII
Уход сэра Гарри

На следующее утро, когда забрезжил серый свет, мне не было ни радостно, ни грустно. Шок от вчерашнего разговора с единственным мужчиной на земле, которого я любила, так и не прошел. Думаю, от подобного потрясения никогда не оправишься до конца. Я рано встала и оделась. Каким больным и незнакомым показалось мне собственное лицо в зеркале!

Я не спускалась вниз — осталась в комнате, коротая часы до возвращения Ричарда. Меня преследовало его изменившееся лицо. Я пыталась закрепить в памяти искренний влюбленный взгляд, который увидела, открыв глаза после обморока. Но другой взгляд вытеснял его, и я не могла избавиться от изумленной боли в сердце. Меня все больше наполняли смутные опасения близящейся трагедии.

Где-то между четырьмя и пятью часами вечера в комнату вошла Ребекка Торкилл, бледная и взволнованная.

— Ох, мисс Этель, дорогая, как думаете, что про-

изошло? — сказала она, поднимая руки и возводя глаза к потолку.

— Господи боже мой, Ребекка! — вздрогнула я. — Что-то плохое?

Я чуть не сказала: «с мистером Марстоном».

— Ох, мисс! Как думаете? Бедный сэр Гарри Рокстон умер.

— Сэр Гарри умер…

— Да, дорогая, умер, — сказала Ребекка. — Томас Байес только что пришел от викария, тот получил письмо от мистера Блаунта сегодня утром и был в церкви с Диком Мэттоксом, дьяком, отдавал распоряжения по поводу склепа. Не думала я, когда провожала его, — хороший был человек, шесть футов два дюйма, — не думала я, когда видела, как он спускается по лестнице, такой уверенный в себе, такой добрый, что так скоро он вернется в гробу, бедный джентльмен. Но, как говорится, мертвым чувства неведомы, так что какая теперь разница? Что полезно одному, то вредно другому. Мир продолжает крутиться, и скоро все забудется. Мертвому — земли клочок, живому — хлеба кусок. Суровый был джентльмен, но добрый — арендаторам будет жаль. Все слуги внизу так говорят. Ему нравилось, чтобы арендаторам и беднякам было хорошо.

Все это и многое другое поведала Ребекка Торкилл. Я едва могла поверить в ее новости. Письмо, думала я, должно было прийти в Дорракли в то же время, что и викарию.

Возможно, эта ужасающая новость — обычные слухи, думала я, которые в конце концов окажутся острым приступом подагры в Лондоне. Конечно, думала я, мы должны были узнать о его болезни до того, как она закончилась катастрофой. При всех этих сумбурных мыслях мне пришлось разорвать первую записку к викарию — я была так взволнована, что в ней было полно ошибок, — и написать вторую. Я просила только о сведениях в этой ужасной неопределенности, которая на время вытеснила все другие мои проблемы.

Посыльный на коне был отправлен в дом викария. Но вскоре мы обнаружили, что слухи очень быстро распространились, ибо отовсюду приходили люди, чтобы навести справки у нас. Правда, насколько мы поняли, это была всего лишь молва, но в том, что она царила повсюду, было более чем зловещее.

Через десять минут после отъезда посыльного приехал Ричард Марстон. Из своей комнаты я увидела, как к двери подъехал экипаж, и тут же бросилась в гостиную. Ричард приехал на пол-

часа раньше обещанного. Он вошел в комнату в другую дверь и встретил меня взволнованно, он казался уставшим и встревоженным, но очень, очень милым. Ни следа того Ричарда, чья улыбка испугала меня вчера.

Почти сразу я спросила, дошли ли до него слухи. Он держал меня за руку, когда я задала вопрос; накрыв мою руку ладонью и печально посмотрев мне в глаза, он ответил:

— Слухи правдивы. Я потерял лучшего друга, который мог быть у человека.

Я была слишком взволнованна, чтобы заговорить, и разразилась слезами.

— Нет-нет, — сказал он в ответ на какие-то мои слова. — Все точно, сомнений быть не может, взгляни на это.

Он вынул телеграмму из кармана и показал мне. Она была от «Лемюэля Блаунта, Лондон». Телеграмма извещала о новостях в обычном лаконичном стиле, в конце было: «Я написал вам в Дайкем».

— Я получу письмо, когда вечером прибуду в Дайкем, и завтра расскажу тебе о том, что в нем было. Телеграмма пришла вчера, до того как мы встретились, но я не мог рассказать тебе ужасные новости, пока не получил подтверждение, и

сегодня оно поступило. Викарий получил сообщение, в котором не может быть ошибки. Теперь, дорогая, одевайся. Мы пойдем на прогулку: нам о многом нужно поговорить.

Это был новый поворот в моей неспокойной истории. Ужас неопределенности снова наполнил мое будущее. Но горе, совершенно бескорыстное, преобладало в моем волнении. Я потеряла благодетеля. Его доброе лицо стояло у меня перед глазами, и голос, неизменно смягченный до нежности, когда он обращался ко мне, звучал в моих ушах. Я была убита горем.

Надев шляпку и пальто, я с тяжелым сердцем вышла из дому вместе с Ричардом.

По многим причинам безлюдная тропинка — свидетель наших многочисленных встреч — лучше всего подходила для нашей прогулки. Ричард только что рассказал слугам о содержании депеши, которую он получил от мистера Блаунта, поэтому они без труда могли отвечать на вопросы людей у дверей.

Мне было интересно, о чем Ричард хочет поговорить со мной, но он был молчалив и задумчив. Пока мы не дошли до нашего, как я могу его назвать, дерева свиданий — большого старого бука, под которым грубо обтесанное бревно заменяло

лавку, — он не сказал и десятка слов. Хотя я и сама не расположена была говорить, его молчание пугало меня.

— Этель, дорогая, — вдруг обратился он ко мне, — ты составила планы на будущее?

— Планы? — повторила я. — Не знаю… что ты имеешь в виду, Ричард?

— Я имею в виду, — продолжил он печально, — ты подумала, как это несчастье повлияет на нас? Сэр Гарри когда-нибудь говорил тебе о своих намерениях, то есть о своем завещании? Не пугайся так, дорогая, — добавил он, грустно улыбнувшись, — сейчас ты поймешь мои мотивы. Ты же не думаешь, что эта гнусная мысль никогда не приходила мне в голову.

Мне стало легче.

— Нет, он никогда не говорил со мной о завещании, кроме того случая, о котором я тебе рассказала, — ответила я.

— Видишь ли, люди, которые знали его в Рексеме, болтают. Предположим, он лишил меня наследства и переписал все на тебя, тогда имею ли я право требовать от тебя соблюдения помолвки, для выполнения которой я не могу ничего внести?

— О, Ричард, дорогой, как ты можешь так го-

ворить? Разве ты не знаешь, что все, что есть у меня, — твое?

— Так моя девочка не откажется от меня, даже если с этим возникнут трудности? — воскликнул он, сжимая мне руки и улыбаясь с добрым восторгом.

— Я не могу отказаться от тебя, Ричард, ты же знаешь, не могу.

— Моя дорогая! — Он посмотрел на меня с мягкой улыбкой.

— Ричард, как ты мог такое подумать? Ты не представляешь, как ранил меня.

— Я так не думал, я в это не верил, дорогая. Я знал, что это невозможно, какие бы трудности ни встали между нами. Я знал, что не смогу жить без тебя, и думал, что ты меня тоже любишь. Ничто не разлучит нас, ничто. Ты скажешь это, Этель? Скажи. Клянусь, ничто.

Я дала ему обещание: это было всего лишь повторение того, что я часто говорила раньше. Никогда клятва не произносилась охотнее. Даже сейчас я уверена, что он любил меня с неистовой страстью.

— Но есть другие люди, Этель, — продолжил он, — которые считают, что это я должен жить в достатке, которые думают, что это я должен уна-

следовать огромное состояние дяди. Понимаешь, все может пойти не так гладко, могут возникнуть большие сложности. Обещай мне, пообещай еще раз, что никакие препятствия нас не разлучат, что мы будем вместе, что бы ни было, что ты никогда, да поможет тебе Бог, не оставишь меня и не выйдешь за другого.

Я еще раз повторила обещание, и мы пошли в сторону дома. Мне было интересно, о каких трудностях он думает сейчас, но из страха я не спросила.

— Я должен снова уехать, и немедленно, — сказал он, помолчав, — но я закончу дела и вернусь уже завтра утром и на какое-то время буду сам себе хозяином, получу несколько дней отдыха и смогу открыть тебе свое сердце, Этель.

Мы снова шли в молчании.

Вдруг он остановился, положил руку мне на плечо, внимательно посмотрел мне в лицо и сказал:

— Я оставлю тебя здесь — мне пора, Этель. — Он держал мою руку и смотрел мне в глаза. — Послушай, — сказал он после паузы, — я должен сделать горькое признание, Этель. Ты знаешь меня со всеми моими недостатками, но во мне нет расчета: деньги и все прочее не имели бы

шансов против страсти, а я весь страсть, это моя погибель, и все же я надеюсь, — он посмотрел на меня с диким блеском в темных глазах, — что это принесет мне счастье, Этель. Ничто не разлучит нас, ты поклялась. И помни, Этель, я никогда не прощаю, и, Бог свидетель, если ты оставишь меня, я тебя не прощу. Но этого никогда не случится. Благослови тебя Бог, дорогая, мы увидимся завтра рано утром. Иди в ту сторону — давай сохраним секрет еще на пару дней. Ты смотришь так, будто считаешь меня сумасшедшим, это не так, хотя иногда я и сам почти считаю себя таким. В моей жизни было достаточно, чтобы свести с ума и более устойчивую психику. До свидания, милая Этель, до завтра. Благослови тебя Бог!

Он ушел. В его безумных речах был смысл. У меня оборвалось сердце, когда я вновь подумала о несчастье, которое вновь обещало неопределенность и, не исключено, жалкую зависимость. Невозможно, чтобы сэр Гарри Рокстон не оставил что-то ему или мне, но… Мужчины, расторопные и точные во всем остальном, часто откладывают составление завещания, пока не становится слишком поздно. Мне не следовало допускать таких мыслей, но разговор с Ричардом был только об этом, и мое положение было столь критич-

но и зависимо, что они вновь возникли, но не с гнусными надеждами, а в виде огромного и разумного страха.

Когда Ричард скрылся из виду, я вернулась к буку, села под ним и долго и горько плакала.

Глава LXIII
В «Трех монахинях»

Когда Ричард Марстон покинул меня, у двери его ждал экипаж, запряженный четверкой лошадей, необходимых, чтобы тянуть тяжелую четырехколесную карету через горы, где была проложена дорога до ближайшей железнодорожной станции.

Красивое заходящее солнце освещало далекие вершины, мерцало на булыжниках двора и отбрасывало длинную тень Ричарда Марстона, когда он стоял на ступенях, в глубокой задумчивости глядя перед собой.

— Вот, поставьте это, — сказал он кучеру, протягивая свой единственный багаж — черный кожаный саквояж. — Вы хорошо знаете Голден-Фрайерс?

— Да, сэр.

— Тогда остановитесь у дома мистера Джалкота.

Экипаж уехал, поднимая облако мелкой пыли.

У дома мистера Джалкота они остановились, и мистер Марстон, выпрыгнув наружу, постучал

медным молоточком в парадную дверь.

Горничная открыла и стояла на пороге, вопросительно глядя на него. Слухи, медленно распространявшиеся по Голден-Фрайерс, были еще раз подтверждены телеграммой от Лемюэля Блаунта мистеру Джалкоту. Его жена прочла депешу за пять минут до прибытия мистера Марстона.

— Когда мистер Джалкот будет дома?

— Послезавтра, сэр.

— Ну, когда он приедет, не забудьте передать, что я заходил. Нет, вот так будет лучше. — На своей визитке он написал дату и слова: «Заходил дважды, очень нужно встретиться» — и положил визитку на стол. — Могу я увидеть мистера Спейта?

Мистер Спейт, поверенный, лысый, в очках на длинном носу, сутулящийся при своем высоком росте, выглянул — с карандашом за ухом — из передней комнаты, которая была офисом мистера Джалкота.

— А, мистер Спейт, — сказал Ричард, — вы получали известия от мистера Джалкота сегодня?

— Короткое письмо, мистер Марстон, но ничего по делу, только несколько новостей: он в Лондоне до завтрашнего дня, где и увидится с мистером

Блаунтом.

— Тогда он, конечно, слышал о нашем несчастье?

— Да, сэр, и мы все глубоко сочувствуем вам, мистер Марстон, в этом горе. Не хотите ли войти, сэр, и взглянуть на письмо?

Мистер Марстон принял приглашение.

Его заинтересовали лишь два-три предложения.

«Сегодня утром я имел разговор с мистером Блаунтом. Он опасается, что сэр Гарри не составил завещание. Я встретился с господами Хаттом и Бэббиджем, которые делали черновик завещания, но они не могут пролить свет на этот вопрос и говорят, что это могут сделать лишь поиски, которые, по словам мистера Блаунта, не займут и пяти минут».

Это было интересно. Марстон откланялся, снова сел в экипаж и поехал мимо «Святого Георгия и дракона» по дороге, которая поднимается в горы от берега озера. Он высунул голову в окно и оглянулся: позади никого не было, а перед собой он видел лишь сгорбленные спины кучера и его сменщика да лошадей, чьи терпеливые головы качались из стороны в сторону. Свет тускнел, но все же позволял читать, что ему не терпелось

сделать. Но он сомневался: это было рискованно.

Ричард взглянул на часы: ему потребуется почти три часа, чтобы добраться до станции по другую сторону гор. Досадная задержка в Дорракли!

Стемнело. Белый туман наползал на дорогу, растекался и живописно поднимался по горам. Вышла луна. Он начинал терять терпение. В горах кажется, что пройденное расстояние несоизмеримо затраченному времени. Путешествие казалось ему бесконечным.

Над одним из зигзагообразных поворотов узкой дороги возвышался гигантский белый камень, смутно напоминающий всадника, его можно было принять за разбойника, поджидающего путников. В глазах Ричарда он принял форму почившего Гарри Рокстона: будто бы тот сидит на серо-стальном коне и поджидает его, чтобы перекинуться парой слов. Ричард чертыхнулся, увидев это фантастическое напоминание. Вскоре фигура исчезла из виду.

Экипаж наконец достиг высшей точки, и начался быстрый спуск. Когда Ричард взглянул на часы при лунном свете, он понял, что они достигнут станции вовремя, чтобы успеть на поезд.

И вот показалась станция. Мистер Марстон рас-

платился и с черным саквояжем в руке выбежал на платформу.

— Поезда до Лондона еще не было? — спросил он, с предвкушением вглядываясь вдаль.

— Еще четыре минуты, — сказал начальник станции с услужливой вежливостью, — может, побольше. Они вынуждены уменьшать ход в тоннеле Малвин. Надеюсь, с вашим багажом все в порядке? Выписать вам билет, мистер Марстон?

Необычайная вежливость чиновника, возможно, имела связь с тем фактом, что слухи о смерти сэра Гарри уже достигли и этого места, а владения сэра Гарри простирались до железной дороги и дальше. Про Ричарда знали, что он единственный племянник почившего баронета, и то, что он наследник, не вызывало сомнений.

Подозрительному Марстону, однако, показалось, что начальник станции (который вовсе не питал никаких коварных замыслов) хочет поиграть в детектива и побольше выяснить о его передвижениях и багаже. Получив билет, он отошел от него так быстро, как позволила вежливость, стараясь не возбуждать любопытство.

Через несколько минут подошел поезд, захлопали двери. Марстон с саквояжем, пледом и зонтом занял место напротив худой и сердитой

пожилой леди в черном. Рядом с ним, сбоку, сидела няня, присматривающая за двумя детьми. Присматривала она плохо — дети все время спрыгивали и забирались обратно на сиденье, подбегали к окну и громко задавали дурацкие вопросы. С другого бока сидел старый, сморщенный джентльмен в оливково-зеленом матерчатом кепи и кремовом кашне. Ричард надеялся на пару часов тишины, возможно, на пустой вагон. Для человека, желавшего подумать, шум и суета были разочаровывающими.

Поезд прибыл в Дайкем. Ричарда встретил носильщик из гостиницы «Три монахини» — здесь он собирался разместиться на ночь. Идти было недалеко — не больше пятидесяти ярдов от вокзала. Там Марстон нашел письмо мистера Блаунта из Лондона, как и говорилось в депеше. В шляпе и пальто, в газовом освещении у стойки Ричард, затаив дыхание, прочитал его. Ничего нового там не было — все это он уже знал из письма мистера Джалкота. Стало очевидно, что сэр Гарри оставил всех в неведении относительно того, оставил ли он завещание.

В ответ на вежливый вопрос хозяина гостиницы об ужине Ричард ответил, что поздно отобедал. Это была неправда, но у него опреде-

ленно не было аппетита.

Он приказал разжечь камин в гостиной, так как вечер показался ему прохладным. Купил несколько книг, журналы и газеты. Для него опустили портьеры, и приятный запах табачного дыма, повеявший от них, заверил его, что против сигары никто возражать не будет.

— Я позвоню, когда что-то понадобится, — сказал он, — а пока не беспокойте меня.

Именно здесь, когда он вел переговоры для сэра Гарри о продлении договоров аренды в Дайкеме, он получил то самое поразительное сообщение с припиской о подробностях в письме.

Как видите, мистер Марстон времени зря не терял, и он опять находился в той же самой гостиной, желая одного — тщательно разобраться в этом деле.

Глава LXIV
Завещание

Горят свечи, ставни закрыты, портьеры опущены, веселый огонь пляшет в камине. В старомодной гостиной уютно, но Ричард Марстон нервничал, как никогда. Он внимательно просмотрел раздел некрологов в газетах, но сообщения о смерти сэра Гарри среди них не было. Ничего больше он не читал.

Некоторое время Ричард стоял спиной к огню. Он был похож на человека, подхватившего простуду, которого ничто не может согреть. Такого состояния он не предвидел и почти жалел, что сделал то, что сделал. Дверь была заперта, но на всякий случай он подошел и подергал ручку. При нем было то, что смущало и даже пугало его, словно это была улика, указывающая на убийцу.

Сев в кресло, он вытащил из нагрудного кармана довольно большую пачку бумаг, перевязанную красной тесьмой с печатью. На верхнем листе карандашом, почерком сэра Гарри, было написано: «Заверено Дарби Мейном и Хью Феником», ниже стояла дата.

Вздрогнув, Марстон убрал бумаги обратно в карман и обыскал комнату — открыл два старых шкафа и заглянул за шторы, чтобы убедить воспаленную фантазию в отсутствии соглядатаев.

Потом он снова вытащил бумаги, сломал печать, разрезал тесьму и, держа их дрожащими руками, прочитал:

— «Последняя воля и завещание сэра Гарри Рокстона из Дорракли, графство ***, баронета».

Это было великое кощунство. Он ограбил мертвого! Но в его действиях больше не было нерешительности.

Вот что он прочитал далее:

— «Я, Гарри Рокстон и т. д., баронет Дорракли и т. д., будучи в здравом уме и твердой памяти, оставляю свою последнюю волю…»

Чем дальше читал Марстон, тем сильнее темнело его лицо.

— Четыре попечителя, — пробормотал он. Так как он не был экспертом, у него никак не получалось ухватить смысл завещания. — Ну да, две тысячи двести фунтов стерлингов в виде ренты — ренты! — которая будет выплачиваться до конца жизни равными суммами первого мая, первого августа… да… и так далее… в качестве оплаты за все вышеупомянутые поместья и так далее.

Ну, что еще? — Его голова медленно качалась из стороны в сторону, пока он читал. — Блаунт получит двести в год! Я догадывался, что этот старый методист знает о его намерениях. Так, дальше о деньгах… Пять тысяч фунтов. Пять тысяч для меня? А… из двадцати тысяч ста фунтов в государственных облигациях. Скромно, учитывая все обстоятельства, и рента всего в две тысячи двести в год до конца моей жизни, да еще аренда поместий, как я узнал, почти девять тысяч… — произнес он с презрительным смешком. — И на этом все! — Марстон хлопнул себя по колену. — А все остальное, — пробормотал он, — земля и деньги, без исключения, отходит мисс Этель Уэр. Она — хозяйка владений, я — нищий, получающий ренту! — Он чуть не задохнулся от ярости и обиды. — Теперь я понимаю, чего он добивался. Вижу смысл… И вижу свой путь. Я не должен допустить ошибку, хотя… ошибки не может быть. Все предельно ясно.

Он быстро сложил завещание и убрал бумаги в карман.

За прошедшие полчаса его лоб потемнел, щеки впали.

Чуть позже он вытащил другую бумагу, очень старую, потрепанную по краям, надписанную

«Дело в отношении Ричарда Рокстона Марстона, эсквайра». Полагаю, в тот день он прочитал ее по крайней мере раз двадцать во время поездки в Дорракли. «Нет, ничто на свете не может быть яснее и точнее, — думал он, — это так же верно, как то, что дважды два — четыре».

В завещании были указаны два свидетеля, которые оставили свои подписи в присутствии друг друга, — технически все было верно. Но он говорил с ними по приезде в Дорракли и узнал достаточно, чтобы убедиться: они ни о чем не догадываются. Это были работники сэра Гарри. Старик вызвал их в день, когда было составлено завещание, и заставил расписаться в дюжине разных документов, которые сами они считали договорами об аренде, но не были уверены. Сэр Гарри никогда не говорил с ними о завещании.

Марстон спросил также и миссис Шеклтон, но и она никогда не слышала, чтобы сэр Гарри говорил о завещании.

Пока новости о смерти сэра Гарри основывались лишь на телеграмме, которая могла оказаться поддельной или поспешной, Марстон не осмеливался сломать печать на бумагах. Письма мистера Блаунта и мистера Джалкота, которые он прочитал вечером, исключали ошибку или

розыгрыш.

Теперь он мог спокойно решить проблему, которая стояла перед ним. Должен ли он удовлетвориться рентой и пятью тысячами от облигаций или разумно получить все, уничтожив завещание?

По прошествии времени я уверенно говорю: он мог бы рассчитывать на мою верность и получить все, женившись на мне. Все, что требовалось от него, — оставить завещание в комнате сэра Гарри, и дело пошло бы своим чередом.

Возможно, он тоже так думал, но мистер Блаунт был назначен — с внушительными полномочиями — моим опекуном, и одной из его обязанностей было проследить в случае моего замужества, чтобы кандидат на мою руку был достойным и чтобы все условия моего благополучия были соблюдены.

Мистер Блаунт был тихим, благодушным, но очень решительным человеком во всем, что касается службы. Зная мнение сэра Гарри о племяннике и содержание завещания, мог ли он принять без возражений кандидатуру мистера Марстона как жениха? И даже если да, мистер Блаунт определенно не одобрил бы брачное соглашение, ущемляющее мои права. Соглашение

должно было поддерживать мое превосходство, созданное завещанием. У меня не было голоса в этом вопросе, и Марстон, вполне естественно, мог заключить: почему с таким везением и свободой в руках он должен подчиняться условиям, которые его ограничивают?

С точки зрения Марстона, даже удовольствие лишить мистера Блаунта небольшой ренты, смехотворной, если подумать, имело свое значение. Угодливый и внимательный помощник дяди приводил его в ярость. Викарий в их разговоре раскрыл ему кое-что:

— Мистер Блаунт сказал, что он долго уговаривал и даже умолял сэра Гарри исполнить завещание, которое было составлено ранее, для чего требовалась лишь его подпись, но, увы, безуспешно.

Но что именно было в этом завещании, викарий не знал.

Приближался момент принятия решения. Както давно мистер Марстон читал в газетах о любопытном судебном разбирательстве. Джентльмен отправился в заброшенный дом с единственной целью — уничтожить завещание, которое могло бы ему навредить. Его-де преследовала мысль о том, что если он сделает это в деревне, где жил, то

преступление каким-то образом будет обнаружено. Соответственно, он посетил, со множеством предосторожностей, старый дом, со всех сторон окруженный густым лесом. Дальше началось самое интересное. Мальчик, ищущий галок, увидел дым, выходящий из трубы. Заинтересовавшись, он подкрался к окну и, заглянув внутрь, увидел, как что-то горит в камине, а рядом с камином стоит мужчина. Почувствовав взгляд мальчика, мужчина вздрогнул, обернулся и быстро вышел из дома. Воображая погоню, он не осмелился вернуться.

Кончилось тем, что мужчину заподозрили в краже завещания, мальчик опознал его, обугленные клочки бумаги нашли в камине, подвергли химической реакции и обнаружили запись, часть которой содержала подписи завещателя и свидетелей. Спасенную часть сравнили с черновиком, хранящимся у адвоката покойного. Так преступление было доказано, а завещание восстановлено с помощью косвенных доказательств.

Так можно ли быть слишком осторожным в подобном деле? По всему выходило, что эффективно скрыть все следы уничтоженного завещания так же сложно, как следы убийства.

Марстон подумал было отказаться от своей за-

теи и удовлетвориться рентой и безопасностью. Но это было лишь мимолетное искушение, и оно прошло.

Он тихо отпер дверь и позвонил в колокольчик. Слуга обнаружил его на диване читающим журнал. Марстон попросил чай и больше ничего, он был точен в указаниях, так как не хотел, чтобы слуга задержался в комнате. Вскоре тот вернулся с чаем и обнаружил, что постоялец, как и прежде, погружен в чтение.

— Ваш чай, сэр.

— Не беспокойте меня, пока я не позвоню, — сказал Марстон, и слуга удалился.

Марстон читал журнал еще три минуты. Затем встал, на цыпочках подошел к двери и прислушался. Повернул ключ, подергал ручку и убедился, что дверь закрыта.

Завещание было у него в руках. Он окинул комнату мрачным взором и положил бумаги в самый центр углей. Те лениво занялись, свернулись, а затем вспыхнули с тихим щелчком, от которого он вздрогнул сильнее, чем от выстрела пушки. Небольшое пламя казалось ему костром, освещающим безграничное ночное небо мстительным мерцанием и отбрасывающим сияние на обширные владения покойного сэра Гарри. Когда пламя

взметнулось в последний раз и потухло, ему показалось, что в комнате не осталось света, что он не видит ничего, кроме мириад красных точек, извивающихся на черных хлопьях.

Ричард Марстон был человеком излишнего мужества и совсем не совестливым. Но у каждого человека есть страхи, которые никуда не исчезают, а у самых бессовестных остается призрак давно убитой совести, который, иногда воскресая, наводит на них ужас. Щипцами он давил угли на пепле завещания и чувствовал слабость и головокружение, как после кораблекрушения, когда с кровоточащей головой попал в Мэлори. Такое же знаменательное событие произошло и сейчас.

Через десять минут, во время которых Марстон не отрывал глаз от места, где тлели угли, он поднес свечу, чтобы проверить, не осталось ли следов от сожженного. Потом украдкой открыл окно, чтобы выпустить запах горелой бумаги.

Мистер Марстон закурил сигару. Отпер дверь, позвонил в колокольчик и заказал грог. Ожидание закончилось, кризис миновал.

Он решил сидеть здесь до утра, чтобы убедиться, что огонь в камине догорел.

Глава LXV
Улыбка змея

Дорракли окутала великая тишина — тишина смерти.

Теперь ни у кого не было сомнений: старый баронет мертв. На всех воротах Ричард Марстон поместил объявления о том, что похороны состоятся не раньше чем через неделю, что день еще не выбран и что о точной дате будет сообщено дополнительно.

Суматоха, которая господствовала в доме большую часть дня, уже стихла, и сейчас Дорракли был безмолвен и недвижен, как никогда.

Теперь я могла гулять где угодно, не рискуя кого-нибудь встретить.

Окружающий пейзаж был утешительным. Казалось, что добрый дух сэра Гарри витает над озером и горами.

Я как раз советовалась с горничной насчет простого траурного платья, за которым намеревалась отправить ее в город, когда нашу беседу прервало долгожданное появление Ричарда Марстона у окна. Я уже была одета, так как считала,

что он может приехать раньше, чем накануне. Сказав горничной прийти позже, я вышла встретить его.

Мы шли по дикой тропе вдоль крутого склона ущелья, направляясь к озеру. Каким будет этот разговор? Его голос и поведение были очень мягкими, но сам он был бледен и серьезен, как человек, идущий в бой. Знаки незначительные, но страшные. О, что я услышу в следующие полчаса!

Какое-то время мы шли молча.

Первое, что он сказал, было:

— Ты останешься здесь, в Дорракли, ты не должна уезжать, но, боюсь, ты рассердишься на меня.

Мы сделали еще шагов двадцать; шли очень медленно и за это время не сказали ни слова.

Он снова начал:

— Хотя, в конце концов, это не имеет значения. Завещания нет, Этель. Викарий подтвердит: у него был ключ, он искал его и не нашел. Ты осталась необеспеченной, но это не должно тебя беспокоить. Я законный наследник и ближайший родственник. Ты знаешь, что это значит. Все, чем он владел — земля и деньги, — переходит ко мне. Но… я попал впросак: сожалеть уже слишком поздно. Я не могу жениться. — Он замолчал и

посмотрел мне в лицо. — Вот! Секрет раскрыт. Я знал, что ты ужасно расстроишься. Как и я. Но я не могу жениться. Возможно, еще долгие годы.

Снова молчание. Я не могла говорить, как не могла одним усилием воли поднять гору на другом берегу озера.

Возможно, он неправильно понял мое молчание.

— Я должен был быть честнее с тобой, Этель, я сильно виню себя, уверяю тебя. Ты не догадываешься? Ну, я был ужасным дураком: я все тебе расскажу. Я должен был сделать это давно, но ты знаешь, ты не всегда можешь решиться быть честным и рассказать неприятную историю. Я женат. В недобрый час я женился на женщине, во всех смыслах неподходящей мне. Находясь во власти временной иллюзии, я принес в жертву свою жизнь и, что ценнее, мою любовь. Я не видел ее много лет, и мне сказали, что она не проживет долго. А пока я только твой, твой совершенно и бесповоротно, твой собственный. Я могу предложить тебе безопасность здесь, счастье, мою безграничную преданность и обожание, приют и всю власть и права жены. Этель, любимая, ты не оставишь меня?

Я испуганно посмотрела в его лицо — неожи-

данно для него — и увидела хитрое, самовлюбленное выражение, злорадствующее надо мной, лицо, на котором была грубая, самоуверенная и порочная улыбка.

Но мерзкая улыбка тут же поблекла, глаза прищурились: казалось, на миг он пришел в замешательство, но взял себя в руки.

— Я считаю себя, Господь свидетель, женатым на тебе. Ты поручила себя мне каждой клятвой, которая может привязать женщину к мужчине: ты поклялась, что никакое препятствие нас не разлучит. Та клятва что-то значит, ты это знаешь, и ты не разобьешь мне сердце из-за пустяка! Ну же, Этель, будь умницей: неужели ты не видишь, что такова судьба? Посмотри на обстоятельства. Зачем ссориться со мной? Ты не понимаешь, в какое положение я себя поставил этим жалким признанием? Ты не видишь, что я могу и хочу сделать для тебя все что угодно? Может ли девушка в твоем положении поступить лучше или умнее, чем объединить свои интересы с моими неразрывно? Ради бога, зачем доводить меня до отчаяния? Чего ты от меня хочешь? Почему ты хочешь сделать меня своим врагом? Как ты думаешь, чем это закончится?

Могла ли я представить, что он когда-нибудь

посмотрит на меня с таким выражением и заговорит в подобном тоне? Я чувствовала, как холодею, и не могла отвести от него глаз. Казалось, его лицо плывет передо мной. Я прижала руки к вискам и не могла вымолвить ни слова: моим ответом был жалобный крик.

Потом я обнаружила, что быстро иду по дикой тропе в сторону дома — без четких воспоминаний, без одной ясной мысли. Не знаю, пытался ли он удержать меня или догнать. Помню, у входной двери по привычке я поднялась на несколько ступеней лестницы — в огромном волнении мы действуем почти механически! Ужас охватил меня при взгляде на приоткрытую дверь. Я развернулась и поспешила по аллее к дороге.

Только добравшись до «Святого Георгия и дракона» — к счастью, в самый сонный час маленького городка Голдейн Фрайез, — я сделала первую попытку собраться с мыслями.

Я была беглянкой. О том, чтобы вернуться в Дорракли, чьим хозяином теперь был Ричард Марстон, не могло быть и речи. Я была готова принять все плохие новости как должное. Мне никогда не приходило в голову, что он хочет обмануть меня относительно завещания сэра Гарри. Должно быть, и он поначалу не планировал

этого, учитывая мое действительно необеспеченное положение.

Увидев у дверей гостиницы мистера Тернбулла, владельца «Святого Георгия и дракона», я подошла к нему и, выслушав его краткие, но искренние соболезнования и почти не понимая, что он говорит, заказала экипаж до железнодорожной станции. Ожидая приезда экипажа в тихой маленькой комнатке, окно которой выходило на озеро, я написала записку доброму викарию.

Мистер Тернбулл был одним из тех удобных людей, которые воспринимают дела остальных как должное, поэтому он не беспокоил меня своими вопросами относительно одинокой поездки в столь странно выбранное время.

Теперь я думаю, что мудрее было бы пойти к викарию и, в общих чертах объяснив возражения против дальнейшей жизни в Дорракли, попросить разрешения остаться под его опекой до приезда мистера Блаунта. Мне нужно было подумать еще о множестве других вещей, но, учитывая состояние моего рассудка в тот момент, я удивляюсь, что смогла достаточно связно написать викарию. С собой у меня была сумочка с пятьюдесятью фунтами, которые бедный сэр Гарри дал мне перед отъездом из Дорракли. К сча-

стью, я взяла их в гостиную, чтобы дать служанке банкноту для оплаты в городе моих намеченных покупок. Это все, с чем я начинала путешествие в Лондон! Без багажа, служанки, компаньонки или какого-то плана, ведомая лишь инстинктом как можно скорее и дальше уехать от Дорракли и зарабатывать на хлеб своими собственными усилиями.

Глава LXVI
Лаура Грей

Мое путешествие в Лондон закончилось благополучно. Первое, что я сделала, сняв комнаты и сделав несколько покупок, это пошла в дом, где умер мой дорогой друг сэр Гарри Рокстон, но обнаружила, что мистер Блаунт покинул Лондон и направился в Голден-Фрайерс всего за несколько часов до моего приезда.

Следующее разочарование ждало меня в офисе мистера Форрестера — он уехал из города в отпуск.

Я начала осознавать свое падение. Однако раздумывать было поздно: когда жизнь вынуждает нырнуть, чем быстрее ты сделаешь это, тем лучше. Я написала викарию, чтобы дать ему мой адрес, и мистеру Блаунту — рассказать о дальнейших планах. Я решила искать места гувернантки для очень маленьких детей. Объявление, которое я дала в «Таймс», было составлено очень тщательно, но результата пока не было.

Прошло несколько дней.

После оплаты путешествия и покупок в Лондоне

из пятидесяти фунтов у меня осталось тридцать два. Положение было не столь ужасно, как могло бы быть. Но даже со строжайшей экономией мои накопления должны были скоро растаять: тот, кто не находился в подобной ситуации, не может представить вновь и вновь возвращающуюся панику во время ежедневного подсчитывания исчезающих возможностей миновать пропасть, к краю которой ты медленно скользишь.

Через несколько дней пришло письмо от доброго викария. В нем присутствовал абзац, который окончательно убил иногда возрождающуюся слабую надежду. В нем говорилось:

«Из вашего письма я понял, что вы уже информированы относительно разочаровывающего результата моих поисков завещания покойного сэра Гарри Рокстона. Он уведомил несколько человек о месте, в котором, в случае исполнения завещания — в чем он, как мне сказали, всегда сильно сомневался, — можно найти бумаги. Перед отъездом он оставил мне ключ и некоторые другие вещи, не упоминая о завещании. По просьбе мистера Марстона я открыл сейф, но, к несчастью, завещания в нем не было».

Теперь я могла рассчитывать лишь на жизнь, полную волнений и борьбы.

Наконец пришел многообещающий ответ на мое объявление:

«Графиня Риллингдон пробудет в городе до конца недели и будет рада видеть L.Y.L.X., чье объявление появилось в „Таймс“ не так давно, сегодня до двух, если это возможно».

Дом находился на Белгрейвской площади. На часах было около двенадцати. Я немедленно отнесла туда записку, чтобы предупредить: буду без четверти два, и точно в это время я пришла туда.

Было ясно, что владельцы дома появились в Лондоне лишь с кратким визитом. Часть багажа стояла в холле, люстры висели, обернутые в ткань от пыли, ковров не было, шторы заколоты; штат прислуги казался немногочисленным и более суетливым, чем там, где жизнь налажена. Я сказала лакею, что пришла в соответствии с запиской леди Риллингдон, и он провел меня вверх по лестнице. Нам навстречу спускалась молодая женщина — как я предположила, она приходила с той же целью, что и я. Украдкой мы обменялись взглядами, оценивая шансы друг друга.

— Миледи примет вас, — сказал лакей, открывая передо мной дверь.

Я вошла, и кого я увидела ожидающей в кресле, в шляпке и с зонтиком в руке? Лауру Грей!

— Этель!

— Лаура!

— Дорогая!

Мы оказались в объятиях друг друга. Слезами, дрожащим смехом и множеством поцелуев мы ознаменовали нашу встречу.

— Как чудесно, что я встретила вас здесь, Лаура! — сказала я, хотя почему встретить ее здесь, в этом доме, чудеснее, чем где-то еще, я бы не смогла объяснить. — Неужели вы тоже пришли к леди Риллингдон?

Лаура весело рассмеялась:

— Этель, о чем вы? Я и есть леди Риллингдон!

Иногда сказанное кажется нам невозможным. Заявление Лауры Грей о том, кто она, было для меня просто шуткой бедного ребенка, который, чтобы сделать ее смешной, полагается лишь на парадоксальность без крупицы правды.

Я тихо, просто из вежливости, засмеялась вместе с Лаурой, гадая, когда эта плохая шутка перестанет забавлять ее, и чем дольше она смотрела мне в лицо, чем искреннее смеялась, тем сильнее уменьшалось мое желание подыгрывать ей.

— Что я могу сделать, чтобы убедить вас, дорогая? — наконец воскликнула она чуть смущенно.

Лаура встала и позвонила в колокольчик. Я

удивилась.

Появился слуга, и она спросила:

— Милорд дома?

— Я уточню, — ответил слуга и ретировался.

Это и правда был аргумент: теперь я не могла ей не верить. Мы снова и снова целовались, смеялись и болтали, когда вернулся слуга.

— Простите, миледи, но он ушел около получаса назад.

— Мне жаль, — сказала Лаура, поворачиваясь ко мне, — но он скоро вернется, уверена. Я так хочу представить его, думаю, он тебе понравится.

Вскоре нас позвали на обед, после которого мы вернулись в ту же тихую комнату. Мы говорили и расспрашивали друг друга на предмет наших историй.

В их браке остался лишь один ребенок, который во всем был счастлив, — дочь. Но второй ребенок, сын, умер. Девочка побыла с нами немного, а затем уехала с няней на прогулку. После дневного чая мы продолжили нашу беседу и расспросы. Лауре тоже было что рассказать. Посреди нашего разговора вошел лорд Риллингдон. Я знала, кого встречу, поэтому не удивилась, когда передо мной оказался тот самый мужчина, которого я видела истекающим кровью в лесу Пла Ильд:

в него стрелял Ричард Марстон, а потом мы случайно встретились на балу леди Мардайкс. Через секунду мы уже были хорошими друзьями.

Он посидел с нами лишь десять минут, говорил добро и приятно и выпил чашку чая.

В моем нынешнем состоянии все это было волнительным. Однако образ Ричарда Марстона вновь появился из зловещей тени. А ведь мои друзья давно предупреждали меня о нем, но тщетно. Теперь же все, что рассказала Лаура, добавило черных красок в его образ.

Как только первый восторг от встречи с Лаурой утих, мои страхи вернулись, и все, чего мне следовало бояться из-за коварства Ричарда Марстона, вновь собралось на грозовом горизонте.

Глава LXVII
Глава объяснений

Наш долгий разговор с Лаурой прояснил следующие факты ее биографии.

Она была единственной дочерью мистера Грея из поместья Холстон, о котором я часто слышала. Помимо богатого поместья, он владел акциями Большого центрального банка на двести тысяч фунтов. Но через несколько недель после его смерти банк лопнул, а поместье было продано за долги. У Лауры был брат, но о нем нет нужды говорить, ибо вскоре после мистера Грея он тоже умер и не имеет отношения к моей истории.

Лаура была бы подходящей партией для мужчины с положением и деньгами, если бы не эта внезапная и бесповоротная перемена. В лучшие времена старый лорд Риллингдон видел в Лауре достойную кандидатуру для наследника — его сын, виконт Риллингдон, подавал большие надежды. Официального предложения не было, но дом лорда Риллингдона, Норткот Холл, находился по соседству с домом мистера Грея, и знакомство молодых людей переросло в тесную дружбу — так

образовалась тайная связь. Но когда случился крах, лорд Риллингдон, опасаясь за сына, продал Норткот Холл, но мистер Дженнингс, он же виконт Риллингдон, и не думал отступать.

Спустя примерно год после смерти мистера Грея появился Ричард Марстон — он был близким другом брата Лауры. Марстон восхищался Лаурой и пытался добиться ее симпатии. Узнав о ее бедственном положении, он действовал жестоко: чтобы положить конец соперничеству с мистером Дженнингсом, поведал ем у скандальную ложь. Мистер Дженнингс отказался поверить в нее, но была состряпана другая ложь, чтобы возбудить ревность и охладить привязанность. Мистер Дженнингс колебнулся и проявил холодность к Лауре, что возмутило ее яростный дух, ибо насколько она была нежна, настолько же и горда.

Она написала мистеру Дженнингсу, чтобы сообщить: между ними все кончено и они больше никогда не увидятся. Он ответил в письме, которое по разным причинам не скоро попало к ней в руки, в выражениях самых страстных и болезненных, что считает себя помолвленным с ней до конца жизни и никогда не женится ни на ком другом.

В этот момент мисс Грей приехала к нам, решив зарабатывать на жизнь собственным трудом.

Лорд Риллингдон, заподозрив, что его сын продолжает поддерживать связь с Лаурой, и случайно узнав, что леди с таким именем живет в Мэлори, нанес визит в Кардайлион. Это был тот самый старый джентльмен в шоколадного цвета пальто, который встретил нас на пути из церкви и беседовал с мисс Грей под деревьями на Мельничной дороге.

Его целью было добиться обещания, что она разорвет связь с его сыном. Тон лорда Риллингдона был высокомерным, властным и в высшей степени раздражающим. Лаура мужественно выдержала его выпады и категорически отказалась разговаривать на эту тему. В результате он расстался с ней в гневе, так и не донеся свою точку зрения и оставив нас с сестрой сгорать от любопытства.

Ричард Рокстон Марстон был единственным близким родственником сэра Гарри Рокстона. Он попал в немилость баронета совершенно справедливо. После череды диких и подлых выходок он совершил мошенничество, о котором никогда бы не стало известно, если бы не совокупность несчастливых случайностей. Когда мошенни-

чество раскрылось, дядя отказался видеться с ним, но при заступничестве мистера Блаунта согласился обеспечивать племянника небольшим годовым пособием при строгом условии, что Ричард покинет Англию. Именно на пути в Лондон, куда Ричард решил ехать через Бристоль, он чуть не расстался с жизнью при кораблекрушении «Замка Конуэй».

Здесь моя история впервые пересекается с его.

Короткое пребывание Ричарда Марстона в Мэлори охарактеризовалось необъяснимым интересом ко мне и столкновением с мистером Дженнингсом, который приехал туда, услышав о том, что там находится Лаура Грей. Он сумел встретиться с ней, возобновить помолвку и наконец убедить ее согласиться на тайную свадьбу, которая вначале сопровождалась долгой разлукой, во время которой жизни ее супруга угрожала опасная болезнь.

Я спешу с объяснением, но должна поведать еще несколько фактов и событий, которые проливают свет на некоторые моменты в истории моей жизни.

Почему Ричард Марстон вдруг решил жениться на девушке, о которой он знал достаточно, чтобы понимать, что у нее нет того, на чем

расчетливость настаивала бы как на первой необходимости, — денег?

Ну, оказалось, что его план был ничуть не безрассуден. От мистера Блаунта я узнала подробности, объясняющие его.

Мистер Блаунт, который проявлял к Ричарду интерес и всегда лелеял надежду, что он исправим, однажды передал ему слова сэра Гарри, что одна из дочерей Мейбл Уэр станет его наследницей. Втайне Ричард посмеялся над этой угрозой, так как знал о враждебности, существовавшей между семьями. Но в конце концов он испугался. Мистер Блаунт показал ему письмо, в котором сэр Гарри прямо заявлял, что решил оставить все имущество мне. Мистер Блаунт показал письмо для того, чтобы внушить Ричарду терпение, необходимое для восстановления потерянного уважения в глазах старика. Но решение дяди не давало покоя сбившемуся с пути молодому человеку, и когда случайный шторм выбросил его к нашей двери, ему в голову пришла идея предотвратить опасность потерять все и вернуть утраченное положение с помощью стратегии, которая мгновенно принесла плоды.

После его возвращения в Англию и разрешения поселиться в Дорракли опасность остаться ни

с чем стала еще сильнее, но изобретательность мистера Марстона была безграничной. Ему удалось, как я уже сказала, связать меня помолвкой. Тем самым он обеспечил себе безопасность, что бы ни случилось. Однако он сделал другой выбор, и насколько жестокий, вы уже знаете. Любил ли он меня? Я думаю, что да, насколько это согласовалось с его природой. Он был в ярости из-за того, что я сбежала от него, и, несомненно, нашел бы меня, если б мог в тот момент покинуть Дорракли.

Его женитьба, полагаю, была выдумкой. Если бы он сумел добиться разговора со мной, разыскав после побега, то говорил бы совсем по-другому. По мнению мистера Блаунта, Ричард, возможно, держал в уме некий план женитьбы из честолюбия, ради исполнения которого я должна была отойти в сторону. Однако даже если это так, не думаю, что он был удовлетворен этим планом, рискуя потерять меня навсегда. Полагаю, вы рассмеетесь над тщеславием женщины, которая в ее-то случае позволила себе предположить такое. Но, несмотря ни на что, я так думаю. Я уверена, что настолько, насколько он был способен на любовь, он любил меня. Не буду докучать вам печальными доказательствами того, на чем была

основана эта вера. Пусть эти пустые умозаключения останутся на своем месте — в моем сердце.

Важный пост, который занимал молодой лорд Риллингдон в одной из наших колоний, умение, смелость и мудрость, с которыми он вел дела в самый критический период, открыли ему путь еще выше. Они с Лаурой собирались в Индию через полгода — и настаивали, что я должна ехать с ними. Это было бы восхитительно при более счастливых обстоятельствах, но чувство зависимости, пусть завуалированное, ужасало меня. Мы так устроены, что для среднестатистического разума болезненнее делить праздную зависимость откормленного быка, принадлежащего другу, чем работать ради обеда из трав.

Пока что они собирались в Брайтон, и я согласилась погостить у них три-четыре недели, после чего продолжить поиски «места». Лаура уговаривала меня стать няней для ее маленькой дочки, но это я тоже решительно отвергла. Вы можете обвинить меня в глупости, но, если вы, будучи женщиной, поставите себя на мое место, вы поймете, почему я отказалась. Я чувствовала, что буду хуже чем бесполезна. Лаура никогда бы не стала мне приказывать так, как хорошая мать приказывала бы человеку, ответственному за ее

единственного ребенка. Она была бы смущена и несчастна, как и я, от осознания, что только мешаю.

Еще два обстоятельства требуют объяснения. Лаура рассказала мне спустя долгое время, что получила прощальное письмо от мистера Кармела, в котором говорилось, что он хотел предупредить меня об опасности, которую тогда не мог объяснить. Незадолго до этого месье Дроквилль, чьего расположения искал мистер Марстон, получил письмо, в котором говорилось, что он, Марстон, решил покинуть Америку и снова поселиться в Дорракли. Узнав об этом, мистер Кармел написал ту записку, которая так меня озадачила, и передал через третьи руки на почту Кардайлиона. Он писал с большой осторожностью, поскольку сэр Гарри питал сильную антипатию к людям его профессии.

Дроквилль не доверял Ричарду Марстону. Кроме того, он знал об истинной природе завещания сэра Гарри и пункте, который аннулировал его волю в случае, если я перейду в римско-католическую веру.

Вследствие этого пункта в черновике завещания и из соображения неразумности каких-либо действий, пока смерть леди Лорример еще

столь свежа, а мое возмущение столь велико, Дроквилль решил, что какое-то время не стоит возобновлять попытки по переманиванию меня в католичество.

Придерживаясь ясного и жесткого взгляда на свое служение, адепты имеют право проводить разграничения. В глазах Господа души богача и Лазаря одинаково ценны. Таким образом, выбирая, кого обратить, они останавливаются на том прозелите, который укрепит влияние Церкви на земле. Так что в этом отношении они поступили правильно, здравый смысл оправдывает их.

Здесь я заканчиваю необходимую главу объяснений, и моя история продолжается.

Глава LXVIII
Последний из Рокстонов

Мрачный тихий гул наполнял старый дом в Дорракли: шли приготовления и совещания, многое было не готово, и отдавались последние распоряжения по приему гостя в гробу.

Старая миссис Шеклтон, экономка, бродила по комнатам, то и дело прикладывая платочек к глазам; повсюду сновали главная горничная со служанками.

Сэр Гарри много лет назад оставил мистеру Блаунту письмо, в котором содержалось все касательно похорон.

Гроб, согласно древней традиции, нужно было поставить на козлах в парадном зале у огромного камина. Точно так же, как это описывается в дневнике Пипса. За гробом должны были идти арендаторы и столько дворянства, соседей мистера Гарри, сколько пожелают присутствовать. Всех пришедших должна ждать роскошная трапеза, включающая столько «мяса и лучших напитков, сколько они съедят», а оставшееся следовало «раздать бедным».

После прощания гроб следовало поместить в каменный семейный склеп с гербом, примыкающий к церкви Голден-Фрайерс, а в церкви, на южной стене, той, что ближе к склепу, сделать табличку с короткой надписью «Без лести» и упоминанием, что почивший не был женат и был последним из древнего имени Рокстонов из Дорракли.

Похоронной процессии полагалось идти до Голден-Фрайерс по старой дороге вокруг озера.

Были и другие указания, упоминались подарки дьяку и псаломщику и множество прочих деталей, которые только утомят вас.

Около двенадцати прибыл катафалк, и через несколько минут подъехал мистер Блаунт в карете.

Тяжелый гроб подняли по лестнице и поставили под широкий навес, специально сделанный в зале для такого случая.

Мистер Блаунт, отдав несколько указаний, спросил о мистере Марстоне и нашел его, в черном костюме, в гостиной.

В подчеркнуто любезном приеме мистера Марстона было что-то такое, что указывало не только на траур, но и на то, кто теперь хозяин дома.

— Изменившиеся обстоятельства, огромные

перемены, — сказал он, пожимая руку мистеру Блаунту. — Многих глубоко тронула эта смерть. Дядя был для меня — я говорил это тысячу раз! — лучшим другом, который мог только быть у человека.

— Да-да, сэр, с вами он и впрямь показывал чудесное терпение и выдержку, учитывая его характер, который был гордым и яростным, уж вы это знаете. Бедный сэр Гарри, но грандиозно щедрый, грандиозно.

— Это утешение для меня, потерявшего друга, можно сказать, отца, который проявлял терпение, выдержку и щедрость, все как вы сказали. А в последнее время, благодаря вашим добрым вмешательствам, мы были хорошими друзьями. Он говорил со мной о ферме, так интересовался ею — садитесь, прошу, хотите хереса с печеньем? — и начал интересоваться мной.

— Думаю, сэр Гарри и правда постепенно менял мнение о вас, — сказал добрейший мистер Блаунт. — Спасибо, мне ничего не нужно… Я знаю, что при огромном и внезапном искушении человек может сделать то, чего не должен был делать, от души раскаяться после и под гнетом допущенной оплошности прожить всю жизнь не только благоразумнее, но и честнее, чем человек,

который никогда не ошибался. Но сэр Гарри был чувствительным и вспыльчивым… Когда-то он думал, что вы будете представлять древний род Рокстонов, и то, что все это не сбылось из-за, если позволите, гнусного преступления…

— Раз и навсегда, мистер Блаунт, прошу, помните, что подобные высказывания оскорбительны и недопустимы, — резко прервал его Марстон. — У дяди было право отчитывать меня, у вас — нет.

— Кроме как право друга, — не сдержался мистер Блаунт. — Однако на будущее я учту ваши пожелания. Вижу, вы получили мое письмо относительно похорон.

— Да, все устроено в точности так, как вы сказали, — вернув учтивость, ответил Марстон.

— Вот его письмо, когда-то адресованное мне, — сказал мистер Блаунт, — прочтите его.

— Ха! Дата очень старая. Так это было не внезапное событие? Но он отлично выглядел, когда мы виделись в последний раз!

— Мы всегда изумлены, когда приходит смерть, — вздохнул мистер Блаунт. — Едва ли она предупреждает даже самых заинтересованных. Доктора, друзья, самые близкие — все сговариваются, чтобы обмануть вора, который забрался в спальню, так что предупреждения, если они и

есть, не имеют большого значения.

Ричард Марстон покачал головой и пожал плечами:

— Однажды я научусь рассудительности.

— Пусть это будет настоящая рассудительность, — сказал мистер Блаунт, — то короткое предвидение, которое действует лишь до конца этой жизни.

Марстон открыл письмо, и старый джентльмен оставил его, чтобы проследить за приготовлениями.

Кто-то из Голден-Фрайерс — думаю, викарий — прислал мне местную газету с траурной колонкой в черной рамке, дающей полный отчет о похоронах сэра Гарри Рокстона из Дорракли. Древняя семья, чье имя он носил, прервала свой род. В списке я видела фамилии людей, которые проехали в каретах более двадцати миль, чтобы посетить похороны, и людей, которые проехали по железной дороге сотни миль. Почти все графство собралось, чтобы проводить до могилы последнего из Рокстонов.

Глава LXIX
Поиски завещания

Похороны завершились, но в Дорракли было неспокойно до вечера, пока не стихла суета на конном дворе, пока последний арендатор не проглотил остатки пива, прежде чем сесть на лошадь и уехать сквозь густой туман к своей далекой ферме.

Луна мягко освещала озеро, горы и старую церковь, где под серой плитой лежал теперь сэр Гарри Рокстон.

Ричард Марстон размышлял, глядя в окно. Все, что я вижу, думал он, все эти обширные владения принадлежат мне. Все эти земли, кроме Кластид, все это обширное пространство, занятое мхами и вересками, с редкими клочками пахотных земель и пастбищ, вплоть до владений Мардайксов, большая часть которых сдается в аренду.

Его мечты не касались радушной жизни в духе феодальных времен. Пейзажи Дорракли не трогали его. Напротив, в его амбициях не было ничего благородного. В них не было, если вы подумали об этом, и расчетливых торговых амбиций

нового времени. Подобная форма скаредности вызывала у него головную боль, и он не имел терпения для тяжелой работы, которая потребовалась бы в любом случае. Планы были другими — добиться избрания в депутаты, что было не так уж сложно: достаточно сделать солидное пожертвование в избирательный фонд, передать свое влияние в графстве в распоряжение министра, потратить некоторую сумму на получение и сохранение должности, быть на месте всякий раз, когда приближается решающее голосование, и посредством всего этого — своего положения в графстве и славного древнего имени (ибо он возьмет фамилию Рокстон, несмотря на четкие указания дяди; все равно никто не может поставить под сомнения их родство), а также удачной женитьбы — подниматься по лестнице вверх от титула к титулу. Сначала вернуть баронетство, а затем, через пятнадцать — двадцать лет верной службы, стать бароном Рокстоном из Дорракли.

Отнюдь не сожаления держали глаза самопровозглашенного наследника открытыми, когда он лежал той ночью в постели. Его совесть была жива не больше камня. Раскаяние не беспокоило его — сердце Ричарда Марстона полнилось злобным восторгом от столь легкого уничтожения

противоестественного завещания дяди.

Солнце, вставшее следующим утром над Дорракли, было ярким — солнце доброго предзнаменования. Мистер Марстон назначил три часа пополудни как самое удобное время для проведения формальности. А формальностью этой были поиски завещания сэра Гарри Рокстона.

Мистер Блаунт ночевал в Дорракли. Мистер Джалкот, низкорослый тучный мужчина пятидесяти пяти лет, в сопровождении своего сотрудника, мистера Спейта, прибыл в двуколке, как раз когда часы Дорракли отбивали три.

Вскоре приехал старый викарий на спокойном пони и прошел в гостиную, где уже собралась небольшая компания. Доброе лицо викария было печально, мелкая пыль забилась в складки церковного платья.

С чувством приятной иронии Ричард Марстон смотрел на Лемюэля Блаунта. Завещания они не найдут. Эти святые люди, как они любят ренту! Не то чтобы они любят деньги — нет, конечно, это сребролюбие, — но рента поднимает их над земными заботами и дает возможность облегчить нужды собратьев-христиан. Как ловко это удавалось почившему дяде! Как мудро было назначить самого себя опекуном юной леди! Какие беско-

нечные возможности для него самого открывали пункты завещания, связанные с заключением приятных условий с возможным женихом!

Взгляд Марстона скользнул по викарию. Тот был в полной уверенности, что завещание в безопасности — лежит, где и положено, в сейфе, ключ от которого был доверен ему сэром Роксто-ном. Ни один христианин не мог выглядеть более спокойным. Но когда оказалось, что завещания нигде нет, не было человека более пристыжен-ного и сломленного, чем он. Расстроенный вид викария, его вздохи и восклицания чрезвычайно забавляли Марстона. Когда он услышал, как ста-рик бормочет, стоя у окна с поникшей головой: «Как печально! Как странно! Как бесконечно печально!», у него было искушение упрекнуть викария в доверчивости или хотя бы унизить его какой-нибудь осторожной иронией. Но тот, кто выиграл, может посмеяться: он мог позволить себе быть добродушным, и удовлетворился тихой усмешкой.

Мистер Блаунт, после того как викарий осмот-рел сейф, а мистер Спейт с мистером Марстоном и экономкой обыскали все ящики, столы, коробки, шкафы и другие укромные места в доме, но так и не нашли бумаг, даже отдаленно похожих на

завещание, сказал:

— Это всего лишь формальность, как вы сами изволили выразиться.

Поиски наверху продолжались еще какое-то время. Говорили мало, слышался лишь топот ног по полу, тихое звяканье ключей, открытие и закрытие дверей и высокое сопрано миссис Шеклтон, отвечающей на вопросы.

На все ушло больше двадцати минут, затем исследовательская команда спустилась вниз. Ричард Марстон беседовал с викарием, мистер Блаунт — с мистером Спейтом, в то время как мистер Джалкот, адвокат, слушал миссис Шеклтон.

С целью соблюдения «формальностей» мистер Марстон привел всю компанию в комнату сэра Гарри. Ковер все так же пылился на полу, шторы висели мрачными складками. Шляпа и трость сэра Гарри лежали на маленьком круглом столике, куда он небрежно бросил их, когда вернулся с последней прогулки по Дорракли, его тапочки стояли на ковре перед камином у кресла, трубка лежала на каминной полке.

— Это Пикси, — с улыбкой сказал мистер Спейт, когда остановился перед портретом борзой, почти упираясь длинным носом и очками в холст; в молодости он был страстным охотником и лю-

бил травить зайцев. — Собака сэра Гарри, славная Пикси. Она дважды выиграла кубок в Допплтон Ли тридцать два года назад.

На самом деле всю эту тираду он произнес себе под нос, ибо сейчас он был солидным бизнесменом, и его любовь к собакам и лошадям была неуместна, так что никто в комнате не услышал его.

Голос мистера Джалкота окликнул его:

— Мистер Марстон обращается к вам, мистер Спейт.

— О! Я только хотел напомнить, что ваши поиски наверху в прошлый четверг, — сказал Марстон, — в присутствии меня и миссис Шеклтон, были самыми тщательными.

— Да, сэр, конечно, мы не смогли найти, — подтвердил мистер Спейт.

— Я запишу это, если вы не против, — сказал мистер Джалкот и занес пометку, с согласия мистера Марстона, в свою записную книжку.

— Давайте посмотрим здесь, — сказал мистер Джалкот, неловко поклонившись мистеру Марстону и касаясь двери сейфа ладонью.

— Ключ у вас, сэр? — обратился Марстон к доброму викарию, который кротко стоял рядом, задумчивый и печальный — образ безгрешного

размышления.

— А… да, — сказал викарий, пробуждаясь, — да, ключ… но вы же знаете, что там ничего нет.

Он водил ключом из стороны в сторону, по очереди смотря на каждого, будто предлагая взять.

— Думаю, сэр, возможно, будет лучше, если вы откроете сейф сами, — сказал Марстон.

— Да, конечно… наверное… — кивнул викарий.

Дверь сейфа легко открылась, обнаружив черную пустоту, в которую все заглянули.

Благословенны те, кто ничего не ожидает, ибо они не разочаруются. Конечно, никто не удивился. Но мистер Блаунт покачал головой, поднял вверх руки и простонал:

— Мне очень жаль.

Мистер Марстон притворился, что не слышит его.

Глава LXX
Разочарование

— Думаю, — сказал мистер Джалкот, — необходимо записать все, что мистер Марстон и викарий поведают нам относительно предыдущих поисков в этом месте. Кажется, сэр, — продолжил он, обращаясь к викарию, — вы упоминали, что покойный, сэр Гарри Рокстон, доверил вам ключ в тот вечер, когда направился в Лондон?

— Так и было, сэр.

— Вы расставались с ключом на какое-то время?

— Примерно на три четверти часа. Я передал его мистеру Марстону, когда он направлялся сюда. Я собирался посетить больного неподалеку, но по пути мне пришло в голову, что я все-таки должен забрать ключ. Я прибыл в Дорракли почти в одно время с мистером Марстоном, и он согласился, что мне лучше забрать ключ под…

— Под вашу ответственность, — продолжил Марстон. — Вы можете припомнить, что я предложил это, как только вы пришли.

— И все это недолгое время ключ был при вас,

мистер Марстон? — спросил мистер Джалкот.

— Да, — быстро ответил Марстон.

— И, кажется, вы упоминали о том, что не открывали сейф?

— Конечно же, нет. Я никогда не видел этот сейф открытым, пока викарий не открыл его в моем присутствии, и мы оба увидели, что он пуст. И, я думаю, мы все можем — по крайней мере я со своей стороны могу — подтвердить это.

Мистер Джалкот мрачно поднял брови, покачал головой и, убрав записную книжку в карман, медленно вдохнул со звуком, похожим на свист.

— Все предельно ясно, — сказал он, сунув руки в карманы брюк и оглядывая присутствующих. — Вы ничего не хотите сказать? — добавил он, мягко положив руку на плечо мистера Блаунта.

Марстону показалось, что глаза мистера Джалкота с любопытством блуждают по каминной решетке и полке, возможно, в поисках пепла.

— Мне ужасно жаль, — воскликнул мистер Блаунт, бросаясь в кресло в неприкрытом отчаянии. — Завещание, пусть и в черновике, с лихвой обеспечило бы мисс Уэр и оставило бы вам, мистер Марстон, ренту в две тысячи с лишним в год, да еще и пять тысяч фунтов от облигаций. Я несколько лет уговаривал сэра Гар-

ри подписать это завещание, теперь очевидно, что он этого не сделал. Более того, он уничтожил черновик, вместо того чтобы привести в исполнение задуманное. Так что надежда окончательно пропала. — Он встал, приложив руку ко лбу. — Я опечален… я шокирован… мне так жаль.

Мистер Марстон хотел высказать мистеру Блаунту все, что о нем думает. Этот пройдоха и Джалкот, несомненно, хорошо понимают друг друга и намерены извлечь из этого выгоду. Он не мог позволить себе ухмылки, но искоса взглянул на мистера Блаунта с презрением.

— Итак, — сказал мистер Блаунт, взяв себя в руки, — завещания нет.

— Кажется, это предельно ясно, — сказал Марстон с неожиданной для себя резкостью. — Я так думаю, и, полагаю, вы тоже.

— Я так не думаю, — продолжил мистер Блаунт, вынимая из кармана бумаги. — Мистер Джалкот передаст вам копию. Я просил сэра Гарри — бог знает насколько это было честно — аннулировать первый вариант, но он этого не сделал. Сэр Гарри составил его в период глубокого разочарования в вас. По этому завещанию все переходит мисс Этель Уэр и дает вам, к сожалению, лишь четыреста фунтов в год. Я назначаюсь опекуном молодой

леди на тех же условиях, какие были в позднем завещании, и, кроме того, за мной закреплена рента в пятьсот в год, половину которой, если вы не возражаете, я передам вам.

— О! О! Завещание! Неужели? — сказал Марстон, пытаясь улыбнуться побелевшими губами. — Я, конечно… вы, мы все желаем только того, что правильно и честно…

Мистер Джалкот протянул Марстону аккуратно сложенную бумагу, на ней было написано: «Копия завещания покойного сэра Гарри Рокстона, баронета». Марстон взял ее дрожащей рукой, которая не часто дрожала прежде.

— Тогда, полагаю, мистер Блаунт, вы как-нибудь заглянете ко мне, дабы условиться о шагах, которые необходимо предпринять, чтобы утвердить документ, — сказал мистер Джалкот.

— Кажется, все в порядке, — сказал Марстон, неуверенно переводя взгляд с одного мужчины на другого. — Конечно, я ожидал завещания: не думаю, что среди вас есть мои друзья, с чего бы? Уверен, у меня есть враги. Не знаю, что подумают об этом деревенские простаки из Голден-Фрайерс, но я знаю, что подумает свет: что я обманут чертовым заговором и что старик, который лежит в могиле, был негодяем.

— О, мистер Марстон, ваш покойный дядя! — в ужасе сказал добрый викарий, осуждающе поднимая руку. — Вы не посмеете, вы не можете!

— Черт возьми, вам-то какое дело? — воскликнул Марстон с таким видом, будто хочет его ударить. — Это все чертова подтасовка — я не такой дурак. Надеюсь, вы, мистер Блаунт, рады своим пяти сотням в год, а вы, мистер Джалкот, приближению управления всеми землями и деньгами. Если вы думаете, что подобное завещание, оставляющее родного племянника ни с чем в пользу методистов, адвокатов и девчонки, которую он знал всего два дня, останется неоспоренным, то вы сильно ошибаетесь: так всегда случается, когда умирает такой старик. Я вам всем еще покажу!

Миссис Шеклтон, поджав губы, вздернув подбородок и нахмурив брови над горящими глазами, казалось, была единственной, кто готов был взорваться в ответ. Мистер Блаунт был шокирован и сконфужен. Викарий был все так же смущен. Брови мистера Спейта поднялись над очками, а рот открылся, в то время как он весь подался вперед. Лицо мистера Джалкота выражало ужас, щеки его покраснели. Все несколько секунд молча смотрели на мистера Марстона, чья угроза почти

превратилась в крик с пробивающимся смехом.

— Полагаю, мистер Марстон, — сказал Джалкот после нескольких попыток, — что вам лучше… следить за вашим языком: не думаю, что вы понимаете силу собственных слов.

— Жаль, что вы ее не понимаете — да, да, и будь я проклят, но вы ее еще почувствуете! Вы услышите обо мне быстрее, чем думаете. Меня не так легко надуть.

Сказав это, он вышел в коридор, и через несколько минут все услышали, как громоподобно хлопнула входная дверь.

Мрачная тишина установилась в комнате: эти миролюбивые люди, казалось, были поражены подобной вспышкой.

— Evasit, erupit[60], — печально пробормотал викарий, вскидывая руки и качая головой. — Как неприятно!

— Я не удивлен, и я всячески его оправдывал, — сказал мистер Блаунт. — Я сам был несчастен с тех пор, как узнал, что сэр Гарри не составил нового завещания. Боюсь, молодой человек никогда не согласится принять часть моей ренты — он

---

[60] Сноски: 60

Спасся, бежал (*лат.*). Фрагмент выражения Цицерона, которое полностью звучит так: Abiit, excessit, evasit, erupit. — Ушел, скрылся, спасся, бежал.

так горяч.

— Не волнуйтесь на этот счет, — сказал мистер Джалкот, — если вы дадите, он возьмет. Но, думаю, вы можете лучше распорядиться этими деньгами.

Что-то необъяснимое в его тоне вызывало жгучее любопытство. Мистер Блаунт быстро перевел на него вопросительный взгляд. Мистер Джалкот опустил глаза, а затем обратил их к окну, заметив, что лето в этом году задержалось надолго.

Мистер Блаунт медленно потер лоб, размышляя, затем глубоко вздохнул и сказал:

— Это чудесный мир, это… да смилостивится над нами Бог!

Глава LXXI
Женское сердце

Несколько уведомлений, которые, по словам мистера Джалкота, не стоили и пяти фунтов, были поданы от имени мистера Марстона, и на этом слабое эхо его громогласных заявлений стихло. На самом-то деле поводов для судебного разбирательства и не имелось.

— Уведомления, — сказал мистер Джалкот, — пришли от Маршалла и Уитакера, солиситоров, которые несколько лет назад представляли его дело касательно титула и по вопросу его положения как ближайшего родственника и законного наследника. Ему тщательно разъяснили, что делать в том случае, если его дядя умрет, не оставив завещания.

Я была шокирована, услышав об огромном состоянии и крахе мистера Марстона. Я бы сразу приняла меры, чтобы поступить с Ричардом так же великодушно, как говорилось в другом завещании, о котором я тогда знала только то, что сэр Гарри размышлял о возможности подписать его.

Когда я покинула Голден-Фрайерс, я сделала это

с твердым решением больше никогда не видеть мистера Марстона. Но я не оставляла намерения лучше обеспечить его. Я посоветовалась с мистером Блаунтом, но осталась разочарована. Как оказалось, завещание было составлено при жизни моего отца и с явным опасением его влияния на меня, поэтому лишало меня права распоряжаться собственностью — как землей, так и деньгами. Все, что я могла, — это лишь сделать годовой подарок Ричарду из части моего дохода, но даже это было обременено многочисленными условиями и трудностями.

Примерно в это время меня нашло письмо мистера Марстона, самое необычное, которое я когда-либо читала. Частью безумное и злобное, но также полное раскаяния и самопорицания.

«Я — враг. Я был самой жестокостью и ложью, ты — милосердием и правдой, — говорилось в нем. — Я слышал о твоих благородных порывах, я знаю, что они напрасны. Я ничего не приму от тебя. Со мной все хорошо. Не думай о подлеце. Я обнаружил, слишком поздно, что не могу жить без тебя. Ты больше никогда не услышишь обо мне. Прости меня».

Многие части этого странного письма я так и не поняла: у них может быть много размытых

значений.

Когда мистер Блаунт говорил о Ричарде, он никогда не делал выводов, но использовал печальную форму «будем надеяться», и он никогда не рассказывал о том, что подозревал. А у мистера Джалкота было лишь одно мнение о нем — самое худшее.

Думаю, я не соглашалась ни с одним из них. Я полагалась на инстинкт, на дикое вдохновение природы, которое никто не может анализировать или определить, на самого правдивого проводника. Не буду судить, чтобы не быть судимой.

Нет худа без добра, как и добра без худа. Со смертью начинается поражение. Характер каждого будет просеян, как пшеница. Вечный судья непреодолимой химией своих сил и правды сведет каждого до его основания, ибо ни ад, ни рай не может получить смешанную натуру.

Все же я услышала о Ричарде Марстоне еще раз, когда пять месяцев спустя новости о его смерти от лихорадки в Марселе достигли мистера Блаунта.

С тех пор моя жизнь стала воспоминанием о прошлом. Два года я провела в Индии с моей любимой подругой Лаурой. Но моя меланхолия становилась сильнее: тени удлинялись, и меня охватило неодолимое желание вновь посетить

Голден-Фрайерс и Мэлори. Я вернулась в Англию.

Я владею состоянием. Я благодарю Бога за все привилегии — я прекрасно знаю, как они велики. Присущие деньгам удовольствия давно не трогают меня. Я стараюсь быть полезной бедным, но осознаю, что в этом нет моей заслуги. Деньги мне неинтересны. Я не обманываю себя. Я ни в чем себе не отказываю, и все же в глазах тех, кто измеряет благотворительность арифметически, выгляжу благородной христианской благодетельницей. Хотелось бы мне быть уверенной в том, что когда-то я подала чашу холодной воды[61] так, как велит Создатель.

Через несколько недель после моего возвращения мистер Блаунт показал мне письмо. Подпись под ним поразила меня. Оно было от месье Дроквилля, очень короткое. В основном оно касалось мелких дел, но ближе к концу в нем говорилось:

«Кажется, вы иногда видите мисс Уэр. Ей будет печально услышать, что ее старый друг, мистер Кармел, умер прошлым летом на миссионерском посту в Южной Америке. Истинный воин Христа никогда не падет на поле трудов своих. Мир

---

[61] Сноски: 61

И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей (Мф. 10:42).

праху его!»

Мое сердце затрепетало и будто разорвалось. Я смотрела на предложение, пока глаза мои не наполнились слезами.

Мой верный благородный друг! Всегда рядом при любой беде. Единственный из всех смертных, кого я встречала, кто всем сердцем стремился привести меня к Богу. Пусть Он примет и навечно благословит вас за это, терпеливый и кроткий Эдвин Кармел! Теперь печали его позади. Мне кажется, его окружает ангельский свет: бледный фанатик в одеянии чистоты стоит передо мной как святой. Я помню всю вашу нежную заботу, мой дорогой мистер Кармел. Я лучше понимаю различия, разделяющие нас, теперь, чем в беззаботной юности, но это не расстраивает меня. Я знаю, что «в доме Отца Моего обителей много»[62] и надеюсь, что, когда облака, скрывающие эту жизнь, рассеются, мы еще встретимся, и я поблагодарю и благословлю вас, мой благородный друг, там, где в Его любви и свете прощеный проведет целую вечность.

В Голден-Фрайерс я пробыла недолго, ибо воспоминания были слишком свежи и мучительны.

---

[62] Сноски: 62
Ин. 14:2.

Я оставила Дорракли заботам доброго мистера Блаунта, который любит его больше других мест. Несколько раз в год он навещает меня в Мэлори и является моим советником во всех делах.

Я не могу назвать себя отшельницей. Но моя жизнь, по мнению большинства людей, невыносимо монотонна и одинока. Для меня она не только выносима, но и является лучшим, что я могла выбрать в моем необычном состоянии разума.

С течением лет и медленным приближением часа, когда прах возвратится в прах, любовь к одиночеству становится мне все ближе. Сожаление по дням, которые я потеряла — как настаивают мои друзья, — тоска по возвращению в неискренний и безвкусный мир никогда не беспокоили меня. В детстве я воспылала любовью к простому сельскому уединению, и мой преждевременный опыт всего что ни на есть разочаровывающего и удручающего в жизни лишь укрепляет ее. Мэлори, в отличие от Дорракли, место солнечное и радостное, и эти тона не дают печали стать непреодолимой.

Интересно, сколько людей, так же как и я, живут в прошлом, в постоянном общении с воображаемыми собеседниками?

Ричард Марстон, проходит ли хоть миг бодрствования без вызывания в памяти твоего образа? Я не ошиблась в тебе, я не выбирала выражений, описывая тебя. Я знаю тебя недобрым, очаровательным и безрассудным мужчиной, каким ты был на самом деле. Такого человека, если бы я не встретила тебя, я бы возненавидела. Человека, который задумал против меня безграничное зло. Я заглядываю себе в душу: есть ли там жажда мести? Осуждение? Даже охлаждение?

О, почему разум, справедливость, добродетель — ничто не смогло лишить тебя тайног о места в глубине моей души? Может ли мужчина, который когда-то был идолом, однажды полностью исчезнуть из этого таинственного ковчега — женского сердца? Когда я, невидимая, в одиночестве, смотрю на море, мои щеки мокры от слез, и в безграничной тишине ночи, должно быть, слышатся мои рыдания. Вы посчитаете мое горе безумием? Почему один мужчин а так отличается от другого? Почему зачастую он отличается от благородного создания, каким мог бы быть и иногда почти был?

Над образом частично воображаемым и частично реальным, размытым, но все еще видимым в памяти, я изливаю самые тщетные из всех

печалей.

Неужели в чудесном действии, которое подчиняет себе все сущее, во всех изменениях духа и пространства вечности из первой ошибки не может возникнуть нечто более благородное? Мне не нужен никто другой. Я не могу полюбить другого, и даже если бы мне было суждено вечно оставаться молодой, думаю, никто не смог бы заинтересовать меня. Одиночество стало мне дорого, потому что там живет он. Я отдаю эту бесконечную настоящую любовь напрасно? Я утешаю себя одной смутной надеждой. Я не могу думать, что природа столь цинична. Неужели любимый образ может ничего не предвещать и верность, которую требует природа, — всего лишь увлечение и пустая трата времени?